

НИК ПЕРУМОВ

ТЕМА

ТЕМА
ПСЫ ЛЮБВИ
НИК ПЕРУМОВ

СЕРГЕЙ
ЛУКЪЯНЕНКО

ЛЕОНИД
КАГАНОВ

НАТАЛИЯ
ИПАТОВА

КИРИЛЛ
БЕНЕДИКТОВ

ЮРИЙ
БУРНОСОВ

И ДРУГИЕ...

РЕАЛИЗАЦИЯ

ПСЫ ЛЮБВИ

ЗВЕЗДНЫЙ

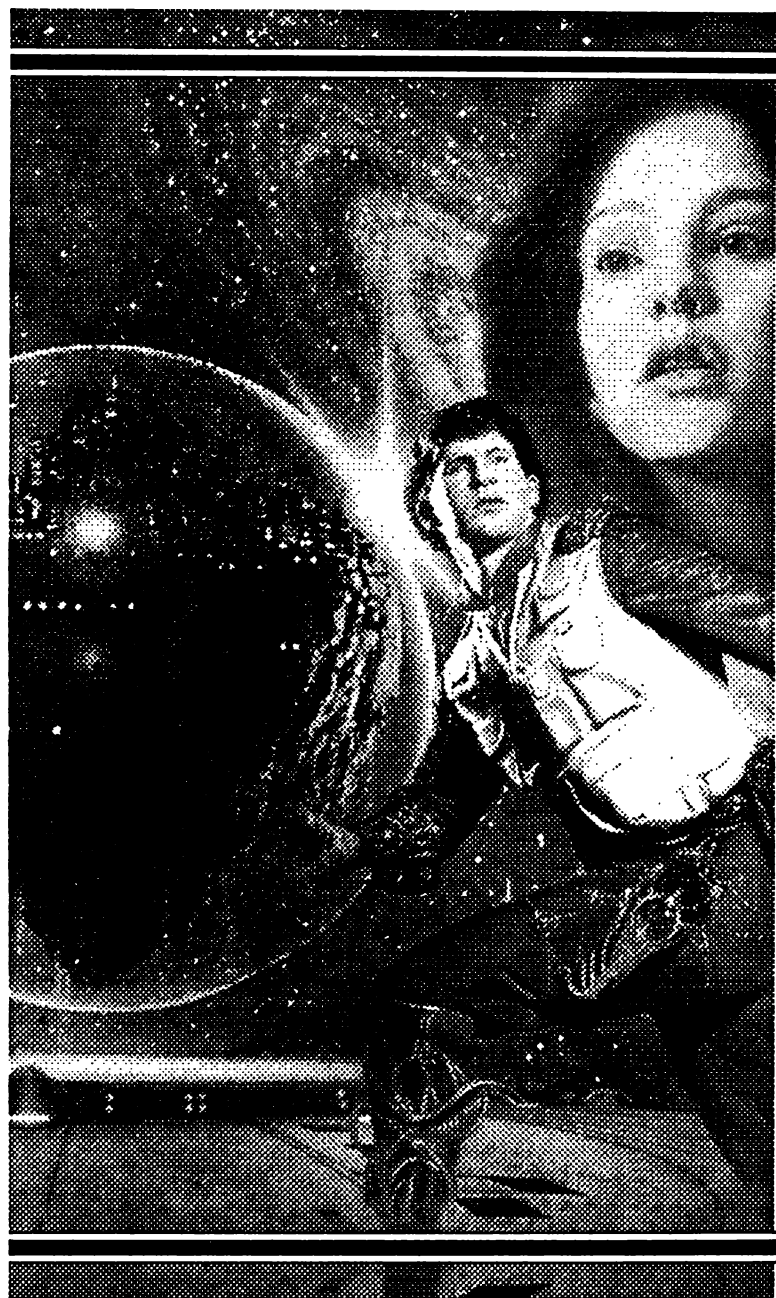
ЛАБИРИНТ

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й

ПСЫ ЛЮБВИ

Составитель

Сергей Лукьяненко

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ • СРМАК

МОСКВА 2003

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
П86

Составитель С.В. Лукьяненко

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Подписано в печать с готовых диапозитивов 29.05.03.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская.
Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 20,16.
Тираж 20 000 экз. Заказ 1901.

Псы любви: Сб. / Сост. С.В. Лукьяненко — М.: ООО «Издательство АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2003. — 381, [3] с. — (Звездный лабиринт).

ISBN 5-17-021514-2 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9577-0047-9 (ЗАО НПП «Ермак»)

Конкурсы фантастических рассказов в отечественном Интернете проводятся каждый год, причем «звезды» жанра и новички, участвующие в них анонимно, пишут произведения на заданную тему под псевдонимами и впоследствии сами оценивают работы своих соперников.

«Псы любви» — книга, в которую вошли лучшие рассказы осеннего конкурса 2002 года.

Автор темы — Ник Перумов.

Звезды и талантливая молодежь — будущее нашей фантастики!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

ИГРЫ В КЛАССИКОВ

Вам доводилось видеть спортивный забег, в котором участвуют чемпионы олимпийских игр, победитель забега во втором «Б» классе, проходившая мимо женщина с авоськами и бегущий трусцой от инфаркта пенсионер?

А ситуацию, когда второклассник обгоняет чемпиона?

Результаты подобного забега вы и держите сейчас в руках.

Впрочем, начнем по порядку.

В фантастике, как ни в одном роде литературы, распространены призы и премии. «Интерпресскон», «Роскон», «Странник», «Урания», «Бронзовая улитка», «Аэлита» — названия эти хорошо знакомы любителю фантастики. Призы вручают уважаемые мэтры и сотни собравшихся вместе читателей, авторитетные жюри и книготорговцы. Критерием премий бывает и простое «нравится — не нравится», и тиражи книги, и строгие правила литературоведов.

Полной объективности все равно нет. Конечно, ее и не может быть, но попытки к ней приблизиться, попытки «посчитать по гамбургскому счету» все равно остаются. И вот, несколько лет назад, большой любитель фантастики Вадим Нестеров организовал в интернете еще один конкурс с шутивным названием «Рваная грелка». Разумеется, это тоже не объективность, это лишь еще один взгляд на нее.

Вначале арбитр — в его роли выступает какой-либо известный писатель-фантаст, задает тему, на которую надо написать рассказ. Затем все желающие — без деления на маститых и начинающих, в жестко оговоренный срок, срок восемь часов, пишут рассказы. Рассказы помещаются в

интернете, они абсолютно анонимны, и голосуют по ним все участники конкурса (разумеется, никто не вправе голосовать за свой рассказ).

И вот это нехитрое развлечение происходит уже в четвертый раз. Арбитр Ник Перумов предложил для конкурсантов тему, вполне претендующую на глобальность: «Испытание на способность любить и последствия этого испытания».

Что удивительно — в жесткие сроки и на заданную тему авторы ухитрились сочинить хорошие и непохожие друг на друга рассказы. Научная фантастика и фэнтези, притчи и сказки, рассказы смешные и трагические.

Хороших рассказов оказалось так много, что невольно возникла идея опубликовать лучшие — и не просто разбросать их по книгам, а создать специальный сборник рассказов. Сборник, в котором вы встретите как знакомые вам имена, так и совершенно новых авторов. Ведь в конкурсе «Рваная Грелка» участвуют не только начинающие авторы, среди соревнующихся в разное время были Олег Дивов, Леонид Каганов, Юрий Бурносков, Дмитрий Браславский, Наталья Ипатова, Дж. Локхард, Юлий Буркин, ваш покорный слуга. Говорят, что анонимно участвовали, но не открыли своего имени и другие вполне состоявшиеся писатели.

Зачем Дивову или Буркину соревноваться с никому не известным начинающим автором? Ведь риск проиграть есть, и риск немалый.

Но от раза к разу все больше известных имен появляется среди конкурсантов. И нового конкурса авторы ждут с не меньшим интересом, чем выхода собственной новой книги.

Наверное, все дело именно в той атмосфере игры, которая сопровождает конкурс. В азарте настоящего поединка. Мифические соревнования в Гамбурге, где ярмарочные борцы под масками выясняли действительную силу каждого, превратились в поединок на виртуальном стадионе.

Сорок восемь часов.

Заданная тема — на которую, быть может, автор никогда и не собрался бы писать.

Дыхание конкурентов со всех сторон.

Да, это игра, когда популярный писатель подписывается именем «Вася Пупкин» и состязается с толпой незнакомцев в масках.

Да, это триумф, когда начинающий автор опережает маститых.

Быть может, эта победа так и останется для начинающего писателя единственной в его литературной биографии. Но бывает и так, и этот сборник тому примером, когда с одного удачного рассказа начинается новое имя в фантастике. Уверен, что незнакомые ранее имена еще встретятся вам — в сборниках и авторских книгах.

Мне было приятно выйти на эту дистанцию — хотя, признаюсь, к финишу я пришел в середине второго десятка. Что ж, попытаюсь взять реванш в следующий раз.

Часто говорят, что в нашу фантастику давно не приходят новые имена, не появляются новые самобытные авторы.

Неправда.

Они есть. Они уже вышли на старт.

Прочтите сборник — быть может, в следующий раз на полках книжных магазинов вы будете искать эти имена.

Сергей Лукьяненко

Леонид Каганов

ЛЮБОВЬ ДЖОННИ КИМА

— Я расскажу вам историю великой любви! — загремел под сводами голос мистера Броукли. — Нашим Джонни двигала любовь! Великая любовь к музыке! Вспомним, Джонни родился и вырос в небогатой семье, но с детства любил клипы! Вы видели его комнату? Она оклеена плакатами эстрадных звезд! Еще в колледже, как только Джонни удавалось заработать немного денег, он тратил их на музыкальные карты! Он жил музыкой! Обменивался альбомами с приятелями по району! Мечтал собрать коллекцию всей музыки Земли! Но откуда простому пареньку взять столько денег?

Мистер Броукли сделал эффектную паузу, прокашлялся и налил себе воды. Я с надеждой смотрел на его сутулую фигуру в старомодном пиджаке, на его горло — толстое, старческое, в багровых складках. Оно пульсировало, как сердце, в такт глоткам.

— Нет! — кашлянул мистер Броукли и поставил стакан. — Не таков наш Джонни! Он не пошел грабить банк! Он не стал продавать наркоту на улице! Почему? Джонни не преступник! Применив свой талант электрика, Джонни строит в гараже невиданный, уникальный прибор! Который позволит ему отныне переписывать для домашнего пользования любые понравившиеся...

— Самодельную копировальную технику и сканер для снятия государственной защиты с карточек Джонни приобрел у электронщика Скотти Вильсона, также проходящего по делу музыкальных пиратов, — сообщил обвинитель монотонным голосом.

— Пожалуйста не перебивайте адвоката, — обиделся мистер Броукли. — Уважаемые судьи! Да, Джонни не ангел! Да, собирая личную коллекцию, ему пришлось заняться незаконным копированием. Порой ему приходилось изготавливать карточки и для друзей — обменивать, дарить... А кто из вас, уважаемые судьи, устоит перед соблазном поделиться своей радостью с ближним? Разве не сам Господь благословил нас делиться всем, что имеешь? Должны ли мы так жестоко наказывать Джонни? Мой подзащитный признал вину и раскаялся! Разве он не наказан уже тем, что у него конфисковали дорогостоящую аппаратуру и всю фонотеку, которая была ему дороже жизни?! Нет! Мы дадим ему еще один шанс начать честную жизнь! Да хранит Господь Соединенные Штаты Земли!

Мистер Броукли картинно замер с поднятой рукой. Наступила тишина. По залу кружилась большая осенняя муха.

— Напоминаю суду, что в гараже обвиняемого найдено более восьмидесяти тысяч незаконно изготовленных музыкальных карт, — произнес обвинитель бесцветно. — За два года подпольной деятельности он продал перекупщикам свыше двухсот тысяч музыкальных карт, заработав на этом более ста тысяч кредитных знаков.

— Ну, не знаю... — обиженно пробурчал мистер Броукли и сел.

И я понял, что мне крышка. Странно, но до этого момента я еще надеялся, что все обойдется. Дальше я помню смутно, и лишь последняя речь судьи впечаталась в память, словно ее вбили туда молотком:

— Суд признает Джонни Кима виновным в незаконном изготовлении и распространении авторской продукции. Суд приговаривает Джонни Кима к семи месяцам лишения внутренней свободы.

В ту ночь мне снилась статуя Свободы. Она стояла на песчаном берегу, пламя гулко рвалось из поднятого факела и освещало заревом бегущие морские волны. Она была живая, я видел ее гладкую розоватую кожу. На ней была

обтягивающая майка. Она не смотрела на меня, смотрела далеко-далеко в море. И танцевала. Даже не танцевала, просто легонько покачивала бедрами, чуть сгибая то одну, то другую коленку — как уставшая девчонка на танцполе. А над ней кричали чайки. Кричали так тоскливо и пронзительно, что в конце-концов я понял: это телефон. И проснулся.

Оказалось, даже не телефон — звонили в дверь. Чертыхаясь, я завернулся в одеяло и прошлепал в прихожую. На пороге стоял Григ с ящиком пива.

— Надеюсь, не разбудил? — спросил он осторожно.

— А как ты думаешь?

— Я ж не знаю, как ты теперь... — Григ запнулся, — думал, тебе все равно не спится... Я волновался, что ты... Телефон отключен, ну и это... Решил приехать. Тебе же сейчас нельзя одному?

— Со мной порядок, — сказал я. — Телефоны в суде попросили отрубить, а потом я и забыл. Да проходи уже, не стой в дверях! Сейчас оденусь.

Пока я одевался и чистил зубы, Григ успел порылся в моем холодильнике и приготовить яичницу. Есть мне совсем не хотелось. Я отхлебнул пива и теперь задумчиво щекотал яичницу кончиком вилки.

— Тебя напрягает об этом рассказывать? — спросил Григ.

— Любопытство заело? — усмехнулся я. — Да нет, чего тут напряжного? Что именно тебе интересно?

— Ну, я сидел в зале, когда эта сука объявила семь месяцев. А потом тебя увели.

— Остальным чего дали, не запомнил?

— Дика отпустили. Он отмазался, типа курьер, и вообще не знал что в коробках.

— Ну слава богу, еще не хватало загреметь Дику с женой и ребенком...

— Спасибо, что меня не сдал... — потупился Григ.

— А ты по-любому тоже курьер. Так что не скули. Скажи лучше, как дядька Вильсон?

— Два с половиной года...

— Два с половиной?! — изумился я. — Вот звери! Ты ему звонил?

— Да чего ты за Скотти волнуешься? У него уже вторая судимость за подпольную электронику. Говорят, вторая идет намного легче. Скажи лучше, что с тобой было?

— Тебе интересно? Я тебя разочарую — ничего интересного. Повели меня в подвал, в судебную лабораторию. Дали подписать какую-то бумагу — я не помню, херня какая-то. Измерили давление, вкололи под лопатку какую-то гадость. Усадили в кресло, пристегнули, надели на голову электроды. Лоб с подбородком воткнули в специальную рамку, чтоб не вертел башкой. Там экран перед креслом, на нем заставка крутится — статуя Свободы, разумеется. А что дальше было, я не помню — отрубился.

— А потом?

Я неосторожно ткнул вилкой, глаз яичницы лопнул и потек по тарелке веселым желтым ручьем.

— Все. Отстегнули от кресла и отправили домой. Предлагали отвезти на полицейской машине, но я отказался — на хер надо? Поехал на подземке. Добрался до дому и спать лег.

— Ну, а как... ощущения?

— А то сам не представляешь? Забыл, как в колледже от тебя Кэтти ушла? Как мы вот так же сидели, и ты мне тут в соплях рассказывал, что жить без нее не сможешь, и больше никто и никогда...

— Да уж прямо в соплях из-за этой шлюхи! — обиделся Григ. — Да и когда это было?

— Не важно когда, важно как. Вот точно так же, только по максимуму. И к статуе Свободы. И не пройдет, пока не снимут через семь месяцев. Самому было интересно — как им это удастся? Чтоб я, да к статуе... Не знаю как, но удалось.

— Наверно, это лучше, чем в тюрьме сидеть, как было до реформы правосудия? — кивнул Григ с набитым ртом.

— Не знаю... — задумался я. — Не знаю, что хуже. Я типа продолжаю жить сам по себе, где хочу и как хочу... С другой стороны — на хер мне это теперь надо?

— Тяжело?

— Очень тяжело... — вздохнул я.

— Держись, — сказал Григ.

— Держусь.

— Интересно, а если бы ты геем был? А тут статуя Свободы...

— Во, точно. — Я отхлебнул пива. — Вот эту анкету я и подписывал! Если б я девкой был или геем — меня б в статую Гагарина втюрили.

— А ты не мог их обмануть? Сказать, что гей, и у них бы ничего не сработало?

— А если бы сработало?

Мы помолчали.

— На, съешь еще и мою, все равно мне не хочется. — Я подвинул Григу свою тарелку.

— А можно нескромный вопрос? — сказал Григ. — Ты на нее дронишь?

— Ты долбанутый? — разозлился я. — Ты понимаешь, что такое любовь? Трахать я могу кого угодно, вон Эльке сегодня позвоню! Любовь — это когда жить без нее не можешь! Когда постоянно думаешь о ней! Когда готов все сделать ради нее! Когда хочется каждую минуту быть рядом! Просто рядом!

— Понял, — сказал Григ. — Сорри. Не голоси.

Мы снова помолчали. Григ доел мою яичницу и открыл вторую бутылку пива.

— Адвокат урод полный, — сказал он.

— Урод, — кивнул я. — А говорили — лучший. Жалко денег.

— Судьи подонки, — сказал Григ. — Семь месяцев!

— Подонки, — вяло кивнул я.

— Статуя Свободы, — сказал Григ. — Не могли хотя бы девку симпатичную найти? Почему выбрали для наказания такую страшную...

Закончить он не успел — мой кулак врезался ему в подбородок. Григ мешком кувыркнулся на пол, бутылка выпала, стукнулась об стену и разлетелась на сотни зеленых брызг.

— Джонни, ты чего?!

— Пошел вон из моего дома, урод!!! — рявкнул я и почувствовал на глазах слезы ярости. — Если ты еще раз что-нибудь подобное скажешь про нее...

Я еще раз оглядел собравшихся — они сидели по кругу в мягких креслах. Некоторые из них были полными отморозками — видно по харям. Но были и приличные люди. Особенно меня позабавил пожилой толстячок, чем-то похожий на адвоката Брукли — он суетился, пытаясь сесть поудобнее и пристроить на коленях старомодный ноутбук. Но правая нога у него не сгибалась, а прислоненная к креслу тросточка все время падала, и ему приходилось за ней мучительно нагибаться. Когда в комнату вошла строгая молодая женщина в белом халате, все замерли, а затем раздалось хором: «Здравствуйте, Марта!»

— Здравствуйте, — сказала Марта и посмотрела на меня. — У нас новенький?

— Джонни Ким, — сказал я. — Распространение авторской продукции. Семь месяцев.

— Тс-с-с!!! — укоризненно зашипела Марта. — Зачем же так? У нас не принято называться по имени и сообщать статью! Надо было выдумать псевдоним!

— Почему?

— Это свобода тайны личности. Джонни... раз уж вы открылись, мы будем называть вас Джонни? Вы стали участником группы психологической помощи...

— Я пока только зашел посмотреть, что это такое.

— Как давно вы осуждены?

— Восьмой день.

— Хе! — усмехнулся крупный детина с неприятным взглядом.

— Осуждены впервые? И почему вы до сих пор не ходили на занятия? — удивилась Марта. — Два раза в неделю это совершенно бесплатно! Если чаще — то на коммерческой основе.

— Что, помогает?

— Внимание! — Марта подняла голову и дважды хлопнула в ладоши. — Помогают ли наши занятия?

— Да-а-а... До-о-о... До-о-о... — закивали со всех сторон.

— Тогда начнем. Джонни, вы пока можете ничего не говорить, только смотреть. Чувствуйте себя свободно! Если захотите высказаться — мы поговорим с вами об этом. Итак, Демон?

— Здесь, — сказал громила с неприятным взглядом.

— Вы выполнили домашнее задание группы? Прочитайте.

Демон неожиданно скис и покосился на меня.

— Демон! — хлопнула Марта в ладоши. — Не стесняйтесь новичка! У вас с Джонни одно прекрасное чувство любви к Свободе! Читайте!

— Личное письмо к Свободе, — забубнил детина, вставая и разворачивая мятый листок. — Дорогая Свобода. Мне без тебя очень плохо. Я о тебе все время думаю. Ты классная. Ты очень хорошая. Скучаю, что тебя нет со мной. Мне без тебя плохо. Я тебя люблю. Все.

— Все? — удивилась Марта.

— Все сказал, чего размусоливать? — смущенно пожал плечами детина и неожиданно всхлипнул.

— Это лучше, чем в прошлый раз. Садитесь, Демон. Кто еще написал? — Марта оглядела группу.

— Я! — неловко приподнялся толстячок, тут же сел обратно и торопливо распахнул ноутбук. — Я написал новую главу романа!

— Начина-а-ается... — вздохнул кто-то.

— Мистер Фольстен, она большая? — спросила Марта. — Может, оставите мне прочесть?

— Ну, она конечно большая... — совсем по-детски заныл толстяк. — Но я постараюсь зачитать быстренько...

Марта шагнула к нему и мягко закрыла ноутбук.

— Мистер Фольстен, а вы перескажите нам своими словами?

— Ну... — глаза толстячка забегали. — Я писал о том, какое это счастье — любить. Мне кажется, я никого в жизни не любил так, как Свободу!

— А жену? — хмыкнул Демон.

— Разве их можно сравнивать? — обиделся толстяк. — Жену я люблю, конечно. И любил всегда. И, в определенном смысле, сейчас тоже, конечно, люблю...

— Она тебя не ревнует?

— Демон, вас кажется никто не перебивал! — хлопнула в ладоши Марта и снова повернулась к толстячку. — Итак?

— Ну, в общем, я писал о том, что каждая любовь — это счастье! Даже такая несчастная и безответная, как у меня! Какое это счастье — засыпать с мыслью о любимой и просыпаться с этой мыслью! Как это прекрасно — осознавать, что она есть на Земле, что она стоит с факелом! И пусть я недостоин ее любви, зато я могу ей подарить свою! Я благодарен суду за это счастье, за эту небывалую, пылкую любовь в мои преклонные годы...

— Прекрасно! — сказала Марта. — Все слышали? Давайте поаплодируем мистеру Фольстену за эти красивые, мудрые слова! Мистер Фольстен, значит, вы больше не станете прыгать из окна?

— Я... — мистер Фольстен затравленно оглянулся. — Я буду стараться...

— Прекрасно! — сказала Марта. — А теперь мы бы хотели услышать Мэджик Ловера!

Все необычайно оживились и посмотрели на нескладного парня с растрепанными волосами и едва заметным синяком под глазом. Лоснящаяся кожа на его щеках, лбу и подбородке была бугристой и воспаленной, а само лицо — угрюмым, с безумными глазами.

— А сто услышать? — неожиданно произнес Мэджик Ловер.

Я удивился, но, видно остальные уже привыкли к его дикции.

— Например, о твоей ревности. Ты продолжаешь ревновать Свободу к остальным членам нашей группы?

— А сто ее ревновать? Как я ее люблю, так ее никто не любит! — твердо сказал Мэджик Ловер.

— Ты за базаром следи! — рявкнул Демон.

— И пусть меня убьет эта обезьяна, я все равно люблю Свободу больше! Больше! Больше!!!

— На улице обсудим, — сухо бросил Демон. — Сегодня огребешь по полной.

— Прекратите ссориться! — хлопнула в ладоши Марта. — Мэджик Ловер, расскажи нам, как ты любишь Свободу?

— Сначала ясыком, — сказал Мэджик Ловер. — Потом спереди. Потом в рот. Потом сади.

Я напрягся, да и остальные тоже замерли.

— Пиндец тебе, — сказал Демон.

— Это мы еще посмотрим, — огрызнулся Мэджик Ловер.

— Спокойно! — сказала Марта и хлопнула в ладоши. — Мэджик Ловер, но ведь мы уже решили, что пользоваться надувной Свободой из секс-шопа для осужденных — это безнравственно и не приносит покоя душе?

— Дусе не дусе, а все пользуются, — огрызнулся Мэджик Ловер.

— Не все! — зашумела группа.

— Поднимите руки, кто пользуется надувной Свободой? — хлопнула в ладоши Марта.

Наступила тишина, поднял руку только Мэджик Ловер, хотя многие потупили взгляд.

— Демон, поднимай руку! — сказал Мэджик Ловер. — Обезьяна драчливая!

— Видит бог, я не хотел, — буркнул Демон и пружинисто вскочил с кресла.

— Нет! — крикнула Марта.

Но Демон уже нависал над креслом Мэджика Ловера, отводя для удара костлявую руку. И вдруг между ними ярко блеснула вспышка, раздался звук хлыста и в воздухе остро запахло озоном. Демон, как подкошенный, рухнул спиной на ковер. По металлической молнии его куртки туда-сюда гуськом бегали синие искры. Испуганно завизжала Марта.

— Разрядник! У него разрядник! — завопил мистер Фольстен и вскочил, заслоняясь ноутбуком как щитом. — За Свободу!

— За Свободу!!! — взревела группа и метнулась к Мэджик Ловеру.

Я подавил в себе желание кинуться следом, а просто улизнул оттуда, потому что сидел ближе всех к двери. Вспышек за спиной не было — видимо, разрядник отобрали.

— Джонни! — Элька постучала в дверь. — Звонит Григ, сказать ему, что ты в ванной?

— Пошли его на хер! — крикнул я, откладывая бритву и выключая душ. — Чего ему надо?

— У него сегодня День рождения, приглашает нас с тобой на вечеринку.

— Черт, я и забыл! Поздравь его!

— Он уже повесил трубку. А что мы ему подарим?

Мы долго бродили с Элькой по маркету, взявшись за руки, пока не вышли на этаж одежды. Элька сразу зависла в отделе белья, а я покрутился бесцельно и зашел в отдел шляп. Как обычно, я думал о Свободе. Мне представлялась ее складная фигурка, устремленная вверх, ее властное лицо и длинные ноги с круглыми коленками. В голове крутились сценки и диалоги. Вот я прихожу с ней на день рождения к Григу. Григ открывает дверь — а там я. А рядом — Свобода.

— Познакомься, это Свобода, — говорю будничным тоном.

— Как тебе это удалось?! — изумляется Григ.

— Просто я люблю его! — говорит Свобода и кладет мне руку на плечо.

Нет! Целует меня прямо в губы! Григ каменеет от зависти. Я обнимаю ее за талию, и она, такая вся запрокинутая, повисает на моей руке...

Я взял с полки черную шляпу с большими полями. Как бы мне хотелось подарить эту шляпу ей! Она бы ей так шла! Ведь эти колючки ей совсем не к лицу, от того оно и кажется слишком суровым.

— Привет, зайка! — говорю я, заходя в комнату, где она развалилась на кровати в одном халатике и читает книгу, покачивая изящной ножкой. — Угадай, какой подарок я тебе принес?

— Вот уж не знаю... — улыбается она своей неповторимой улыбкой. — Может быть, зажигалку?

— Шляпу! Прекрасную черную шляпу! Примерь, я прошу тебя?

Она берет из моих рук шляпу и подходит к зеркалу. Халатик ее полураспахнут. Она надевает шляпу и кокетливо наклоняет голову. Шляпа полностью скрывает колючки.

— Господи! — шепчет она так, что у меня бегут мурашки по позвоночнику. — Только ты мог сделать мне такой подарок! Мне так нравится! Скажи, мне идет? Принеси пожалуйста из прихожей мой факел и дощечечку.

— Господи! Зачем Григу эта хасидская шляпа?! — раздался над ухом резкий голос Эльки.

— Элька, до чего ж ты порой мерзкая! — вырвалось у меня.

— Скучаешь, Джонни? — спросила Сюзен, присаживаясь рядом и одергивая мини-юбку.

— Просто думаю о своем, — уклончиво ответил я, вертя бокал.

— А ты не думай. Ты расслабься и веселись! Потанцуем? — она качнула белыми кудряшками.

— Да что-то настроения нет.

Сюзен повертелась на диване, выставила вперед изящную ногу и внимательно ее оглядела.

— Григ вашу шляпу измазал тортом.

— Угу.

— Элька пошла с Максом за сигаретами. Второй час их нет.

— Угу.

— Ты ее совсем не ревнуешь?

— Чего ее ревновать?

Сюзен вытянула другую ногу.

— Смотри, какой педикюр сделала. Нравится?

— Нравится.

— Специально открытые туфли надела.

— Специально для меня?

— Специально для всех. Дай отпить? — она нависла надо мной и прижалась губами к бокалу.

— Для всех — это не для меня. Я осужденный.

— Глупый Джонни. Ты меня совсем-совсем не хочешь? — Сюзен положила ладонь мне на грудь и посмотрела в глаза.

— Хочу. — Я пожал плечами. — Но я люблю Свободу. Я думаю о ней целые дни. Мне тошно. Мне ничего не хочется. Я не могу работать. Я не могу отдыхать. Я не могу спать и есть. Я похудел на десять килограмм. У меня трясутся руки. Я вздрагиваю, когда раздается телефонный звонок, хотя разумом понимаю, что она не может звонить. Ты не представляешь себе что это такое. Мне не хочется жить. Мне без нее очень, очень, очень...

— А Элька?

— Что Элька? Элька дура...

— Верно, Элька не слишком умна, — сказала Сюзен неожиданно трезвым голосом и вдруг шепнула. — Поехали ко мне?

— Прямо сегодня? — засомневался я. — Но, Сюзен...

— Я не Сюзен. Называй меня Свободой. Я похожа! — она подняла руку и вдруг чиркнула зажигалкой.

— Поехали! — кивнул я.

— Я Свобода! — шепнула Сюзен мне на ухо. — Я хочу тебя! Я люблю тебя, мой единственный!

— Ты прелесть! — прошептал я, чувствуя, как по позвоночнику бегут мурашки. — Спасибо тебе, Сюзен!

Балка под потолком гаража выглядела надежной, и я примотал к ней провод. Помыл его в руках — шнур казался вполне гибким. На всякий случай смазал его машинным маслом. Масло воняло неприятно, но, в конце-концов, мне не так уж долго его нюхать. А вот сделать хорошую петлю

получилось не сразу — шнур елозил в руках и плохо гнулся. Наконец я сделал петлю, вытер масляные руки об штаны и залез на табуретку.

— Тю! — раздалось за моей спиной, и я испуганно обернулся, насколько позволяла петля.

Дверь гаража была распахнута — похоже, я не запер ее. Или запер? В дверном проеме на фоне холодной осенней ночи маячила знакомая фигура — пузатый плащ и беспорядочные патлы вокруг здоровенной лысой макушки.

— Скотти Вильсон? — не спросил, а скорее кивнул я.

— Привет, малыш Джонни, — сказал Вильсон. — Вот, зашел тебя проведать, а дома никого нет. Прочел твою записку. Какие красивые слова! Жаль, она их никогда не прочтет.

— Вильсон, что тебе надо? — заорал я и почувствовал, что краснею.

— Мне очень и очень скверно, — сказал Вильсон. — Мне нужен человек, который со мной поговорит. Я знаю поблизости одно уютное местечко.

— Очень скверно? — недоверчиво спросил я, слезая с табуретки.

— Ужасно, — подтвердил Вильсон. — Штаны переодень, все в масле. Кто же вешается в белых штанах? На них так плохо будет смотреться моча...

— А почему тебе скверно, дядька Вильсон? У тебя же вторая судимость? Так сильно страдаешь по Свободе?

— Я страдаю, когда вижу молодых дурачков вроде тебя. Джонни, ты мужик или нет? Тебе не стыдно так страдать из-за бабы?

— Как? — растерялся я.

— Ныть из-за бабы? Хныкать? Жаловаться? Вешаться? — Вильсон говорил кратко и требовательно. — Посмотри, на кого ты похож! Нытик, а не мужик! Возьми себя в руки! Вытри розовые сопли! Наплюй!

— Хорошо тебе говорить, дядька Вильсон. — Я достал платок и высморкался. — Со второй-то судимостью...

— Не второй, а четвертой, если уж на то пошло... Ты мне другое скажи — кто она? На кого ты повелся, дурень?

Железяка с факелом! Рожа квадратная! Глаза пустые! Ни сисек тебе, ни писек!

— Как... — опешил я. — Как ты можешь так говорить про свою любовь?!

— Кто тебе сказал, что я ее люблю?

— погоди... — я уже начал догадываться. — Так ты... ты любишь Гагарина?

— Я люблю деньги.

— Как же это? — совсем растерялся я.

И тут до меня дошло.

— Вильсон... Ты... Ты мне поможешь?

— Это будет немножко стоить... — сказал Вильсон.

— Я готов!

— Это будет немножко больно...

— Что может быть больше?!

— Это может не получиться...

— Я верю, это получится!

— Об этом может кто-нибудь узнать...

— Об этом никто никогда не узнает!!!

— Переодень штаны, я жду тебя в машине, — цыкнул зубом Вильсон и вышел из гаража.

— Я расскажу вам историю великого самоубийства! — гремел под сводами голос мистера Брукли. — Мы знаем, что многие осужденные решаются на это. Многие погибают. Иные остаются калеками на всю жизнь. И никто не судит их за это! Но не таков наш Джонни! Да, он пытался убить себя! Убить невиданным, уникальным способом! Но убил лишь свою любовь к Свободе! Можем ли мы осуждать Джонни за то, что он хотел умереть и не умер? За то, что хотел жить и выжил?

— Разблокировал судебное наказание при помощи самодельного прибора Скотти Вильсона, также проходящего по делу о досрочно освободившихся преступниках, — сообщил обвинитель монотонным голосом.

— Не перебивайте адвоката! — обиделся мистер Брукли. — Уважаемые судьи! Да, Джонни не ангел! Он осту-

пился? Да! Он в порыве отчаяния бросился на крайние меры? Да! Но можем ли мы осуждать его? Нет! Мы просто дадим ему еще один шанс продолжить свое наказание! Да хранит Господь Соединенные Штаты Земли!

Мистер Броукли замер с поднятой рукой, будто держал в ней факел. Наступила тишина. Вокруг руки кружились молодые весенние мошки. А потом был удар молотка.

— Суд признает Джонни Кима виновным в незаконном обретении внутренней свободы. Суд приговаривает Джонни Кима к трем годам лишения внутренней свободы в дополнение к сроку предыдущего наказания...

Дж. Локхард

МУРАВЕЙНИК

$$40000 / 5 = 8000$$

$$8000 / 24 = 333.(3)$$

Смещение: 20

Вводим топологическую погрешность: (- 12)

$$20 * 504 = 10080$$

$$39988 / 2 = 19994$$

$$19994 - 10080 = 9914$$

Начальные координаты: (- 3000)

$$9914 - (-3000) = 12914$$

$$19994 - 12914 = 7080$$

$$7080 / 5 = 1416$$

$$1416 / 24 = 59$$

Ответ: 59

1 фарсах равен ~5.07км

Пролог

56-й сег, дуга Зена, 504-я натра

Мерзнут руки. Стилоска выскальзывает из пальцев, буквы получаются кривые, строки налезают одна на другую. Если мы когда-нибудь вернемся, за этот боржурнал меня высекут перед всей ментепой.

Но мы не вернемся. Рулевая ось изнасилась так, что сквозь манжеты проникает снег, корка льда на первой палубе уже в палец толщиной. Вчера Туим пытался на ходу законопатить щели. Сломал помазок, сильно повредил ру-

ку. Я наложил ему восемь швов и заставил выпить макового молока, снимающего боль.

Меня зовут Яхмес, я летописец. Раньше я был помощником Нефри, главного масленщика, но после атаки, когда пробили двурогую амфору, масла не осталось. Тогда вспомнили, что я учился на эскулапа и, стало быть, владел грамотой. Синухет приказал мне продолжить журнал исчезнувшего Хатэма.

Теперь на моих плечах лежит груз ответственности. Я пишу историю нашего поражения. И пусть за спиной подшучивают, все равно — когда-нибудь галеру найдут, и мой бортжурнал станет единственным клочком истины среди ледяного поля лжи. Это даже греет немного, если хорошенько представить.

Записи Хатэма разбирать непросто. Почерк у него был мелкий и стремительный, к тому же покойный отличался болезненной лаконичностью. Что, например, может обычный человек сказать о записи: «12 сег. Без поворотов. Уклон. Западный сильный»? Лишь развести руками. К счастью, вернее к несчастью, я сам был свидетелем всего, о чем писал Хатэм, и кое-как понимал общий смысл. А тем, кто спустя стонатрии отыщет заледеневшую галеру, такой бортжурнал окажется бесполезен.

Вчера я поделился своими мыслями с Синухетом. Командир молча выслушал, не отрываясь от штурвала. Он редко отходил от штурвала.

— Дельно говоришь, — сказал Синухет, когда я закончил. — Вот и займись этим.

Поэтому сейчас я, закутавшись в меха, сижу в каюте на третьей палубе и готовлюсь начать свою повесть. Я решил писать правду, не утаивая ничего, даже фактов, о которых никто кроме меня не знал. Все равно корабль не вернется назад. Топливо почти закончилось, холод медленно вползает в галеру. Если за ближайшие пять-шесть сегов нам не удастся отыскать месторождение танталовой соли, реактор затухнет, открыв смерти все люки.

Надеюсь, я успею дописать свою историю.

Глава 1

Это началось, когда встретились двое людей, мечтавших о невозможном. Одного звали Синухетом, он был опытным командиром и владел отличной девятиосной галерой. Второго звали Хатэмом. Он был безумцем.

Если бы Хатэм и Синухет встретились как-нибудь иначе, все мы — экипаж галеры — остались бы живы. Но судьба неумолима, а прошлого не вернуть. Нам остается лишь слать проклятия на голову Хатэма и надеяться, что справедливость где-нибудь существует...

Итак, все началось, когда галера Синухета столкнулась со стареньким меркуром Хатэма и раздавила его, словно череп поросенка. Всадник едва уцелел, со сказочной везучестью избежав всех тридцати шести колес нашей галеры и закончив нелегкий путь на верхней палубе, в каюте Синухета. Ему даже не переломало костей, лишь на левой ноге раздробило пальцы.

Я в то время прислуживал командиру, и к тому же был знаком с ремеслом эскулапа, поэтому мне выпало заботиться о раненом. Не скажу, чтобы в последующие сеги это прибавило мне любви экипажа, зато, волей-неволей, я стал свидетелем всех разговоров Синухета с Хатэмом. Знать бы тогда, к чему это приведет...

Их первую беседу я помню от слова до слова.

— Как он? — спросил Синухет, заглянув в каюту. Командир недавно зернулся с охоты, его меховой комбинезон был забрызган кровью.

— Лучше, — вместо меня ответил Хатэм. — Благодаря тебе, варвар.

— За что? — резко спросил Синухет. Войдя в каюту, он задвинул дверь и повернул до упора регулятор отопительной системы. — Я едва не стал причиной твоей смерти, юноша.

Здесь надо сказать, что Хатэм был молод и отличался редкой красотой. Он был высок, строен, белокож, как и все центряки, длинные курчавые волосы ниспадали на широкие плечи. На лице выделялся квадратный подбородок, гово-

ривший о примеси древней крови, карие глаза смотрели открыто, даже немного наивно.

Синухет мало чем напоминал Хатэма. Уже немолодой, коренастый и смуглый, командир никогда не строил из себя благородного господина, хотя род его восходил к самим Первопроходцам. Двигался он быстро и точно; говорил кратко, по делу, задиристо смеялся, не терял чувства юмора даже в опасности. Синухета любили все. Его было трудно не любить.

— Я едва не стал причиной твоей смерти, юноша, — сказал командир, снимая перчатки.

— Вина моя, — спокойно ответил раненый. — Я знал, чем рискую.

— Риск? — переспросил Синухет. Его густые черные брови сошлись к переносице. — У любого риска должна быть цель. Риск — это опасность ради пользы. Ехать поперек Движения не риск, а глупость.

Хатэм слабо улыбнулся. Несмотря на маковое молоко, он испытывал сильную боль.

— У меня была цель. Я почти добрался до Обочины...

— Почти? — фыркнул Синухет. — От моей галеры на той развалине, что была у тебя, до Обочины ехать сега три.

Он опустил в кресло и дал мне знак. Я поспешно наполнил пиалу.

— Зачем ты ехал к Обочине? — спросил командир, отпив черного пива.

Хатэм тяжело вздохнул.

— Желая проверить одну теорию. Сомневаюсь, варвар, что тебе она покажется интересной.

— Предоставь мне судить, — отрезал Синухет. — Итак?

Раненый помолчал.

— Вам не кажется, что Дорога становится длиннее с каждой натрой? — спросил он затем. — Я изучил сотни манускриптов и записей, читал журналы Первопроходцев. В древности натра была гораздо короче нынешней...

Мы с Синухетом переглянулись и, не сговариваясь, рассмеялись. Хатэм недоуменно поднял брови.

— Я сказал что-то смешное?

Синухет взял себя в руки и строго на меня посмотрел. Пришлось умолкнуть.

— Как твое имя, юноша? — спросил командир. Когда Хатэм представился, Синухет вновь едва не рассмеялся.

— Я так и думал, что ты философ. Юноша, видишь ли, все кормчие, а я много дуг был кормчим на другой галере, прекрасно знают об удлинившейся натре.

— Мне известно об этом, — сдержанно отозвался Хатэм. — Но позволь закончить, варвар.

— Говори.

— Я построил теорию, объясняющую причину этого явления.

— Боюсь тебя огорчить, но это тоже не является тайной, — фыркнул Синухет. Однако Хатэм с неожиданной горячностью возразил, даже привстав от волнения:

— Общепринятые теории фальшивы! Я могу доказать!

Синухет умолк и странно посмотрел на раненого.

— Можешь? — спросил он после паузы. Хатэм кивнул. Командир дал мне знак, подождал пока его пиала окажется полной и откинулся в кресле, заложив ногу за ногу.

— Слушаю.

— Варвар, как твое имя?

Синухет представился. Хатэм жестом приказал мне поправить постель и, когда это было сделано, заговорил негромко, с горячим убеждением в голосе:

— Мною обнаружены доказательства, что известная нам история — не более чем легенда, родившаяся в пьяном уме какого-то кормчего на заре времен. Только полный дурак мог бы вообразить, будто мир — это гигантское искусственное колесо, Станция, в ободке которой проложена бесконечная лента Дороги. На самом деле, мы живем на шаре!

Услышав это в первый раз, я решил, что Хатэм безумен. Но Синухет, к несчастью, был человеком редкого ума и страдал общей болезнью всех умных людей. Любопытством.

— Шар? — насмешливо переспросил командир. — Да-а, такой теории мне пока не встречалось. Ответь, юноша, как в таком случае объяснить натры? Что такое натра?

— Мальчик, — раненый обернулся ко мне. — Что такое натра?

— Ответить, командир? — спросил я. Синухет небрежно кивнул. — Натрой называется сегмент великой Станции, где древнейшие обогреватели перестали действовать. Холод мирового пространства убивает там все живое, поэтому мы вынуждены двигаться против вращения Станции, вечно убегая от натры...

— Достаточно! — прервал Хатэм. — Это чушь! Ерунда! Глупость!

— Ну, ну, потише, — улыбнулся Синухет. — Что глупого в теории мироздания?

— Нет никакой Станции! — горячо сказал философ. — Наш мир — это гигантский каменный шар, такой огромный, что с поверхности невозможно увидеть его кривизну. Шар очень медленно вращается вокруг своей оси, совершая один оборот за срок, сравнимый с натрой.

Я взглянул на Синухета, готовый рассмеяться следом за ним, но к своему изумлению увидел в глазах командира интерес. Огладив бороду, Синухет кивнул мне и указал на полку, где лежали принадлежности для письма.

— Черти, — коротко сказал он. Я поставил перед Хатэмом станок и молча смотрел, как раненый выводит на бумаге странный рисунок. То был смертный приговор всем нам, но тогда я этого еще не знал.

— Смотри, варвар, — философ закончил рисовать и протянул Синухету чертеж. — Видишь? Если представить, что где-то за тучами, всегда на одном и том же месте находится гигантский обогреватель, его тепло будет действовать лишь на половину шара. Но шар вращается — поэтому один раз в натру каждая его точка оказывается на противоположной стороне, где обогреватель не виден и повсюду царит холод мирового пространства.

— Так, так, — Синухет прищурил глаза. — И-интересная мысль. Значит, мы вечно движемся по поверхности этого шара, убегая от границы холода?

— Именно! — просиял Хатэм. — Ты очень умен, варвар, другим приходилось объяснять на макетах.

— Любопытно... — Синухет огладил бороду. — Солнце побери, в самом деле любопытно. Конечно, твоя теория в чистом виде — глупость, но идея о шаре... Над этим можно думать, юноша!

— Чем глупа моя теория? — опешил Хатэм.

Тут я почувствовал, что больше не могу молчать, и шагнул вперед:

— Закон всемирного тяготения к движению не позволит мистическому обогревателю висеть в небе на одном месте. Закон гласит: то, что не движется, гибнет. Поэтому тучи всегда летят в сторону Движения, поэтому вечно дует ветер, а стада животных мигрируют, поэтому брошенный камень летит по дуге и, если его остановить, сразу падает...

— Умница, Яхмес, — улыбнулся Синухет. — Устами младенца... Хатэм, надо и в самом деле быть философом, чтобы придумать такую замечательную идею и не суметь ее развить.

Раненый мрачно смотрел на командира. Тот рассмеялся.

— Ты едешь по старой дороге, юноша. Общепринятая теория мироздания утверждает, что Станция под нашими ногами медленно вертится, и ты придумал вращающийся шар. Но любой человек, знакомый с техникой, сразу скажет — гораздо выгоднее вращать обогреватель вокруг шара!

— Я думал над этим, — возразил Хатэм. — Но такая схема противоречит постулату Диокла о непризнании исключительности нашего места во Вселенной.

— Причем тут место во Вселенной? — Синухет фыркнул. — Хоть шар, хоть Станция, мы где были, там и останемся. Лучше скажи, какие доказательства своей теории ты обнаружил?

Философ вздохнул.

— Их немного, однако они есть. Наблюдения за температурой в разных местах Колонны, отчеты дальних земледельцев и разведчиков, миграции животных — все это говорит в пользу шара. Но, самое главное, моя теория способна объяснить постоянное удлинение натры.

— Шар замедляет вращение? — Синухет поднял брови. И тогда Хатэм сказал фразу, подписавшую всем нам смертный приговор:

— Нет, гораздо проще. Мы движемся по спирали.

Глава 2

За следующие сеги Хатэм сумел убедить в своей идее всех жителей галеры, включая и меня. Что касается командира, то он стал горячим сторонником «шаровой теории» и в свободное от работы время спорил с Хатэмом, покрывая листы сотнями чертежей и математических выкладок. Мы и раньше знали, что Синухет — весьма образованный человек, но лишь с появлением Хатэма стало ясно, как много известно командиру.

Жизнь вскоре вернулась к обычной рутине. Охотничьи меркуры регулярно стартовали под углом к Движению, в погоне за бесчисленными стадами кризонов, вечно опережавших Колонну на несколько сегов. Лесорубы с граничных трирем время от времени стыковали свои неповоротливые, но быстрые корабли с нашей галерой и меняли дерево на шкуры. Лесорубам в Колонне приходилось труднее всего; их работу нельзя было делать на ходу, но дерево требовалось постоянно, поэтому, в отличие от дальних земледельцев и разведчиков, лесорубы двигались вместе с главными кораблями. Вынужденные часто останавливаться, их триремы работали на износ: поговаривали, лесорубам приходилось менять корабли едва ли не раз в натру...

Галера Синухета уже больше дуги шла в опасной близости к Обочине. Здесь Дорога была плохо укатана, нас трясло. Однажды мы увидели, как небольшая охотничья барка едет на брюхе, потеряв обе задние оси в каменистой россыпи. Командир приказал остановиться и помочь неудачливым соседям, из-за этого стада кризонов ушли дальше и нам пришлось поставить второй парус. Целый сег затем галера мчалась на предельной для ее шасси скорости, жалобно поскрипывая на каждом ухабе.

От экипажа спасенной барки мы узнали, что рабовладельцы вновь сократили отрыв. Их галеоны видели с гигантских кораблей центряков. Люди роптали и требовали устроить рейд, но могучие пентеры Легиона продолжали с хищной грацией следовать за гражданскими кораблями, не пытаясь замедлить ход. В радионовостях, как обычно, про рабовладельцев хранили гробовое молчание.

— Говорю вам, это неспроста, — ворчал старый Тимн, наш кормчий. — Помяните мои слова, Легион давно в сговоре с пиратами...

— Скажи еще, со сциллами, — фыркнул Хебсен.

Хебсен — охотник, наш лучший добытчик кризонов. Он один из немногих мог похвастать, что видел сцилла воочию. Проверить это никто не мог, но при одном взгляде на его лицо, изуродованное плетьюми рабовладельцев, при виде обрубленных ушей и негнущихся пальцев левой руки, сомнения как-то сами собой пропадали.

Хебсен никогда не рассказывал про свою жизнь в рабстве. Но от его брата, Хатшепа, мы знали, что к пиратам они попали случайно, когда разбили меркур далеко в стороне от Колонны и не успели добежать обратно. Неудачники вроде них, да еще преступники, которых ссаживают с кораблей, составляют почти всю добычу рабовладельцев. Открыто нападать на Колонну эти мерзавцы не рискуют, хотя, конечно, не гнушаются ловить отставшие барки и меркуры.

А за пиратскими галеонами, говорил Хебсен, у самых границ натры, идут звери. Падальщики. Бесчисленное множество животных, мигрирующих далеко впереди Колонны, снабжает их обильным источником пищи, даже на Дороге нередко попадаются раздавленные, перемешанные с песком тела. Еще больше пищи создают люди, бросающие на Дорогу мусор, объедки, внутренности, кости своей добычи. Звери очищают за нами путь...

— Сциллы идут нескончаемой стеной, — рассказывал Хебсен. — Они движутся, как натра, не быстро и не медленно. Даже самый маленький сцилл вдвое больше нашей галеры, а встречаются там и такие, что трирема рядом покажется игрушкой. Земля дрожит под их шагами!

Хебсен любил говорить о сциллах.

— Их молодежь вылупляется из яиц, которые самки всегда несут на спине, — рассказывал он, оживленно жестикулируя левой рукой. — Пока сцилл молодой, он едет на матери и учится жизни, наблюдая за другими сциллами. Они никогда не останавливаются и никогда не едят живую добычу. Бедуины раньше пробовали бросать им пленников, но сциллы проходили мимо. Они никому не враги...

Здесь надо сказать, что бедуины были нашими врагами. Они передвигались верхом на ламаргах, грациозных родичах кризонов, умевших бегать быстрее галеры и не нуждавшихся в Дороге. Это позволяло бедуинам сильно опережать натру и жить в неподвижности, иногда, целыми дугами.

Они ненавидели дальних земледельцев, особенно тех, кто сажал быстрые деревья для приближающейся Колонны. Старый Тимн говорил, ради скорости земледельцы поливают свои поля особыми жидкостями, которые помогают деревьям расти, но отравляют обычную траву и животных. Бедуины гибнут десятками, если их стада попадают на бывшее поле, поэтому они часто нападают на земледельцев и сжигают их корабли. Легионеры тут бессильны: даже самая лучшая пентера не угонится за отрядом всадников, покинувших Дорогу.

Всякий раз, когда Тимн начинал ворчать про бедуинов, Хебсен вставлял, что сциллы и бедуины делают одно дело. Не знаю, кого он хотел этим оскорбить — бедуинов или сцилл, но в результате всегда обижался Тимн. Старик упорно не верил в сцилл и говорил, что если такие звери существуют, их кости обязательно встречались бы нам на пути. Ведь Колонна уже пятьсот четвертый раз проходит по одному и тому же месту, убегая от натру.

— Сциллы уходят умирать в мировое пространство, — отвечал на это Хебсен.

Кто бы мог подумать, что именно сказки о сциллах подскажут Синухету и его новому другу Хатэму план, как погубить всех жителей галеры?

А начиналось так мирно... Было самое начало сега. Большая часть экипажа еще спала, галера мягко катилась

по Дороге: чтобы не рисковать подвеской, мы понизили давление в пневматиках, все равно им скоро предстояла замена. На носу, у штурвала, старый Тимн ворчал на дурачка Рейама, который опрокинул ведро помоев ему на ногу, вахтенные Падиус и Мерхет играли в юлианию. Несколько механиков на второй палубе меняли подгнившую доску с левого борта. Мы с Хебсенем, Хатшепом, Уной и Пахором устроились на корме, рядом с командирской рубкой. В радиоприемнике тихо играла музыка.

— Хебсен, а сциллы умеют говорить? — от нечего делать спросил Пахор. Охотник пожал плечами.

— Не знаю. Может, на своем языке и умеют.

— Их хоть раз ловили живьем?

— Нет.

— А убивали?

— Нет, — Хебсен покачал головой. — Сцилла непросто убить. Разве что прикрепить к пентере гарпун длиной в мачту и с разгона ударить в горло какому-нибудь сцилленку помоложе... Может, тогда и пробьет. Но другие сциллы молча на это смотреть не станут, у них взаимовыручка сильнее, чем у людей. Я видел, как двое молодых помогали идти раненому...

— Кто ж его ранил? — спросил я.

Хебсен загадочно улыбнулся.

— Теневые твари.

— Кто?! — все подались вперед. Этой истории Хебсен еще не рассказывал.

— Твари из Тьмы, — ответил охотник. — Натра приносит не только холод. Еще она приносит Тьму, на границе которой, далеко за линией сцилл, обитают жуткие чудовища.

Он растопырил руки.

— Я видел вот такой зуб, торчавший из песка. А может, это был коготь.

Мы притихли. И тогда я задал вопрос, за который до сих пор не устаю себя проклинять:

— Но почему мы не встречаем кости этих зверей на пути? Ведь мы движемся по кругу...

Уже говоря эти слова, я знал ответ. И все, кто меня слышал, знали. К несчастью, Хатэм как раз открыл дверь каюты и тоже услышал.

— Хороший вопрос, мальчик, — сказал он, выходя на палубу. Хатэм еще хромал, нога была перебинтована. — Быть может, ты сам попытаешься на него ответить?

Ничего не подозревая, я кивнул.

— Мы движемся не совсем ровно, да? С каждым кругом немного в сторону?

— Верно, — тихо сказал Хатэм. И что-то в его голосе заставило всех обернуться и уставиться на молодого философа. Первым, откашлявшись, заговорил Хебсен:

— Думаешь, Дорога не кольцевая, и мы всякий раз оставляем наши следы справа или слева?

— Слева, — ответил Хатэм. — Мы движемся по спирали, с каждой натрой уклоняясь на три-четыре фарсаха вправо от нашего прошлого пути. Смотрите.

Он вернулся в каюту и вскоре вышел, держа в руке полосатый кожаный мяч. Все придвинулись.

— Вообразите, что это наш мир, — тихо сказал Хатэм. — Шар вращается вот так... — он показал, — ...а мы движемся против вращения, по верхнему полушарию.

Философ обвел пальцем вокруг шара.

— Если бы мы двигались по кругу, путь всегда имел бы равную длину и натры казались бы нам неизменными. Но мы движемся по спирали, медленно смещаясь вниз, к главной окружности шара, которую геометры называют «экватором».

Хатэм взглянул на наши испуганные лица.

— Шар вращается равномерно, но Дорога с каждой натрой удлиняется. А наша скорость неизменна, и, поэтому, если отметить на модели точки, где побывала Колонна за последние сорок натр, получится плавная кривая.

Он показал тонкую пунктирную линию, пересекавшую несколько полосок на мяче.

— Понимаете? Мы все время приближаемся к границе холода, не успеваем его обгонять. Еще несколько натр, и позади, на горизонте, мы увидим сцилл. А затем... — Хатэм

умолк и выразительно посмотрел назад, где облако пыли из-под колес затмевало серое небо.

Повисло молчание. Наконец, сглотнув, молодой Уна осторожно спросил:

— А если повернуть? Вернуться на старую Дорогу?

— Это отсрочит катастрофу, но не решит проблему, — печально ответил Хатэм. — Единственный выход для нас — увеличить скорость движения.

Мы переглянулись.

— Это будет непросто, — заметил Хебсен. Хатэм кивнул.

— Еще бы. Чтобы убедить Легион в опасности, потребуется нечто побольше разрисованного мяча, — он тяжело вздохнул. — Потому-то я и ехал к Обочине. Ваша галера движется очень близко к левому краю Колонны. Если повернуть налево, я уверен — за несколько сегов можно пересечь дикую местность и попасть на старую Дорогу, туда, где Колонна проезжала натру назад.

Он возбужденно взмахнул рукой.

— Если провести там раскопки, мы найдем мусор, обломки старых кораблей и человеческие скелеты. Этого хватит, чтобы доказать Легиону факт спиралевидного движения, а дальше уже любой человек, знакомый с геометрией, сумеет провести расчеты.

— Но почему мы отклонились с пути? — спросил я. — Ведь мы движемся по ветру. Не может же ветер дуть по спирали!

Хатэм улыбнулся. Вытащив из кармана пачку сигарет, он аккуратно оторвал длинную полоску фольги и жвачкой прилепил ее к мячу. Затем, не говоря ни слова, поднял мяч к небу на вытянутой руке и слегка наклонил его. Мы молча смотрели, как ветер треплет фольгу под углом к поверхности.

— Вопросы? — коротко спросил Хатэм.

Вопросов не было.

Глава 3

После этого разговора прошло несколько сегов, и я почти забыл о проекте Хатэма. К несчастью, как уже упоминалось, Синухет был любопытен и смел, а мы, его экипаж, плохо сознавали опасность. И когда на шестой сег к нашему борту с грохотом пристыковалась вызванная по радио ремонтная гексаролла, командир собрал совет.

— Я хочу проверить идею Хатэма, — сказал он, едва старшие по команде расселись вокруг восьмиугольного стола. Меня, конечно, не звали, но я прислуживал Синухету и счёл себя вправе спрятаться в уголке каюты. На случай, если командиру что-то понадобится.

— Я давно решил это сделать, но ждал ремонтников, — продолжал командир. — Мы купим у них полный комплект шасси, новые пневматики, поршневые кольца и компрессор. Запаса танталовой соли хватит, чтобы тридцать — тридцать пять сегов идти на моторах против ветра, а согласно нашим расчетам, до старой Дороги не может быть больше десяти фарсахов. За три-четыре сега мы туда доберемся.

Хебсен, старший охотник, в сомнении теребил подбородок.

— Это опасно, Синухет. Отстать от Колонны на десять сегов — попасть к пиратам. А быстрее нам не управиться...

— Мы думали об этом, — быстро возразил Хатэм. — Прежде, чем сворачивать влево, мы прибавим скорость и обгоним Колонну на несколько сегов. А главное, после пересечения диких земель мы вновь окажемся на Дороге, той, где Колонна проехала натру назад. Набрав там скорость, мы параллельным курсом обгоним Колонну и вернемся, не отстав даже на сег.

— А если старой дороги нет? — спросил кормчий Тимн. — Если ваши сказки и в самом деле сказки, как я всегда и говорил?

— Дорога будет, — убежденно ответил Хатэм. Старший механик, Нефри, покачал головой.

— Нельзя. Нельзя рисковать всем.

— Мы не станем рисковать, — возразил Синухет. — Я не собираюсь подвергать свою команду опасности. Но до старой дороги не может быть более десяти фарсахов, поскольку, иначе, за пятьсот четыре натры мы бы уже достигли экватора.

— Если, проехав десять фарсахов, мы не найдем следов Дороги, галера вернется, — добавил Хатэм. — В этом случае мы отстанем от Колонны на три-четыре сега, и новое шасси позволит с легкостью ее догнать.

Нефри упрямо покачал головой:

— Не вижу смысла в риске. Нет нужды поворачивать галеру. Пусть те, кому интересно, берут охотничьи меркуры и едут, мы их потом подберем...

Синухет скрестил руки на груди.

— Кто согласен с Нефри?

Старый Тимн немедленно положил ладони на стол. Остальные колебались. Видя это, Хатэм резко отодвинул кресло и встал.

— Двести сорок натр тому назад великий кормчий Хви открыл волшебные свойства танталовой соли и построил первый реактор, — начал он горячо. — С тех пор его изобретение спасло жизни тысячам людей. Раньше двигаться быстрее ветра казалось невозможным. Тот, кто терял место в Колонне, навсегда лишался возможности вернуться и рано или поздно становился добычей пиратов. Мы всецело зависели от ветра, охотники и земледельцы гибли сотнями. Во всем мире людей жило не более десятка тысяч!

Хатэм огляделся. Если не считать меня, в каюте он был самым молодым.

— Сегодня нас впятеро больше. Изобретение Хви дало нам независимость и мощь, подарило надежду когда-нибудь построить достаточно мощный реактор, способный согреть воздух под гигантским куполом Первопроходцев, что стоит, по легенде, в начале Дороги.

Философ поднял палец, призывая к вниманию.

— Кормчему Хви была дарована неслыханная честь: после смерти его останки положили в военную пентеру и

направили против движения Колонны, на вечный бой с натрой. Имя его стало легендой.

Хатэм посмотрел каждому в лицо.

— Первопроходцы крепко держались друг за друга и выжили, построив Колонну, — сказал он. — Мы их потомки. Бороться со смертью — наша судьба. Сейчас перед вами, перед каждым из вас, стоит выбор: рискнуть жизнями ради человечества или, подобно глупым рамфоринхам, спрятать головы в песок. Это испытание любви к людям. Любви к жизни. Не позорьте предков...

Если бы мы могли тогда предвидеть, что ожидает нас за Обочиной, Хатэма ссадили бы с галеры. Думаю, даже Синухет не стал бы возражать. Но мы ждали от будущего лишь славы и благодарности народа, нового скоростного корабля, места в истории, спасения человечества... В общем, всего кроме истины. Поэтому большинством голосов план Синухета был одобрен. Лишь старый Тимн продолжал ворчать.

А я... Я был в восторге. Здесь надо сказать, что жизнь на маленькой галере казалась очень скучной после огромной, многолюдной ментепы, где мальчиков готовят к отправке на рабочие корабли. Там меня обучали ремеслу эскулапа, и сначала я даже обрадовался, услышав, что менторы избрали мне место на охотничьей галере.

Попасть на охотничий корабль почему-то считалось удачей. Тех из нас, кого миновала завидная участь стать легионером или анхсием, ждал выбор между рабочими кораблями и дальним земледелием. Земледелие меня никогда не влекло, галера показалась отличным шансом... Но скука и рутина быстро избавили от мечтаний.

За две натры, что я провел на галере Синухета, мне даже не дали оседлать скоростной меркур, не говоря уж о том, чтобы взять на охоту. Справедливости ради надо сказать, что четверым мальчикам, принятым на борт вместе со мной, повезло еще меньше; их назначили в трюм, к заготовителям, и беднягам приходилось часами кромсать тяжелые шкуры кризонов. Тем не менее, скука тяготила меня, и грядущее путешествие за Обочину я воспринял как подарок судьбы.

Знать бы тогда, чем все кончится...

Спустя четыре сега после совещания начался разгон. Это время команда трудилась не покладая рук, готовя корабль к экспедиции. Синухет и Нефри приняли решение стартовать на старых, изношенных пневматиках, желая выработать их ресурс до предела, но все остальные механизмы было приказано привести в идеальный порядок.

Меня и других юношей временно отрядили под командование Нефри. Два сега мы работали по горло в масле и мазуте, ползая между главными силовыми торсионными. Наша галера была относительно небольшим кораблем, централизованная система смазки на ней отсутствовала, и время от времени приходилось закачивать масло прямо в кожу подшипников.

Если б не продуманная сеть страховочных тросов, все мы раз тридцать оказались бы под колесами. Однако галера Синухета, как уже говорилось, была отличным судном, и обошлось без неприятностей. Правда, потом пришлось вызывать по радио бочконосец, чтобы пополнить запасы чистой воды.

Закончив обслуживание шасси, мы еще полтора сега готовили новые пневматики к быстрой замене, смолили корпус, чистили холодный реактор и меняли поршневые кольца на главной машине. Но, наконец, настал час, когда все работы были завершены. Обновленная галера подняла второй парус и мягко покатила навстречу гибели.

Шесть сегов мы шли быстрее полусотни фарсахов за сег. С кораблей, которые мы обгоняли, часто присылали удивленные радиозапросы. Большинство командиров не одобрило идею Синухета, посчитав путешествие ненужным риском, но мы были возбуждены и не хотели слушать разумных советов.

Впрочем, скоро даже передовые корабли Колонны остались далеко позади, и галера мчалась в гордом одиночестве, словно была не солидным охотничьим судном, а скоростным катамараном земледельцев. Приспущенные пневматики и хорошо смазанные торсионы гасили колебания, независимые колесные тележки обтекали любую неров-

ность. Мы шли под небольшим углом к Движению, сего за сегом приближаясь к левой Обочине.

Здесь надо сказать, что раньше я не бывал на Обочине, не говоря уж о Диких землях. Ширина Дороги достигала двадцати фарсахов, и многие люди проживали всю жизнь, так и не увидев ничего кроме пыли. Я принадлежал к их числу.

К стыду своему должен признаться, что воображал Дикие земли, от силы, как плохую, неровную Дорогу. Мне и в голову не приходило, что они окажутся сплошь покрыты кустами, высоченной травой в рост человека и даже редкими деревцами, избежавшими пил лесорубов. Когда галера, тяжело раскачиваясь, перевалила за Обочину и покатилась поперек Движения, почти вся команда собралась на верхней палубе. Люди молча осматривались.

Сразу за Дорогой командир приказал снизить скорость. Теперь мы двигались не быстрее идущего человека, подминая кусты и траву. Двигатели стояли; экономя топливо, Нефри решил первую половину пути проделать под парусами, развернув их под углом к ветру. Конечно, боковые нагрузки были вредны для пневматиков, но мы все равно собирались их менять.

Местность и в самом деле выглядела дикой. Ветер гнал по траве волны, деревья были согнуты его вечным напором. Из-под колес то и дело выпрыгивали громадные длинноногие жуки, они были с два кулака размером. Вдали виднелись еще не очищенные от растительности квадратные поля земледельцев. Галера сильно раскачивалась, снизу доносился непривычный трёск и шелест. А самое странное, почти не было пыли.

— Здесь влажная земля, — объяснял Хебсен собравшимся вокруг молодым. — Вода питает корни травы и деревьев. Если выкопать яму и положить в нее горшок, тот вскоре окажется полным...

К концу первого сега мы увидели одну из параллельных Дороге рек, где бочконосцы запасались водой. Теперь-то я знаю, что это был простой ручей, но тогда она показалась нам подлинным чудом. Синухет запретил сходить с

корабля; выкупаться никто не смог, но зрелище водной поверхности врезалось мне в память на всю жизнь.

Форсировав речку, галера немного снизила скорость. Судя по расчетам Хатэма, до конца завтрашнего сега не стоило ждать открытий, и экипаж отправился спать. На палубе остались лишь вахтенные.

И я.

Теперь настала пора сказать правду. Я не случайно поскользнулся, как потом объяснял командиру. Если б мое падение действительно было случайным, я наверняка запутался бы в предохранительной сетке или попал под колеса.

Нет, я не поскользнулся. Просто... попробуйте поставить себя на мое место. Мальчишка четырнадцати натр от роду, вынужденный сег за сегом делать нудную и утомительную работу, разговаривать с одними и теми же людьми, слушать идиотский смех дурака Рейама, есть кризонье мясо с черным лавашем, запивать несвежей водой, дышать пыльным воздухом. И так уже вторую натру. А вокруг простирался новый мир, непривычный и странный, галера шла медленно, догнать ее не составило бы труда даже шагом, и почти все на борту спали...

Взять меркур я не рискнул. За такое меня упрятали бы в трюм на полнатры. Бесшумно спустившись к себе в каюту, я надел пятнистый охотничий комбинезон, которым до сих пор не имел шанса воспользоваться, прихватил шипастые сандалии, шлем для работы в подвеске и гарпунное ружье. Стрелять я не умел, но все равно взял. На всякий случай.

Лазить по страховочным тросам было нетрудно. Я пробрался к задней левой тележке шасси, некоторое время собирался с духом, глядя на неторопливо убегающую назад землю, и, наконец, прыгнул, позаботившись, чтобы конец веревочной лестницы свисал как можно ниже. Откуда мне было знать, что вернуться на галеру я смогу лишь спустя полнатры...

Сначала я чуть не упал. Ощущение неподвижной земли под ногами было таким странным, что у меня закружилась голова и словно отнялись ноги. Я не чувствовал, куда на-

ступаю, по коже бегали мурашки. Громадная галера медленно удалялась, а я стоял по горло в траве, не чувствуя ног, и пытался побороть тошноту. Неподвижность!

На миг мне стало так страшно, что я чуть не бросился следом за кораблем. Но холодный ветер остудил мою пылающую голову. Это всего лишь земля, сказал я себе. И добавил: не веди себя как Рейам.

Переведя дыхание, я опустился на колени, желая рассмотреть землю вблизи. Она была совсем не такая, как в цветочных горшках. Прожилки, мелкие растения, какой-то коричневый мох... И жизнь. Я похолодел, когда увидел в траве колонну муравьев. Насекомые медленно, упорно ползли в сторону Движения.

Содрогнувшись, я встал. Галера уже отъехала довольно далеко, за ней тянулся широкий след раздавленной травы. Мы двигались поперек ветра, поперек муравьиной колонны, и тогда мне впервые пришла в голову странная мысль.

Колеса уничтожили тысячи муравьев. Там, где проехал корабль, в их колонне имелись широкие прорехи, смятая трава скрывала подлинное кладбище. Но каждый оставшийся муравей продолжал упорно ползти по ветру. Части колонны двигались независимо, скорее всего, они даже не знали о существовании других.

Других колонн.

Тут надо сказать, что если бы подобная идея посетила меня на галере, я хорошо посмеялся бы над собственной глупостью и немедленно обо всем позабыл. Но здесь, в новом мире, где холодный ветер со зловещим шелестом гнал по траве волны, а под ногами не было привычной палубы — здесь я мог поверить во многое.

— Муравьи... — прошептал я. Понимание ударило, словно гарпун. Вскрикнув, я побежал следом за галерой, но в этот миг сзади бросили аркан и я покатился по земле, от неожиданности больно прикусив язык.

На голову мне надели мешок и куда-то потащили. Резкий звериный запах дурманил рассудок, гортанные голоса похитителей звучали зловеще. Я не кричал: знал, что бес-

полезно. От страха, если честно, я даже обмочился, но бедуины не обратили на это внимания.

Меня привязали к седлу ламарга и увезли прочь от родной галеры.

Глава 4

Это были разведчики большого племени бедуинов. Они заметили, что один корабль свернул с Дороги, и примчались узнать, не замышляем ли мы зла против их стойбища, раскинувшегося в паре фарсахов по ветру. К счастью, когда появилась галера, бедуины уже сворачивали шатры: их племя провело в неподвижности больше времени, чем ожидалось, Колонна приблизилась, и теперь бедуины поспешно уходили, не отвлекаясь на всяких безумцев вроде Синухета. Я узнал это гораздо позже того времени, о котором рассказываю, но надо же объяснить, почему они не сожгли галеру.

Меня допрашивал сам шейх племени, толстый морщинистый старик по имени Аль-Карак. У него на носу была жирная бородавка, которая краснела, когда он злился. Я очень боялся злить бедуинов, поэтому отвечал покорно и правдиво, надеясь, что ничтожество вроде меня не станут убивать, а просто бросят на Дороге, где я могу встретить другой корабль.

К несчастью, у Аль-Карака были иные планы. После допроса, когда пожилой кузнец принес инструменты и защелкнул на моей шее стальное кольцо, я решил, что жизнь окончена. Слишком много ходило слухов про рабовладельцев. Но вскоре выяснилось, что бедуины не собираются продавать меня пиратам. Я узнал это случайно.

К тому времени большая часть племени уже двинулась в путь, погрузив шатры на громадные крытые повозки. Я впервые увидел прирученных кризонов. Эти могучие, длинношерстные звери считались глупыми, во всяком случае даже старый Тимн не слышал об их успешной дрессировке. Но бедуины, очевидно, нашли способ. Каждую по-

возку тянула упряжка из десяти кризонов, телята бежали рядом, привязанные к оглоблям.

Меня бросили в самый маленький фургон с красиво раскрашенным тентом. Несколько старух, сидевших у бортов, при виде меня зашипели совсем как масло в горячем двигателе, но бедуин-кучер живо на них прикрикнул. Я первый раз увидел женщин и сразу понял, почему их держат на отдельных кораблях...

— Зачем тебе эта дзагхла? — спросил тем временем кто-то за тентом. Я сжался в комок.

— Он расслабленный, — ответил голос Аль-Карака. — Всем дзагхлам отрезают зеббы. Такие рабы покорны и старательны.

— Поймай пацана из клана Тефрэ и отрежь ему зебб...

— Ты глуп. Покорство приходит с годами. Если отрезать зебб парню из нашего народа, он затаит ненависть. А эта дзагхла станет прислуживать моей дочери.

— Не боишься?

— Пусть дзагхла боится...

Я и правда боялся. Страшно боялся, что меня приставят рабом к одной из ужасных женщин, и она будет шипеть, избивая меня плетью. Шрамы на лице охотника Хебсена никогда не казались такими жуткими.

А потом я увидел Акиву.

Первый раз мы встретились уже в пути. Повозку немилосердно трясло, мне было очень плохо, поскольку любой корабль, даже маленькая барка, в сравнении с бедуинскими фургонами словно плывет по воздуху. У повозки, где меня везли, не было даже элементарной триплет-подвески, деревянные колеса жестко крепились под ужасными листовыми рессорами, без амортизаторов и гасителей, даже без рулевой трапеции. Любой ухаб отзывался в кузове, от воня кружилась голова. Когда в фургон забралась девочка, я даже не сразу ее заметил...

Акиве, как и мне, было четырнадцать. В первый раз она показалась мне мальчиком, я ведь не знал, что у бедуинов длинные волосы носят только женщины. Стройная и гибкая, смуглокожая, сероглазая, Акива была очень красива.

Ее волосы достигали пояса и отливали сказочным мазутно-черным блеском. Длинные ресницы и огромные миндалевидные глаза, казалось, шептали — «я совершенство», точеное лицо говорило о древней крови, царапины на коленях и локтях — о живом характере. Одевалась она всегда по-разному, любила яркие цвета и украшения. Когда мы встретились впервые, на Акиве был сиреневый чопрах, синне-золотая сорочка и широкий пояс цвета меди. В сравнении с блеклыми халатами бедуинов, этот наряд казался взрывом красок и подействовал на меня, словно удар коленвалом по голове. Пока я пытался придти в себя, Акива молча разглядывала новую игрушку.

— Тебе правда отрезали зебб? — спросила она наконец. Только услышав голос, я понял, что встретил женщину, и страшно перепугался. К счастью, какое-то внутреннее чувство удержало меня от открытой демонстрации страха, иначе — теперь-то я знаю — Акива никогда бы это не простила.

— Что такое зебб? — спросил я. Фыркнув, девочка протянула босую ногу и ткнула меня под живот.

— Там.

— А... а что в этом странного?

Она звонко рассмеялась:

— Бедненький. Отец говорил, всем дзагхлам отрезают.

Что-то во мне оскорбилось такому пренебрежению со стороны девчонки, и, не подумав, я брякнул:

— Я человек, а не дзагхла.

— Нет, дзагхла! — Акива спрыгнула на дно повозки и дернула за цепь, которой я был привязан к борту. — Вы, с кораблей, все дзагхлы.

— Мы люди!

— У людей ничего не отрезают, — сказала она весело.

Я отвернулся, но Акива потянула за цепь и заставила меня вылезти из угла. Фыркнув еще разок, она уселась на пол, скрестила ноги и принялась разглядывать мой пятнистый комбинезон.

— Как вы делаете вещи? — спросила девочка, насмотревшись. — Вы же никогда не останавливаетесь.

— Есть заводские баржи... — пробормотал я. — У центряков...

— Центряки? Кто это?

— Они едут на больших кораблях в центре Колонны.

Акива нахмурила лоб.

— А что, бывают маленькие корабли?

Тут я, не выдержав, рассмеялся, на миг забыв, где нахожусь. Много позже Акива призналась, что именно в этот миг решила, что я ей нравлюсь. Но тогда она рассердилась и пнула меня ногой. Потом, удивившись, пнула еще раз, но удары были совсем слабые, и я лишь молча отполз назад. Девочка изумленно моргнула.

— Тебе что, не больно? — спросила она недоверчиво.

Я покачал головой. Акива открыла рот, подумала, и внезапно рассмеялась.

— Ха, да у тебя там ничего нет! — гикнув, она схватила меня за волосы и вытащила обратно в центр повозки.

— Ты смешной, — заявила юная дикарка. — Отец сказал, ты мой раб. Будешь слушаться, я тебя бить не стану. Усек?

— Да, госпожа, — ответил я покорно. Девчонка фыркнула, точно как Синухет.

— Я Акива, дочь Аль-Карака, охотница Вселенной! А ты кто?

Я представился. Оказалось, Акива не знает, что такое «эскулап». Когда я объяснил, она долго смеялась, а потом сказала, что у дзагхл даже слова неправильные, если ученик табиба носит имя змеи. Позже я узнал, что бедуины называли своих эскулапов «табибами», а «эскулапом» у них звалась маленькая безобидная змейка с желтыми пятнышками на голове.

Первые сеги Акива жадно расспрашивала про нашу жизнь. Она знала о Колонне даже меньше, чем я о бедуинах. Сильнее всего Акиву поразило, что мы держим женщин отдельно, на особых кораблях, а почти всем мужчинам отрезают «зоббы».

— Почему? Почему-почему? — допытывалась она. Я и сам плохо знал, но как сумел — объяснил. Акива потом целый сег ходила притихшая.

— Значит, у вас к женщинам могут входить только лучшие мужчины, — сказала она наконец. Я кивнул.

— Они называются анхсиями, и их очень мало. Стать анхсием — большая честь.

— А кто же твой отец? — внезапно спросила Акива.

Я пожал плечами.

— Не знаю. У нас нет кланов, как у вас. Наверно, на ментепе вместе со мной учились несколько моих братьев, но я их не знаю.

— Какой ужас! — девочка отшатнулась.

— Почему? — я удивился. — Все правильно. Мы ведь не животные, чтобы постоянно спариваться. В каждом деле нужен порядок. Лучшие мужчины входят к женщинам, женщины рожают, из потомства отбирают лучших, а остальным способность деторождения только мешает работать...

Акива как-то странно на меня посмотрела.

— А ваши воины? Их тоже отбирают заранее?

— Легионеры? — переспросил я. — Конечно! Легиону нужны самые сильные мальчики. Солдат воспитывают на особых триремах, учат стрелять и сражаться, а лишнее... — я замаялся, — ...им отрезают позже, чем другим, чтобы росли агрессивными.

Акива помолчала, глядя на свои босые ноги.

— Ты был прав, вы не дзагхлы, — сказала она наконец. — Вы муравьи.

Я содрогнулся, припомнив муравьиную колонну под колесами галеры. И внезапно, не знаю почему, рассказал Акиве о своей идее. Она не стала смеяться.

— Может быть, — девочка пожалала плечами. — Мир большой, в нем хватит места для всех.

— Не хватит, — возразил я мрачно, и пересказал теорию Хатэма. Вот теперь Акива засмеялась, и смеялась долго, весело.

— Глупый-глупый муравей, без мозгов и без ушей! — сказала она потом. — Нет никакого шара!

— А тебе-то откуда знать? — разозлился я.

Акива щелкнула меня по носу:

— Через две сегмицы приедем в город колодников. Сам увидишь.

Затем она свистнула, подзывая своего ламарга, перелезла из повозки ему на спину и умчалась, распевая песенку про глупых муравьев.

Глава 5

Вспоминая город колодников, я иногда сомневаюсь, что все это происходило не во сне. Но Акива была реальной, я готов поклясться, а значит, и остальное — тоже... Я знаю, вам, нашедшим заледеневшую галеру в далеком будущем, будет трудно поверить моим словам, но клянусь — это правда!

Бедуины ехали под углом к ветру, сег за сегом удаляясь от Колонны. Вскоре стало ясно, что Хатэм ошибался по крайней мере в одном: никакой старой Дороги не существовало. Во всяком случае, за левой Обочиной.

Вокруг, куда ни глянь, простирались Дикие земли. Эсна дальнего земледелия осталась справа, древесные участки и обработанные поля давно кончились. Уже десятый сег бедуины ехали по совершенно диким местам, где деревья росли кучками, а трава иногда достигала двойного роста.

Судя по погоде, племя двигалось медленнее Колонны. Намного медленнее. Спустя двадцать шесть сегов уже заметно похолодало, и я гадал, где бедуины собираются провести натру, поскольку было совершенно ясно, что убежать от нее они не успеют.

Я прислуживал дочери шейха и выполнял довольно грязную, хотя и необременительную работу по уходу за ее ламаргами. Мы с Акивой стали своего рода приятелями: она любила командовать, а я боялся ее злить. По настоянию девочки, с меня вскоре сняли ошейник. Все равно бежать было некуда — нас даже пираты давно обогнали.

Акива учила меня ездить на ламарге и от души развлекалась, глядя на мою неловкость. Другие бедуины относились ко мне безразлично. Зато хоть ненависти не было...

Впрочем, с чего бы им ненавидеть дзагхл? За всю историю, наверно, лишь раз или два легионеры сумели причинить бедуинам ущерб, гораздо больше вреда наносили им ядовитые жидкости земледельцев. Вот их бедуины ненавидели смертной, непреходящей ненавистью.

Понемногу я начинал понимать, что мир Колонны почти не пересекается с миром кочевников. Это было очень болезненным открытием для мальчика, всю жизнь считавшего свой дом единственным и неповторимым. Жизнь бедуинов так сильно отличалась от нашей, что иногда казалось — меня окружают вовсе не люди, а какие-то другие существа, лишь внешне с ними схожие.

Первое время мальчишки в племени издевались и надсмехались надо мной, прятали одежду, заставляя меня голышом бегать между повозками в поисках комбинезона. Их, как и Акиву, очень веселило, что у меня отрезан «зебб». Лишь убедившись, что я не считаю это позором, они понемногу отстали.

Взрослые бедуины, напротив, иногда меня жалели, однако то была жалость человека к больному зверенышу, и она оскорбляла меня гораздо сильнее, чем насмешки детей. Странно, но как раз это и сблизило нас с Акивой.

Дочь шейха не была счастлива в племени. Самого охраняемого ребенка бедуинов постоянно опекали несколько старух и телохранителей, удаляться от повозок ей запрещалось, другие дети чувствовали себя скованно, когда Акива была рядом.

Ее старший брат, уже взрослый, обращал на Акиву не больше внимания, чем на меня. Женщина — у бедуинов — считалась человеком второго сорта, но очень ценным, поэтому их берегли, порою насильно. Из-за этого у девочки развился воинственный характер, и она часто поступала «назло» своим менторам, как бы стремясь доказать им, что не нуждается в опеке.

— Они хотят выдать меня за толстого Мелика из клана Койшэ, — сказала Акива как-то раз, во время очередного урока верховой езды. — Я скорее пойду за тебя, чем стану женой этого уroda.

Я уже знал, что у бедуинов принято «выдавать» женщин в собственность мужчинам. Но слова Акивы меня поразили.

— Женой? — спросил я недоверчиво, морщась от боли в разбитом колене. — Ты же пока маленькая!

— Иногда выдают и младенцев, — мрачно ответила девочка. — Моя сестра уже замужем, хотя ей всего полторы натры.

Заметив мою растерянность, она фыркнула:

— Эй, муравей! Пока жена не вырастет, муж ее не видит.

— А-а... — протянул я.

Акива засмеялась.

— Лезь в седло! Продолжаем урок.

— Может, отдохнем немного? — взмолился я.

Девочка гневно уперла руки в бока:

— Быстро!

— Хорошо...

Так, сег за сегом, прошла дуга, и племя приблизилось к своей цели. Я тогда не знал, что значит слово «город», поэтому ожидал увидеть все что угодно. Но когда УВИДЕЛ...

Город — место, которое всегда неподвижно. Я знаю, в это трудно поверить, но я сам был в городе, и видел каменные стены, каменные дома, каменные дороги. Каменные! Закон всемирного тяготения к движению оказался ложью, как и вся моя прошлая жизнь.

Стены города слегка напоминали отрицательно-изогнутые борта катамаранов. Они были сложены из угловатых, необычно темных камней и превосходили высотой нашу галеру, хотя до пентеры не дотягивали. Формой город напоминал квадрат, по углам которого высились толстые каменные мачты. Я тогда еще не знал слова «башня».

Позже Акива сказала, что город колодников называется «Агарта», и таких городов в мире несколько. Еще позже я узнал про секретный договор между колодниками и Легионом... Но все это было потом.

А сейчас настала пора рассказать, как случилось, что мы с Акивой полюбили друг друга. Это произошло на тре-

тий сег неподвижности, когда племя разбило лагерь у городских стен и бедуины отправились к колодникам, договариваться о цене за проход сквозь какой-то туннель.

В тот сег я проснулся от знакомого пинка. Акива была одета по-походному, в глазах ее горел озорной огонь. Быстро приложив ладонь к моему рту, она шепнула:

— Хочешь стать одним из нас? Надо пройти испытание.

Сглотнув, я кивнул. Девочка усмехнулась.

— Тихо одевайся. Пока старшие в городе, мы с парнями едем на край света.

— Куда?! — я чуть не поперхнулся.

Акива зловеще улыбнулась.

— Увидишь.

Комбинезон давно испачкался и кое-где порвался, но другой одежды не было. Когда я вылез из повозки, дочь шейха и несколько мальчишек уже оседлали ламаргов. За плечами Акивы висело мое гарпунное ружье.

— Будь осторожней с этой штукой, — предупредил я. Фыркнув, Акива мотнула головой, подождала, пока я заберусь в седло позади нее, и хлопнула скакуна по шее. Маленький отряд скрылся в высокой траве.

Ехать поперек ветра пришлось очень долго. Лагерь бедуинов и городские стены давно пропали вдаль, постепенно трава стала еще выше, и даже со спин ламаргов мы видели только зеленые стебли. Все хранили молчание. Я гадал, о каком испытании говорила Акива, когда внезапно ощутил...

Ощутил, что ветер утих.

Вам, в будущем, наверное не понять, какой ужас поднимается в душе, когда происходит нечто, чего не могло произойти. По лицам мальчишек я видел — им тоже не по себе, но бедуины всю жизнь росли со знанием, что это возможно. А меня словно трiremой переехали.

Без ветра мир казался мертвым. Полная, жуткая тишина морозила кровь, высоченная трава склонялась над головами. Она была неподвижна — и это пугало еще сильнее. Из всех нас, пожалуй, одна Акива разыгрывала храбреца.

— Ну, как? — гордо спросила она, придерживав ламарга. — То ли еще будет!

Я не ответил. Впереди, сквозь застывшие стебли травы, виднелась открытая местность, и я мысленно взмолился — пусть там будет ветер! Может, подумал я, это растения его закрывают...

Ветер там был. Он с воем набросился на нас, растрепал волосы, взъерошил шерсть скакунов. От неожиданности я прикрыл лицо ладонью и оглянулся, пытаясь понять, где кончается трава — и увидел идеально ровную бесконечную линию растений, уходившую влево и вправо за горизонт. Под копытами ламаргов зазвенел металл.

— Эй, муравей, — тихо позвала Акива. — Не туда смотришь.

И тогда я медленно повернул голову.

Глава 6

Вас когда-нибудь вешали на тоненькой нити над пропастью? Чтобы ветер рвал ваше конвульсирующее тело, нить судорожно дергалась, а впереди, внизу, по сторонам, над головой — везде был лишь ужас?

Если да, то вы знаете, что я тогда ощутил.

Всего в десятке шагов от меня кончался мир. Там, на краю, имелись аккуратные поручни из проржавевшего насквозь металла, а за ними — в бесконечность! — простиралось невероятное.

Тучи, которые никогда не останавливались, тучи, ставшие родными всем нам, они продолжали лететь по ветру, но в десятке фарсахов над пропастью их вечная серость словно натыкалась на стену и рушилась вертикально вниз. Тучи летели по ветру! Летели, образуя прямой угол, одна из граней которого простиралась над нашими головами, а вторая падала в бездну. Мы стояли на дне коробки из туч. И видели ее грань.

Не уверен, кажется я свалился на землю и с криком побежал обратно... Или ламарг чего-то испугался. Хорошо помню лишь, как лежал на спине, а Акива сидела рядом, с тревогой меня разглядывая. Над головой летели тучи.

— Ты чего? — спросила девочка. — Скорпион ужалил?

Судорожно втянув воздух, я заставил себя сесть. Ламарги мирно паслись неподалеку, бедуины сидели кружком вокруг нас с Акивой. А слева... там... Туда я смотреть не стал.

— Акива, — мой голос прозвучал так, словно я мгновенно охрип. — Акива, что это? Где мы?

Она подняла брови, а потом внезапно расхохоталась так, что повалилась на спину, дрыгая ногами в воздухе.

— Муравей перепугался! — Акива задыхалась от смеха. — Обмочился со страху!

— Да, мне страшно, — сказал я тихо, и это словно топором оборвало ее хохот. У бедуинов сказать вслух, что ты испугался — примерно то же самое, как у нас нарочно испортить корабль.

— Страшно? — переспросила Акива. Мальчишки насмешливо переглядывались.

— Да, — я опустил голову. — Мне страшно. Я не знал... Что у мира есть грань.

Акива задумчиво наморщила лоб. Тем временем один из мальчишек рассмеялся и пнул меня ногой:

— Мокрая личинка! — бросил он презрительно. Я сжался, но бить меня не стали. Вместо этого, к своему изумлению, я услышал голос Акивы:

— Отстань, — сказала она серьезно. — Он же спятить мог. Эй, муравей, — девочка с неожиданной лаской погладила меня по голове. — Успокойся. Мы забыли, что ты не знаешь.

— Чего не знаю? — спросил я тихо.

Акива вздохнула.

— Совсем ничего не знаешь. Про мир. Вставай, покажу кое-что.

Я невольно отпрянул, но Акива нахмурилась и резко схватила меня за плечо.

— Вставай!

Все вместе они подтащили меня к поручням.

— Убежишь — будешь трусом, — предупредила Акива. — Останешься — примем как своего. Это твое испытание. Только смелый сын свободного народа может смотреть за Край.

Сказав это, девочка скрестила руки на груди и демонстративно отошла назад. Мальчишки немедленно последовали ее примеру.

Я остался наедине с невозможным. Страх так заморозил кровь, что у меня зуб на зуб не попадал, ноги стали ватными и непослушными. Но к этому времени в душе проснулась давно таившаяся гордость. Я не муравей и не дзагхла, я — человек! Подбадривая себя такими мыслями, я повернулся и, почти не дрожа, подошел к перилам.

Это было страшно, да. Но терпимо. Всего лишь второе небо, далеко внизу, под ногами. Ничего особо ужасного.

Гораздо страшнее стало, когда я понял, что плоскость, на которой я стою, не имеет толщины. Совсем. Край металлического листа, простиравшегося в обе стороны до горизонта, расплывался в глазах, его никак не удавалось увидеть. Я наклонился, желая понять, еще сильнее наклонился... Но тут меня схватили за плечи и дернули назад.

— А вот этого не надо, — серьезно сказала Акива. — Я говорила, смотри ЗА Край. НА Край смотреть нельзя. Свалишься.

Я уже немного опомнился, и страх уступил место жгучему любопытству.

— Акива, где мы? — я кивнул в сторону бездны. — Объясни!

Девочка улыбнулась.

— Все! Он теперь наш, — заявила она мальчишкам. Те весело засмеялись, меня принялись хлопать по спине и дергать за волосы. Было очень приятно.

— Ну, муравей, — Акива отошла подальше от Края и уселась на песок. — Теперь можешь спрашивать.

Я сел напротив, скрестив ноги. Мальчишки расположились вокруг.

— Что это за пропасть? — я задал первый вопрос.

Акива покачала головой.

— Не пропасть. Край света.

— Не понимаю...

— Верю, — она улыбнулась. — Дзагхлы ничего не знают, мне отец говорил. Слушай внимательно, муравей.

Наш мир совсем-совсем не похож на мяч. Он похож на диск. А мы сейчас сидим на самом краю, тут мир загибается вниз. Там, под нами, — она постучала по железу, — есть еще один мир, где все наоборот. Когда у нас кончается натра — у них начинается.

Акива вытянула руку против ветра и пошевелила пальцами.

— Я прихожу сюда каждую натру. Мы, свободный народ, живем как хотим, пока не наступает время холода. Тогда мы едем на край света, к городу колодников. Эти города стоят с обеих сторон мира, а внутри есть Колодец, огромная дыра, Туннель, ведущий сквозь землю.

Девочка рассмеялась.

— Что, муравей, дома тебе такого не говорили?

Я молча замотал головой. Акива довольно улыбнулась.

— То-то. Слушай и учись. Колодники — самый древний народ, они отличаются от людей и всегда живут на одном месте. Когда к их городу приближается холод, они переходят на другую сторону мира, где холод недавно кончился, и следующую натру живут там, во втором городе. Вместе с ними сквозь Туннель проходят наши племена. Но колодники давно разучились добывать пищу, и нам приходится платить им за проход — шкурами, мясом, шерстью. Поэтому в теплое время натры наш народ кочует по миру, собирая для колодников дань.

Девочка нахмурилась.

— Мужчинам это не нравится, но у колодников есть много хорошего оружия и даже боевые машины, стреляющие огнем. Вот почему уже много-много натр никто не пытается с ними воевать. Собрав дань, мы приходим к городу, платим хозяевам, и нас пропускают на ту сторону мира, где целую натру будет тепло и спокойно.

Акива весело подмигнула.

— Кстати, я родилась на той стороне. Мне четырнадцать натр.

— Я тоже там родился, — добавил один из мальчиков.

От услышанного у меня голова шла кругом. Но один вопрос я задать все же сумел:

— Акива... Это удивительно! А почему нельзя перебраться на ту сторону мира через край?

Девочка тяжело вздохнула.

— Можно, — сказала она с грустью. — Это совсем легко. Но тот, кто перелезет через край, станет другим. У него сердце будет с правой стороны, а правая рука превратится в левую.

Я моргнул.

— Ну и что? Через натру он перелезет обратно, и все вернется!

— Ага, как же! — разозлилась Акива. — Думаешь, мы все глупые? И никто не пробовал? Когда сердце с правой стороны, ты не можешь ничего есть. Ни мяса, ни чебурек-ков, ни фруктов — ничего. Любая еда для тебя превратится в яд, пока не перелезешь обратно. А тут натра!

Я умолк, лихорадочно размышляя над задачей.

— А если сначала перевезти много пищи? Она ведь тоже изменится.

— Ну и сколько ты сможешь забрать? — фыркнула девочка. — Один ламарг съедает ведро травы в сег! А трава нужна свежая.

— Можно зарезать всех зверей, засолить мясо и целую натру его есть! — возразил я.

— Ага, ага, а потом умереть с голоду, когда настанет пора возвращаться, — Акива покачала головой. — Не считай нас дураками, муравей. Дешевле заплатить дань колодникам. Они тоже не дураки, и назначают как раз такую цену, чтобы племенам было выгоднее платить, а не воевать или искать другие пути.

Она встала.

— А теперь иди за мной. Я покажу самое удивительное, что есть в мире.

Мы подошли к перилам. Акива дала знак одному из мальчиков, тот протянул ей мешочек. Там оказались обычные камешки.

— Смотри, — Акива ухмыльнулась. — Внимательно.

Взяв один камешек, она подбросила его на ладони и с силой метнула в пропасть. Камень, как и полагается, поле-

тел вниз, но вскоре замедлился, остановился и... взмыл обратно. Я чуть язык не проглотил.

Промчавшись мимо нас, камешек поднялся на высоту двойного человеческого роста, вновь замедлился, как если бы Акива бросила его вверх, и рухнул вниз. На сей раз он опустился не так глубоко, остановился, вернулся обратно, поднялся чуть выше нас, опять рухнул... И, наконец, повис в воздухе, медленно плывя под напором ветра. Я сглотнул и посмотрел на Акиву.

— Тебе никогда не хотелось летать? — спросила она.

Мы с мальчишками одновременно поняли, что затеяла дочь шейха, и разом закричали, но Акива повелительным жестом вскинула руку.

— Тихо! — рявкнула она. — Я мечтала об этом с тех пор, как отец впервые привел меня сюда. Держи крепче, муравей, — скинув ружье, она отмотала прочный тросик и протянула мне гарпун. — Я быстро вернусь...

— Не делай этого! — я схватил ее за руки. — Пожа-луйста!

— Нет, сделаю, — возразила девочка. — И ты меня не остановишь.

Ее голос почти не дрожал. Оттолкнув меня, она трижды намотала тросик на запястье, покрепче стиснула ствол ружья и оглянулась.

— Я буду летать, — тихо сказала Акива. И прежде, чем мы успели помешать, с разбегу вскочила на перила и прыгнула в пропасть.

От ужаса у меня зашевелились волосы. Тело девочки камнем рухнуло в пустоту, навстречу тучам, мчавшимся под ногами. Она закричала. Трос стремительно разматывался, рывок — и Акива завертелась как флюгер, когда ружье вырвало из ее рук. Мальчишки в панике бросились прочь.

Я смотрел, оцепенев от страха. Набрав огромную скорость, Акива замедлилась лишь тогда, когда ее тело уже казалось маленькой черной точкой. Точка стала расти, все быстрее и быстрее, послышался крик... Девочка промчалась мимо быстрее стрелы и рванулась в небо. Она дергалась и кричала, в панике размахивая руками.

Я оглянулся. Бедуинов и след простыл, лишь ламарги беззаботно жевали траву неподалеку. Несчастливая Акива продолжала кричать, она падала. Свист воздуха — и она промчалась мимо, начав второе колебание. Ветер уже отнес ее довольно далеко в сторону.

Внезапно я сообразил, что до сих пор судорожно сжимаю в руках гарпун. Идея еще не успела оформиться, как я вскрикнул и принялся бешено выбирать трос, на другом конце которого раскачивалось ружье. Тем временем Акива третий раз промчалась мимо, амплитуда ее колебаний медленно уменьшалась.

— Раскинь руки! — крикнул я. — Парус! Как парус!

Не знаю, услышала она или ей самой пришла в голову та же мысль, но в этот раз, падая, она не кричала. Тело девочки промчалось мимо, я видел, как она пытается тормозить, раскинув руки и ноги. Напор воздуха вертел ее как колесо.

Ружье со звоном задело Край мира, кусок приклада словно отрезали бритвой. Схватив оружие, я дико огляделся. За что привязать?! Поручни! Но тут я вспомнил, какое ускорение получила Акива при падении. Ружье в любом случае вырвет у меня из рук, и мы оба погибнем.

К чести своей должен сказать, что, несмотря на ужас, мысли бросить Акиву у меня даже не возникло. Несколько мгновений я колебался, пытаюсь придумать другой способ, но ничего не придумывалось. Акива четвертый раз промчалась мимо.

Судорожно вздохнув, я зарядил ружье и повесил его за спину. Немного подумав, снял и намертво примотал к бедру, проткнув гарпуном ремень. А потом забрался на перила.

— Готовься! — закричал я. Акива уже летела обратно, скорость заметно уменьшилась, но ветер относил ее в сторону. Промедление означало гибель.

Сейчас я с трудом вспоминаю, что чувствовал в те мгновения. Наверно, шок вызвал частичную потерю памяти, хотя какая разница... Помню, что прыгнул так, как никогда в жизни не прыгал, вложив все силы, все, на что был способен. Акива мчалась навстречу, сейчас столкнемся!

Нас выручил страх. Если бы мы оба не были на грани помешательства и не вцепились бы друг в друга с силой двадцати стыковочных узлов, удар неизбежно разнес бы нас в стороны. И конец. Смерть обоим. Но мы с Акивой так сцепились, что некоторое время не могли дышать. Мир безумно вертелся, к горлу подступала тошнота.

— Сп... сп... спокойно... — прохрипел я, когда вновь сумел вдохнуть. — Спокойно...

— Я... я... не... — в глазах Акивы стояли слезы. Покрепче прижав ее к груди, я постарался забыть, что мы падаем, и крикнул:

— Не б-бойся! Г-г-гарпун есть!

Она судорожно за меня цеплялась. Я сглотнул.

— Ждем, — сумел выдавить. — Скорость... должна упасть...

— Х-х-х-х... — продолжить она не сумела и лишь прижалась ко мне крепче, закрыв глаза. Я попытался оглянуться.

Судя по тому, что мир висел над головой, мы сейчас находились по другую его сторону, хотя это глупо, ведь скорее всего мы просто падали вверх тормашками. Прошло некоторое время, но я так и не сумел понять, где же наша сторона. Это едва не ввергло меня в панику.

К счастью, вскоре я отыскал ориентир: на нашей стороне были привязаны ламарги. Определить по ощущениям, когда мир был правильным, а когда перевернутым, оказалось совершенно невозможно; стоило нам пересечь плоскость Края, как «верх» превращался в «низ», и мы начинали падать в противоположную сторону. Лишь ветер дул всегда одинаково, унося нас дальше в мировое пространство.

— Акива, — сказал я, когда немного опомнился. Она тоже пришла в себя, безумие исчезло из глаз. — Слушай внимательно. У меня есть гарпун. Мы подождем, пока начнется следующее колебание, тогда я выстрелю в ламарга, зверь побежит прочь и втащит нас обратно.

— Д-д-дурак, — девочка дрожала. — Они же п-п-привязаны.

— Значит, оборвут веревку! — рявкнул я.

— Х-хорошо, — сразу согласилась Акива. — Ст-т-треляй.

Но это колебание нам пришлось пропустить, я не успел отодрать ружье с бедра. Акива судорожно за меня цеплялась.

— Т-т-олько не п-промахнись, — шепнула она, когда я прижал ружье к плечу.

Мы уже падали вверх. Неуловимый миг — Край промчался мимо, и я увидел ламаргов. Нас отнесло слишком далеко.

— Нет! — заорал я. Ружье выстрелило само, гарпун чиркнул по песку, задел перила и... зацепился острым шипом за поручень. Прежде, чем я это понял, Акива дико вскрикнула и что было силы дернула трос.

Упали мы довольно удачно, в траву, отделались синяками и царапинами. Долго лежали, не в силах двигаться. У меня тряслись руки, сердце бешено колотилось. Я слышал его панический стук.

Спустя некоторое время, Акива сумела сесть.

— Яхмес, — тихо позвала она. Сглотнув, я поднял голову.

— Да?

— Спасибо, — она смотрела мне в лицо. — Ты дурак, но спасибо...

Тут я не выдержал и расхохотался так, что из глаз полились слезы. Акива присоединилась, и мы катались в траве, у бездонной пропасти, дергаясь от смеха, и сердца наши бились с левой стороны, поскольку мы пересекли Край нечетное число раз.

Глава 7

В главном шатре царила полная тишина. Здесь находились предводители всех бедуинских племен, собравшихся у города колодников. Во главе высокого совета восседал шейх Аль-Карак. И тишина царила уже давно.

Наконец, густой голос шейха прервал молчание.

— То, что ты сделал, достойно лучшего из сынов свободного народа, — старик смотрел на меня. — Но ты не наш. Ты совершил подвиг, о которых поют дутарщики, но ты даже не мужчина. Родители героя, подобного тебе, ста-

ли бы патриархами племени, но ты не знаешь своих родителей. Ответь, Яхмес, как нам поступить?

Я пожал плечами.

— Не знаю.

— Мы тоже не знаем, — мрачно ответил шейх. — Я, как отец, по закону, должен отдать спасенную дочь тебе в жены.

— Это невозможно, — сказал я глухо.

Аль-Карак кивнул.

— Согласен. Но ты не просто спас мою дочь. Ты пошел ради нее на верную смерть. Только тот, кто истинно любит, способен на такое. Ответь, Яхмес: ты любишь мою дочь?

Я поднял голову и, внезапно, к собственному изумлению, ответил:

— Да.

— Он не мужчина! — крикнул другой старик. Шейх грозно нахмурился.

— Тихо! — Аль-Карак обвел собрание яростным взглядом. — Не позорьтесь в глазах чужака.

Старейшины потупили взоры. Аль-Карак тяжело вздохнул.

— Ты задал нам трудную задачу, Яхмес, — признался он. — И я не знаю, как быть.

— Пусть решает Акива, — ответил я коротко.

Шейх отпрянул.

— Женщина?!

— Да.

— Нет, — отрезал старик.

Я шагнул вперед.

— Почтенный шейх, обещай, что не разгневаешься, если я скажу правду.

— Говори.

— Акива прыгнула в бездну из-за тебя.

Старик поперхнулся. Бородавка на его носу начала наливаться кровью.

— Что ты сказал? — прошипел он.

— Я сказал, что знаю, почему Акива прыгнула в бездну, — во мне словно проснулся кто-то другой, я говорил, и слова сами рождались в душе. — Ты хотел выдать ее за че-

ловека по имени Мелик. Акива ненавидит этого человека. Но ваши законы не дают ей права решать, и в знак протеста, мечтая доказать, что она не хуже мужчины, Акива решилась на безумие.

Я поднял руку, указав на вход в шатер.

— Шейх, я спас твою дочь. Ты у меня в долгу. Поклянись перед всеми старейшинами, что позволишь ей самой избрать пару, вот что прошу я в знак благодарности.

Казалось, Аль-Карак сейчас лопнет от ярости. Но он был бы никудышным вождем, если б не умел себя контролировать.

— Клянусь! — мрачно сказал старик, пыхтя словно испорченный реактор. — Но запомни, Яхмес: она не избрет тебя.

Я улыбнулся.

— Даже если избрет, я откажусь.

— Откажешься? — Аль-Карак отпрянул.

— Да.

— Почему?

— Потому, что я люблю Акиву, — ответил я. — И желаю ей счастья.

В шатре вновь повисла мертвая тишина. Все смотрели на меня, Аль-Карак молчал. Наконец, тяжело вздохнув, он поднялся с подушек и подошел вплотную.

— Если хочешь, считай меня отцом, — негромко сказал шейх. Я кивнул.

— Спасибо.

— Я все еще у тебя у долгу, сын. Что сделать?

— Помогите вернуться домой, — попросил я. — На корабль, откуда меня похитили.

Бедуины переглянулись. Лицо Аль-Карака потемнело.

— Я не могу это сделать.

— Мне не нужны провожатые, — я дрожал. — Просто дайте несколько ламаргов и побольше еды, я попытаюсь догнать Колонну...

— Сын, — шейх опустил на колено. — Мы не сможем вернуть тебя обратно. Много сегов назад твой корабль нарушил границу земли колодников и был захвачен. Согласно

древнему договору, корабль лишили парусов, а людей бросили в подземелье. Их оставят здесь, когда все уйдут.

Это было, словно гарпуном в горло. Я попятился. Перед глазами поплыли лица, страшная боль поднялась в душе. Бедуины сочувственно наблюдали.

— Живы? — сумел я выдавить. Аль-Карак тяжело вздохнул.

— Живы. Но скоро умрут. Их принесли в жертву натре. Старик положил руку мне на плечо.

— Сожалею, Яхмес. Ты можешь идти с нами.

Я замотал головой. Шейх нахмурился.

— Другого пути нет.

— Я должен их спасти, — сказал я, дрожа. — Хоть попробовать. Я должен. Это... мой клан. Моя семья. Кем стану я, если брошу их на смерть, а сам отправлюсь в теплый и безопасный мир?

Бедуины вновь переглянулись. Аль-Карак яростно дернул себя за бороду:

— Вот таким у отца должен быть сын, — сказал он в сторону. — Хорошо, Яхмес. Мы постараемся спасти твой клан.

Меня била дрожь. С трудом кивнув, я вышел из шатра. У порога стояли воины, вокруг раскинулось пустынное стойбище: бедуины готовились к переходу. Несколько странных существ в облегающей серебристой одежде приближались со стороны города.

Так я впервые увидел колодников. Фигурой они напоминали людей, но лица их были вытянуты, как звериные морды, маленькие глаза блестели под массивными надбровными дугами. Темную кожу покрывала редкая красноватая шерсть, вместо волос на голове росли иглы, будто они носили ежовые шкурки. Высотой колодники уступали бедуинам; их тела были коренастыми и крепкими, а сзади, пропущенные сквозь прорези одежды, свисали короткие шипастые хвосты.

Я заступил им дорогу:

— Почему вы напали на наш корабль?

Колодники остановились. Тот, кто шагал первым, оглядел меня с ног до головы.

— Кто ты?

— Яхмес, помощник командира Синухета.

Колодник принял.

— Ты детеныш. Ваши законы не позволяют детенышам вести переговоры.

— Я принадлежу другому народу, — ответил я, стараясь держать себя в руках. Колодники перекинулись несколькими фразами на странном языке.

— Нам не о чем с тобой говорить, — заявил главный.

Я стиснул зубы.

— Вы захватили наш корабль.

— Этот корабль нарушил договор, — возразил колодник. — С нарушителями поступили согласно девятому пункту об ответственности, раздел дополнительных условий, двусторонние обязательства. Твои претензии беспочвенны.

— Мы не знали ни о каком договоре! — я сжал кулаки.

— Это проблема вашей информационной службы.

— Отпустите пленников, — мой голос впервые дрогнул. — Мы не знали о существовании вашего народа, не знали о договоре. Синухет вел корабль на поиски древней дороги, чтобы спасти Колонну от...

— Детеныш, мы теряем время, — заметил колодник. — Если у тебя есть деловое предложение, выскажи его сейчас.

Я вздрогнул:

— Что это значит?

— Пленников можно выкупить. Согласно договору, цену назначает пострадавшая сторона.

В душе шевельнулась надежда.

— Что вы хотите?

— На этот вопрос мы ответим лишь уполномоченному лицу, каковым ты не являешься, — отодвинув меня лапой, колодник проследовал в шатер. Его сородичи так и не обратили на меня внимания.

Остаток этого сега промчался подобно скоростному ка-тамарану. Переговоры в шатре затягивались, я нервно ходил взад-вперед. В голове вертелись планы спасения Синухета. Мысль металась от похищения к открытой войне, от захвата

посланников до безумных идей с пересечением Края мира и атаки города сквозь неведомый туннель.

Но все проходит, даже время. И я дождался появления из шатра иглоголовых. Следом вышел хмурый, как небо, Аль-Карак.

— Ты хорошо ведешь переговоры, — сказал ему главный колодник. — Для поощрения нашего дальнейшего сотрудничества, предлагаю бесплатно снабдить объект сделки картой местности.

— Делай что хочешь, кровопийца, — мрачно ответил шейх. Колодники с достоинством поклонились и направились прочь.

Аль-Карак жестом подозвал меня.

— Мне дорого обошлась проделка дочери, — он вздохнул. — Но это меньшее, что я мог для тебя сделать. Пленников выпустят.

Содрогнувшись, я хотел упасть перед шейхом на колени, но он покачал головой.

— Нет. Иди, готовься в путь. Колодники отказались пропустить твой клан сквозь Туннель, вам придется найти корабль и догонять Колонну. Берите ламаргов, пищу, мех. Натра близко.

— Спасибо... — сумел выдавить я.

Что-то проворчав, Аль-Карак махнул рукой и вернулся в шатер. Меня трясло. От пережитого волнения я едва стоял, кружилась голова. Чтобы хоть немного собраться с мыслями, я обошел шатер, увидел большой барабан и присел на него, устало закрыв глаза. Слишком тяжелая ноша для одного муравья...

И тут я получил такую оплеуху, что свалился на землю.

— Не решай мою судьбу! — прошипела Акива.

Я недоверчиво моргнул.

— Тебя же наказали...

— Я сбежала, — девочка сжимала и разжимала кулаки. — Ты... ты... муравей паршивый! — всхлипнув, она отвернулась. Я тупо смотрел ей в спину.

— Не делай этого, — глухо сказала Акива. — Не уходи.

Я наконец опомнился:

— Ак...

— Не уходи, — она обернулась. — Ты не должен этого делать. Что изменится, если останешься? Ничего не изменится. Они все равно погибнут, натра слишком близко. Ты ничего не изменишь. Не уходи.

Вздыхнув, я нежно взъерошил ее черные волосы.

— Аки, я должен, — сказал просто. — Помнишь, ты говорила об испытании? Чтобы стать одним из народа, надо выдержать испытание.

— Помню, — ее голос звучал ровно.

— Вот мое испытание, — я говорил спокойно, хотя только небо знает, чего мне это стоило. — Жестокое испытание способности к любви. Верность роду, клану... И тебе, Аки. Я должен уйти, чтобы выдержать испытание верности. Если любишь кого-то, будь готов прыгнуть ради него в пропасть.

— Ты уже прыгнул, — тихо сказала Акива.

— И прыгну еще много раз, — ответил я ласково. — Ради тебя.

Она молчала.

— Ты должна понять, почему я ухожу, — я коснулся ее губ. — Забудь. Это лучшее, что ты можешь для меня сделать. Лучшая благодарность. Я хочу, чтобы ты была счастлива.

— Тогда останься, — шепнула Акива.

— Не могу.

— Значит, я пойду с тобой.

— Нет.

— Да.

— Нет, — я взял ее за руку. — Ты пойдешь со своим народом в новый мир, где вас не достанет холод, и будешь счастлива. А я вернусь к своему народу.

Собрав всю силу воли, я сумел улыбнуться.

— Мы еще встретимся, — сказал весело. — На краю света, ровно через натру.

Она подняла глаза и долго, пристально смотрела мне в лицо.

— Обещаешь? — спросила Акива.

Я не ответил.

Эпилог

Когда я встретил пленников у городских ворот, Синухет вначале подумал, что это изощренная ловушка колодников. Позже, получив три десятка ламаргов от Аль-Карака, он решил, что я с самого начала был лазутчиком бедуинов. У нас не было времени на долгие беседы, рассказывать пришлось уже в пути. Только я не все рассказал.

Корабль удалось найти быстро. К счастью, он стоял слишком далеко от Дороги, и когда пираты проезжали мимо, его не заметили. Колодники забрали паруса; но двигатель работал, и когда мы впрягли в галеру разом всех ламаргов, корабль быстро покатился вперед.

Пострадало многое, особенно шасси. Масляная амфора опустела. Двигатель еле работает, нас немилосердно трясет, новые пневматики, лежавшие на палубе, куда-то исчезли... А еще исчез Хатэм.

Никто не знает, куда он пропал. Синухет думает, его убили колодники, но я полагаю — этот безумец сам спрятался среди бедуинов, надеясь проникнуть на другую сторону мира и посмотреть, что там находится. После всего, что мы пережили, о Хатэме не слишком жалеют.

Мы мчимся на полной скорости уже полдуги. Есть маленький шанс — если сциллы Хебсена существуют, мы сможем привязать к одному из них галеру и получить отсрочку для ремонта шасси. Иначе можно сразу останавливаться.

Натра близка, страшный мороз разрывает легкие, если выйти на палубу. Ламарги давно пали, их мясо поддерживает в нас жизнь. Не знаю, догоним ли мы Колонну. Вряд ли. Эту историю я пишу не для них.

Я надеюсь, что спустя натру, или две, или много, нашу галеру найдут бедуины. Они вспомнят ее, вспомнят меня и отнесут Акиве мой бортжурнал. Тогда она прочтет слова, которые я не рискнул ей сказать.

Акива, я выдержал испытание. Мы знали друг друга совсем недолго, и будущего у нашей любви быть не могло, но я все равно люблю тебя, и если эта история когда-

нибудь попадет тебе в руки — знай, что я умер с твоим именем на устах.

А еще, Акива, хочу сказать, что ты ошибалась; наш мир не похож на диск. Я понял это, изучая карту колодников. Дисковая теория не более верна, чем шаровая гипотеза Хатэма.

Акива, форму нашего мира очень легко нарисовать. Еще легче сделать макет. Но представить это воочию человеческий мозг неспособен, как нельзя осознать бесконечно малую толщину Края или законы, управляющие движением туч.

Возьми полоску фольги. Поверни один конец на пол оборота и приклей к другому. Получится забавная математическая игрушка, односторонняя поверхность, которая существует в реальности, противореча всем ее законам.

Теперь мысленно увеличь этот макет в миллиард раз, помести в мировое пространство, и освети так, чтобы тень от одного изгиба падала на второй. Да, и пусть все медленно движется, словно лента конвейера меж неведомыми шестеренками.

Получится наш мир.

Нет никакого шара, диска или станции. Даже «другой стороны мира», которую мы с тобой видели собственными глазами, нет. Есть — односторонний мир, где мы живем, и двумерная плоскость, наша земля. Есть неизвестный обогреватель, дарующий тепло, и есть натра, тень нашего собственного мира, ползущая следом за обогревателем, против ветра...

Тень заключена в нас самих, Акива. От нее никуда не деться, не убежать, не спрятаться. Тень вечно преследует нас, не дает покоя, заставляет двигаться — и в этом наше счастье.

Ибо то, что не движется, гибнет.

Алла Филиппова

НЕДОТЫКОМКА

Новогодняя сказка

Кому-то нравится жаркое лето, когда можно купаться, валяться на мягкой траве и не напяливать на себя кучу теплых одежек. Некоторые предпочитают весну, с ее теплым ветром и звенящими ручейками. Есть и те, кто любит золотые осенние леса. Но Дед Мороз, конечно же, всем временам года предпочитал зиму. Он вышел из избушки и с удовольствием потопал несколько раз, слушая, как поскрипывает снежок под его нарядными красными сапожками. Сосны и ели были укрыты пушистыми снежными пелеринами, а румяное зимнее солнце заставляло снег ослепительно сверкать и переливаться. Дед Мороз довольно огляделся, вдыхая как можно глубже морозный воздух с ароматом хвои. Он был рад наконец-то перебраться сюда из своего ледяного дворца на Северном полюсе, в котором укрывался от летнего зноя. Там тоже красиво, спору нет, одно Северное сияние чего стоит, но разве может оно сравниться с этими заснеженными лесами. Избушка стояла на пригорке, и было хорошо видно, как вокруг расстилаются бескрайние пустынные чаши. Однако вокруг самой избушки было не пустынно, а совсем даже наоборот. Между множества построек-теремков, торопливо сновали фигурки лешачков, снеговиков, разных зверюшек. Несколько медведей с натугой затаскивали в длинный сарай какие-то здоровые ящики, вокруг, звонко и неразборчиво стрекоча, скака-

ли белки. Чуть поодаль за суматохой свысока наблюдали несколько оленей, они считали себя белой косточкой, поскольку возили самого Деда Мороза. Вся эта суэта означала, что до Нового Года осталось совсем мало, и как всегда не хватало времени, чтобы все как следует подготовить.

К Деду Морозу подошел серьезный лешачок с блокнотом в руках. Был он невысок, худ, бородку стриг коротко, носил очки и звался Крыжиком. От природы он был весьма дотошен, аккуратен и имел явную склонность к счетоводству, почему вот уже который год распоряжался подготовкой к празднику. Дед Мороз поглядел на его нахмуренное лицо и приготовился выслушивать список очередных проблем.

Проблемы были обычные — безалаберные синицы запаздывали со списками подарков. Они должны были подслушивать у окон, что хотят дети, и оправдывались тем, что из-за стеклопакетов им теперь ничего не слышно. Мешки для подарков подвезли не того размера, а в партии зарубежных игрушек опять нашли бракованные. Дед Мороз, хмыкнув, распорядился, чтобы синицы поторопились на свиристеть списки тех пожеланий, что у них есть, а с остальными пусть разбираются домовые. Вообще, к следующему году нужно синиц обучить читать по губам. Мешки перешивать усадить белок, вон как скачут, пусть лучше делом займутся, и всем остальным спокойнее будет.

А вот игрушки нужно пойти поглядеть самому. Своими-то силами уже давно не справлялись, вот и приходилось привозить игрушки из чужестранья. В основном китайские. А поскольку дело у тех было поставлено на конвейер, то и бракованные попадались часто. Потому как браком в игрушках считалось не плохо пришитое ухо или лапа на месте хвоста, а недостаток теплоты и радости, вложенных в них, когда их делали. Даже люди это заметили. Пришлось вводить контроль волшебного качества.

Дед Мороз с Крыжиком зашли в просторное помещение, где на полках были расставлены игрушки. Яркие разноцветные конструкторы, нарядные куклы с наборами модных платьев, самолеты, блестящие роботы-трансформеры, машины, фломастеры, краски, паззлы, железные дороги и иг-

ровые приставки лежали смиренно, дожидаясь своего часа. И конечно тут было превеликое множество мягких игрушек — обязательные медведята всех цветов и размеров, львы, лисички, зайчики и даже крокодилы и черепахи.

В углу, на отдельном стеллаже, были расставлены игрушки забракованные.

— Да, многовато что-то в этот раз недотыкомок, — вздохнул Дед Мороз, беря их в руки одну за другой. — Мастерам игрушек показывал?

— Да, конечно, — кивнул Крыжик. — Вот эти они берутся подправить, — он указал на большую часть игрушек, — хотя, конечно, времени уже мало совсем осталось, а с этими совсем плохо. Мало того, что уровень радости совсем низкий, так еще и измеритель способности любить нулевой уровень показывает.

Все игрушки обязательно проверялись на то, могут ли они любить своих маленьких хозяев. Способностями этими наделяли их мастера игрушек, беря каждую игрушку в руки. Как они это делали, на это у каждого мастера был свой секрет, свое умение. Но иногда бывали игрушки, в которых не удавалось пробудить способность любить и радовать детей. Хотя на первый взгляд они были совсем такие же, как остальные, но, присмотревшись, можно было заметить, что они чем-то неуловимо отличаются.

Дед Мороз хмуро вертел в руках мягкого светлого щенка. Вроде бы мордочка у него была сделана по всем правилам, но пуговичные глаза поблескивали тускло, и от этого он совсем не выглядел симпатичным. Палевая шерстка была мягкая и пушистая, но под ладонью не теплела и не вызывала никакого желания потискать щенка или прижать к себе.

— Так что мне с ними делать? — спросил Крыжик, рисуя загадочные загогулины в блокноте, украшенном зеленой мишурой. — Отправить в утиль?

— Кхм, — Дед Мороз задумчиво смотрел на щенка, — ты знаешь что, ты, пожалуй, погоди немного. Пусть они пока тут полежат, разложи их поаккуратнее. Детки-то сегодня должны приехать?

Это была еще одна предпраздничная традиция. Маленькие мечтатели и фантазеры, те, которые особенно сильно верили в Деда Мороза, перед Новым годом могли сами приехать и выбрать себе подарки. Правда, они думали, что все это им снится. Кроме того, чтобы доставить детям радость и поблагодарить их за то, что они все еще в него верят, была у этих экскурсий и еще одна важная и секретная цель, в которую был посвящен один только Крыжик.

— Сегодня, — утвердительно кивнул лешачок и посмотрел на Деда Мороза. Он давно уже научился понимать его с полуслова. — Хорошо, так и сделаю.

Наступила ночь. В небе загустела глубокая синева, на которой постепенно проступили и засияли кристальные зимние звезды. Нарядные теремки украсились разноцветными гирляндами, а избушка Деда Мороза засветилась мягким серебристым светом. Рядом с ней стояла большая пушистая елка, вокруг нее суетились зайцы, бурундучки и прочая лесная мелюзга, заботливо изукрашивая ее серебряными и золотыми орехами, сосновыми и еловыми шишками, раскрашенными в разные цвета. Больше всего красили елочку гирлянды из настоящих снежинок, которые сверкали и переливались не хуже звездочек в небе. Зазвенели колокольчики, и на поляну, по очереди, мягко опустилось несколько саней с притихшими ребятами. Набежавшие лешачки помогли детям выбраться, и те, быстро освоившись, рассыпались в разные стороны, восхищенно глядя вокруг. Через некоторое время, когда ребята вволю навозились в снегу, слепили снеговиков и полюбовались на елку, их повели выбирать игрушки.

Что сделалось с детьми при виде заставленных стеллажей, легко представить каждому, кто хоть раз приводил ребенка в магазин игрушек перед Новым Годом. А тем, кто через это не прошел, все равно не понять. Возбужденная толпа маленьких разбойников мгновенно рассеялась между полками. Дед Мороз наблюдал за ними, довольно посмеиваясь в белую бороду. Вдруг он заметил девочку, лет один-

надцати, худенькую, с двумя светлыми косичками и озорными серыми глазами — в общем, самую, что ни на есть, обыкновенную девчонку. Разве что очень любопытную. Девочка принялась исследовать одиноко стоявший в углу стеллаж. Изучая игрушки, она притихла и вопросительно взглянула на Деда Мороза.

— Они какие то... — она замялась, — неправильные, правда? Но я не пойму, что же в них не так.

— Видишь ли, — наклонился к ней дед Мороз, — все игрушки, роботы и медвежата, куклы и самолеты, любят своих хозяев. А вот эти не могут никого полюбить. Поэтому и их никто не полюбит, и радости от них никакой.

— И что, никак нельзя это поправить?

— Есть такие люди, их зовут мастерами игрушек, — сказал Дед Мороз, задумчиво поглаживая бороду и глядя в серые внимательные глаза девочки, — они могут сделать неживое живым. Но этим игрушкам и они не смогли помочь.

Глаза девочки подозрительно заблестели. Дед Мороз увидел, что она вытянула с полки того самого светлопушистого щенка.

— Хотя, — быстро сказал он, — иногда бывают случаи... Если кто-нибудь приютит такого недотыкомку, иногда они вылечиваются.

Девочка молча разглядывала щенка, который безжизненно поблескивал своими тусклыми глазками.

— Вообще-то, я хотела попросить собаку, настоящую, — протянула она с сомнением.

— Конечно, — сказал Дед Мороз, — живая собака — это здорово. А этих недотыкомок редко кому удастся оживить, слишком это сложно, не всякий возьмется.

Девочка вскинула голову.

— А можно я попробую? Возьму вот этого, желтенького?

— А как же собака? — мягко произнес Дед Мороз. — Ты ведь знаешь правило — только один подарок от Деда Мороза можно выбрать самому.

— А еще и собаку никак? — робко спросила девочка, но, увидев, как Дед Мороз отрицательно покачал головой, упрямо выпатила подбородок и сказала:

— Ну, хорошо, собаку в другой раз, а сейчас я возьму этого игрушечного щенка и попробую его вылечить.

— Договорились, — сказал Дед Мороз, став вдруг очень серьезным.

Когда усталых и уже засыпающих ребятишек усадили в сани, к Деду Морозу подошел Крыжик.

— Получилось, — утвердительно произнес он, глядя на довольно улыбающегося деда Мороза.

— Она сама решила его забрать, — отозвался тот.

— Думаете, выйдет из нее мастер игрушек? Она сумеет, выдержит испытание?

— Поживем — увидим, — пожал могучими плечами Дед Мороз, — поживем — увидим.

Под благоухание праздничных пирогов, под звон курантов и шипение фейерверков наступил Новый Год. Каждый из маленьких фантазеров нашел утром под елкой самолично выбранный подарок. И девочка получила своего палевого щенка. Она уже решила, как его назовет — не мудрствуя лукаво, щенок был окрещен Пушком.

За Новым Годом подлетело Рождество, за ним подоспели Крещенские морозы, а там уже и февраль подобрался, мокрый и вьюжный, одним хорош месяц — короткий. В марте Дед Мороз засобирался в дорогу — летовать, на Северный полюс.

За мартом пробежал легкий светлый апрель, ручейки один за другим уносили на своих прозрачных спинах кораблики из бумаги, коры и веточек. В мае расцвели ландыши, за ними сирень, и вот уже подкатило, навалилось жаркое суматошное лето. На Северном полюсе хоть и не было жарко, но и здесь лето чувствовалось, белое нежаркое солнце не заходило круглые сутки — начался Полярный день.

Дед Мороз наблюдал, как медведица учит медвежонка охотиться за нерпой, когда вдруг увидел сани, подлетевшие к его ледяному дворцу. (Случайному наблюдателю дворец

показался бы всего лишь валом ледяных торосов). Почувствовав неладное, дед Мороз заспешил обратно.

У крыльца переминался с ноги на ногу Крыжик. Значит, что-то важное, если он решился прилететь, высоты Крыжик боялся хуже лесного пожара.

— Умерла Веселая Сказочница, — помолчав, сказал лешачок.

Дед Мороз тяжело опустил на скамью.

— Вот беда-то. Ведь совсем недавно нас покинула Мудрая Сказочница, а мы так и не подыскали никого взамен.

— Беда, — повторил Дед Мороз. — Совсем мало сказочников у нас осталось, а значит... скоро некому будет рассказывать детям сказки. Люди потихоньку перестают верить в волшебство, и мы становимся все слабее и слабее.

— А там, глядишь, и совсем исчезнем, — пригорюнился Крыжик.

— Ладно, не грусти, — хлопнул Дед Мороз лешачка по сгорбленной спине, — может, и наладится еще, или я не волшебник уже? Найдем, кому дар Сказочницы передать.

— Да? — оживился лешачок. — Так выбери кого-нибудь поскорей.

— Дело это непростое, — сказал Дед Мороз и крепко задумался, так, что больше лешачок не решился уж ничего у него выпытывать.

День за днем лето подобралось к концу, ступила на порог осень, задожила, закружила желтым листом, и вот уже опять зимушка-зима укрыла землю пушистым снегом.

Скоро Новый Год, и вот, как в прошлом году, к Деду Морозу приехали гости. Приехала и та сероглазая девочка.

Осторожно ступая, она подошла к Деду Морозу, держа в руках своего Пушка. Шейку щенка украшала синяя ленточка. Он осторожно взял его в руки и, затаив дыхание, поглядел на мордочку. Но одного взгляда было достаточно, чтобы понять — ничего не вышло. Пуговичные глаза все так же безжизненно поблескивали, а мягкая шерстка отли-

вала холодом. Девочка грустно поглядела на Деда Мороза. Тот ободряюще ей улыбнулся.

— Ну, ничего страшного, я же предупреждал, что это редко кому удается.

— А если бы у меня получилось?

— Тогда, — поколебавшись, ответил Дед Мороз, — это значило бы, что у тебя есть дар своей любовью оживлять игрушки, и ты могла бы стать мастером игрушек.

— Так, значит, это было испытание? И я его не выдержала? — Девочка разочарованно поглядела на щенка.

— Зато теперь я могу подарить тебе настоящую собаку, — бодро сказал Дед Мороз.

Девочка уныло кивнула, отвернулась и направилась было к саням. Но, крутанувшись на каблуках, опять подбежала к Деду Морозу.

— А как же Пушок, что с ним будет?

— Пушок? — удивился Дед Мороз. — Ну, его придется сдать в утиль, у нас и так места не хватает, не можем мы хранить негодные игрушки.

— Отдайте мне его, пожалуйста, — нахмурилась девочка.

— Отдать? А как же собака? — Дед Мороз не торопился выпускать щенка из рук.

— Верните мне Пушка, — сказала девочка, — пусть он так и остался недотыкомкой, но ведь он в этом не виноват и я его все равно люблю. И мне его жалко, — добавила она после паузы.

— Я очень рад, что ты так решила, очень, — сказал Дед Мороз, бережно вручая ей щенка. Он ненадолго задержал ее худые ручки в своих огромных ладонях.

— Ты знаешь, мне кажется, у вас с Пушком все будет хорошо.

Дед Мороз махал вслед удаляющимся саням, когда к нему подошел Крыжик.

— Мне очень жаль, что у нее не вышло, — сказал он со вздохом.

Дед Мороз поглядел на него с улыбкой.

— Кто сказал, что не вышло? Да, этого испытания она не прошла, но зато выдержала куда более важное испытание. Она доказала, что может любить и того, кто совсем несимпатичен, не ожидая и не получая ответной любви. А это особая, редкая способность. Как раз та, которой должен обладать настоящий Сказочник, который пишет сказки для всех людей, симпатичных и не очень, тех, кто рядом и тех, кого он никогда не увидит. Теперь я знаю, кому можно передать дар. Слышишь, борода, мы нашли Сказочницу! Через несколько лет я передам ей дар, и она начнет сочинять настоящие волшебные сказки. А пока, пока...

Девочка спала, рядом, на подушке, как обычно лежал Пушок. Вдруг, что-то засияло на его шерстке, что-то неуловимо изменилось. Вздрогнув, девочка проснулась и увидела рядом с собой живого, золотистого щенка со смешными висячими ушками, который смотрел на нее с любовью и преданностью, карими глазами с рыжими искорками. Искорки немного напоминали снежинки.

— Волшебник я или нет, — сказал Дед Мороз, довольно усмехаясь в седые усы.

Максим Дубровин

ПЯТЬДЕСЯТ НА ПЯТЬДЕСЯТ

Что обиднее всего — так это случайность произошедшего, полная его нелепость и недетерминированность...

Л. Сарториус

Сначала у Лешки отрубили свет. Он звонил, ругался — без толку, авария на подстанции, до утра не дадут, плевали они на день рождения. Кое-как допраздновали при свечах и без музыки, а в десять часов, скрывая зевоту и виновато похлопывая расстроенного Леху по плечам, стали расходиться. Ушли и мы с Маринкой. Потом были сорок минут на остановке, и мы замерзли до такой степени, что не могли даже говорить, и потому втиснулись в первый попавшийся автобус, остатками цепенеющего сознания рассудив, что все они идут в центр, а там уж как-нибудь доберемся. Так мы очутились на малознакомой автостанции, не зная дороги домой и смутно представляя себе лишь направление.

— Надо было с Кораблевыми ехать, — проворчала Маринка, прикрываясь ладонью от колючего февральского снега.

— Кораблевы совсем рано ушли, не мог же я Лешку бросить вот так... — я развел руками, показывая, как я не мог бросить Лешку. Почему-то стало стыдно за жену, не могущую или не желающую понимать, что такое остаться одному в темной квартире в свой тридцатый день рождения. Стыдно не перед кем-то, а просто так.

Маринка не ответила. Мы шли незнакомым двором мимо подъездов-близнецов, согласно хрустя снегом и с каждым шагом теряя поднакопленное в автобусе тепло. Чтобы развеселить жену, я унылым голосом затянул песню про замерзавшего в степи ямщика. Марина фыркнула, но интонацию я не различил, слишком вьюжисто и темно было вокруг. На всякий случай замолчал.

Черт, так действительно околеть можно, холод забрался наконец под куртку и надёжно устроился под лопатками и на груди. Да, не по сезону одежда...

«Зима, а я опять не по погоде одет...», — тихо пропел я, подпрыгивая на ходу. Маринка покосилась в мою сторону, но опять промолчала. Я покосился в ответ. Все-таки красивая она у меня, а когда злится — особенно. И какой я молодец, что купил ей дубленку. В позапрошлом... в позапрошлом?.. да, в позапрошлом году взял вечерников в первом семестре, откладывал деньги в толстенный справочник «Небензойные ароматические соединения» и на восьмое марта купил. Правда, не обошлось без скандала — какой женщине приятно весной дубленку получить? Вот платье или, скажем, туфли — другое дело, но ничего, вторую зиму носит — и нравится, вижу же, что нравится! И не мерзнет почти, а нахохлилась от обиды, что по моей милости вынуждена тащиться пешком стылými проулками вместо уютной поездки в кораблевских «Жигулях». Ничего, дома должно было остаться с полбутылочки «Арарата», а в холодильнике завалился кусочек лимона... Отогреется — пойдёт...

Обо что споткнулся — не знаю до сих пор, секунду назад мечтал о коньяке и теплой постели — а уже падаю, вытянув руки и открыв зачем-то рот...

Снег был везде: на крышах домов и козырьках балконов, на скворечниках и голубятнях, на ветвях и даже стволах деревьев, на приподъездных лавочках, в мусорных контейнерах, во рту, за очками... Но больше всего снега набилось, конечно, за воротник. Остатки тепла мигом выдуло из-под свитера, вниз к пояснице скользнули несколько ледяных комочков.

— Беляев, ворон считаешь? — равнодушно спросила Маринка. — Поднимайся, не рассиживайся, поздно уже, я замерзла.

Вставать не хотелось, каждое движение отзывалось холодом. Я выплюнул ледяной комок («никогда не ешьте желтый снег» — вспомнилась бородатая шутка) и, сняв очки, тупо уставился перед собой.

Черeda случайностей с полной нелспицей в финале. В очках, да с такой близорукостью, мне никогда бы не увидеть эту надпись. Сидя на снегу и бездумно отряхивая колени, я разглядывал табличку, прибитую к стене похожего на общежитие здания. «СПОСОБНЫ ЛИ ВЫ ЛЮБИТЬ?» — вопрошала табличка крупными буквами. Ниже, мелким шрифтом — приписка. Поднявшись, я подошел ближе и прочел послание полностью.

СПОСОБНЫ ЛИ ВЫ ЛЮБИТЬ?

Строго научный метод определения способности к любви.
НИИ Проблем Мозга.

И уже под табличкой, прямо по стене дома голубой краской: «Вход со двора».

Любопытная Марина, видя мою заинтересованность, тоже приблизилась к объявлению и с минуту внимательно изучала его.

— Бред какой-то, — зло констатировала она, прочтя трижды. — Совсем мракобесы распоясались! Раньше были экстрасенсы, биоэнергетики, колдуны разноцветные... «лицензия номер такой-то», а теперь глянь-ка — целый НИИ. Куда мир катится?! Скоро назад, на деревья влезем... Глу-пость, варварство и невежество...

Я покивал. В подобный бред не поверил бы и в юности, а уж в тридцать... Но куда-то исчез холод, стало жарко и до коллик страшно — вдруг вправду могут вот так, запросто обнаружить, диагностировать и разложить по полочкам самое волшебное и сокровенное из всех чувств?

— Пойдем домой, холодно, — сказал я, обнимая одной рукой жену, а другой вытирая со лба пот.

* * *

— Не волнуйтесь, Андрей Кузьмич, никакого жульничества, все совершенно научно. Посмотрите, разве я похож на проходимца?

Высокий вежливый доктор в белоснежном халате колдовал над маленьким нестрашным приборчиком. Он деловито щелкал тумблерками и подкручивал верньерчики, периодически делая пометки в рабочем журнале. Был доктор деловит, сосредоточен и совсем не походил на проходимца.

— Не похожи, — честно ответил я. — Сам не знаю, кого я тут ожидал увидеть, бабушку какую-нибудь замшелую или астролога бородатого.

— Прошли времена бабок, дорогой Андрей Кузьмич, — доктор настроил аппаратуру и теперь, повернувшись, прилаживал к моей голове датчики, — современная наука берет за решение самых философских и даже, я бы сказал, сакральных задач.

— И что, вот так просто?.. — неуверенно начал я.

— Почему просто? — обиделся доктор. — Мы с профессором восемь лет над этой проблемой работали. А если бы вы знали, как трудно было выбить у института эту базу, да и то... — Он обвел рукой жалкий кабинетик, расположенный в полуподвале общежития.

— Я не в том смысле, — смешался я, — просто, любовь, и вдруг — приборы.

— А что «любовь»? — Доктор явно оседлал любимого конька. — Любовь, любезный мой — такой же талант, как и все остальные: может быть, а может и не быть. Как музыкальный слух или способности к языкам. У вас с языками как?

— Не очень, — неохотно признался я, — как-то больше к точным наукам.

— Ну вот, — обрадовался доктор, будто моя неспособность к языкам была действительно радостной новостью, — и с любовью точно так же.

— Как «так же»?

— Если нет любви, то есть что-нибудь другое, дружба, например.

— А вы и...

— Нет, мы только любовь определяем. Это я так, для примера сказал, природа, она ведь, батенька, не терпит суеты.

— Пустоты, — автоматически поправил я.

— Простите?..

— Природа не терпит пустоты. А суеты не терпит служенье муз.

— Да, конечно. — Доктор совершенно не смутился, его уверенность была непробиваема. Последний датчик, тем временем, пристроился у меня за правым ухом. — Закройте глаза и расслабьтесь, думайте о чем-нибудь приятном. Больно не будет.

Приборчик едва слышно гудел, самописец с тихим шорохом, сантиметр за сантиметром, выпускал из себя ленту. Больно не было, было страшно.

Я из страха сюда и пришел, точнее, чтобы избавиться от страха. Три дня бродил по квартире из угла в угол, снедаемый вечной интеллигентской рефлексией: «Что, если?» — и наконец решился. Улучив момент, когда жена наносила внеочередной визит к теще, я сорвался сюда. Почему-то вопрос, способен я любить или нет, стал для меня самым важным за последние дни. Раньше — любил, и все, но теперь этого было мало, требовалось научное подтверждение права на любовь.

О чем бы приятном подумать... О Маринке. Вернусь домой и небрежно так скажу: «Проходил сегодня мимо той смешной конторки «Проверьтесь на любовь» и заглянул посмотреть. Не поверишь — все по-настоящему: аппаратура, врачи. И знаешь, какой у меня результат? Положительный на сто процентов!» Тьфу, пошлость какая. Тем более — еще не факт, вдруг все как раз наоборот выйдет!.. Чепуха, я же знаю, что люблю свою жену... Зря пришел, дома надо было сидеть... О приятном... Познакомились мы забавно, ничего сверхоригинального, но есть, что вспомнить. В ночном клубе здоровенный долбак, в дым проигравшийся в

казино и оттого пьяный и злой, прицепился к хорошенькой девушке за соседним столиком. Девушка знакомиться отказалась наотрез, и он распустил руки. Когда я попытался тактично вклиниться между ними, амбал начал меня бить. Говорят, со стороны это выглядело, как драка: ничего подобного — избиение. Каким образом у него оказался разбит нос, я не знаю, скорее всего, громила сам неосторожно расквасил сопатку при очередном замахе, но когда нас растащила охрана, лицо его было все в крови. Я случайно оказался героем, и, как победителю, девушка Марина досталась мне... Быстрее бы уже кончилось... Кресло неудобное, нога чешется... Что у меня еще приятного в жизни было?.. В Симеиз в первый раз поехали вдвоем, с палаткой, и ливень ночью жуткий, и все уже промокло, а сверху капает еще; Маринка разозлилась страшно на меня, на мою затею дурацкую, а мне хорошо, радостно до безумия, что вот он — я, вот — она, и мы вместе... и я прижал ее к себе и целовал, целовал, и потом мы любили друг друга, и было тепло... и дождь прошел...

— Просыпайтесь друг мой, все закончилось, — аккуратные пальцы осторожно снимали датчики с головы, — можно открыть глаза.

— Ну, что?! — теперь я мог представить, что ощущает пациент после опасной и тяжелой операции. — Какой результат?

— Посидите на кушеточке пять минут, я сейчас расшифрую вашу энцефалограммку.

Я примостился на углу кушетки, все больше ощущая себя пациентом, ожидающим окончательного приговора врача. Доктор сидел за столом, перебирая в руках длинную бумажную ленту, в несколько рядов испещренную неведомыми каракулями. Время от времени он делал на ленте пометки красным карандашом или обводил кружком какие-то участки.

— Итак, дружок, вот наш результатик. — Доктор повернулся ко мне. — Сигма-ритм, к сожалению, отсутствует, что в сочетании с высокой степенью регулярности колебаний биопотенциалов... да что я, вам ведь нужен про-

сто ответ. Словом — нет. Увы, любить вы не способны. Совершенно. Разумеется, это касается только любви к женщине. Родину или детей, скажем, — любите сколько угодно. У вас дети есть?

Я наконец смог проглотить рвущуюся наружу рвоту и потряс головой. Наверное нужно было что-то сказать, поблагодарить за помощь любезного доктора, пожать может быть руку на прощание, но я сидел в странном оцепенении и не мог произнести ни слова. Доктор видимо понял мои чувства, подошел вплотную и положил руку на плечо.

— Успокойтесь, Андрей Кузьмич, не нужно делать из этого трагедию. Миллионы людей живут и знать не знают ни о какой любви. В вашем быту ровным счетом ничего не изменится. Вам сколько лет, тридцать? Прожили ведь без всякой любви, и еще столько же проживете. Было бы здоровье, — он подмигнул.

— Почему?.. — наконец выдавил я.

Доктор вздохнул и опять взял в руки сложенный гармошкой листок.

— Вот здесь, — он показал пальцем в обведенный карандашом участок, — совершенно сглажены межзональные различия...

Он еще что-то говорил, но я не слышал. Комната растворялась: теряли очертания предметы, задрожал, расплываясь, энцефалограф с семизначным инвентарным номером на боку, заколыхался и сам доктор... Я плакал.

— ...доминирует зонально-дифференцированный альфа-ритм с затылочно-лобным градиентом параметров и средней амплитудой... Андрей Кузьмич, да вы что?! — доктор прервал пояснения. — Прекратите! Как институтка, в самом деле. Говорю же вам, ничего страшного не произошло, половина человечества, подобно вам, не способна любить!

— Половина? — я решил, что ослышался.

— Именно, — подтвердил доктор, — ровно половина. Пятьдесят на пятьдесят по статистике.

Он провел меня к выходу, но у двери замешкался с замком.

— А жена?

— А что жена? — невинно спросил доктор.

— Как вы думаете, ей говорить или не надо?

— Полностью на ваше усмотрение. Но лучше не надо.

Она ведь вас любит?

— Конечно любит! — с жаром заверил я.

— Тогда ей незачем знать правду. Всего доброго.

Я вышел в коридор и остолбенел...

Полчаса назад, когда я боязливо мялся перед дверью, сомневаясь, идти или нет, здесь никого не было. Теперь же на стульях, рядком поставленных вдоль стены, сидели трое. Парочка молодых людей — юноша и девушка, явно пришедшие вместе, о чем-то тихо шептались, бросая время от времени опасливые взгляды на дверь. Пришли провериться «на любовь», да не решаются. Чуть в стороне, особняком, глядя прямо перед собой, сидела Маринка. Вот и съездила к маме.

Сзади скрипнуло, и вышедший следом за мной доктор громким веселым голосом сказал:

— Следующий!

Ощущение «больничности» всего происходящего скачком усилилось. Ребята испуганно замолчали и посмотрели на Марину. Она повернулась на голос и начала вставать, но тут увидела меня. Глаза расширились, в них мелькнул неподдельный ужас человека, уличенного в измене. Впрочем, я тоже чувствовал себя предателем... Улизнул тайком, не сказав ни слова... Стыдно...

Марина пришла в себя первая. Не тратя времени на пустые выяснения обстоятельств, она спросила:

— Ну, как?

Я промолчал, и моя умная жена поняла все без слов.

— Жди меня, — велела она и скрылась в кабинете. Ребята переглянулись и снова зашептались.

Два шока подряд — это слишком. Я с трудом нашел выход на улицу и стоял среди зимы в расстегнутой куртке и

с непокрытой головой, не чувствуя холода. Как же так? Жил человек, верил в любовь, думал, что сам любит, и вдруг — шарах! — все перечеркнуто. Почему именно у меня, почему именно любовь? Почему не музыкальный слух или способности к языкам?.. Впрочем, языки ведь тоже... Да что я с языками этими... Как же теперь с Маринкой, как я в глаза ей смотреть буду? Она ведь меня... Стоп! А вдруг и она... и у нее... Пятьдесят на пятьдесят... Бедная, она ведь не переживет!.. То есть, переживет конечно, но какой это будет удар... Чепуха, о чем я? Она ведь любит меня, уж это-то ясно без всякой науки. Сейчас все подтвердится, и мы пойдем домой, а уж там... Что там?..

Пошел снег. Постепенно возвращалось чувство реальности, подцепив по дороге глухую тоску. Почему я не лишен способности испытывать страдания? Почему у меня нет таланта быть веселым и жизнерадостным при любых обстоятельствах? Почему я — инвалид, навсегда лишенный способности любить?!

Лавина дурацких вопросов, грозившая сдернуть меня в пропасть истерики, была остановлена появлением Марины. По ее лицу ничего невозможно было прочесть. Не говоря ни слова, она подошла ко мне, и взяв под руку, двинулась прочь. Я так же молча шел рядом, пытаюсь заглянуть в глаза жене и разглядеть там ответ на мучавший меня вопрос. Сейчас я волновался наверное сильнее, чем даже тогда, в кабинете, ожидая своего приговора.

Мы отошли уже метров на сто, когда я, собравшись с духом, спросил:

— Прошла? — и затаил дыхание.

Марина приподняла бровь — это всегда получалось у нее очень эффектно, — и, коротко взглянув на меня, ответила вопросом:

— А ты сомневался?

— Слава богу! Я так рад! — с души с громким грохотом свалился здоровенный камень. Я в самом деле был почти счастлив.

— Чему?

— Что?

— Чему ты, собственно, радуешься? — Марина остановилась и прямо посмотрела на меня.

— Рад, что у тебя... что ты... — я мямлил, не зная, что сказать, — что ты меня любишь.

— А ты?! — закричала в ответ жена. Из глаз потекли слезы.

— И я тебя лю... — я в ужасе запнулся, представив, что она сейчас обо мне думает. Все слова, признания, клятвы, все что было в последние пять лет, кажется ей сейчас ложью.

— Как ты мог... как я могла?.. — прошептала она, рыдая. — Я тебе верила, любила... Я любила тебя, ты слышишь?! — сорвалась в крик.

Я молчал, проклиная себя за бездействие. Ее сейчас нужно обнять, прижать покрепче, приласкать, успокоить, а не стоять столбом, боясь притронуться. Но я не мог, я чувствовал, что потерял на это право.

— В общем, я решила, — сказала Марина неправдоподобно ровным голосом, — сегодня я ночую у мамы, а завтра подаю на развод.

— Развод? — переспросил я, не веря ушам.

— А чего ты ожидал? После того, что выяснилось, я не вижу другого выхода. Эта твоя ложь... так гадко.

Мир перевернулся. Я чувствовал себя оболганым; откуда ни возьмись, нахлынула злость.

— Бред! — закричал я, — ты же сама говорила, что бред! Ты же не поверила сразу! Там же... колдуны, лицензии, невежество... Дуриловка все это.

Я выдохся.

— Если бы «дуриловка» была — деньги брали бы, а так — бесплатно. — Жена смотрела на меня спокойно и немного укоризненно, как на ребенка, оспаривающего очевидное. — Ты же сам знаешь, что не прав. Давай-ка разойдемся без скандалов, и так тошно.

Она развернулась и пошла: простоволосая, в рыжей дубленке до колен, стройная, красивая. Способная любить.

— Я люблю тебя! — в отчаянии закричал я.

Она не обернулась.

* * *

Снег был везде: и на невидимых снизу крышах, и на скользкой земле, и на узеньких голых подоконниках, в обманчиво-широких птичьих кормушках, на забороной детской площадке, на ресницах, в душе... Я стоял посреди зарождающейся пурги, беспомощно глядя в спину уходящей жене, и замерзал. От полного, безысходного отчаяния удержала почти случайная мысль. Не помня себя, я бросился назад.

Поздно. Когда я подбежал к общежитию, они уже выходили. Мальчик был сдержан и суров, так по мнению юношей должны наверное выглядеть смертельно обиженные, оскорбленные, но сильные духом люди. На спутницу он не смотрел. Девушка негромко всхлипывала, держась за рукав кавалера, и искательно заглядывала ему в глаза. Слез она не стыдилась.

Пятьдесят на пятьдесят.

Ребята прошли мимо, не заметив меня. Через несколько шагов юноша вырвал руку из ладошек девочки и, не оглядываясь, двинулся прочь, стараясь каждым шагом попадать в мои следы. Высокий, широкоплечий, в черной кожаной куртке, он совершенно не был похож на Марину, но мизансцена повторялась с такой точностью, что на секунду я увидел в нем — ее.

— Я люблю тебя! — крикнула девочка.

Мальчик не обернулся.

И пока мы смотрели ему вслед, я мог читать ее мысли. Это было нетрудно, мы думали об одном. Почему вы так бессердечны, люди, умеющие любить?

Иван Тропов

ПСЫ ЛЮБВИ

Он пришел в город тихо.

Он ходил по улицам, слушал сплетни. Он стоял на площади, кутаясь в серый плащ, и смотрел на замок графа, шурясь от осеннего ветра. Дышал на мерзнущие пальцы. Длинные пальцы с синеватыми от холода ногтями — и тремя стальным перстнями, усыпанными черными камнями...

Когда Князь Любви миновал крепостные ворота Дойченхейма, закат уже догорел. Прибитые к каждому дому белые щиты с изречениями великого и мудрейшего Иоанна Стальная Рука превратились в молочные пятна — чьи-то огромные глаза, разбросанные по всему городу...

Не сбавляя скорости, с гиканьем и щелканьем бичей — и по лошадям, и по спинам зазевавшихся горожан, — три кареты с имперскими гербами промчались по мощеным улицам и остановились только у ратуши.

Из крайних карет посыпались люди в черных камзолах, расшитых серебром. Стража у дверей ратуши попятилась — забыв о своем оружии, в страхе оседая по стенам. Желая слиться с каменной кладкой, раствориться в тенях и исчезнуть — куда угодно, лишь бы прочь отсюда, от этих людей, как можно дальше...

Средняя карета замерла перед входом, как закованный в броню кулак великана. Вся обитая гофрированными стальными листами, способными остановить самый тяже-

лый арбалетный болт. В крошечном окошке вместо занавеси стальной тюль.

С облучка кареты слетел слуга и распахнул дверцу.

— Мы прибыли, милорд!

Слуга склонился так низко, что почти уткнулся в свои ботфорты. Может быть, в раболепстве. А может быть, в страхе. Не желая даже краем глаза увидеть, что же там — внутри кареты милорда.

Первыми из кареты выпрыгнули собаки. Две огромные собаки с отливающими сталью зубами и черной, как сажа от спаленной шкуры дракона, шерстью. С красными глазами грифона, вернувшегося с добычей в гнездо — но заставшего там лишь обрызганный кровью пух своих птенцов...

Гвардейцы в черных камзолах ворвались внутрь ратуши. Их лейтенант, в посеребренном шлеме, задержался.

— Поднять городской гарнизон! Окружить здание! — взревел он, пинками отлепляя стражников от стен. — Двери, окна, потайные лазы! Всех арбалетчиков в круг, запалить факелы! Чтобы ни один человек не ушел, ни один почтовый голубь не упорхнул! Быстрее, скоты! Шевелись, коли не хотите звенеть на дыбе!

Когда из кареты показался человек, у крыльца ратуши остались лишь две собаки, рычащие на все вокруг.

Темный плащ, шляпа с широкими полями, черные перчатки, полумаска. Лишь отблеск в глубине разрезов маски, да губы — вот и все, что Князь Любви позволил видеть миру.

Он миновал залу на первом этаже, стал подниматься по лестнице. Дом будто вымер. Прислуга, обитатели и приживалы забились в щели, как крысы. А приживал здесь, видно, было много. Пол покрывали ковры, гобелены на стенах искрились золотом. И аромат с кухни расползлся такой, что сводило челюсти.

Дюжина гвардейцев и обе собаки унесли вперед. Князь шел совсем один. И вдруг почувствовал, что впереди кто-то есть...

Он остановился. Неужели его верные псы ошиблись — и пропустили опасность? Левая рука медленно потянулась к правой, накрывая тыльную сторону — или что-то, что было на пальцах под перчаткой.

Из тени выступил человек. Человечек. Коротышка в пестром трико с кожаными оборками и в треххвостом шутовском колпаке.

— Позвольте приветствовать вас, Князь Любви, — глумливо сказал шут и с еще большей издевкой расшаркался. — Не правда ли, любовь убивает?

Князь склонил голову к плечу, разглядывая шута. Его губы дрогнули — и холодная улыбка медленно расплылась на них, будто распустился ядовитый цветок.

Лицо шута, бледное даже в теплом свете факелов, побледнело еще больше.

— Это просьба? — наконец сказал Князь.

Шут поспешно отступил в сторону.

Граф и вся его семья уже были в главной зале второго этажа, окруженные гвардейцами в черных камзолах. Сам граф — толстый, лысый, обильно потеющий и заполнивший всю комнату запахом страха. Жена в чепце и ночной рубашке. Мальчишка лет восьми...

Князь поморщился. А может, это неровное пламя факелов бросило тень на его подбородок.

— Ты предал идеалы любви, доброты, блага империи и могущества Иоанна Стальная Рука, — отчеканил Князь стандартную формулу. — Зло поселилось в твоём сердце. Ты будешь предан смерти.

— Что вы... — забормотал граф. — Я... Я верен императору! — выкрикнул он и рухнул на четвереньки. — Пощади! Пощади, Князь! Я все отдам! Пощади, Князь!

Граф проворно пополз к Князю — но одна из собак рванулась наперсрез. Бесшумно, быстро, слившись с колыханием теней на полу. Граф лишь успел скосить на нее глаза — а потом челюсти сомкнулись на его шее.

— Ты, твоя жена и все дети твои, — мерно договорил Князь.

Вторая собака будто ждала этого. Она прыгнула и подмяла под собой мальчишку.

— За что? — успела крикнуть жена. — За что?!

Князь развернулся и пошел обратно.

В коридоре он остановился. Подождал, пока стихнет шум в зале. Сзади прозвучали шаги и тихий голос вкрадчиво осведомился:

— Какие будут указания, милорд?

— Назначьте временного управляющего, пошлите гонца и разберитесь с запасами еды, Шмальке. И отправляемся дальше.

— Но люди устали, милорд...

— Вы что-то сказали, Шмальке?

— Слушаюсь, милорд, — склонил голову человек в черном камзоле.

Из залы, облизываясь и утирая лапами носы, вышли собаки. Беззвучно сели за спиной Князя справа и слева, словно и не собаки, а его собственные тени от двух факелов.

Через час все было кончено.

Вытирая губы салфеткой, Князь вышел из ратуши. И сразу же почувствовал, что что-то не так.

Оглянулся — и вздрогнул. Собак не было. Ни вечно следовавшей справа Нежности, ни всегда бесшумно скользившей слева Ласки. Зато в воздухе было что-то такое...

Князь закрыл глаза, пытаясь понять, что же это.

— Мальчишку-то за что? — раздалось от кареты.

Князь резко крутанулся на каблуках. Давненько никто не осмеливался так заговаривать с ним!

На подножке кареты сидел давешний шут.

— Надеюсь, трапеза доставила вам удовольствие? — спросил шут. — Граф очень старался, готовя стол. Он ждал вас к утру.

Из-за кареты вылетели обе собаки и сели возле Князя. Как обычно — и все же чуть иначе. Словно были чем-то недовольны. Не нашли чего-то?

Князь шагнул вперед — и понял, что было не так. Шут не был безудержно смел. Он был безмерно пьян. Потому и сидел на подножке — ноги его уже не держали.

— Брысь!

— Вы весьма любезны, Князь, — хихикнул шут. — А я хотел просить вас о милости.

— О милости? Меня?

— О да, вас! Это же вы Князь Любви, это же вы хозяин Ласки и Нежности, — хихикнул шут, покосившись на собак.

— Прекрати мусолить слова своим гнусным языком, смерд, если не хочешь обменять его на намыленную веревку. Брысь!

— И все же я просил бы вас о милости! — сказал шут, с трудом поднимаясь с подножки.

— Что тебе нужно?

— Не будет ли Князь столь любезен, чтобы разрешить мне развлекать его во время пути?

— Тебе не на что уехать из города? Шмальке, дайте этому смерду...

— Нет, я хотел бы просить вас о милости разрешить развлекать вас во время пути, — упрямо повторил шут. — В меру моих скромных сил помогая вам исполнять ваш скорбный долг ради добра, любви, блага империи и могущества светлейшего Иоанна Стальная Рука.

— Ты либо очень смел, либо очень глуп, — сказал Князь.

— Это разрешение? Милорд.

Князь улыбнулся. Медленно, тем же ядовитым цветком.

Но на этот раз шут не отступил.

— Ну что же... Открой дверь! Помощничек...

Сунувшись в карету вслед за Князем, шут замер на подножке.

Собак, запрыгнувших в карету перед Князем, не было. Ни Ласки, не Нежности. Двух огромных как медведи собак. И спрятаться внутри кареты им было негде.

— Ну что же ты? — усмехнулся Князь. — Патриотический порыв выдохся вместе с хмельными парами?

— Вы зря пытаетесь обидеть честного труженика клеветы и безвкусицы, Князь, — буркнул шут и плюхнулся на сиденье напротив.

Щелкнул кнут, в ночной тишине разнеслось длинное «Йи-и-ху-у-у-у!» — и под колесами застучали камни мостовой. Хорошей мостовой, надо признать. Вот только слишком много денег на нее было потрачено... Денег, которые нужны были на северной границе. Там, где из последних сил дралась имперская армия.

Город за окном кареты словно вымер. Ни одного светлого окна — лишь редкие факелы на перекрестках. В этой странной испуганной полутьме Дойченхейм как-то очень быстро остался позади.

— Запали фонарь, — приказал Князь.

Шут повозился с узорчатой крышкой, чиркнул кремнями, раздул фитиль.

— Ну что же ты молчишь? — спросил Князь. — Кто-то собирался развлекать меня.

— Развлечь? Это запросто, — сказал шут. — Давным-давно, на одном далеком крае земли...

— У земли нет края, шут.

— Это фигура речи, Князь, — буркнул шут. — Но если вам будет угодно, я могу рассказать свою историю два раза. И даже пояснить потом мораль сей истории.

— Ну-ну, — усмехнулся Князь. — Только имей в виду, шут. Если твоя история окажется плоха, мне может стать угодно отдать тебя на прокорм моим собакам.

Шут вздрогнул. Сглотнул. И все же упрямо продолжил:

— Итак, на одном далеком крае земли, которого, как известно, нет, было королевство, в котором правил Ричард Латунная Длань. Он не был мудрым королем, но был чертовски, — шут хихикнул, стрельнув глазами в сторону Князю, — просто-таки дьявольски хитрым. Он говорил о любви, но любил только свою власть. Он говорил о свете, но любил только цвет золота. Он много чего говорил, но куда важнее то, что он делал. А делал он лишь то, что повелевал ему его страх — страх потерять власть и лишиться своей никчемной жизни. Боясь даже своих собственных вассалов,

король везде видел заговоры. И чтобы вассалы не объединились против него, собрал вокруг себя отряд убийц, не всдающих жалости. И каждый раз, когда страх сжимал трусливое сердечко Ричарда Латунная Длань, его убийцы мчались по королевству. Правителя каждого города проверяли: не пустило ли в его сердце корни зло, затаившееся где-то далеко за границами королевства. Очень далеко за границами королевства, но все равно дьявольски, — шут снова стрельнул глазами, — опасное. И, что странно, каждый правитель оказывался поражен этим злом, и каждого приходилось убивать... Но еще таинственнее то, что зло ни разу не покусилось на сердце Ричарда Латунная Длань. А может быть, этого злу было и не нужно? Ведь никто не станет перекрашивать черную кошку в черный цвет...

Князь вздохнул.

— Вам не понравилась моя история? Милорд.

— Тебя извиняет только то, что ты пьян, — сказал Князь, прищурившись. — Испуган и пьян. Но если ты и завтра попытаешься рассказать мне такую же глупую и плохую историю, мне придется избавить этот мир от бездарного проходимца, выдающего себя за шута. А теперь затуши фонарь, я хочу спать.

— И что же это ты делаешь?

Шут вздрогнул, папка с бумагами выскользнула из его рук и шлепнулась на пол. Он вскинул испуганный взгляд на Князя. В рассветном сумраке подбородок Князя был бледным, как у закоченного трупа.

— Ищешь вдохновения в чужих бумагах, бездарь?

— Проникаюсь патриотизмом. Милорд.

Шут напрягся, с вызовом глядя на Князя.

Князь усмехнулся.

— Шуты в Дойченхейме больше, чем шуты?

— Милорд считает, что это плохо? Милорд считает, что императору это не понравится?

— Милорд считает, что это замечательно. Милорд считает, что императору и его гвардии нужны преданные по-

мощники без черных камзолов. На всех бархата и серебряной нити не напасешься, — рассмеялся Князь.

Шут поджал губы.

— Значит, вообразил себя героем? — спросил Князь. — Борцом со злом? Решил узнать, за что черные гвардейцы изводят благородную кровь? Ну-ну... — Князь зевнул и уставился в окошко.

Лес уже кончился, пронеслись кое-как распаханное поля, покосившиеся ветхие домики. До Мосгарда было совсем близко.

Шут посмотрел на папку в своих руках. Князь явно не спешил ее забирать... Князю все равно. А значит, бояться уже поздно.

— Ну хорошо, — буркнул шут. — Допустим, граф Дойчснхеймский слишком много тратил на себя, недоплачивал налоги... Но это! — шут ткнул в окошко. — Разве это лучше для империи? Барон выжимает все до последнего гроша, но что от этого толку, если он уже разорил своих людей так, что и выжимать-то нечего?!

Князь зевнул и закрыл глаза, предоставив шуту яростно сверкать глазами.

Когда Князь Любви миновал крепостные ворота Мосгарда, стоял полдень. В свете дня город был ужасен. Покосившиеся домишки, обшарпанные дома, щербатая мостовая, на которой даже тяжелую карету Князя затрясло, как утлое корытце в шторм. Даже прибитые к каждому дому щиты с изречениями великого и мудрейшего Иоанна Стальная Рука покрыл налет грязи, а от позолоченных букв остались лишь пустые канавки...

На этот раз первым из кареты выскочил шут — как ошпаренная крыса из-под плиты. Закрутился, глядя на пустеющую площадь, на лейтенанта черных гвардейцев, пинками разгоняющего застывших, как солевые столбы, стражников...

Стиснул зубы и поплелся за Князем Любви и его дьявольскими суками Лаской и Нежностью.

* * *

Барон, его костлявая жена и три худых и сутулых дочери сидели за обеденным столом, окруженные гвардейцами в черном.

Тощий, как смерть, барон, с длинной и тонкой козлиной бородкой, гордо посмотрел на Князя, потом на грубо сколоченный стол перед собой. В глиняных мисках, больше подошедших бы простолюдину, был серый хлеб, молоко, несколько яиц... А в центре стола — тощая, будто подходящая от голода, а не от топора мясника, индейка. Всё. Больше ничего, если не считать простых тарелок и вилок — даже не серебряных, простых железных.

— Разделите нашу простую трапезу, Князь, — не поднимая глаз от стола, сказал барон. — Стол небогат, но вы знаете, что мы отдаем все нашей империи. Зло на северной границе должно быть остановлено любой ценой. Мы любим империю, мы живем ради нашего императора, мы молимся за нашу армию, и потому во всем ограничиваем себя. Разделите же нашу простую трапезу, Князь.

— Ты предал идеалы любви, доброты, блага империи и могущества Иоанна Стальная Рука, — сказал Князь. — Зло поселилось в твоём сердце. Ты будешь предан смерти. Ты, твоя жена и все дети твои.

Барон побледнел. Его глаза остановились на тощей индейке, остекленели. Словно барон отказывался поверить услышанному. Потом медленно перевел взгляд на Князя.

— Я служил императору, не жалея сил... Любви, доброте и империи... — едва слышно выдохнул он. — Я...

— Ты служил не императору и любви, ты служил своей глупости и скупости, — брезгливо поморщился Князь и пошел прочь.

За его спиной Ласка и Нежность вершили суд.

В коридоре он остановился. Подождал, пока стихнет шум в зале. Сзади прозвучали шаги и тихий голос вкрадчиво осведомился:

— Какие будут указания, милорд?

— Назначьте временного управляющего, пошлите гонца и разберитесь с запасами еды, Шмальке. И отправляемся дальше.

— Но люди устали, милорд...

— Вы что-то сказали, Шмальке?

— Люди устали, милорд...

Из залы, облизываясь и утирая лапами носы, вышли собаки. Беззвучно сели за спиной Князя справа и слева, словно и не собаки, а его собственные тени от двух факелов.

Князь пошел вниз, к карете.

Выйдя на улицу, остановился. Что-то было не так. Он обернулся — да, не так. Собак снова не было.

Он чувствовал их за спиной, пока спускался на первый этаж. Чувствовал, пока спускался по ступеням крыльца — и вдруг они пропали. Как вчера ночью... Собаки никогда не уходили без его разрешения. До вчерашнего дня.

Нет, уходили. Тогда, в Ларгенхейме, когда сын мэра решил устроить покушение... Но тогда Князь знал об этом, в бумагах имперского Департамента Любви было все о готовящемся покушении.

Здесь же никакого заговора не было. Не могло быть.

Но и просто так убежать собаки не могли. Они всегда рядом, они всегда верны ему, они готовы драться за него с кем угодно...

Значит, где-то рядом, где-то совсем рядом, есть что-то, о чем не знает ни он, ни Департамент Любви...

— Ты добр, Князь Любви, — вышел из тени шут. Его лицо пошло пятнами, а уголок губ дрожал. — Ты забрал жизни жены барона и трех девушек, ни в чем не повинных молодых девушек. Доволен ли ты? Хорошо ли тебе после этого?

— Умерь свой поганый язык... шут.

Из-за кареты бесшумно выбежали собаки. Князь опустил левую руку, потянувшуюся было к правой, чтобы накрыть ее — или то, что было на пальцах правой руки под перчаткой... Присмотрелся к собакам. Ласка и Нежность были не в себе. Они снова чего-то искали, и опять не нашли.

* * *

Шут заговорил лишь через пару часов. Карета неслась прочь от Мосгарда, к следующей провинции.

— Значит, пощады не будет никому? Ни баронам, ни их женам, ни даже детям, которые еще не успели нагрешить? Совсем никому? Милорд.

— Если пощадить одного ребенка сейчас, через десять лет придется убить десять тысяч бунтовщиков, решивших вернуть власть уцелевшему бастарду, возомнившему себя истинным правителем... Это так сложно понять? Шут. Лучше расскажи мне что-нибудь веселое.

Шут сжал губы. Зло ухмыльнулся.

— Как пожелаете, милорд, — сказал шут. — Не так уж давно, и вовсе не на краю земли, было царство. Когда-то там правил добрый царь, и подданные всех его земель боролись со злом. Добрые молодцы не жалели своей крови, их отцы и матери не жалели своего пота, красавицы не жалели своих прелестей, неустанно рожая царю новых подданных — они делали все, лишь бы царю хватило сил бороться с армадами зла, обрушившимися на страну. Даже правители провинций отдавали все, что у них было — и свою власть, и свою жизнь, и даже своих любимых и детей. Мудрый царь верно разумел, что век правителя должен быть краток. Если правитель слишком мягок, со временем он станет еще мягче, и армия недополучит налогов. Если правитель слишком суров, со временем он окончательно разорит своих людей, и скоро армия совсем перестанет получать провиант и людей. Первое плохо, второе еще хуже. И все в империи исправно уплачивали свою долю за борьбу со злом... А как же сам царь? Какова его плата? Он заплатил тем, что, сам не ведая того, превратился в верного слугу зла. Ни один ставленник тьмы не смог бы так мучить его народ, как мучил народ сам царь, изо всех сил стараясь не допустить зло на свои земли.

Шут замолчал, пристально глядя на Князя.

Князь улыбнулся.

— Вам не понравилась моя история, Князь? — спросил шут, поджав губы.

— Лучше, чем вчера... Но все равно слишком глупо, слишком просто, слишком грубо... Только на площадях и рассказывать. Простолюдинам.

Шут засопел, но ничего не сказал.

— Давай и я тебе расскажу кое-что, — сказал Князь. — Совсем недавно и совсем уж недалеко была страна, в которой жил-был шут. Он думал, что он один умест отличить добро от зла. Он думал, что лишь он один смел настолько, чтобы дерзнуть заговорить со слугой тьмы, который маскируется под ставленника добра. Может быть, он был и неплохой шут — но всего лишь шут. Он так и не понял самого важного. Того, что добру всегда приходится идти по лезвию клинка... Да, борясь со злом, можно самому стать чудовищем. Но и безропотно уступить злу нельзя. Иначе чудовище съест тебя, переварит, и ты сам станешь этим чудовищем, его плотью и кровью... И всегда приходится идти по лезвию клинка. И оступить нельзя. По одну сторону лезвия — море спутавших цель со средствами, тех, кто уже стал верными слугами зла и даже не заметил этого. По другую — океан ленивых пособников тьмы, стенающих о слезинке младенца, когда надо строить плотины, чтобы по миру не разлились реки крови... Но не все понимают, что настоящее добро — это не то, что рядится в белые одежды, а то, которое проходит по лезвию клинка. И наш шут был одним из таких. Он так и закончил жизнь, делая не добро — а лишь то, что выглядело как добро. Даже когда это было зло, вырядившееся в чистые одежды... Понравилась ли тебе *моя* история, шут?

— Это лишь слова, Князь, — сказал шут. — Но рано или поздно тебе придется ответить за все, что ты делаешь. Или эти дьявольские суки, подобранные, коли не врут имперские глашатаи, щенками на северной границе и воспитанные на благо добра и любви, сами и сожрут тебя. Во благо империи и могущества Иоанна Стальная Рука!

— Ох, шут, — усмехнулся Князь. — Тебе ли верить имперским глашатаям?

Он снял перчатку с левой руки. На безымянном пальце был стальной перстень с черным камнем. Черным, как ку-

сочек ночной тьмы. Ни отражений в глубине камня, ни отблесков на поверхности. Черный провал куда-то...

— Собаки любят лишь этот перстень, не меня. И пока этот перстень на мне, они меня не сожрут. И защитят от любого, кто посмее напасть. Будь это человек или сам дьявол.

— Если все, что говорится в Свитках о северном зле, правда, то ты не можешь служить добру, — упрямо повторил шут. — На тебе столько крови... Князь Любви! На тебе столько крови, что зло давно должно было поселиться в твоём сердце! И этот перстень, и эти псы — все это доказательство тому.

— Ты почти прав... шут.

— Почти?

Князь Любви улыбнулся.

— Почти?! — крикнул шут.

Он дернулся вперед, к Князю — и тут же на его плечи легли тяжелые когтистые лапы, а над ухом задышала пасть собаки, соткавшейся из тени за его спиной.

— Почти, — сказал Князь. — Потому что есть одна вещь, которая может уберечь от зла сердце воина добра, даже когда он вынужден убивать. И даже когда те, кого ему приходится убивать, невиновны...

— Что же это? — усмехнулся шут. — Только не говорите мне, что это любовь, Князь!

— Я не буду тебе этого говорить, — сказал Князь. — Ты сам это сказал.

— Не смей говорить о любви, ты!!! — крикнул шут. — Кого ты можешь любить, чудовище?!

Собачьи когти впились шуту в плечи, язык лизнул его ухо. Не лаская — пробуя на вкус.

— Не кричи, шут. Так ты становишься ярмарочным клоуном...

Когда Князь Любви миновал крепостные ворота Роменверга, из-за крыш показалось солнце. На прибитых к каждому дому щитах с изречениями великого и мудрейше-

го Иоанна Стальная Рука засветились золотые слова, благословляя горожан на новый день...

И на этот раз из кареты первым вылетел шут. Подождал, пока выпрыгнули собаки, пока вылез князь — но не пошел за ним.

— Прощай, князь.

— Ты больше не хочешь идти со мной?

— Я уже увидел все, что хотел. Милорд.

— Ты не увидел самого главного. Шут.

— Я уже увидел все, что хотел, — повторил шут, склонив голову, будто боролся с порывом ветра. — Даже если ты и служил добру, ты слишком близко подпустил к себе зло. Если оно еще не захватило твое сердце, это случится очень скоро... Одного не пойму. Зачем, убивая, каждый раз поминать любовь? Это гнусно. Милорд.

— Потому что любовь спасает. Это правда.

— Ну да, конечно, — криво усмехнулся шут. — Правда. Как и все, что изрекает великий и мудрейший Иоанн Стальная Рука! Так иди же и исполняй его волю! А с меня хватит. Хватит всего этого...

Он развернулся и пошел прочь. Маленький, смешной, испуганный. Дрожа всем телом, сутулясь, чувствуя спиной, как арбалетный болт выбирает кусочек поярче на его трико... Дрожа, и все-таки упрямо шагая прочь, последним усилием заставляя себя неспешно переставлять ноги. Так надо. Главное, не побежать. Только бы не побежать. Уж лучше болт в спину...

Вот только никакого арбалетного болта не было.

Князь вздохнул. Пожал плечами и вошел в замок, вслед за Лаской и Нежностью.

Этот замок был чуть богаче, чем следует. Но не это было главным.

Когда Князь вошел в залу на втором этаже, граф Роменбергский стоял в центре зала, с взведенным арбалетом в одной руке и клинком в другой. Спина к спине стояла его невеста. В ночной рубашке, с распущенными волосами — и

с кинжалом в руке. Она держала кинжал неумело, но твердо. Она не причитала. Граф тоже молчал.

И все равно это было смешно — в кругу из полудюжины гвардейцев, каждый из которых в одиночку мог разделаться с тремя такими графами и дюжиной их невест.

Вот только собак в кругу не было. Они замерли у входа в залу, тихо рыча и топорща шерсть. И когда Князь шагнул вперед, они не последовали за ним.

— Всем выйти, — сказал Князь.

Гвардейцы медлили.

— Он опасен, милорд. У него арбалет.

— Всем выйти, — повторил Князь.

Вслед за гвардейцами вышли и собаки. Сели у входа, охраняя. Князь закрыл двери.

Граф опустил арбалет и клинок.

— Милорд, я прошу вас только об одном. Клянитесь честью дворянина, что моя невеста не пострадает.

— Я обещаю вам это, граф. Но буду просить вас об ответной милости.

Граф нахмурился. Потом кивнул.

— Конечно, милорд... — быстро сказал он. — Все, что угодно.

Князь не ответил.

Он отстегнул плащ, сбросил с лица маску. Стянул перчатку с левой руки. Снял перстень...

Потом он говорил, говорил долго.

О том, как трудно удержаться на лезвии клинка. О любви. О том, что теперь граф должен будет делать... И еще о том, что все когда-то кончается, и однажды граф сможет отправиться на юг, чтобы снова увидеть свою невесту.

А еще через четверть часа мужчина и женщина вышли из замка. И человек в черном камзоле, прошедший их через заслон стражников, отсалютовал им, когда они вышли на южную дорогу.

Когда Князь Любви вышел из замка, он ступал неуверенно, как-то неловко... Словно все вокруг было ему непривычно и странно.

— Ваша карета, милорд, — с поклоном встретил его у крыльца человек в черном камзоле.

— Как вас звать, сударь?

— Шмальке, милорд. А вот и ваши собаки. Это Нежность, это Ласка.

Собаки покосились на Князя — и вдруг рванули за угол дома. Так быстро, что и не понять, куда они пропали. То ли свернули за угол, то ли растворились в голубоватых утренних тенях...

Человек в сером плаще не шелохнулся, когда Ласка и Нежность соткались из теней и бросились на него.

Он лишь улыбнулся, потом поднял руку.

Ласка радостно ослабилась и ткнулась носом в холодные пальцы. Лизнула стальные перстни, усыпанные черными камнями. Нежность, чуть не сбив его с ног, уткнулась в бедро и терлась, словно ластящаяся голодная кошка — не отрывая жадного взгляда от камней в перстнях.

— Ну идите, идите, — пробормотал человек. — Не сейчас, милые, не сейчас. Не время. Этого Князя любовь спасла — да здравствует новый Князь! Идите, песики. Год, два — это не так уж много. Скоро мы опять встретимся. Посмотрим, удержит ли любовь и этого Князя на лезвии клинка...

Собаки, понуро косясь на усыпанные черными камнями перстни, отступили и растворились в длинных рассветных тенях.

А человек посмотрел на юг. Туда, куда однажды он отправится, чтобы снова увидеть свою дочь... Обязательно отправится. Но не сейчас. У него еще были силы, чтобы держаться на лезвии клинка — любовь еще хранила его.

Он ушел из города тихо.

Юрий Нестеров

СТАЛИНГРАДСКОЕ РОЖДЕСТВО

— Этот город никому не известен, но он существует, я нашла его в старом атласе.

— Как он называется?

— Сталинград.

Ф. Дик. Человек в высоком замке

«...но сегодня Рождество, время чудес, и потому сейчас, здесь, в этой бескрайней стылой степи я молю Его...»

Гаубичный снаряд упал совсем рядом; пол блиндажа дрогнул, и язычок пламени оступился на фитиле керосиновой лампы. Скрипнули перекрытия, низкий потолок выгнулся, из последних сил противясь удару, но — на сей раз — устоял.

«Как и мы, — подумал обер-лейтенант отстраненно. — Надолго ли?»

Некоторое время он наблюдал за текущим сверху песком. Песок падал и падал: на истоптанный пол, на остывающую, в черных чешуйках, печку, на брезент походных коек; струился по припиленной к стене карте и пучкам сухой травы. Звенел в пустых мисках.

На карте цепочки флажков отражали оперативную обстановку: дивизии в западне у большой русской реки и, южнее, ползущий им на выручку танковый клин.

Ну а пучки травы и посуда на столе означали, конечно, Рождество. Всё, как (когда-то) дома, только ковыль вместо

еловых веток и вымороженная конина в обмен на молочного поросенка. И пуншем здесь — ледяной спирт.

Лейтенант тряхнул головой, отгоняя непраздничные мысли, и вернулся к письму. Сдул песок с блокнота, перевернул страницу...

Он ведь запретил себе думать о войне сегодня ночью. Ему можно. Другие офицеры с праздничного ужина отправились в свои подразделения, а он остался. Он ранен. И его роты больше нет. На днях последние ее крохи ссыпали в сводный батальон, которым командование пыталось залатать оборону едва ли не на противоположной стороне кольца... далее судьба батальона неизвестна. Впрочем, угадать ее не составляет труда.

Так что в это Рождество лейтенант мог позволить себе не думать о войне. О чем угодно — например, о трехлетней давности сочельнике, еще в кругу семьи: свечи, уют, хрустящая накрахмаленная скатерть; сияние серебра и «Тихая ночь, святая ночь» из радиоприемника. Счастливые глаза — светятся в жаркой полутьме...

Не получалось.

Сегодня тоже передавали «Тихую ночь», это было чудесно, слезы наворачивались, но потом диктор объявил: «Только что вы слышали Сталинград!», следом выступил рейхсминистр — про «поворотный момент» и про то, что «судьба давно уже испытывает нас, действительно ли мы призваны руководить всем миром», — но это было уже не важно. Волшебство рухнуло.

(Друг лейтенанта, батальонный врач, до армии изучал поведение животных и мечтал продолжить исследования после войны. «Это достойно отдельной науки! — восклицал Конрад, рассказывая о своих цихлидах и кваквах. — Представляешь, точнейшие механизмы Природы регулируют проявления внутривидовой розни так, чтобы, с одной стороны, агрессия — несомненно нужный для сохранения вида атрибут — не исчезла, и, с другой стороны, — не привела бы вид к самоистреблению!»)

«Поведению животных, — говорил Конрад, — присущи сложные ритуалы, направляющие агрессию отдельной особи в полезное для сообщества русло. Я бы осмелился назвать их — только не смейся — аналогом человеческой морали».

«Скажешь тоже!» — смеялся лейтенант.

«Во всяком случае, их поведение дает нам достаточно пищи для раздумий», — отвечал Конрад.

Накануне он пропал без вести. Такая вот мораль.)

...В конце концов, не стоит поддаваться отчаянию: уже месяц они сражаются в окружении, и достойно сражаются; и сам фельдмаршал ведет им на выручку танки вдоль калмыцких степей; осталось потерпеть день-другой — уж слышен гром артиллерии там, где острие деблокирующего удара рвет кольцо; и нынешняя его, лейтенанта, хандра — это просто усталость и утеря товарища, досадное ранение и воспоминания о доме — далеко-далеко...

Словом, нет повода для беспокойства. Разве что — слишком частая канонада там, на юге...

Лейтенант обнаружил, что уже вечность одиноко сидит над чистым листом, не в силах ни закончить предыдущую фразу, ни начать новую, а снаружи воеет и воеет ветер, и песок — хотя обстрел прекратился — все сыплется и сыплется сверху, образуя холмики вокруг блокнота. Это тяготило, и потому — когда по ступенькам блиндажа торопливо шаркнули шаги, и дверь стукнула, впустив сквозняк и тут же прищемив ему хвост, — лейтенант испытал облегчение.

— Танки... прорвались!.. — выдохнул вбежавший.

Лейтенант обернулся.

У входа топтался солдат — в снегу с головы до ног, точно выпавший из саней Санта Клауса.

Лейтенант улыбнулся метафоре и подумал — мельком — что воин, похоже, из новичков, der Neuberufene, раз его смог напугать случайно прорвавшийся танк. Серьезный прорыв на их участке невозможен. Слишком грамотно для «иванов» выстроена тут система огня.

Да и сверху — ни звука, свидетельствующего о горячем бое. Вообще — ни звука сверху.

— Ёп... — растерянно сказал вдруг солдат, хлопая заснеженными ресницами, и в следующий миг лейтенант уже рвал из кобуры «вальтер»: солдат — валенки, ватные штаны, изодранная фуфайка, перетянутая широким ремнем, — был врагом.

Он тоже вскинул свое оружие, но лейтенант — целя в середину круглого лица, — успел первым.

Отчетливый металлический стук бойка о капсюль.

Осечка.

На второй выстрел времени нет: пистолет-пулемет «ивана» смотрит прямо в грудь, и палец с обломанным ногтем напрягается под спусковой скобой; лейтенант судорожно ищет в памяти лица тех, кого любил в своей недолгой, в общем-то, жизни; он знает, что в смертный миг они всегда тут как тут... — но сейчас его память странно пуста, даже лица матери нет...

— Ёп! — повторяет «иван» с досадой. — Смотри, что сделал, гад...

Он поворачивает оружие так, чтобы лейтенант видел искуроченный, забитый снегом затвор.

— И ружье изувечил, и ППШ поломал, — жалуется «иван».

Так и подмывает спросить: «Кто?» — такой располагающий у русского тон, — но вместо этого лейтенант приказывает со сталью в голосе:

— Сдавайтесь!

— «Кто-кто»... Ваш блядский танк — вот кто! — в сердцах отвечает «иван» на невысказанный вопрос.

— Вы находитесь в расположении немецкой воинской части. Сдавайтесь!

Лейтенант вдруг с удивлением отмечает странное умиротворение, снизошедшее на него; его смущает явная неуместность — здесь и сейчас — своей воинственности. Как будто блиндаж провалился вдруг куда-то далеко, прочь от войны, и он, лейтенант, это чувствует.

Странно — кажется, ему даже симпатичен этот парень. В сущности, он никогда не испытывал ненависти к русским. Недоверие — да, раздражение от их упрямства — да, непонимание, иногда — страх... но никогда — ненависть.

Хотя и убивал их уже второй год.

Виноват, поправился лейтенант. Порой я ненавидел. После речей фюрера или рейхсминистра я был очень на них зол. И вчера — после пропажи Конрада.

(«Чем больше косяк рыб, — говорил Конрад, — тем он неповоротливее. Его вектор определяет количество особей, избравших то или иное направление. Если какая-либо рыбешка выбьется из стаи, стадный инстинкт тотчас гонит ее назад. Однажды провели эксперимент: речному гольяну — одному из стаи — удалили передний мозг, отвечающий за реакции объединения. Особи стало безразлично — следует ли она в русле большинства или нет; она решительно плыла туда, куда считала нужным, невзирая — плывут ли за ней другие. И — представляешь? — вся стая плыла следом! Дефект мозга сделал инвалида лидером».)

— Сам сдавайся, — огрызается русский. — Вы в «котле», не мы.

— Мы вырвемся, — возражает лейтенант, незаметно убирая пистолет.

— Фиг мы вас теперь выпустим, — отвечает русский беззлобно. Кажется, на него тоже подействовала странная атмосфера, воцарившаяся здесь, под землей.

Он оставляет ненужное более оружие у порога и похозяйски проходит к столу. Обозревает.

— Чего празднуем? — спрашивает.

— Рождество, — отвечает лейтенант. Конечно, откуда им знать — они же сплошь безбожники.

— Рановато, — присвистывает «иван». — Впрочем, ладно.

Машет рукой. Подвигает стул, садится. Смахивает рукавом песок. Снимает и кладет на столешницу шапку с вишнево взблескивающей в огне лампы звездочкой. Рассте-

гивает фуфайку. Достает из-за пазухи зеленую фляжку, всю во вмятинах. Встряхивает. Во фляжке булькает.

— Осталось еще, — лыбится солдат. У него короткие волосы и оттопыренные уши. — Я, только танк сверху проскочил, из снега выкарабкался и первым делом проверил — на месте ли... Ну и хлебнул, ясно. Не каждый день тебя так утюжит...

Не прекращая рассказа, он достает кус черного хлеба, бережно завернутого в белую тряпицу.

Совсем еще мальчишка, думает лейтенант. Даже моложе меня.

— Хорошо, что фляжку проверил, а не ППШ, — рассуждает солдат. — А то пострелял бы... жаль... Ну, за знакомство?

Его и вправду зовут Иван.

Лейтенант закусывает ноздреватым хлебом и называет себя.

— Ты не думай, я не первый месяц воюю, — говорит Иван. — Вот, — он вытаскивает и показывает лейтенанту серебряную кругляшку медали. — И все в бронебойщиках. Но чтоб, как сегодня, под танк попасть — бог миловал... Ух, и прёте же вы, гады...

— Гады... — повторяет он и удивленно хихикает, поражаясь, как нелепо вдруг звучит здесь привычное слово. И, чтоб загладить неловкость, спрашивает:

— А ты чем до войны занимался-то?

Лейтенант обстоятельно рассказывает про учебу в университете. Ему удивительно уютно сейчас, с недавним непримиримым врагом, — почти как три года назад, дома, — и он поднимает жестяную кружку.

— С Рождеством!

— С Рождеством.

(«Нечего глумиться над рабом привычки, который возбудил в себе привязанность к ритуалу и заставляет держаться за этот ритуал с упорством, достойным, казалось бы, лучшего применения, — говорил Конрад. — Мало

вещей более достойных! Клятвы никого не связывают и договоры ничего не стоят, если нет их основы — нерушимых, превратившихся в обряды обычаев».)

— *Ното homini lupus est*, — цитирует разомлевший лейтенант. Иван смотрит с восхищением. Он здорово говорит по-немецки, но с латынью, похоже, не знаком совсем. Лейтенанту нравится его восторг.

— *Bellum omnium contra omnes*, — продолжает он. — Война всех против всех. Гоббс. Знаешь, почему-то обычно опускают окончание этой сентенции: «...что делает жизнь беспросветной, звериной и временной».

— Ух ты! А я вот не успел ума набраться, — сокрушается Иван. — А тоже ведь собирался. В техникум!

Он жил в деревне, и когда началось отступление, его мобилизовали гнать общественный скот на восток. Не хотелось оставлять младших и мать одних (отца призвали в июле), но — приказали... Весной он записался на курсы бронейщиков. На мандатной комиссии его едва не сплывили в лагерь, как сына классового врага — кто-то из своих, деревенских, настучал, что его отец — кулак. А батя не был кулаком, он был мельником и сразу по коллективизации отдал мельницу колхозу. Правда, работал-то на ней все равно сам — лучше в деревне мукомольное дело не знал никто, тем более — не горлопаны с безошибочным «классовым чутьем»...

— Теперь-то мне точно не отвертеться. Я, получается, и позицию оставил, и вроде как в плену был, — горестно разводит руками Иван.

(«Крысы, как и пчелы, узнают «своего» не персонально, а по общему для группы запаху, — говорил Конрад. — Если одного зверька отсадить в отдельный вольер, а через несколько дней вернуть в стаю, то его растерзают как чужака, и даже быстрее — поскольку ненависть семьи для него неожиданна, и он не пытается ни бежать, ни защищаться».)

* * *

А он не оставлял рубежа. Танк выскочил на их стрелковую ячейку внезапно, под вечер, из пурги, и он лупил в него из ПТРа, да только бесполезно — в гусеницу не попасть из-за снега, а от брони пули отщелкивались, точно орешки. Это был «Т-IV», не «Т-III»; «тройку» он бы уконтрапупил, как пить дать! Но он все равно стрелял до самого конца — сколько можно драть-то?! — метя в смотровой люк механика-водителя, и едва успел нырнуть в окоп, когда стальная махина нависла над ним. Окоп был мелкий, потому что на дне его лежал, заваленный снегом, второй номер расчета, убитый еще утром, и танк едва не снес Ивану голову.

Но — обошлось.

Бронебойщик улыбается.

— Очухался, смотрю — ночь уже, вокруг никого... танки где-то тарыхтят. У ружья приклад — в щепки, ствол винтом, не повоюешь... Ну и пополз сказать, что фронт прорван... думал — наш блиндаж-то... *Мой* танк, между прочим, в балке застрял, видать, попал я все-таки!..

Фронт? Лейтенант удивленно выгибает бровь. Ну и категории! Ветеран называется... Любому новобранцу ясно, что его окоп — это далеко не весь фронт: ведь есть же, в конце концов, отсечные позиции, вторая и третья линии обороны, подвижные резервы... Правда, русские известны своим пренебрежением к деталям, к нудной кропотливой ежедневной работе — это-то их и губит. Но в данный момент в окружении мы, думает лейтенант. Впервые за три года войны. Может быть, как раз из-за таких вот простаков, наивно полагающих себя лично ответственными за исход кампании? Это глупо, неэффективно... однако, например, фельдмаршал — военный гений! — все никак не может пробиться сквозь густую канонаду...

Вспомнился летчик, плененный на исходе лета. На вопрос, где же их хваленая отвага, «красный сокол» хмуро отвечал, что сразу после взлета они ощущают себя трупами.

Теперь их тупоносые истребители хищно снуют над позициями, похожие на крылатых касаток, ведомые уставшими

бояться пилотами — единицами, уцелевшими из сотен, — а тогда они, офицеры батальона, с любопытством взирали с холма, как пикирующие бомбардировщики методично превращают в руины раскинувшийся вдоль реки город.

«Мы не можем полагаться на инстинктивное неприятие убийства сородича; нужно что-то еще, — говорил Конрад. — Заложённые в нас Природой сдерживающие механизмы отстали от нынешних техник убийства, существенно отдаливших жертву от охотника в эмоциональном плане... Представь себе нормального человека, с рычанием бросающегося на ребенка. Невозможно? А ведь там, в городе, сейчас гибнут сотни детей. На них мечут бомбы психически здоровые, воспитанные люди; почтенные отцы семейств, может быть. А мы — тоже не монстры — наблюдаем сей парадокс достаточно спокойно».

«Война, — угрюмо отвечал лейтенант. — Если они не захотели эвакуировать гражданское население — это их проблемы.»

«А где-то в Германии фюрер сейчас пьет теплое молоко за Рождество, — думает лейтенант. — На другом краю Земли усатый хитрец поднимает, может быть, бокал с красным вином. Праздник... А мы здесь истребляем друг друга во имя взаимной ненависти чужих, в сущности, нам людей. Хотя — ненавидят ли они друг друга? Тоже вопрос...»

— А ты хорошо по-русски калякаешь, — говорит Иван. — Сразу видно — в университете учился!

«По-русски? — удивляется лейтенант. — Разве мы говорим по-русски?!»

Иван зевает — широко.

— Подремлю чуток, — говорит. — Мы как двадцатого числа у Мышковой заняли позиции, так всё землю долбили... как камень она. Двое суток подряд, считай! А сегодня с утра — сразу в бой. Не спал почти. Так что — подремлю, а потом я тебя к нашим выведу, чего тебе здесь пропа-

дать-то? У нас в плену хорошо, комиссар говорит... Не то что у вас...

Он роняет голову на исцарапанные руки и тут же засыпает. На стриженный затылок течет тонкая струйка песка.

«Река Мышкова? — Лейтенант, щурясь, смотрит на карту на стене. — До нее же пятьдесят километров! Не мог же он проползти столько за... за...»

Двадцатое, с холодом в груди думает лейтенант. Они двадцатого вышли на позиции, через двое суток вступили в бой. Двадцать второе. Но сегодня же двадцать пятое!..

Лейтенант осторожно встает из-за стола. Пробует опереться на ногу. Нога почти не болит.

«В любом случае, выведу его к нейтральной полосе, — думает лейтенант торопливо. — Пусть ползет к своим. Не знаю, что говорил их комиссар, но у нас Ивану действительно ende».

Позавчера он лично расстрелял двух людоедов из пленных. В их пустых от голода глазах не было ничего человеческого. Точнее — вообще ничего.

Прихрамывая, он выходит из блиндажа в траншею: осмотреться.

«А если поймают? — шепчет вдруг чужой, с гнильцой, голос внутри. — Трибунал, позор... Расстрел!»

«Фиг поймают!» — отвечает лейтенант.

Низкое черное, без единого огонька, небо над ним. Даже сигнальные ракеты не взлетают. Свистит ветер. Траншея странно пуста — в оба конца. Лейтенант отчетливо это видит, потому что позиция залита ровным ярким светом, льющимся непонятно откуда.

Лейтенант поднимается на бруствер. Ледяной ветер хлещет в лицо, пробирает до костей, мчит навстречу комья окровавленных бинтов, клочья одежды, чьи-то письма — целые вороха писем, — но это не важно, всё не важно! — потому что впереди, на заснеженном поле, стоит колонна крытых грузовиков с танком во главе. К колонне бредут темные силуэты.

Фельдмаршал все же прорвался, понимает лейтенант. Эвакуация.

* * *

Они шли из разных концов степи — повзводно, поротно, поодионочке; молчаливые, безучастные, сгорбившиеся на морозе, — подходили к грузовикам и неуклюже по очереди залезали под брезент. Их было так много, что у колонны образовалась толпа; непонятно было, как она поместится в нескольких машинах.

Не было никакой давки, как, например, на аэродроме в Тацн: эвакуируемые терпеливо ждали своей очереди — не перетаптываясь даже, никак не пытаясь согреться, — просто стояли, замерев, — и всё.

Они так замерзли, что даже пар не поднимался от их дыхания.

Из башни танка по пояс высунулся командир. Лица его не разглядеть было — ослепительный свет, заливавший равнину, бил откуда-то из хвоста колонны, и лейтенант видел только темный силуэт на фоне световых колец, рисуемых лучами на беспорядочно мечущихся снежинках, — но от офицера исходила столь мощная волна эмоционального притяжения, что лейтенант, точно загипнотизированный, побрел к колонне — забыв обо всем, не в силах даже смахнуть слезы, вдруг выступившие на глаза от ветра.

«Неужели сам фельдмаршал? — крутилось где-то на периферии сознания. — Или... да нет, не может быть, но все же... неужели фюрер лично возглавил прорыв — как обещал?!»

Он приблизился, теперь танкист возвышался над ним, точно колосс. Лейтенант по-прежнему не видел лица — только абрис на фоне радужных концентрических кругов от неведомого прожектора — но знал, что танкист смотрит на него.

«Быстрее!» — дернул головой танкист.

«Сейчас-сейчас», — одними губами ответил лейтенант. Он споткнулся и оперся — чтоб не упасть — о заиндевелую броню. Показалось вдруг, что кроме командира за ним еще кто-то внимательно наблюдает из танка — снизу, через исклеванную бронебойными пулями смотровую щель, с места мертвого механика-водителя.

«Как же так, — вдруг всполошился лейтенант, — я, герой Сталинграда, вернусь домой безо всякого трофея?»

И торопливо выковырнул из застрявшей между гусеничных траков рубиновой льдинки (танкист в досаде хлопнул рукой в черной перчатке по броневому кольцу командирской башенки) поцарапанную звездочку.

«Считая человека *окончательным* подобием Бога, я ошибусь в Боге».

Конрад Лоренц

Аделаида Фортель

ЗУЛУМБИЙСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО

Семен проснулся к полудню и тотчас пожалел, что вообще открыл глаза. Голова не просто болела — разламывалась на части, как очищенный от кожуры новогодний мандарин. И подправить ее было нечем, голяки полные. Даже растирка от радикулита выпита. Он поворочался и попытался уснуть снова, зная по опыту, что тяжелые времена лучше провести в анабиозе. А там, глядишь, завалится кто-нибудь в гости, и можно будет разжиться табаком, а если повезет, то и хавки перепадет. Но сон не шел, а в животе урчало все сильнее. Семен откинул одеяло и выбрался из кровати. В голые ноги вцепился холод, забрался под майку и лизнул спину. Семен торопливо натянул джинсы, впрыгнул в тапки и по привычке поскакал к холодильнику.

Увы, холодильник — не волшебная шкатулка, как был пуст, так и остался. Только внизу, в ящике для овощей, перекатывались две сморщенные картофелины. Что, впрочем, не так уж и мало, если подойти к вопросу рационально — добавить что-нибудь, например, котлету или сала. Сала хорошо бы... Обжарить, снять шкварки и потомить в жире мелко нарезанную картошечку... Семен вздохнул и тоскливо подвигал ящик. Может, у соседки лука стрельнуть? Нет, не получится. У нее теперь даже вилки под замок спрятаны. Конечно, замок до смешного примитивный — ключ Семен подобрал, как нефиг делать, но вредная старуха в свою очередь повадилась в кухонных шкафчиках только отраву для тараканов держать. Семен, конечно, сам

во многом виноват, но и она хороша. Старая перечница чуть что вызывает участкового. Даже если всего лишь налить из ее кастрюли тарелку супа. Впрочем, по этому поводу давно не вызывала. Она теперь свои кастрюли охраняет, как страус гнездо. Ближе, чем на три шага лучше не приближаться. Ну, и ладно. На соседке свет клином не сошелся. Вариантов куча: взять денег в долг, настрелять мелочи у метро, поесть творожных сырков в универсаме или пойти в лес, грибов пособирать. Правда, в долг ему уже давно не дают, знают, что не вернет. Мелочь стрелять малоэффективно, а в универсаме за ним сразу охранник пристраивается. Остаются грибы. Не так уж плохо. И что может быть лучше картошки с грибами?

Семен быстро собрался: взял все, какие были, полиэтиленовые пакеты, сунул в карман нож и вышел из дому. День был подстать настроению — паршивый. Грязно-серый, словно акварель нищего художника, вынужденного за неимением красок рисовать водой для ополаскивания кисточек. Мелкий дождик, мокрый асфальт, облетевшие деревья и унылые многоэтажки. Даже дорогу перебежала какая-то неопределенная серо-полосатая кошка. Хорошо еще электричку долго ждать не пришлось. Семен уселся у окна и решил отдаться судьбе — где контролеры высадят, там и выйти. Высадили его на безлюдной платформе без названия, пронумерованной как 67-ой километр. Электричка с шипением закрыла двери и угрохотала прочь, превратившись в точку в конце железнодорожного полотна. Семен спрыгнул с платформы, прохрустел гравием и вошел в лес.

Под ногами пружинил ковер из сосновых иголок и выступали из земли узловатые корни. Мокрая трава обвивалась вокруг ног. При каждом порыве ветра с деревьев обрушивался на голову холодный душ и сползал за шиворот тяжелыми каплями. Пахло опавшей листвой, и масляно блестели голые ветки. Семен вымок, продрог, изголодался и был зол, как черт. Пожалуй, пойти к соседке на поклон было бы более результативно. По крайней мере, она сразу бы отказала, и весь день свободен. А так за два часа шатаний по лесу он даже поганок не нашел. Только один раз

встретился возле тропинки ярко-красный мухомор. Под ногами захлюпало, и следы начали заполняться ржавой водичей. Болото. Дальше идти бессмысленно. Семен осмотрелся. Еще пару часов, и стемнеет, нужно поворачивать обратно. На кочке среди седого мха краснели клюквенные бусины. Семен набрал горсть и бросил в рот. Клюква лопнула на зубах, наполнила рот терпким соком, проскользнула по гортани. Семен сожмурился, крикнул и нагнулся набрать еще. Из-под руки неожиданно выпрыгнула громадная черная жаба. Она тяжело плюхнулась на мох, перевела дух, и, натужно вытягивая задние лапы, пошла прочь в заросли осоки. Но уйти не успела, Семен цапнул ее поперек толстого туловища и поднял, рассматривая. Таких жаб он еще не видел. Угольно-черная, с желтыми крапинками на спине и уродливой квадратной головой. Жаба завозилась в руках, пытаясь освободиться, и ощутимо царапнула руку. Семен чертыхнулся, но добычи не выпустил, перевернул ее на спину. Раздутое ярко-желтое брюхо напоминало наполненный водой презерватив и оканчивалось крохотным отверстием клоаки. Желтой оказалась и внутренняя сторона толстых ляжек. Жаба словно застеснялась бесцеремонного осмотра, подтянула ноги к животу и задрыгалась совсем остервенело. Семен покачал ее на ладони, прикидывая примерный вес. Грамм на шестьсот потянет. Интересно, можно ли ее есть? Французы едят. Лягушек, правда, но какая разница. А папуасы точно жаб в пищу употребляют. Водится у них в папуасии мясная жаба ага. Эта, конечно, не ага, ну и какая разница. Лишь бы не ядовитая была. Да хоть бы и ядовитая! Мелкие черные поганки тоже ядовитыми считаются, а как торкают. И галлюциногенные жабы где-то в тропиках живут, аборигены им спины лижут. А вдруг и эта галлюциногенная? Семен совсем разволновался, прикинув, насколько эта жаба может оказаться ценной находкой. Он снова перевернул ее спиной кверху и поднес к носу. Пахла она мерзко. При ближайшем рассмотрении оказалось, что вся спина у нее покрыта мелкими бородавками и тонким слоем слизи. Жаба в свою очередь испуганно выпучила глаза, судорожно сглотнула, дернулась и выдавила на

ладонь каплю мутной жидкости. Семен содрогнулся от отращения и чуть не бросил ее на землю, но, спохватившись, сделал над собой усилие и лизнул. От души, проведя языком от суженного в треугольник основания спины до крепкой шеи.

«Все-таки галлюциногенная, и мгновенного действия», — обрадовался Семен, глядя, как прямо на глазах изменяется реальность. В голове поплыло, а жаба в его руках вдруг вспучилась и начала так стремительно наливаться тяжестью, что он не удержал ее и выронил на мох. Она тяжело шлепнулась на спину и изогнулась в судороге, продолжая расти. Семен обалдело смотрел, как разворачивается ее пупырчатый живот, воронкой стягивается на нем пупок, и из двух больших бородавок вздуваются груди с широкими коричневыми сосками. Устье внизу живота закурчавилось жестким черным волосом, судорожно выпрямились ноги, когтистые лапы оформились в широкую человеческую ступню со скрюченными от боли короткими пальцами.

«Нет, пожалуй, не галлюциногенная, а чего похуже», — с тихим ужасом подумал Семен, заморожено глядя, как кроткие передние лапки жабы вытянулись в руки и заскребли землю, срывая ногтями мох. Шея с хрустом потянулась в длину. Голова распухла, словно ее надули, как воздушный шар. Из двух еле видных дырочек вскочил широкий нос с резко очерченными ноздрями и загнулся книзу. Глаза разошлись в стороны, опушившись густыми ресницами. Рот вывернулся пухлыми губами. На голове пробились нити волос и разметались по земле густой шевелюрой. Семен не успел опомниться, как вместо жабы у него под ногами оказалась темнокожая голая баба.

Баба тяжело села, посмотрела на Семена снизу вверх преданным собачьим взглядом, подползла на четвереньках, обвила руками его колени и поцеловала сырые от шатаний по лесу кроссовки.

— Ты кто? — выдавил из себя Семен.

— Принцесса Зягура, о мой господин! Много-много полных лун пробыла я жабой, пока ты не вернул мне человеческий облик. И теперь я твоя навеки.

«Этого еще не хватало», — испугался Семен и попытался высвободить ноги из ее объятий, но баба держалась крепко — не оторвать.

— Ну, ладно. Принцесса так принцесса. Ты бы встала с земли-то, простудишься...

Она радостно вскочила и поклонилась в пояс:

— Ты так заботлив, мой господин! Я буду служить тебе верой и правдой.

Ростом она оказалась невелика, чуть Семену до плеча доставала, но была туго сбитая, крепкая, и потому казалась выше. Семен посмотрел на ее груди, с волейбольный мяч каждая, скользнул взглядом по полным бедрам и смущенно отвел глаза. Зягура перехватила его взгляд, еще раз поклонилась, «щаскнула» и нырнула в кусты.

«Надо делать ноги!» — решил Семен и рванул прочь. Но не успел он и пятисот метров пробежать, как Зягура в юбке из папоротника выскочила на дорогу и побежала рядом, причитая на ходу:

— Мы спешим, мой господин? Вы можете не ждать меня, я могу быстро и долго бежать. А если отстану, чтобы справиться нужду, найду вас по запаху следов.

«Ну, совсем крантец мне, — затосковал Семен. — Даже по следу найдет, как собака». И поддал ходу. Зягура без усилий тоже увеличила скорость и бежала рядом, ловко пере-скакивая через корни и отклоняя ветки. Так они домчались до платформы, взбежали по ступенькам и остановились. Дальше бежать было некуда. Семен похолодел от мысли, что совсем скоро подойдет электричка, и ему придется сесть в вагон с этой голой идиоткой. Да и ладно бы в вагон. Она же, поди, и домой за ним придет. По запаху следов. Это ему совсем не понравилось, и он предпринял еще одну попытку:

— Знаешь, я готов подарить тебе свободу. Теперь ты вольный человек и можешь идти, куда хочешь.

— В таком случае, я хочу пойти с тобой, мой господин! — обрадовалась Зягура. — Я могу оказаться тебе полез-

ной. Умею вылечивать малярию и кишечные расстройства, отваживать злых духов и охотиться на антилоп. Могу найти для тебя сокровище, и ты станешь богатым и счастливым.

— Сокровище? — с сарказмом переспросил Семен. — А сейчас можешь? А то нам доехать до города не на что.

Зягура желчи не заметила.

— Могу! — радостно вскинулась она, соскочила с платформы и ломанула в лес. Только кусты закачались и затрещали сухие ветки.

Семен прикинул: или правда сокровище найдет, или, бог даст, в лесу заблудится, или к электричке вернуться не успеет — в любом случае хорошо.

Вскоре провода залязгали и вдалеке показалась темная точка приближающейся электрички. Зягуры все еще не было, и Семен, затаив дыхание, сжал кулаки на удачу — пусть бы не успела. И только когда вскочил в вагон, и двери закрылись, вздохнул с облегчением.

Проплыла мимо табличка с надписью «6 / километр», за окном, балетно поворачиваясь, побежали в противоположную сторону мокрые елки, на стекло длинными росчерками косо ложились дождевые капли. В вагоне горел свет и дремали утомленные дачники, подтянув к ногам полные грибов корзины и рюкзаки с овощами. Свободных мест было немало, но Семен вдруг понял, что войти в вагон и сесть на скамейку рядом с людьми не сможет. Вдруг стало страшно, что каждый пассажир, заглянувший в его глаза, прочтет в них полную историю совершенной подлости. И оправдаться Семену будет нечем. Он представил себе, как Зягура мечется по пустому перрону, ловит в воздухе запах его следов, а вокруг сгущается вечер. А потом, когда она поймет, что брошена, спрыгнет на пути и пойдет в сторону города. Или не пойдет. Будет сидеть на платформе и встречать все проходящие мимо электрички полным надежды взглядом. Семену совсем стало дурно — хоть выпрыгивай на ходу и обратно иди. «Сойду на следующей остановке и вернусь. Может, найду», — решил он.

Дверь, ведущая в соседний вагон, с лязганьем открылась, пропуская в тамбур двух дюжих теток с повязками на

рукавах. Следом показалась Зягура, одетая в мешковатый оранжевый жилет поверх все той же папоротниковой юбки. Она радостно вскрикнула и кинулась к Семену.

— Вот он! Я с ним еду!

— Ну, слава богу, — заулыбались контролеры. — Получай, парень, свою невесту. Билет-то у вас есть? Нету? Ну, не важно. Девчонка твоя рассказала, в какую переделку вы попали. Повезло еще, что все хорошо закончилось. А ты, парень, с виду и не скажешь, что такой героический. Ну, бывай, Зяма! Жилетку себе оставь, нам еще выдадут.

— Ты чего им наговорила? — спросил обалдевший Семен, когда тетки прошли в вагон и начали шерстить пассажиров.

— Почти правду. Что ты меня от смерти спас, — она замялась и сменила тему. — А я тебе сокровище нашла! Вот, глянь, — Зягура достала из-за пазухи пучок грязных корешков. — Это корень зулу! Самое ценное в нашем государстве. У кого есть хотя бы один корень зулу, тот не работает и живет в хижине из баобаба. А два корня есть только у короля. У тебя теперь много корней зулу, как пальцев на двух руках и одной ноге. Ты — самый богатый человек, который встречался мне в жизни!

Семен покрутил корни в руках. Вот ведь ирония судьбы! Самый богатый человек, а едет на халяву в электричке и умирает с голоду. И хижина из баобаба ему даром не нужна, и от корней этих в его мире проку мало. Зягура радостно смотрела на него снизу вверх, только хвостом не виляла. И разочаровывать ее не хотелось.

— Ладно, — вздохнул Семен. — Ты замерзла, наверное. Бегаешь полуголая. На вот, свитер мой надень. Он длинный, тебе как раз до колен. Как платье будет.

Зягура натянула свитер и радостно улыбнулась.

— Ты очень добрый. Самый добрый человек, который встречался мне в моей жизни. А теперь еще и богатый. Возьми меня в жены. Я тебе хорошей женой буду. И титул мой унаследуешь.

— Какой еще титул? — загрустил Семен. Если и титул, как это богатство, никчemuшный, так на фиг надо.

— Станешь королем Зулумбии! И все-все будут обращаться к тебе «Ваше зулумбийское величество», будут стоять в твоём присутствии и почтительно обходить твою тень на дороге.

«Липовый титул», — приуныл Семен и уставился в окно.

Уже совсем стемнело, и выкатилась на темно-синее небо желтая луна. Проплывали мимо силуэты деревьев, и бежали вдоль полотна, ломаясь, квадраты освещенных окон. Проскочили с грохотом мост над рекой, блеснула под луной вода, показались домишки с треугольными крышами. Там сейчас уютно и тепло, там пьют вечерний чай и расстилают кровати.

— А еще у тебя будет самая сухая хижина и много жен. А подданные будут приносить тебе самые крупные орехи и самые спелые плоды, — продолжала щебетать Зягура.

Электричка въехала в город. Домишки сменились гигантскими сотами многоэтажек. Вдоль полотна растянулось шоссе, и побежали по нему лупоглазые автомобили. А Зягура все расписывала прелести королевской жизни.

— Каждый житель Зулумбии станет твоим добровольным рабом и предоставит тебя право первого куска мяса.

При слове «мясо» желудок Семена уныло сжался.

— Это как — право первого куска?

— Охотники будут приносить тебе пойманную дичь и просить разрешения ее съесть. А ты сперва отрежешь себе лучший кусок и выберешь самые сладкие мозговые кости. А если что-то останется, отдашь им.

— Зягура, не смогу я на тебе жениться, — вздохнул Семен. — Мне и самому сейчас есть нечего, а теперь еще и тебя кормить придется.

— О, пусть моего господина это не волнует! — с жаром откликнулась Зягура. — Я могу прокормиться сама, и смогу прокормить мужа, каким бы неурожайным не выдался год.

Они вышли из электрички, прошли по мокрому от дождя перрону и нырнули в метро, затерявшись в толпе. В электрическом свете среди цивильно одетых граждан Зягура смотрелась бомжом, затесавшимся на светской вечерин-

ке. Пассажиры с удивлением пялились на ее босые ноги и торчащие из-под растянутого свитера листья папоротника. А Зягура встречала эти бесцеремонные взгляды с королевским достоинством, светилась от гордости и продолжала нести ахинею:

— Еще у тебя будет право первой ночи. Самые красивые девушки почтут за честь потерять девственность на твоей пальмовой подстилке.

— Зягура, ты помолчала бы, пока мы не доехали, а? — не выдержал Семен, поймав на себе возмущенный взгляд дамы в синем костюме.

— Как будет угодно моему повелителю, — поклонилась Зягура и заткнулась в почтительном молчании.

Молчала она не долго. Как только они выбрались на поверхность и двинулись по опустевшим улицам в сторону дома, Зягура завела старую песню:

— Все-все в Зулумбии будет принадлежать тебе. Все-все, до последнего камня на дороге. Каждый дикий слон, каждый баобаб и каждая лиана будут иметь метку с твоим высочайшем именем. И ни один зулумбийский цветок не будет сорван без твоего разрешения!

Семен, оставшись в одной футболке, зябко ежился и пытался отогреть руки в карманах джинсов. В кроссовках хлюпало, и промокшие до колен штанины противно облепили ноги. А Зягура бодро шлепала по лужам и, казалось, не чувствовала ни холода, ни усталости.

— А у вас в Зулумбии тепло? — невпопад спросил он.

— У нас вечное лето! Урожай созревает два раза в году, и не бывает зимы. Круглый год цветут деревья, и птицы не покидают гнезд... О-о-ой!..

Семена аж в жар бросило. Зягура исчезла, как сквозь землю провалилась.

— Эй! Зягура! Ты где?

— Здесь, мой господин! — отозвалась она откуда-то снизу. — Я попала в ловушку для шакалов и не могу выбраться. Будь осторожен. Она у тебя под ногами.

«Ага, в люк провалилась», — догадался Семен. Он присмотрелся, увидел черную дыру открытого люка, опус-

тился возле нее на колени и заглянул внутрь. Темно, хоть глаз вырви.

— Заура, там на стенках должны быть скобы. Цепляйся за них и вылезай.

— Я не знаю, что такое скобы, — скорбно отозвалась Зягура. — У нас в Зулумбии очень просто устроены ловушки — яма и все.

— Ну, это такие железные ступеньки. Пощупай стены. Нашла?

— Я не знаю, что такое ступеньки, — голос Зягуры дрогнул. — У нас в Зулумбии нет ступенек.

— Гос-с-споди! Да что у вас там вообще есть? — возмущенно зашипел Семен, нашаривая ногой верхнюю опору.

— Все остальное есть, мой господин! — с готовностью отозвалась Зягура. — Есть копыя с железными наконечниками и оперенные стрелы. Есть топоры, чтобы затачивать острые колья, и ножи, чтобы снимать с добычи шкуру...

«Достану ее и убью!» — мрачно думал Семен, погружаясь под нескончаемый лепет в зловонный канализационный колодец.

Когда они наконец-то добрались до дому, Семен, негнушнимися от холода пальцами нашарил в кармане ключи, открыл дверь, стянул с себя мокрую одежду, плюхнулся на кровать и мгновенно заснул.

Снилась ему прекрасная южная страна с красными закатами, стада неторопливых слонов и изогнутые тени тропических деревьев. Полуобнаженные чернокожие люди в разноцветных бусах расступались перед ним с поклонами и протягивали корзины с едой. Четверо мускулистых охотников в узких набедренных повязках волокли привязанную за длинные ноги антилопу, и ее рога чертили на песке две бесконечные, как рельсы, параллельные линии. Охотники положили добычу у ног Семена, отошли на два шага назад и почтительно замерли. Мертвая антилопа, неловко запрокинув голову, смотрела на него покорными синими глазами. Семен снял с пояса кривой нож, ухватил его поудобнее

за костяную ручку, размахнулся и вонзил острие в упругую ляжку. Антилопа неожиданно дернулась и забилась на земле в истошном женском визге.

Семен вскочил в холодном поту. В комнату вползал рассвет. На коврике возле кровати сладко похрапывала свернувшаяся калачиком Зягура. Семену стало стыдно. Поступил, как белый плантатор, — уснул на кровати, а девчонку на полу бросил. Стараясь не шуметь, он встал, разложил кресло, достал из шкафа запасное одеяло и легонько потряс Зягуру за плечо.

— Слышь, Зяма, ложись на кресло. Я тебе постелил.

Зягура послушно перебралась на расстеленную постель и завернулась в одеяло, как в кокон, только макушка осталась снаружи торчать. А Семен смотрел как светлеет за окном и чувствовал, как его охватывает давно забытое и сладкое чувство игры. Когда он в компании таких же горластых и исцарапанных пацанов мог с легкостью превратиться в пирата, рыцаря, индейца или красной армии солдата, вжиться в образ и поверить в него настолько, что собственное имя, выкрикнутое мамой из окна пятиэтажки, удивляло и казалось чужим. В игре все возможно: умереть и тотчас ожить; получить смертельную рану в сердце и сдуть ее со свитера, смахнуть рукой, как мошку; стать вождем и совершенно безнаказанно всем накидать по шее; превратиться в невидимку или, напротив, отрастить себе тело великана. Любое чудо начиналось с волшебного слова, магической фразы: «Давай поиграем в...» Все это было словно в другой жизни, словно не было вовсе, и вдруг сейчас по допустимым только в игре правилам жаба превращается в принцессу и говорит ему: «Давай поиграем!» с такой убежденностью, что он сам готов поверить и радостно согласиться — «давай!». И хотя бы на один день забыть про кислый запах коммуналки, про то, что нет денег, что никому не нужен, что остался один, что в свои «под тридцатник» ничего не смог и не успел. Хотя бы на один день стать королем Зулумбии и жениться на принцессе.

— Зягура, я согласен стать вашим королем, — сказал Семен, как только Зягура проснулась и напялила свитер.

Она вспыхнула от радости, захлопала в ладоши и, улюлюкая, заскакала по комнате в диком танце.

— Там-бала! Там-бала! Там-бала-там! — застыла она на одной ноге, хитро вывернув плоскую ступню пяткой кверху. На Зягурины там-тамы откликнулся энергичной трелью коммунальный телефон. Соседка сняла трубку и через несколько секунд («Бам! Бам! Бам!») постучала в дверь кулаком, заканчивая музыкальную тему.

— Семен, тебя к телефону! И скажи своим друзьям-гопникам, чтобы не звонили в такую рань!

Скажите, какие мы манерные! Семен влез в тапочки и пошлспал в коридор. Звонил Пашка.

— Сень, у меня сегодня типа ДЭРэ. Заходи через час. Посидим, покурим, позвездим. Пивка выпьем и все такое.

Семен обрадовалась — вот она, долгожданная халява. И покормят, и напоят, и покурить дадут. Только куда Зягуру деть? От мысли, что придется идти вместе с ней, стало не по себе. Семен представил, как вытянется у Пашки лицо при одном виде черномазой подружки, а уж если она опять про Зулумбию запоем — вообще позора не обобраться будет. Нет, Зягуру надо с хвоста скинуть.

Семен натянул на себя деловое выражение лица, вошел в комнату и сказал решительно и сухо:

— Зягура, мне по делам смотаться придется. К полуночи вернусь. Ты тут не скучай, ладно?

Зягура доверчиво улыбнулась и кивнула, отчего Семену стало тошно. «Ладно, — решил он. — Я ей в кармане гостинец принесу».

Пашка, несмотря на то, что именинник, на жарчку пожмотился. Выставил на всю честную компанию три двухлитровые бутылки пива «Медовое», буханку хлеба и кастрюлю с сардельками. Голодная братва моментально размела сардельки, и Семену пришлось проявить расторопность, чтобы успеть схватить парочку: одну себе, другую Зягуре. Его сарделька проскочила по пищеводу, как спортсмен-слаломист, и затосковала в желудке от одиночества, только аппетит раздражила. Вторая же буквально прожигала карман джинсов и дразнила обоняние. Семен долго боролся с

искушением, но голод взял верх над совестью. Он вышел в туалет и там, спрятавшись от чужих глаз, жадно сожрал успевшую остыть сардельку. «Ничего, — подумал он. — Скажу, что ничем не угощали. А завтра чем-нибудь разживусь и накормлю Зягуру от пуза».

Вернулся Семен поздно. Стараясь не шуметь, отпер дверь и на цыпочках прошел в комнату. Может, Зягура уже спит, и тогда врать не придется. Она не спала, сидела в полной темноте на коврикe у кровати и при виде Семена радостно завозилась.

— Зяма, ты прости, я сегодня еды достать не смог, — принялся оправдываться он. — Понимаешь, там, где я был...

— О, мой господин! — воскликнула Зягура. — Тебе не надо беспокоиться о пище. Здесь ее полно! Я поела сама и могу накормить тебя!

«О, Боже! — сжался Семен. — Не иначе, у соседке что-нибудь стырила! Ну, теперь старая гримза точно в милицию заявит...»

— Пойдем! — Зягура потянула Семена на кухню. — Это здесь.

Она отодвинула мусорное ведро, и оттуда сыпанули в разные стороны тараканы. Зягура ловко наловила их целую горсть и протянула Семену.

— Очень вкусные насекомые! И глупые, ничего не боятся. Их так много, что надолго хватит! Ешь, мой господин!

— Ты что?! ЭТО ЕЛА?!

— Конечно! Когда я была жабой, я о таком и мечтать не могла! Знаешь, как много надо наловить комаров, чтобы насытиться? А мелкие мошки вообще из одних крыльев состоят, только во рту хрустят.

«О, Боже! Лучше бы она у соседки колбасу украла!»

— Брось эту гадость! — Семен разжал ее кулак, стряхнул на пол насекомых и раздавил тапком. — И пообещай мне не есть тараканов, хорошо?

Утром Семен пошел к ближайшему продуктовому магазину.

— Вам грузчики на один день не требуются?

— Требуется, — обрадовалась толстая тетка в грязном белом халате. — А то наш Ильич с утра нажрался, как скотина, — она от души пнула в бок сладко спящего на ящиках мужичка. Мужик на мгновение перестал храпеть, чмокнул губами, непонятно чему улыбнулся и снова переливчато засвистел. — Сволочь! Одни мучения с ним. Постоянно самим разгружать машину приходится. Только ты, парень, учти, заплатить мы не сможем. Нам по бухгалтерии эту статью расхода не провести. Натурой возьмешь?

— А что дадите?

— Курицу, килограмм лука и буханку хлеба. Годится? Еще бы не годилось!

Семен варил курицу и раздувался от гордости — чувствовал себя мужчиной. Зягура вертелась рядом, втягивала носом воздух и сопела от нетерпения. Наконец он решил, что можно вынимать. Вывалил тушку на большую тарелку, очистил от шелухи несколько крепких луковиц, нарезал толстыми ломтями хлеб и отнес всю эту роскошь в комнату.

— Ну-с, принцесса Зягура, у тебя, как у августейшей особы, есть право первого куска мяса?

Зягура радостно кивнула.

— Тогда принимай дичь!

Зягура проигнорировала протянутую ей вилку, схватила курицу, и вцепилась в нее зубами. Семен еще никогда не видел, чтобы человек с такой скоростью поглощал пищу. Она ела, громко чавкая и урча от удовольствия, только косточки сплевывала, и со смачным хрустом закусывала луком. Вскоре на тарелке остался только обглоданный остов. Зягура облизала пальцы, откинулась назад, громко рыгнула и блаженно зажмурилась. Живот, и без того немаленький, выпятился под свитером круглой тыквой, губы залоснились от жира. «Вот ведь, проголодалась, бедная!» — умилился Семен и промокнул тарелку хлебной корочкой.

На следующий день к курице выдали упаковку макарон и полмешка картошки.

Зягура тоже рвалась добывать пропитание, и Семену приходилось присматривать за ней в оба. Как-то они вы-

шли прогуляться, и возле помойных баков Зягуре на глаза попалась выброшенная лыжная палка. В Зулумбийской принцессе мгновенно проснулись охотничьи инстинкты: она, радостно улюлюкая, подхватила палку, содрала с нее пластмассовый наконечник и сиганула в кусты. Хорошо, у Семена ума хватило за ней рвануть. Он вовремя успел, схватил Зягуру за руку в тот момент, когда она уже размахнулась, чтобы метнуть «копье» в толстозадого пуделя.

Семен и сам не заметил, как привязался к Зягуре. Сперва это была привязанность хозяина к своему домашнему животному, из области: «приходишь домой, а она тебе радуется». Действительно, в каком бы виде не заявлялся Семен домой, Зягура встречала его счастливой улыбкой. Плюс ко всему, никогда ничего не требовала и не закатывала скандалов. И, может, оттого где бы он теперь ни был, он спешил домой. Не в прежнюю холостяцкую берлогу — четыре стены и потолок, а по-настоящему домой, туда, где его всегда ждут. Зягура без него и свет никогда не зажигала. И сколько Семен ни убеждал, она всякий раз продолжала упорно сидеть в темноте до его возвращения.

Семен просто диву давался, как буквально за считанные дни изменилась его жизнь. Даже затяжная коммунальная война, попортившая немало крови, неожиданно резко прекратилась. И это было чудом не меньшим, чем превращение жабы в человека. Семен, увидев, как склочная Эмма Петровна в присутствии Зягуры становится покладистой и приветливой, просто онемел.

— Зям, как тебе ее приручить удалось?

— Как обычно, — пожала плечами Зягура. — Лаской и прикормом.

Семен ничего не понял, но показывать свою глупость постеснялся. Черт его знает, может и существуют какие-то правила пользования соседками, просто ему они не известны.

И даже Пашка, ошеломленный поначалу Зяминными бурами из куриных костей и приветственными танцами, вскоре стал Семену страшно завидовать. Сам как-то признался.

— Тебе, Сенька, везет, как и всякому дураку! Хоть и страшная Зяма твоя, как война атомная, но как тебя, придурка, любит! Где ты ее нашел-то? Дай наводку, я там тоже поищу.

— Где, где! В Караганде, — пытался отшутиться Семен, но Пашка не успокаивался.

— Ну, скажи честно, на улице познакомился?

— Нет, в лесу.

— Да ладно врать-то! Она, конечно, дикая, но не настолько. В институте Патриса Лумумбы закадрил?

— Слушай, отвали, а! — вспылил Семен. Говорить правду совсем не хотелось. Стремно как-то... Да и все равно не поверит.

По весне Зягуру начала крутить ностальгия. Она сидела целыми днями у окна и любой разговор как-то сам собой сводился ею на Зулумбию. И потому, когда она однажды заявила, что пора им в Зулумбию съездить, Семен даже обрадовался. В Зулумбию, не в Зулумбию, но прогуляться Зягуру не повредит. И больше ради поддержания игры спросил:

— А что за необходимость, Зям?

— Завтра новолуние. В Зулумбии большой праздник — начало рождения земли. Король обязан присутствовать, чтобы дать разрешение на посев, а король еще даже не коронован. Очень-очень ехать надо. Это не далеко. На электричке до того места, где ты меня нашел, а потом четыре по десять полетов стрелы пройти.

«До шестьдесят седьмого километра полчаса ехать, а там пешком километров двадцать пилить, — прикинул Семен, уже изучивший зулумбийскую систему мер. — Часа три-четыре в одну сторону будет».

— Рано вставать придется. Зям, поставь будильник на полшестого.

Зягура радостно подскочила и вытащила из шкафа свое самое нарядное платье, рыжее с оборкой из черных перьев и вышивкой из костей, разложила его на стуле.

— В этом поеду!

Семен только вздохнул. К платью, как ему было хорошо известно, еще полагалось ожерелье с клювастым черепом в центре и серьги из скрюченных лап. Зягуре удалось утилизировать найденную во дворе дохлую ворону до последней косточки.

День выдался ясный и невероятно теплый для апреля. Зягура сняла босоножки и, гулко топая, зашагала так быстро, что Семен еле за ней поспевал. Он шел, оставляя на утоптанном песке рядом с цепочкой короткопалых следов Зягуры ребристые отпечатки кроссовок, жмурился от солнца и любовался ее крепкой фигурой, обвитой коротким платьицем. Под ноги стелилась дорога, петляла среди березовых островков, ныряла в овражки, разрезала свежевспаханые и еще черные поля и, казалось, вела в никуда, истоньшаясь впереди змеиным хвостом. Было легко и приятно идти по этой незнакомой дороге, вдыхать запах свежей земли и слушать, как поскрипывает под ногами песок. Семена удивляло, что Зягура, обычно болтливая и суматошная, шла с торжественным молчанием и уверенно выбирала в развилках нужную ей тропинку, словно и правда знала путь в свою Зулумбию.

«Глупая Зягура! — ласково думал Семен. — Наверное, она опять видит что-то нереальное. Так волнуется, а скорее всего приведет меня к какому-нибудь пню, обсиженному древесными грибами, и будет утверждать, что это трон Зулумбии».

Дорога сделала резкий поворот, открыв покосившийся забор и трухлявый домишко с уныло обвисшими ставнями. Зягура толкнула калитку.

— Это здесь! Тут живет церемонейстер Зулумбии.

Во дворе под дощатым навесом лениво теребили сено удивительного персикового оттенка овцы и деловито бродили, склевывая что-то с земли, странные куры: коротколапые и вытянутые вверх, словно кегли. Из-за сарая выскочи-

ла вертлявая рыжая собачонка с острой мордой и звонко затыкала. Следом показался угрюмый мужик в ватнике. Увидев гостей, он рывкнул на собаку:

— Цыц, дура! Не видишь что ли, на кого лаешь? Простите глупого шакала, Ваше Зулумбийское Величество! Я безмерно счастлив приветствовать в своем доме августейшую особу!

Мужик стянул с косматой головы грубо связанную шапку и поклонился. Его длинные черные волосы, скатанные в войлочные дреги, взметнулись над головой пальмовой кроной и тяжело упали на плечи. Стоящая ближе всех овца неожиданно высоко вытянула шею, горделиво подняла голову и посмотрела на Семена огромными влажными глазами. По их восточному разрезу он узнал виденную когда-то в зоопарке ламу Гуанако.

Через несколько часов во дворе церемонимейстера собрались жители ближайших зулумбийских деревень. Семена усадили на вытачанное из огромного пня высокое кресло с резной спинкой. «Хоть тут угадал. Не обошлось без пня», — порадовался за себя Семен и принялся с интересом рассматривать зулумбийцев. С виду колхозники как колхозники, разве что одеты слишком пестро, да лица у всех, словно кофейные зерна, темные с резкими африканскими чертами. Зулубийцы подходили по очереди, с поклоном ставили у ног Семена подношения и почтительно пятились назад.

Семен с детства обожал подарки, а столько ему ни разу еще не дарили. Чего тут только не было: корзины с сушеными фруктами и страусиными яйцами, связка сушеных крыс и бочонок соленых лягушек; стреноженные коротколапые птицы киви, так похожие на кур, ручной крокодил в попоне из старого пальто с забинтованной мордой и парочка визжащих в мешке поросят, оказавшихся на поверку молочными бегемотиками. Шипел и рвался с цепи злющий пятнистый кот, скорбно молчал красно-синий попугай в кованой клетке. Ко всеобщему ликованию зулумбийцев, Семену пришлось сразу же надеть ожерелье из рыбьих хребтов и широченные желтые штаны, прицепить на пояс

изогнутый нож в кожаном чехле и взять в руку резное копье. Вскоре возле него скопилась приличная куча мешков, свертков и корзин, увенчанная рогами антилопы и слоновым бивнем.

— Зяма, а бивень-то здесь откуда? Неужели, и слоны в ленинградской области водятся?

— Большой зуб много лет хранился в деревне. И откуда он взялся, никто не помнит.

— А что мы будем со всем этим добром делать? Может, обратно раздадим?

— Что ты! Отказываясь от подарка, ты наносишь зулумбийцу смертельную обиду, и он вешается на ближайшем дереве. Донесем до дому, а там пристроим куда-нибудь.

— Зям, ну хоть крокодила давай вернем, а?

Но Зягура только глаза испуганно выпучила глаза: молчи, дескать.

«Куда я этого крокодила дену?» — ломал голову Семен, глядя, как скачет вокруг тотемного столба шаман в злобной маске и рваном свитере. «Может, Пашке на день рождения подарить? Нет, Пашке не годится. День рождения у него не скоро, в ноябре, а полгода жить крокодилу в коммунальной ванне соседка не позволит...»

— Зяма, а не этот ли самый шаман тебя в жабу превратил?

— Этот. Он очень старый и крепкий шаман, много-много лет шаманит.

— Вот сволочь! Хочешь, я его казню? Или нет, просто откажусь от его кокосовых погремушек, и он сам удавится, хочешь?

— Что ты! Он же все согласно обычаям делал. Знаешь, сколько каждый год рождается зулумбийских принцесс? Сотни! А должна остаться только та, которая сумеет найти для зулумбии короля.

— Сотни? Из яиц вы что ли вылупляетесь?

— Нет, из икринок.

«Бред какой-то», — подумал Семен, но переспрашивать не стал, потому что у столба произошла смена состава. Там теперь под восхищенные хлопки и гул тамтама неверо-

ятно высоко подскакивала длинная худущая зулумбийка, наряженная в разноцветную птицу. И мысли Семена вернулись в свою колею. «Соседка сволочь! Даже канареек в квартире держать не дает, типа у нее аллергия на все живое. А тут киви... И кот с бегемотами...»

Шаман вынырнул из-за спинки трона и поднес к самым губам Семена деревянную миску с тягучим кроваво-красным напитком, приказал жестом — пить до дна. Семен, под ликующие возгласы, выпил залпом, прокатив обжигающую горечь по гортани, и сразу почувствовал, как закачалось и поплыло в голове. Дальнейшее он воспринимал смутно, словно смотрел сквозь воду. Ритм нарастал. Музыканты лупили в барабаны все неистовее, так, что охмелевший глаз не различал движения их быстрых ладоней, только тугая кожа тамтамов грохотала, как осыпающиеся со скал камни. Зулумбийцы, не в силах сдерживать на месте ноги, бросались в круг и там, отпустив тело во власть бешеной музыки, вертелись вокруг красно-черного тотема, выбивая ногами пыль из земли. От всего этого кружения и мелькания Семена затошнило и показалось, словно он сидит на карусели, а вокруг, сливаясь в разноцветное пятно, вертится обезумевшая окружающая реальность. По кругу, по кругу, галопом, словно рехнувшаяся цирковая лошадь. И только безмятежные и мудрые глаза сидящей рядом Зягуры не дают сорваться и упасть под оголтелые копыта. Вдруг рокот смолк, словно в мире, как в телевизоре, выключили звук. Толпа расступилась, пропуская вперед женщину-птицу с короной из ивовых прутьев в руках. Она приблизилась к Семену плавно и бесшумно, словно по воздуху скользнула, и бережно надела корявый веночек ему на голову.

— Теперь ты король Зулумбии! — прошептала Зягура.

Провожали короля всем населением. На одну телегу погрузили подарки, на другую усадили Семена с Зягурой, и двинулись к электричке под рокот тамтамов и многоголосое пение. Телега подскакивала на ухабах в такт музыке, и

подпрыгивал пред глазами в обратной прокрутке утренний маршрут. Вроде, и тот самый, и в тоже время иной. И извилистая дорога, и синеющая в вечерних сумерках щетина леса, и одинокие плакучие березы на тонких голубовато-белых ножках стали удивительно неправдоподобными, словно много лет назад кто-то неряшливо накалякал на реальности бледно-зеленой гуашью неумелую картинку. И только сейчас Семен увидел, как проступает сквозь вылинявшую краску истинная природа вещей, так же, как на портретах американского художника из-под желтого парика и синих век сквозит фотография задумчивого лица. Как же он раньше не замечал, что вдоль дороги тянутся спутанные влажные тропики и дрожит воздух над остывающими от дневного солнца камнями, что ветер треплет пальмовые шевелюры, и над ними, распластав в воздухе бахромчатые крылья, парят хищные птицы и, позвякивая колокольчиками, возвращается домой стадо гнаторогих антилоп. Все это было таким знакомым и родным, словно собственная колленка, ободранная в пылу детских сражений. Вспомнилось, что все это Семен уже видел не раз, но страшно давно, как в другой жизни. Тогда, когда он сам едва доставал макушкой до пряжки отцовского пояса и получал от матери легкие и необидные шлепки кухонным полотенцем, солнце было точно таким же оранжево-красным, трава зеленой с отливом в синь, а каждый цветок размером с ладонь. Тогда ныряли в небе пугающе огромные черные птицы, и у домашнего кота дремали в лапах тигриные когти, а на цепи возле бабушкиного дома тосковал по лесу измученный не-свободой волк. И кто потом объяснил ему, что не нужно бояться ворон, что не только волки, но и простые дворняжки бывают с серой шкурой, и отец на самом деле не может докинуть до неба мяч? И главное, зачем тогда его обманули? И почему он поверил этой лжи, а не собственным глазам? И только сейчас все вдруг вернулось на свои места, словно Семен, имея идеальное зрение, больше двадцати лет проносил прописанные по ошибке очки.

— Видишь, поля зазеленели? — спросила Зягура, ткнув пальцем на острые пики бамбуковых ростков, вылезшие из

земли, словно мифические воины, за несколько дневных часов. — А все оттого, что ты разрешение на урожай дал. Все-все в Зулумбии подчинено воле короля!

— Все-все! — подхватили зулумбийцы.

Королевский кортеж вывернул к шестьдесят седьмому километру. Подданные почтительно выгрузили Семена, Зягуру и подарки посередине платформы, раскланялись и пустились в обратный путь.

— О-йе-и-о! — затянула главная запевала государства, голосистая толстуха с завитыми в мелкий бисер волосами.

— О-йа-и-а! — подхватили остальные зулумбийцы, ударили в тамтамы и, ритмично притопывая, скрылись за поворотом.

«Вот и сказке конец, а кто слушал — молодец», — подумал с грустью Семен.

Впереди показалась трехглазая электричка, загудели рельсы и задрожали провода. Зягура засуетилась, подхватила тюки и свертки, ловко подцепила накрытую мешковиной клетку и поводок с упирающимся перепуганным котом. Сказала что-то ему в треугольное ухо, легонько шлепнула по спине, и кот, мгновенно успокоившись, шагнул за ней в открытые двери вагона. Семен уже не удивлялся, за сегодняшней день он понял, что умение обращаться с животными у каждого зулумбийца в крови. Он едва успел закидать оставшиеся подарки в тамбур, металлические створки с легким шипением сдвинулись, отрезая его от Зулумбии, как хлебный ломоть.

Тронулись. Побежал назад зулумбийский пейзаж, открывая и унося прочь крытые пальмовыми листьями хижины, плетеные заборы, глинобитные сарайчики, дрожащее в горячем воздухе красное заходящее солнце и на его фоне черные, словно выведенные тушью, деревья.

Всю дорогу Семен грустил, прижавшись лбом к грязному стеклу, а Зягура, сидя на полу, напевала безмятежную песню из знакомых рокочущих слов.

До дома добрались к полуночи. В квартире царила сонная тишина, и только в конце извилистого коммунального коридора дремало пятно электрического света. Похоже,

Эмма Петровна опять забыла выключить на кухне свет. Семен затащил свертки в комнату и прошел на кухню. Наверное, за сегодняшний день у его выработался стойкий иммунитет к любым неожиданностям. Во всяком случае, он нисколько не удивился, когда увидел, что несмотря на поздний час на плите булькает кастрюля и пахнет щами, а посередине кухни стоит и, напряженно вытянув шею, всматривается в черный провал окна неподвижный страус эму. Под ногами Семена скрипнула половица. Страус повернул голову и злобно посмотрел в его сторону знакомым взглядом Эммы Петровны. Семен тотчас нырнул в тень и, бесшумно ступая, вернулся в комнату. Теперь понятно, как Зягуре удалось приручить соседку, помог врожденный зулумбийский талант.

Зягура уже спала. У нее в ногах поверх одеяла свернулся калачиком котяра. Птицы киви дремали на спинке стула, а крокодил на коврике возле кровати. Тишина. Только один из бегемотов похрапывал во сне. Семен переступил через сваленные на полу тюки и прилег рядом с Зягурой. «Пожалуй, скажу Пашке, где надо принцессу искать. Раз их каждый год больше сотни вылупляется, то, глядишь, и этому дураку повезет», — подумал он, засыпая.

Кирилл Бенедиктов

ОБЪЯВЛЕНИЕ

1

«СДАМ КОМНАТУ в этом доме СТУДЕНТКЕ медицин-
ского училища. НЕДОРОГО. Звонить ПОСЛЕ 19.00»

Клочок бумаги с размытой надписью прилепился к углу нового семнадцатизэтажного красавца-дома, облицованного розоватым кирпичом. Объявление было напечатано на принтере, скорее всего, на струйном — буквы расплылись и отрастили неряшливые хвосты, так, что написанный от руки в самом низу номер телефона наполовину скрылся под грязными потеками. Неудивительно: всю последнюю неделю августа шли проливные дожди, природа со вкусом мстила за долгое засушливое лето. «Опоздала», — подумала Жанна, протягивая руку к объявлению. «Если оно висит здесь хотя бы с 25-го, кто-нибудь из девчонок наверняка уже сориентировался». 25 августа всех первокурсников проинформировали, что свободных койко-мест в общежитии значительно меньше, чем поступивших в этом году в училище иногородних студентов. Жанна собрание пропустила — у сестры случилась свадьба, не присутствовать было невозможно — и узнала о том, что осталась ни с чем, только первого сентября. То есть сегодня.

«Опоздала» — произнесла она вслух, срывая объявление со стены. На пижонском розовом кирпиче остался сероватый, похожий на лишай, след. «Ну и пусть. Все равно позвоню. Домик-то какой классный. И училище в двух ша-

гах. После 19.00. Может, попробовать прямо сейчас? Все равно уже опоздала. Ну и пусть».

Жанна дошла до ближайшего таксофона, порылась в карманах накинутаю прямо на белый халат куртки, извлекла карточку, на которой вроде бы оставалось еще пять или шесть единиц, и набрала номер. В трубке потекли медленные ленивые гудки. До 19.00 оставалось еще пять часов, понятное дело, никто не собирался бежать со всех ног, чтобы ответить на одинокую телефонную трель. «Ну и пусть», — повторила Жанна, показав тупому аппарату язык, и в этот момент трубку сняли.

— Алло, — сказал сонный, пробивающийся словно сквозь вату, голос. — Алло, говорите...

Мужчина. Почему-то Жанна с самого начала была уверена, что комнату сдает предпенсионного возраста тетушка, заинтересованная в студентке-медичке главным образом в силу накопившихся за долгую трудовую жизнь проблем со здоровьем. Девчонки рассказывали про такие варианты — некая Верка вообще два года ухаживала за полупарализованной старушкой, меняя ей памперсы и собственноручно стирая вонючие простыни, и в результате стала счастливой владелицей отдельной московской жилплощади. Мужской голос испугал Жанну. Она оторвала трубку от уха и несколько секунд смотрела на нее, как на случайно попавшую ей в руки ядовитую змею, не зная, что с нею делать — отбросить подальше или попытаться свернуть шею. Потом ей пришло в голову, что, возможно, комнату действительно сдает женщина, но она появляется после 19.00, а сейчас она разговаривает с ее мужем, сыном, или кем-нибудь еще в этом роде. Жанна глубоко вздохнула и вновь поднесла трубку к уху.

— Я по объявлению, — сказала она, забыв от волнения поздороваться. — Это вы сдаете комнату?

2

— Лучше сиреневый костюмчик надень, — посоветовала Альмира. — Ты в нем не так по-блядски смотришься.

До ответа Жанна не снизошла. Она сосредоточенно подводила губы помадой «WaterShine». Действительно классная помада, но стоит совершенно запредельных денег — каждый день такой пользоваться не станешь. Впрочем, сегодня не совсем обычный день. Кажется.

— Смотри, не теряйся там, — продолжала гнуть свое Альмира. — Если крендель нормальный, сострой из себя девочку-целочку, подинамь его недельку-другую, а потом ставь условие — или так, или никак. Сделаешь все поумному, к новому году станешь полноценной москвичкой, на нас, лимиту позорную, даже и взглянуть не захочешь...

«Это ты-то лимита», — вздохнула про себя Жанна, но вслух ничего говорить не стала. Альмира и вправду происходила из местечка с гордым названием Мухосранск-Верхневолжский, но в Москве у нее жила родная тетка. При этом незамужняя тетка, работавшая в каком-то крутом холдинге, регулярно уезжала в таинственные командировки, и Альмира оставалась одна в совершенно роскошной трехкомнатной квартире рядом с метро «Коньково». Вела себя там нагло, по-хозяйски. Вот сейчас: валялась голая на гигантском итальянском лежбище, пялилась на себя в непонятным образом вделанное в потолок зеркало, беспрестанно щелкала семечки, сплевывая их в какую-то фарфоровую вазу, украшенную дворцами и павлинами, и издевалась над Жанной. Хорошо хоть, позволила попользоваться своими шмотками. Судя по количеству сумок, которые Альмира притащила с собой из Мухосранска-Верхневолжского, она всерьез рассчитывала открыть в Первопрестольной мелкооптовую торговлю турецким и китайским тряпьем.

— А если увидишь, что парнишка урод или с прибабачом — даже в квартиру не заходи, — продолжала свои наставления Альмира. — Ноги в руки и бегом обратно. Тетушка моя приезжает только через неделю, так что до понедельника знай мою доброту — живи здесь. А за это время или еще чего найдешь, или с девчонками договоришься — сейчас многие снимают втроем однокомнатные хаты, чтоб дешевле. Ну, будете вместе спать, подумаешь, велико дело!

Особенно если еще соседки попадутся симпатичные, так и вообще красота — мужики не нужны...

Терпение Жанны кончилось.

— Альмирка, — сказала она, — достала уже, слышишь? Ты лучше скажи, мне сережки какие одеть — гвоздики или висюльки?

— Эй, я не поняла, подруга, ты комнату идешь смотреть или на свидание?

Добьешься нормального совета от такой лахудры. Жанна критически осмотрела свое отражение в стеклянной дверце шкафа-купе. Ну, прическа вроде ничего — длинные белые волосы волнами падают на плечи, почти красиво. Блонда натюрель, как выражался Пашка Васильев, друг туманной юности. Тушь у Альмирки тоже оказалась классная, ресницы выглядят раза в два длиннее, чем на самом деле. Вот дальше хуже — на щеке выскочила какая-то гадость, типа маленького нарывчика... но это он сейчас маленький, а через пару дней может вызреть в полноценный фурункул. Пудра, конечно, скрывает основное безобразие, но все же, все же... Так, спускаемся ниже — кофточка с надписью «Two my best friends», как объяснила Альмира, имеется в виду то, что скрывается под тканью. Жанна собиралась надеть топик, но подруга запретила. Не на Тверскую идешь, сказала. Ну что ж, кофточка так кофточка.

Еще ниже — не очень короткая кожаная юбочка. Не очень короткая с точки зрения Жанны. Возможно, у хозяйна квартиры будут свои соображения на этот счет. Пояс с большой золоченой пряжкой — в просвете пряжки был бы виден пупок, если бы его не закрывала навязанная Альмиркой кофточка. С топиком выглядело бы сногшибательно, но нет топика, нет и пупка. Колготки решила не надевать — во-первых, тепло, во-вторых, летом удалось загореть почти дочерна, обидно будет, если никто это не оценит. Босоножки на пятисантиметровой платформе, с модными в этом году перевязочками до икры.

Непонятно, зачем я так вырядилась, в который раз сказала себе Жанна. Если там живет его мама, она меня и на порог в таком виде не пустит. Если он живет там один,

у меня есть хороший шанс быть изнасилованной на журнальном столике в прихожей. Чего я хочу добиться? Чтобы он цену снизил? Да ведь и без того написано — НЕДОРОГО. Специальные скидки для одиноких блондинок? Фу, дурочка.

«Подходите к половине восьмого, — сказал ей сонный голос в телефонной трубке. — Раньше, пожалуйста, не надо. Посмотрим, подходят ли вам мои условия...»

Он специально не договорил фразу, подумала Жанна. Слова «...и подходите ли вы мне» просто звенели у нее в ушах, когда она выходила из кабинки таксофона. Но ведь не произнес же он их. Разве что мысленно.

Но именно из-за этих произнесенных слов она помчалась к подруге Альмире, упростила ее поделиться кофточкой, юбочкой и косметикой, а потом два часа сидела перед огромным зеркалом, наводя марафет. Кажется, успела — на часах без двадцати семь, от «Коньково» до училища сорок минут на метро. А до розовато-кирпичного дома еще ближе. На минуту, но ближе. Почти центр. «Девушка, где вы живете?» «В центре!» Звучит потрясающе.

Жанна еще раз прошлась взад-вперед перед зеркальными панелями шкафа, крутанулась на каблуках, так, чтобы волосы разлетелись Пушистым Белым Облаком, и, послав Альмирке воздушный поцелуй, отправилась договариваться насчет комнаты. Или встретаться с хозяином квартиры. Это как посмотреть.

3

— Добрый вечер, — произнес человек, открывший ей дверь. — Вы Жанна?

— Жанна, — храбро сказала Жанна. — А вы?..

— Леонид. Очень приятно, Жанна. Проходите, пожалуйста.

«Слава Богу, интеллигент», — решила она. — «Изнасилование на столике отменяется».

Вошла независимой походочкой, обдуманном движением сняла с плеча сумочку, опустила ее на застеленную

циновкой калошницу. Головой не вертела, но прихожую срисовала мгновенно: низкий, изогнутый сводом, потолок, на стенах — светильники в виде факелов, очень прикольные. Никаких шкафов, только стойка для обуви и крючки для одежды, вбитые прямо в стену. Крючки в форме оскаленных волчьих голов. Не страшных, но как-то неприятно ухмыляющихся. Неуютно под взглядом таких волков стаскивать с себя куртку...

— Вы позволите? — Леонид потянулся за курточкой, ухватил за петельку и повесил на клык одной из морд. — Тапочки?

«Зануда», — подумала Жанна. Присела на калошницу и принялась распутывать ремешки своих босоножек. При желании это тоже можно делать достаточно выразительно. Леонид стоял и терпеливо ждал, пока она закончит, тактично глядя куда-то в сторону. Жанна, наоборот, воспользовалась случаем, чтобы получше его рассмотреть, пусть даже из такого неудобного положения. Лет тридцать-тридцать пять. Высокий, где-то под метр девяносто. Красавцем не назовешь, но и уродом тоже. Ни бороды, ни усов. Лицо бледное, вытянутое, обрамленное длинными — до плеч — темными волосами. Карие глаза, крупный, с горбинкой, нос. Красные, немного припухшие, губы. Твердый подбородок. Что ж, очень хорошо.

— Пойдемте, — сказал он, когда Жанна закончила переобуваться (и пришла к выводу, что внешность хозяина квартиры не вызывает у нее рвотного рефлекса). — Я думаю, беседовать нам будет удобнее в гостиной.

Квартира оказалась большой. Направо по коридору располагалась кухня, прямо — гостиная, но была еще и дверь слева. «Неужели один живет? — подумала Жанна, вспомнив родную двухкомнатную квартирку в Софрино, где она провела лучшие годы своей юности в компании с матерью, бабушкой и сестрой. Везет же некоторым...»

В гостиной два широких мягких на вид кресла, как сторожевые псы, расселись по бокам огромного уютного дивана. Окна были плотно занавешены темно-фиолетовыми, подметающими пол шторами, но изгибавшаяся

под-потолком люстра заливала гостиную живым теплым светом.

— Вы хотите снять комнату, так? — Леонид указал ей на кресло. Жанна с некоторой опаской опустилась на краешек мгновенно просевшей под ней подушки.

— Хотелось бы. В общаге мест нет, а училище наше тут, за забором...

— Я знаю, — мягко перебил он. — Сам я врач, и проблемы студентов-медиков мне близки. Потому и дал объявление.

— Там было написано «СТУДЕНТКЕ», — Жанна лукаво улыбнулась. — Значит, проблемы студентов мужского пола вас не волнуют?

— Почти все они много пьют, — Леонид поморщился. — А я не переношу пьяных, тем более, у себя дома. К тому же, у меня есть определенные причины сдавать комнату именно девушке.

— Да, и какие же?

Леонид не стал спешить с ответом. Он рассеянным жестом убрал назад упавшую на глаза прядь волос, засунул руки в карманы своего замшевого жилета и некоторое время шевелил пальцами, словно пытаясь сосредоточиться.

— Видите ли, Жанна, — наконец, сказал он. — В объявлении я написал «Недорого», но на самом деле я готов сдавать эту комнату бесплатно. Мне нужно, чтобы кто-нибудь вел мое хозяйство и ходил за продуктами — вот, собственно, и все.

— Нормально, — усмехнулась Жанна. — Вы домработницу себе ищете, что ли? Так студенты для этого народ неподходящий, им учиться надо, а не хозяйство вести...

— Вы меня не поняли, — снова перебил ее хозяин. — Ничего такого, что требовало бы от вас больших затрат времени и сил. Пару раз в неделю сходить в магазин — да вы в любом случае это сделаете, даже если будете жить одна. Поддерживать чистоту — только не говорите, что если бы вам пришлось снимать квартиру, вы не стали бы там убираться. Нет, нет, ничего, сверх того, что вы сделали бы для себя сами, я от вас не потребую. Взамен — живите бес-

платно в отдельной, запирающейся на ключ, комнате. По вашему, это несправедливо?

— Да нет, — сказала Жанна, подумав. — Отчего же...
Вопрос можно?

Леонид развел руками и неожиданно тепло улыбнулся.

— Сколько угодно.

— А зачем вам домработница? Сами не справляетесь?

По вытянутому лицу хозяина пробежала тень. Или ей показалось?

— Понимаете, Жанна, у меня несколько необычный распорядок дня. Вы же наверняка слышали, что, с точки зрения биологических ритмов, люди делятся на сов, жаворонков и голубей? Так вот, я сова в квадрате. Я ложусь спать с петухами и просыпаюсь только под вечер. Мне приходится тяжело, но изменить годами сложившийся распорядок означает навлечь на себя угрозу тяжелого нервного расстройства. Я вынужден работать дома, в основном, по ночам. Как это ни печально, остальной мир придерживается иного расписания, и это сильно осложняет мне жизнь. Многие магазины ночью закрыты, даже уборку дома не сделаешь — пылесос жужжит слишком громко, соседи жалуются. Вот поэтому мне самым драматическим образом не хватает помощника. Помощницы. Впрочем, если вы считаете мои требования излишне суровыми, я готов извиниться за то, что отнял у вас столько времени...

Жанна помотала головой.

— Нормальные требования... А комнату посмотреть можно?

— Разумеется, — Леонид извлек из кармана серебристый брелок с висящими на нем ключами. — Бросьте взгляд на ваше будущее обиталище. Надеюсь, оно вам понравится...

«Шустрый какой, — подумала Жанна. — Я его еще словом не обнадежила, а туда же — бросьте взгляд, обиталище...»

Грациозно поднялась с кресла, чуть подняла брови — ну, куда идти, показывайте. Думала, что придется возвращаться назад, в прихожую — ничего подобного. Дверь в

«обиталище» оказалась спрятанной за тяжелой темно-фиолетовой портьерой, драпировавшей одну из стен гостиной. Плоский блестящий ключ два раза провернулся в замке. Щелк. Дверь открылась.

«Я хочу здесь жить», — подумала Жанна, перешагнув порог. — «Этот тип определенно с прибабахом, но я буду последней душой, если откажусь от такой комнаты. Альмирка обзавидуется. Я очень хочу здесь жить».

В отличие от гостиной, здесь было очень светло. Закатное солнце пробивалось сквозь легкий, похожий на золотистую паутинку, тюль, расцветчивало кремовые, праздничные обои. В луче, падавшем на медового цвета паркет, плясали пылинки. Жанне захотелось отбросить тапочки и пройтись по медовым дощечкам босиком — они, должно быть, теплые-теплые, чуть шершавые на ощупь. Великолепно.

У окна, выходящего на унылое серое здание медучилища, стоял большой письменный стол с понтовым кожаным креслом на колесиках. Жанна представила, как откидывается в этом кресле, вытягивает длинные загорелые ноги, кладет их на стол... Почему-то хотелось, чтобы Леонид тоже это представил. Она обернулась. Хозяин стоял в полутемной гостиной, наблюдал за ней, покачивал на пальце брелок с ключами.

— Осматривайтесь, осматривайтесь, — поощрительно улыбнулся он. — Мне почему-то кажется, что вам тут понравится.

— А вы не зайдете? — спросила Жанна, представив на секунду, как Леонид с хищной ухмылкой захлопывает за ней дверь, поворачивает ключ и оставляет сидеть взаперти, как какую-нибудь кавказскую пленницу. Нет, глупость, конечно, окно-то вот оно. С пятого этажа, конечно, не прыгаешься, но позвать на помощь всегда можно.

— Нет, — твердо ответил Леонид. — Если вы согласитесь, это будет ваша, и только ваша комната. Ключ от нее существует в единственном экземпляре, и я отдам его вам. Надеюсь, это успокоит вас. Некоторые девушки опасаются жить под одной крышей с незнакомым мужчиной, тем более, обладающим такими странными привычками, как я.

— А вы уже сдавали ее... раньше?

Леонид неожиданно замялся.

— Да... сдавал один раз. В прошлом году. Неделю назад тоже приходили две девушки из вашего училища, но они хотели жить вместе, а я категорически исключаю такие варианты.

— Почему? Бойтесь, с двумя не справиться? — Фраза прозвучала двусмысленно, но хозяин, кажется, этого не заметил.

— Не терплю шума. Не терплю пустопорожней болтовни. К тому же мне не нужны две помощницы по хозяйству. И потом, вам не кажется, что два человека в одной комнате — это немного тесновато?

Жанна снова вспомнила свою софринскую квартиру и возмущенно фыркнула.

— А сколько всего у вас комнат?

— Четыре, — буднично сказал Леонид. — Но вам придется убирать только в двух, ну, и конечно, еще на кухне. Одной комнатой я никогда не пользуюсь, а в моем кабинете я вам хозяйничать не позволю. Ваша задача, таким образом, упрощается.

«Красиво говорит, — подумала Жанна. — И хорошо, что врач. Может, подскажет чего-нибудь полезное перед экзаменом».

В этот момент она поняла, что решение принято окончательно. Для порядка прошлась по своей — да, теперь уже точно своей — комнате, оценила заваленный мягкими подушками диван, изящный напольный светильник, похожий на поджавшего ногу фламинго, серебристый телевизор в углу. Такая роскошь — и бесплатно? Одно из двух, дорогая, сказала себе Жанна, либо тебе сказочно повезло, либо тебя где-то очень крупно накололи.

— Устраивает? — спросил от дверей Леонид. За порог он так и не перешагнул, лицо его пряталось в тени, но Жанне показалось, что он снова улыбается.

— Так не бывает, — решительно сказала она. — Вы наверняка захотите от меня чего-нибудь еще. Комната мне нравится, но если...

— Вы правы, — перебил хозяин. — Есть еще несколько мелких деталей. Я сообщу вам их прямо сейчас, и обещаю, что никогда позже не попрошу от вас ничего сверх этих условий. Первое: вы никого сюда не приводите. Никого. Ни подруг, ни мальчиков, ни родителей, если они вдруг решат вас навестить. Ключ от квартиры, который вы получите, всегда будет храниться только у вас. Не отдавайте его никому и ни при каких условиях. Согласны?

Жанна почувствовала, как по спине ее пробежали мурашки. Вроде бы ничего страшного, подумаешь, она и не собиралась сюда никого водить... хотя и здорово было бы посмотреть, как вытянется Альмиркина физиономия...

— Согласна, — выдавила она, проглотив застрявший в горле комок.

— Очень хорошо. Второе — вам нельзя заходить в мой кабинет в мое отсутствие. Кроме того, есть еще запертая комната... вы, наверное, заметили, налево по коридору. Туда вы тоже никогда не будете туда заходить. Даже пытаться не стоит. Договорились?

— Договорились, — это условие показалось Жанне смешным. — А можно узнать, почему?

— Можно, — легко согласился Леонид. — В моем кабинете ужасный беспорядок, но я в нем великолепно ориентируюсь. Если вы случайно переложите что-нибудь с места на место, мне придется это очень долго разыскивать, и моя работа, таким образом, пострадает. Что же касается комнаты, то в ней вам просто нечего делать. Я не пугаю, просто предупреждаю. Собственно, это все. Если вы боитесь, что я начну требовать интимных услуг, могу вас заверить, что не начну. Видеться мы с вами будем редко, в основном, по вечерам. Да, приходить вы можете в любое время, главное, делать это следует тихо и ни в коем случае не будить меня днем. Как видите, все просто. Теперь слово за вами.

Жанна вздохнула. В голове вертелась слышанная где-то фраза «бесплатный сыр бывает только в мышеловке», но вместо того, чтобы произнести ее вслух, она спросила:

— Если я завтра перевезу вещи... нормально будет?

4

Первую неделю, проведенную в новой комнате, Жанна постоянно нервничала. Вздрагивала от малейшего шороха, подпрыгивала до потолка, если у соседей начинала вдруг гудеть вода в кранах, ловила себя на том, что бессознательно прислушивается к звукам, доносящимся из глубин квартиры. Масла в огонь подливала подруга Альмира, затаившая обиду после решительного отказа взять ее с собой посмотреть доставшееся на халяву жилье. «Да маньяк он, точно тебе говорю, — зудела над ухом, как комар. — Тихий-тихий, а потом как прыгнет... Вон, я в «Спид-инфо» читала, один тоже девчонку пригласил к себе на палочку чая... а потом в ванной к батарее наручниками приковал и держал полгода, опарышами кормил...». «Чем-чем кормил?» — не поняла Жанна. «Опарышами! И голубями сырыми... по праздникам». «А зачем?» «Ну так маньяк же!». Но видно было, что Альмира пытается нагнать на нее страху в основном от злости.

Жанна разыскала девчонок, приходивших к Леониду до нее. «Да ну, шизанутый какой-то, — отмахнулись девчонки. — Вдвоем, говорит, не поселю. У самого хата — хоть на танке ездь, а двоих не поселит. Ну и пошел он, козел. Мы себе нормальное место нашли, далеко правда, но дешево. И хозяйка нормальная, без прибабахов. Шестьсот в месяц и две бутылки».

Но с каждым новым днем Жанна все больше убеждалась в том, что ей на самом деле неправдоподобно повезло. Леонид действительно был странным, это факт, и отрицать это она не могла. Но его странности носили вполне безобидный характер, и на маньяка он совершенно не походил. Леонид просыпался не раньше семи часов вечера, шел в ванную, а затем возвращался к себе в кабинет. Из кабинета он выходил около десяти — поесть. Жанна довольно быстро приноровилась к этой его особенности, и стала готовить ужин на двоих. В еде Леонид оказался очень неприхотлив, с одинаковым аппетитом поглощая яичницу, пельмени или тушеное мясо с грибами, и никогда не забывал похвалить Жанну за качество ее стряпни. Прокол вышел только однажды: Жанна купила

на рынке чудесные розовые крымские помидоры (деньги на продукты Леонид оставлял ей на калошнице в прихожей, никогда не скупился, и отчета не спрашивал) и, нарезав их кружочками, украсила сверху сыром, перетертым с чесноком. Получилось очень неплохо, такое блюдо она пробовала на свадьбе сестры. Но реакция Леонида оказалась поразительной. Он рассеянно поднес вилку с наколотым розовато-белым кружком ко рту и вдруг, сильно дернув рукой, отбросил помидор в сторону, так, что он с влажным шлепком разбился о стену над разделочным столиком. В этот момент он показался ей похожим на эпилептика — длинное бледное лицо искажено гримасой, руки дрожат. Жанна перевела взгляд с прыгающей прямо перед глазами вилки на расплывающееся на стене розовое пятно, и почувствовала, как ледяные пальцы паники дотрагиваются до ее шеи. Впрочем, в следующую секунду Леонид уже пришел в себя.

— Извини, пожалуйста, — попросил он. Жанна еще в первый день настояла, чтобы Леонид звал ее на «ты» — еще не хватало, чтобы взрослый мужик обращался к семнадцатилетней соплюхе по имени-отчеству. — Это моя вина... я забыл предупредить... у меня страшная аллергия на фитонциды. Лук, чеснок — я не переношу даже запаха. Особенно запаха. Не обижайся, ладно? Не сомневаюсь, что вкус у этих помидоров наверняка потрясающий.

Было обидно, но, по крайней мере, понятно. Будущему врачу не стоит объяснять, чем опасна аллергия. Отек Квинке, удушье, анафилактический шок... Разумеется, это крайние случаи, но кто знает, что пришлось пережить Леониду в прошлом. Больше Жанна чеснок не покупала, а тот, что остался после неудачного кулинарного опыта, выкинула в мусоропровод.

Чем Леонид занимался ночью, Жанну не очень интересовало. Наверное, работал у себя в кабинете. В тех редких случаях, когда ей приходилось выбираться из своей комнаты по ночам — как правило, если накануне пили пиво с Альмирой — она видела полоску света, пробивающуюся из-под плотно закрытой двери кабинета. Иногда после ужина (а для Леонида, соответственно, завтрака) он куда-то уходил. Об-

лачался в строгий темный костюм, надвигал на глаза широкую шляпу-борсалино, брал плоский черный «дипломат» с двумя кодовыми замками и исчезал, не говоря Жанне ни слова. Она не слышала, когда он возвращался. Леонид вообще был очень тихим — передвигался почти бесшумно, никогда не повышал голоса, не чихал и не кашлял, не сморкался, не срыгивал — не производил ни одного из тех звуков, к которым волей-неволей привыкаешь, если приходится жить в большом коллективе, ограниченном небольшим жизненным пространством. И он действительно ни разу не попытался к ней пристать. Жанну это даже немного разочаровало.

Конечно, он был старым — наверняка годился ей в отцы. Но, с другой стороны, в нем чувствовался шарм... особый шарм одинокого, но следящего за собой мужика, явно немало повидавшего в этой жизни. В отличие от всех известных Жанне мужчин, в Леониде угадывалась какая-то загадка, и иногда ей казалось, что если эту загадку не разгадать, жизнь пройдет зря. К концу первого месяца она перестала ждать от хозяина квартиры неприятных сюрпризов, а потом всерьез стала задумываться над тем, что небольшая доза внимания с его стороны ей бы не повредила. В конце концов, это свинство — жить с молодой красивой девушкой, и обращаться с ней только и исключительно как с домработницей. Альмирка постоянно допытывалась, как продвигается процесс приобретения московской прописки, но Жанна предпочитала отшучиваться. А что она могла ей ответить? Что за все время он ни разу до нее и пальцем не дотронулся, пусть даже случайно? Что, увидев однажды, как она выходит из ванной, завернутая лишь в большое пушистое полотенце (недостаточно, впрочем, большое, чтобы скрыть все, не предназначенное для посторонних глаз), Леонид покраснел, как неопытный школьник, и тут же ретировался, спрятавшись за дверью своего кабинета? Что какие бы наряды она не надевала, он продолжает смотреть на нее одним и тем же взглядом? И смешно, и грустно.

В конце октября Альмирка потащила Жанну на ночную дискотеку в какой-то центральной клуб. Там подружки знако-

мились с тремя нормальными с виду пацанами, один из которых, как оказалось, жил недалеко от училища. Они довольно весело провели время, а когда в половине четвертого утра уставшая и полупьяная Жанна заныла «хочу домой», пацан сказал, что без проблем доставит ее прямо к подъезду. Доехали действительно быстро, вот только подъездом дело не ограничилось. Пацан, которого, кажется, звали Мишей, похозяйски взял пошатывающуюся Жанну под локоток и повел к лифту. На лестничной площадке Жанна полезла в сумочку за ключами, и вдруг вспомнила свой договор с Леонидом.

— Постой, — сказала она, отпихивая обнимавшего ее за талию кавалера. — Погоди. Я не могу... там хозяин, он не разрешает мне никого приводить, понятно?

— Да и хрен бы с ним, с хозяином, — весело ответил Миша. Он поднял руку, покрытую синими наколками, и сжал ее в кулак размером с небольшую астраханскую дыню. — Будет выеживаться, огребет звездюлей. Давай, киска, открывай скорее, не томи мою нежную душу...

— Нет, — твердо повторила Жанна, трезвея просто на глазах. — Ты ему наваляешь, а мне потом на улице жить? Больно надо...

Она уронила ключи обратно в сумочку, и тут Миша больно схватил ее за плечи.

— Ладно, киска, уговорила. Не хочешь в койку, твои проблемы. Для этого дела и подоконник сойдет.

Придерживая Жанну за отворот куртки, он потащил ее вниз по лестничному пролету, туда, где между этажами располагалось высокое смотровое окно. Грубо развернул лицом к заглядывающей в стекло ночи, бросил грудью на подоконник.

— Ну, киска, сама напросилась... И смотри, чтоб не орать — на куски порежу.

Что-то острое и холодное коснулось Жанниной шеи, и она протрезвела окончательно. Миша проворно расстегнул ей молнию на джинсах, свободной рукой стащил их вниз. Лезвие у шеи опасно подрагивало, и Жанна зажмурилась, представив, что будет, если этот кретин в самый ответственный момент начнет дергаться.

— Ах, какие мы загорелые, — промурлыкал Миша, отпустив, наконец, ее куртку. Теперь Жанна могла бы попробовать убежать, но далеко ли ускачешь по лестнице со спущенными штанами. — Где же мы так загорели, а, киска? Ну что, трусики сама снимешь, или помочь?

Трусики-танго Жанна купила за большие деньги у Альмиры (на которую они не налезали). Козел Миша наверняка порвет их, это уж как пить дать. Она уронила руки, просунула непослушные пальцы под тугую резинку, потянула вниз...

— Отставить, — прозвучал за ее спиной чей-то негромкий голос. Жанна почувствовала, как опасный холод перестал леденить шею. Преодолевая страх и внезапно накотившую слабость, вывернула голову вбок, чтобы увидеть, кто пришел к ней на помощь.

Леонид. Он поднимался вверх по лестнице, как всегда, очень тихо, в своем кожаном плаще, неизменной шляпе-борсалино, с плоским «дипломатом» в руке. Лицо у него было бледное-бледное и усталое, полные красные губы смотрелись на нем инородным пятном, словно он сжимал во рту бутон алой розы.

— Вали отсюда, чмо болотное, — добродушно посоветовал Миша. В руке у него блестел хирургический скальпель. — Не видишь — я делом занят.

— Отпусти ее, — сказал Леонид равнодушным, холодным голосом. В глазах его не было ни страха, ни даже обыкновенного волнения — казалось, он разговаривает не с вооруженным ножом амбалом, а со старушками у подъезда.

К своему огромному удивлению Жанна увидела, что Миша шагнул в сторону, давая ей возможность оторваться от подоконника и натянуть джинсы. На большее у нее не хватило сил — едва застегнув молнию, она почувствовала, как подгибаются ноги, и опустилась на корточки, привалившись спиной к батарее.

— Брось скальпель, — произнес Леонид все тем же невыразительным голосом. Жанна увидела, что Миша сделал какое-то движение ему навстречу, но вдруг остановился, словно налетев на невидимую стену. Кулак разжался, бле-

стящий серебряный скальпель, звеня, покатился по ступенькам. — Вот так, молодец. А теперь уходи и забудь об этой девушке. Навсегда.

Глаза Жанны неожиданно стали мокрыми от слез. Сквозь туманную пелену она видела, как коренастая фигура ее ночного знакомого, покачиваясь, медленно спускается вниз по лестнице, ударяясь боком о перила. Потом она почувствовала, как сильные руки подхватывают ее подмышки и поняла, что Леонид собирается тащить ее до дверей.

— Я сама, — выговорила она, глотая слезы. — Сама...

Леонид легко, словно ребенка, взял ее на руки и поднялся на лестничную площадку. Там аккуратно, будто хрустальную вазу, поставил между собой и дверью, и, повозившись немного с замком, впустил Жанну в квартиру.

— Он... он войти хотел, — пролепетала Жанна, внезапно испугавшись его гнева. Ей вдруг представилось, что Леонид может обвинить ее в нарушении договора и выгнать на улицу. — Я не разрешила, я думала, он только проводит, и все... Честно, я даже не думала...

Он приложил ладонь к ее губам. Сухая, гладкая и теплая кожа почему-то пахла табаком, хотя Жанна ни разу не видела его с сигаретой.

— Т-ш, — сказал он мягко. — Я все знаю, девочка. Я все знаю.

Он помог ей снять куртку и ботинки, отвел в гостиную и усадил в кресло. Включил приглушенный свет.

— Посиди минутку, я сейчас.

Вернулся из кухни с высокой керамической кружкой, сунул ей в ледяные ладони. Жанна подумала было, что это какой-то алкоголь, и хотела уже отказаться, но из кружки поднимался густой травяной запах. Глотнула — вкус оказался необычным, но приятным, по телу сразу же разлилось дурманящее тепло. Дрожь в коленях постепенно проходила.

— Постарайся выпить все, — посоветовал Леонид. — И выпишь как следует. В училище можешь не ходить, справку я тебе нарисую.

— Какой ты заботливый, — глупо хихикнула Жанна. — Прямо как папочка...

Отца своего она не помнила, но мысль о том, что он мог быть похож на Леонида, показалась ей смешной. Леонид улыбнулся.

— Я тебе сейчас и папочка, и мамочка. Ты хорошо спишься, а когда проснешься, то, что случилось сегодня, не будет тебя больше беспокоить. Договорились?

— Договорились, — она сделала большой глоток и икнула. — А ты гипно... гипнотизер? Как ты Мишку... заставил нож бросить?

Леонид выпрямился во весь рост — оказывается, все это время он сидел рядом с ней на корточках — и погладил ее по голове. Провел своей твердой, пахнущей ароматным табаком ладонью по ее гордости, Пушистому Белому Облаку. Ну не чудеса ли?

— Об этом мы еще успеем поговорить, девочка. Допила? Вот и умница.

Жанна подумала, что заснет сейчас прямо в кресле — травяная настойка, оказывается, валила с ног получше любого коктейля. Она хотела попросить, чтобы Леонид помог ей добраться до дивана, но тут произошло странное. Леонид зашел ей за спину, наклонился и поцеловал Жанну в макушку, прямо в центр Пушистого Белого Облака. Точнее, почти поцеловал. Жанна чувствовала, что он замер прямо над ней, видела его тень, падавшую из-за спинки кресла и пересекавшую комнату, кожа ее ощущала тепло его дыхания. Однако на этом все и закончилось. Его губы так и не коснулись прекрасных белых волос, а сам Леонид, резко распрямившись, бросился прочь из гостиной.

— Шиза, — пробормотала Жанна, закрывая глаза. Последние силы покинули ее, и она заснула прямо в кресле, так и не добравшись до своей комнаты.

5

Перед ноябрьскими праздниками Жанна решила провести генеральную уборку вверенной ей территории. За работу принялась прямо с утра — в училище идти не надо,

впереди четыре выходных, почему бы не посвятить пару часов общественно-полезному труду. Сначала убирала валившиеся повсюду случайные вещи — книги, лазерные диски, каким-то образом попавшие в гостиную из кухни чашки и блюда. Потом взяла пылесос и добросовестно прошлась по всем углам и закоулочкам, а под конец сменила щеточку и вычистила шторы и портьеры. Пылесос, конечно, шумел, но Жанну это не слишком беспокоило — Леонид как-то сказал ей, что, поскольку днем все равно никуда не деться от посторонних звуков, он пользуется берушами.

Немного передохнув, Жанна набрала в таз воды, взяла из пакета чистую тряпку и принялась мыть пол. Вот тут-то все и произошло.

Она стояла во второй позиции, пытаясь оттереть пятно с паркетной доски в прихожей, когда сережка-гвоздик выскочила из мочки правого уха и, весело брякнув о паркет, укатилась под дверь. Не иначе как замочек разболтался, подумала Жанна, и тут до нее дошло, что сережка нашла себе убежище в запретной комнате. Той самой, про которую Леонид говорил «я не пугаю, я просто предупреждаю». Вот ведь подлянка. Сережка была Альмиркина, рано или поздно ее пришлось бы отдавать. Можно, конечно, дожидаться вечера и за ужином попросить Леонида достать пропажу... Только вот как-то глупо беспокоить человека из-за сущего пустяка. Наверняка лежит на самом пороге, даже в комнату заходить не придется. Ключ от комнаты висел на большой связке, которую Леонид обычно оставлял в прихожей, на волчьих клыках. Нельзя сказать, чтобы у Жанны ни разу не возникало соблазна нарушить запрет и заглянуть в запретную комнату... но до сегодняшнего дня она успешно с этим соблазном боролась. Возможно, предчувствуя, что рано или поздно настанет момент, когда она сможет придумать себе оправдание.

Ключ повернулся в замке, оглушительно щелкнула пружина. Дверь, безжалостно скрипя плохо смазанными петлями, отворилась.

Беглая сережка действительно лежала в пяти-сантиметрах за порогом. Жанна наклонилась, чтобы поднять злополучный гвоздик, и взгляд ее зацепился за что-то, блеснув-

шее тусклым эмалированным боком под низкой, застеленной грубошерстным одеялом, кроватью.

Судно. Обыкновенное больничное судно. С казенным черным номером на зеленой эмали.

Жанна быстро окинула взглядом комнату. Небольшая, темноватая. Окна завешены зелеными шторами, под потолком — белый шар дешевой люстры. Ничего похожего на роскошь гостиной, на изысканный уют ее обиталища. Простой фанерный шкаф, заваленный какими-то узлами и пакетами, стул, кровать с высокой спинкой.

И запах. Едва ощутимый, но вполне реальный. Запах болезни, разложения, тлена.

«Я не пугаю, я просто предупреждаю».

Стараясь производить как можно меньше шума, Жанна аккуратно закрыла дверь и повернула ключ в замке. На цыпочках вернулась в прихожую, зацепила брелок за клык. Волчьим морды скалились в беззвучной усмешке.

6

На Новый Год она поехала домой, в Софрино. Теснота и убогость квартиры, в которой прошли первые пятнадцать лет ее жизни, поразили Жанну. Правда, сестра, выйдя замуж, переселилась в соседний подъезд, но все равно постоянно толкалась у матери. Четыре человека на две комнаты — это слишком, решила Жанна, и, едва придя в себя после новогодней пьянки, отправилась обратно в Москву.

Стояли жуткие, сорокоградусные, как водка, морозы. Дыхание замерзло в сантиметре от губ. Пока добиралась от метро до дома, уши и кончик носа превратились в хрупкие ледышки.

Отмороженные пальцы не слушались Жанну. Ключи два раза вываливались из рук, вставить их в замочную скважину и повернуть казалось непосильной задачей. Наконец, отчаявшись справиться с ключами, Жанна решительно нажала кнопку звонка. Без десяти семь, пора вставать.

Леонид открыл почти сразу же, словно и не спал вовсе. Скорее, только что вышел из душа. Чисто выбрит, черные волосы влажно блестят, благоухает какой-то туалетной водой. Пушистый банный халат аккуратно запахнут на груди. Жанна ужасно обрадовалась, увидев этот халат. Ей почему-то почудилось, что в халате Леонид не будет таким холодным и бесстрастным, как обычно.

— Привет, — сказала она, с трудом подавив желание вытянуться на цыпочках и чмокнуть его в щеку. — С Новым Годом! Я тебе подарочек привезла.

Подарочек она заготовила еще в середине декабря, но предусмотрительно прятала его у себя в комнате, а уезжая в Софрино, забрала с собой. Ничего особенного — просто красиво упакованный набор для бритья, бритва, пена, гель. Но Леонид, кажется, обрадовался.

— Спасибо, Жанночка. И тебя с Новым Годом. Подожди, у меня для тебя тоже кое-что есть...

Повернулся, достал откуда-то из-за спины коробочку. Протянул ей с таким смущенным видом, будто там лежало что-нибудь из ассортимента магазина «Интим».

Ничего подобного. Серебристый плоский CD-плеер. Офигенно дорогая штука, Жанна о такой и мечтать не смела.

— Ой, прелесть какая! Леднид, ты лапочка!

Не удержалась, чмокнула все-таки куда-то в район подбородка. Он благожелательно улыбнулся и вдруг побледнел.

— Ты что, обморозилась? Ну-ка, дай посмотреть...

Развернул (довольно бесцеремонно), дотронулся до одного уха, до второго...

— А ну марш в ванную. Быстро, быстро, сапоги потом успеешь снять. Или хочешь без ушей остаться?

Ошеломленная Жанна даже не слишком сопротивлялась. Леонид приволок ее в ванну, открыл горячую воду, сунул под струю руки, а потом схватил за уши. Сначала она вообще ничего не чувствовала, но постепенно обморожение прошло, и боль вцепилась в уши раскаленными щипцами.

— Пусти, — пискнула Жанна, — больно же!

— Ах, больно? — удивился Леонид. — Кто бы мог подумать!

Он открыл шкафчик и извлек оттуда пузырек со спиртом. Плеснул в пластиковый стаканчик.

— Не пить, — строго предупредил он. — Только растирать. Если не хочешь, чтобы это делал я, изволь спасать себя самостоятельно. Я буду консультировать.

Потом отвел Жанну обратно в прихожую, усадил на калошницу, заставил вытянуть ноги и стащил с нее сапоги. Было безумно приятно, все время вспоминался какой-то старый фильм, где вроде бы показывали нечто подобное. Леонид растер остатками спирта узкие Жаннины ступни, вытащил откуда-то толстенные шерстяные носки и натянул ей на ноги.

— Что ж, — усмехнулся, — воспаления легких вам, сударыня, все равно не избежать, но с ампутацией конечностей пожалуй, пока повременим.

— Давно хотела спросить, — обрела дар речи Жанна. — Ты какой врач? Хирург или ортопед? А может, ветеринар?

— Изначально я педиатр, — серьезно ответил Леонид. — По узкой специализации — вирусолог, а кандидатскую защитил по некоторым инфекционным заболеваниям, встречающимся в странах тропического пояса. Впрочем, моих профессиональных навыков вполне достаточно, чтобы безболезненно отрезать обмороженное ухо или пятку в домашних условиях.

— Опа, — сказала Жанна. — Ну, тогда я в надежных руках. Кандидат наук. Ничего, что я сижу?

— Сиди, сиди. Только лучше тебе, пожалуй, будет переместиться в гостиную, а я покуда сварю чего-нибудь согревающего.

7

Пока Леонид гремел на кухне чашками и кастрюлями, Жанна пришла к выводу, что в гостиной ей оставаться совсем не хочется, и перебралась к себе в комнату. Удобно устроилась на диване, подоткнув под спину подушку и завернув-

шись в теплый клетчатый плед, включила светильник-фламинго и принялась ждать, рассматривая новенький плееер.

— Ты здесь? — удивился Леонид, останавливаясь на пороге. Он уже успел переодеться — вместо халата облачился в бежевые спортивные брюки и голубую рубашку из тонкой джинсовой ткани. В руках у него был поднос, на котором стояли две высокие керамические кружки. Над кружками витал ароматный парок. — Почему не в гостиной?

— Так, — мотнула головой Жанна. — Захотелось. Здесь уютнее. Проходи, располагайся, чувствуй себя как дома...

«Стоп-стоп-стоп, — осадил она себя. — Не зарывайся, девочка. Ты тут еще не хозяйка».

— Ты меня приглашаешь? — неуверенно спросил Леонид.

— Да ты прости, я пошутила, — Жанна состроила виноватую гримаску. — Ну как я могу тебя приглашать или не приглашать? Это же...

— Это твоя комната, — перебил он. — Мы договорились, помнишь? Я обещал не заходить к тебе без приглашения...

— Ну, тогда я тебя приглашаю. Проходи, дорогой Леонид, располагайся поудобнее. Хочешь — в креслице, хочешь — на диванчик. Я бы лично предпочла на диванчик, согреешь бедной девочке ножки...

— Спасибо за приглашение, — Леонид наклонил голову и переступил порог. Первый раз с тех пор, как Жанна жила у него в доме. — Вот, это тебе горячительное. — Он протянул ей тяжелую дымящуюся кружку.

— Выпьем за Новый Год? — Жанна принюхалась и поняла, что и на этот раз обошлось без алкоголя. Сплошные травы, одна другой душистее. Ну и ладно, подумала она, вспомнив родное Софрино, не век же водку глушить.

— Давай, — кивнул Леонид. Поднял кружку и отсалютовал Жанне. — Пусть он принесет нам больше удачи, чем старый.

Жанна рассмеялась.

— Еще больше? Да у меня такой прухи, как в прошлом году, в жизни не было. В училище поступила, классно жи-

лье за бесплатно нашла, с человеком интересным познакомилась...

Леонид поднял бровь.

— С тобой, с тобой, не надо шлангом прикидываться. Кстати, мне знаешь как хочется про тебя узнать побольше? Где ты учился, как жил, кого лечил? Расскажешь, а? А то про меня-то ты все знаешь, а я про тебя — ноль...

— А ты уверена, что хочешь это услышать? Обычно дети твоего возраста не слишком-то жалуют стариковские рассказы...

— Ха! — сказала Жанна. — Ха! Дети моего возраста! Дети моего возраста, если хочешь знать, вообще предпочитают слушать только слова любви, желательно, произносимые страстным шепотом им на ушко. Но если говорить конкретно обо мне, то я с детства обожала всякие страшные истории. Слабо развлечь замерзшую девушку страшилкой?

Леонид усмехнулся странной, словно бы обращенной внутрь себя улыбкой. Осторожно присел на край дивана.

— Жизнь и без того страшная штука, моя милая. Пока я был маленьким, мне казалось, что в мире полно всяких ужасных созданий, о которых так любят рассказывать дети — ну, там, Черные Перчатки, Красная Рука, Пиковая Дама, Глазав-Зеркале... Все время боялся открыть дверь чулана и увидеть за ней Буку... А потом, когда подрос, понял, что дети, конечно, ничего не знают наверняка, но очень о многом догадываются. И все их наивные страшилки — только попытка объяснить сумрачные ужасы взрослого мира...

— Ой, а можно то же самое, только по-русски? Я девушка простая, к тому же обмороженная... Мне, как менту, все надо объяснять — медленно и два раза...

— Чудовища существуют, — почему-то шепотом сказал Леонид. — Не такие, как в детских сказочках... намного страшнее. Вот представь — ты идешь по улице, у тебя падает перчатка, а навстречу идет человек, быстро ее поднимает и с улыбкой протягивает тебе. Ты ее берешь, благодаришь... и невдомек тебе, что ты только что встретила с монстром. А между тем есть такие... с феноменальной памятью... им достаточно один раз заглянуть тебе в глаза — и все, ты уже

у него в коллекции. Теперь, стоит ему захотеть, он припомнит твое лицо в мельчайших деталях, и придет к тебе во сне. А там уж сможет делать с тобой все, что захочет — просыпаться будешь вся в синяках, избитая, исцарапанная... а то и вовсе пойдешь на его зов ночью, глаз не раскрывая... слышала про лунатиков? Думаешь, они просто так по крышам гуляют? Просто так, девочка, в этом мире ничего не происходит — каждое движение продиктовано чьей-то волей. Или твоей собственной, или чужой. И тут уж чья сильнее...

Жанне стало зябко. Она обхватила ладошками высокую кружку и сделала несколько обжигающих глотков. Почему-то вспомнилось прикосновение чего-то невыносимо холодного к шее пониже уха... ощущение чужого тяжелого дыхания, щекочущего волосы на затылке... ноющая боль в груди от врезавшегося в ребра подоконника...

(На грязной, растрескавшейся от времени краске — выцветшие пятна дешевого, скверно пахнущего вина... следы засохших плевков, отполированные чьими-то задницами лешки жевательной резинки... Чья-то сильная рука пригибает ее все ближе к выцарапанной лезвием надписи «ЦСКА — кони», она чувствует, как ее ноги, завязшие в спущенных джинсах, покрываются гусиной кожей — то ли от холода, то ли от ужаса... и предчувствие чего-то невыносимо мерзкого застревает в горле комком смерзшейся слизи...)

— А еще есть такие создания... людьми их назвать трудно, хотя они появляются на свет у обычных родителей, которые похищают человеческие души...

— Зачем это?

— Чтобы жить. Питаясь душами, можно прожить неограниченно долгое время... особенно, если выбирать себе доноров помоложе. Энергетический метаболизм помогает таким... созданиям... развивать их необычные способности, превращаясь во все более совершенных существ... хотя сам процесс трансформации протекает довольно болезненно, а главное, долго.

— А что за способности они от этого получают?

— Не смогу объяснить. Если ты слеп от рождения, ты не поймешь, что значит «видеть». Если у тебя нет ног и

рук, ты вряд ли представишь себе, каково это — играть в футбол. Люди изредка сталкиваются только с внешними проявлениями. Например, с подчинением чужой воле. В этом нет ничего сложного или таинственного — для *измененного*, я имею в виду. Так же, как для тебя — в том, чтобы протянуть руку и взять с тумбочки кружку... Вот, молодец... Теперь сделай два глотка — два маленьких глоточка... Видишь, как просто?

— Ну, так не интересно... Расскажи хотя бы, как они это делают...

— Что? Похищают души?

— Ну да, да!

— Очень просто. Могу показать.

8

На мгновение Жанне показалось, что горячая кружка, которую она по-прежнему сжимала в руках, стала обжигающе ледяной. Леонид оставался серьезен и спокоен — слишком спокоен для мужчины, делящего один диван с девушкой, которая то и дело дотрагивается до него пальчиками ног, пусть и одетыми в толстые шерстяные носки.

— Ты шутишь, Ленечка?..

Голос ее затерялся в невыносимой тишине, повисшей в комнате. Неожиданно Леонид поднял руку и положил ладонь Жанне на темечко.

— Вот здесь есть место, — произнес Леонид неожиданно севшим голосом. — Особое место. Сюда сходятся все каналы, по которым циркулирует жизненная энергия организма. И именно здесь в защите энергетической системы человека зияет брешь.

Его ладонь едва заметно шевельнулась, поднялась, и Жанна почувствовала, как поднимаются вслед за ней прижатые его рукой волосы.

— Давным-давно древние лекари, шаманы и колдуны, научились использовать эту точку для излечения всевозможных болезней. Из этой брешки, из этой дыры можно вы-

сосать любой, даже самый страшный недуг. Но, видишь ли... за все приходится платить. Вместе с болезнью человек теряет какой-то кусочек той энергетической субстанции, которую люди привыкли называть душой.

Леонид по-прежнему держал ладонь над головой Жанны. От ладони исходило тепло, приятное, расслабляющее тепло.

— Первоначальный метод был очень прост. Болезнь высасывалась вместе с кусочком души. Потом болезнь выплевывали, а душу проглатывали. Тут все дело в мере. Если высосать душу из человека быстро и без остатка, он умрет, хотя, умирая, будет испытывать несказанное блаженство. Если высасывать медленно и постепенно, тело начнет довольно интенсивно стареть... иногда случается так, что душа еще почти вся на месте, а тело уже скукожилось, как кожаная перчатка в кипятке. А если брать быстро и понемногу, то тело остается прежним, а вот душа... ну, это уже зависит от человека. Может постепенно засохнуть сама по себе, словно дерево, у которого подпилили корни. А бывает, что человек превращается в монстра... вроде тех, которые в глаза тебе заглядывают...

— Бр-р, — Жанна поежилась. Травяной настой уже не согревал, ноги и руки покрылись гусиной кожей. — А откуда ты вообще об этом знаешь?

— Ты просила страшилку? Я тебе ее рассказал...

— Да уж, — зубы Жанны стукнули о край кружки. — А правда, ты все это придумал?

Что-то произошло. Что-то неуловимо изменилось в комнате, словно бы лежавшая за пределами светлого круга от лампы тьма сгустилась и приготовилась броситься на них.

— Мне довелось поколесить по миру, — странным голосом ответил Леонид. — Я же занимался тропической медициной, ты не забыла? Повидал всякого...

Замолчал. Ей показалось, что он хотел сказать что-то еще, но остановился, словно зачарованный каким-то воспоминанием. Глаза его стали похожи на два темных, суживающихся коридора.

— Иногда я тебя боюсь, — тихо сказала Жанна. Она не собиралась произносить это вслух — просто подумала.

Но слова прозвучали — и ударили Леонида невидимым бичом.

Он вздрогнул и вдруг быстро спрятал лицо в ладони. Пальцы у него были длинные, тонкие, как у музыканта. Сначала Жанне показалось, что он плачет, но Леонид просто сидел, закрыв глаза руками. Наверное, боялся, что из глубины темных коридоров появится что-то жуткое.

— Леня, — тихо сказала Жанна, впервые назвав его мальчишечьим именем. — Леня, ты чего? Ну, что с тобой?

Она поставила кружку на пол, и, не выбираясь из-под пледа, передвинулась поближе к нему. Взяла его руки в свои, прижалась щекой. На этот раз его пальцы пахли не табаком, а каким-то теплым металлом. Жанне подумала, что так должен пахнуть еще не остывший после выстрела ствол пистолета.

— Ленечка, ну что ты... Ну, прости, я не хотела тебя обидеть... Ты иногда бываешь... очень странный, да... но я же знаю, что ты хороший...

Он осторожно высвободился. Посмотрел на нее долгим, изучающим взглядом.

— Глупенькая ты девочка, Жанна. Хороший... Неужели ты думаешь, я не понимаю, каким выгляжу со стороны? Да я вообще был уверен, что ты здесь и двух недель не протянешь — сбежишь куда подальше... А ты осталась. И терпишь меня, со всеми моими привычками...

Решилась Жанна. Мазнула взглядом наискось — был бы взгляд лезвием, у Леонида на бледном лице немедленно расцвела длинная алая царапина — отвернулась и сказала негромко:

— Не только терплю...

Замолчала на полуслове. Главное произнесено. Теперь, по всем правилам, его очередь. Если только не откажется поймать подачу. Ну, раз, два...

И поймал-таки. Посмотрел на нее так пронзительно-пронзительно, да и спросил:

— Ты — меня?

Жанна ответила не сразу. Вспомнила их первую встречу, все свои страхи и переживания, вспомнила, как он за-

лился краской, увидев ее в полотенце, какими сильными были его руки, когда он нес ее вверх по лестнице... прокрутила все это в памяти и тихо сказала:

— Тебя.

Обняла его за шею и ткнулась лицом в темные, пахнущие порохом, волосы. Сама, не дожидаясь, пока он раскачается. Хватит, три месяца ждала.

Почувствовала, как напряглись мускулы под тонкой тканью рубашки. Здоровый мужик, мышцы, как канаты. Приятно будет просыпаться утром и видеть рядом такое красивое тело... Ну, что же ты так напрягаешься, дурачок, я же тебя не съем... Ну, расслабься, пожалуйста, Леня, милый, что ж ты дрожишь, как малолетка на первом свидании?..

Он пытался ей что-то сказать, но Жанна запечатала ему губы своим маленьким жадным ротиком, и проглатывала слова вместе с его дыханием. Он все еще сопротивлялся, пытаясь вырваться из ее объятий, но делал это слишком нерешительно, видимо, боясь причинить ей боль. Сопротивление его слабело с каждой минутой, и вот наступил момент, когда Леонид, наконец, ответил на ее поцелуй. Когда спустя минуту — или час — они, наконец, оторвались друг от друга, до Жанны, наконец, дошло, о чем он все это время пытался ее спросить.

— Что «зачем», милый? — улыбнулась она, уверенная в том, что услышит в ответ. Но на этот раз она ошиблась.

— Зачем ты пригласила меня войти? — с усилием выговорил он. — Это твоя комната... Зачем ты меняпустила?

— Теперь это наша комната, Леня. Чего ты боишься, дурачок? Иди ко мне... вот так... ты мне очень нравишься, потому ипустила... и вообще, кого хочу, тогопускаю... и туда, в том числе...

— Не пожалеешь? — странно улыбнулся Леонид. Она готова была поручиться, что в глазах его плеснулась боль.

— А это уже от тебя зависит... постой, ты куда это собрался? Довел бедную девушку до белого каления и в кусты? Эй, я так не играю!

— Помнишь, я говорил тебе, что в твоих волосах хочется утонуть? Вот я и иду... топиться. Можно?

Леонид осторожно высвободился из ее объятий. Выпрямился — Жанна немедленно ткнулась носом между пуговиц его рубашки — и обхватил ладонями ее голову. Жанна почувствовала, как его лицо погружается в Пушистое Белое Облако, как мягкие губы слегка дотрагиваются до нежной кожи на темечке...

— Так ты на мою душу нацелился? Ну, попробуй... — хихикнула Жанна, и вдруг ее тело изогнулось в судороге небывалого, почти мучительного наслаждения. Молния, промелькнула мысль, это была молния. Только почему-то бьющая снизу вверх.

— Леня, что это? — спросила она слабым голосом. Голова кружилась, в ушах стоял звон. Коленки дрожали, хорошо хоть под пледом это не слишком бросалось в глаза. — Что ты со мной делаешь?

— Тебе нравится? — спросил он, вынырнув из Белого и Пушистого. — Хочешь еще?

— «Нет», — хотела сказать Жанна. «Второго раза я не переживу», — хотела сказать Жанна. Вместо этого она зажмурилась и замотала головой — скорее утвердительно, нежели наоборот. Замерла, ожидая второго прикосновения, как удара. Сжалась в комок, когда его губы вновь дотронулись до нее там, наверху.

На этот раз все было немного по-другому. Вместо молнии, ударившей откуда-то из-под земли и ушедшей в потолок, накатила волна, теплая, тугая, захлестывающая с головой. Жанна растворилась в ней, а когда волна схлынула, обнаружила, что ее трясет, как в лихорадке, сердце готово выскочить из груди, а трусики мокры насквозь. «Ничего себе оргазм», — подумала она, с трудом приходя в себя. — «Что же дальше-то будет, подумать страшно...»

Дальше, однако, не случилось ничего. Леонид уложил дрожащую, всхлипывающую от пережитого наслаждения Жанну на диван, заботливо укрыл пледом и нежно погладил по волосам. Затем до ее слуха донесся слабый щелчок — это Леонид выключил светильник-фламинго. Все погрузилось в темноту, и Жанну мгновенно закутал водоворот сна.

— Классный плеер, — сказала Альмира, впервые увидев Жанну после новогодних праздников. — Откуда такая роскошь?

— Леня подарил, — небрежно ответила Жанна. — Правда, понтовый?

— Ле-ня, — со значением протянула Альмира. — Уже Леня. Когда же это случилось, моя милая? Под звон курантов?

— Отстань, — отмахнулась Жанна. — Каждый празднует, как может.

— По тебе видно, подруга. Ты, похоже, целую неделю бухала. Похудела, под глазами круги, бледная, как девушка с косой... Ну-ка, дыхни... странно, а выглядишь так, словно тебя насквозь проспиртовали...

Жанна отвернулась и отгородилась от зануды-Альмирки наушниками плеера. После возвращения из Софрино она не брала в рот ни капли спиртного. А круги под глазами... не такие уж они и заметны, особенно под слоем пудры. Конечно, если не спать ночи напролет, урывая минуты для отдыха только днем, между приготовлением еды и уборкой, появляться и круги... А что делать, если Леня уже к семи утра становится сонным и вялым, не способным даже на то, чтобы самостоятельно завесить окно шторами. Однажды под утро они уснули прямо на диване в ее комнате и проспали почти до обеда. Жанну вырвал из забытья полный боли и гнева крик. Кричал Леня — он сидел на диване, с головой закутавшись в одеяло, а на лице у него распухал огромный розовый волдырь. Такие же волдыри покрывали его руки и плечи. Перепугавшаяся Жанна отвела его в ванну, дрожащими пальцами нанесла на кожу прозрачный гель из тюбика (тюбик был странный, весь исписанный какими-то замысловатыми иероглифами), забинтовала пораженные места стерильным бинтом и помогла добраться до кабинета. Внутри он ей войти не позволил. Выговорил странным, похожим на звук зажеванной магнитофонной кассеты, голосом: «Спасибо», и исчез за дверью. Жанна немного постояла на пороге, прислушиваясь, но в кабинете царила тишина. Целый день

ей было не по себе из-за этого странного происшествия, она перерыла все свои учебники, но так и не поняла, что же спровоцировало аллергию. Вечером, однако, выяснилось, что от страшных волдырей не осталось и следа — кожа у Лени вновь стала чистой и мягкой, как у младенца, он вообще выглядел лучше, чем обычно, словно помолодел. Объяснил, что иногда такую реакцию могут вызвать обыкновенные солнечные лучи, и предложил повесить в Жанниной комнате плотные шторы. Теперь там было сумрачно даже днем, как и везде в квартире, но Жанне это не мешало. Дни для нее слились в одну плотную серую завесу, скрывавшую фантастическое великолепие ночных праздников. Целый день, возясь по хозяйству, пытаясь листать учебники или проваливаясь в короткий, не приносящий отдыха сон, она думала о том, как наступит вечер и ее мужчина выйдет из своего кабинета, подтянутый, свежий и элегантный, поцелует ей руку и скажет что-нибудь ласковое... Потом они сядут ужинать, и она будет любоваться на ловкие движения его тонких пальцев, ломающих хлеб, управляющихся с ножом и вилкой, смотреть, как двигаются его пухлые красные губы, когда он пережевывает мясо, подавать ему салфетку... и чувствовать себя счастливой, абсолютно, нереально счастливой... А потом они пойдут в гостиную, и поставят какую-нибудь тихую музыку, и он расскажет о своих странствиях в далеких краях... а еще позже они окажутся в ее комнате, и там, в полутьме, ее мужчина вновь прикоснется к ней и подарит Жанне мгновения никем до того не испытанного блаженства...

Но Альмире этого не объяснишь. Даже если попытаться рассказать, все, как есть — ну что она может понять? Тупая, серая скотинка, как и все вокруг... Так что и пробовать-то не стоит.

До зимних каникул Жанна дотянула с огромным трудом. Заниматься днем удавалось все меньше и меньше, в сон тянуло после первой прочитанной страницы. Если бы

не Леня, написавший за нее две курсовые и подтянувший по биологии, сессию бы она завалила.

А так — ничего, обошлось. Альмирка звала с собой, в славный город Мухосранск-Верхневолжский, обещала массу развлечений и толпу мальчиков, но Жанна только слабо отнекивалась. Какие там мальчики, какие развлечения... и ведь миллионы людей всерьез считают, что все знают о счастье, подумать страшно...

Все каникулы Жанна не выходила на улицу. Попыталась как-то сходить за продуктами на рынок, но на полдороге ей стало плохо, и она, чтобы не упасть, прислонилась к фонарному столбу. Тут же поскочил прилично одетый господин средних лет, участливо наклонился к ней. «Женщина, вам плохо?» Жанне, несмотря на обморочное состояние, стало смешно — ее еще никогда не называли женщиной. Помотала головой — нет, мол, нормально, отвали, дядя — кое-как отдышалась, приплелась домой. Было очень муторно и обидно, хотелось выплакаться Леониду в плечо, но он, как обычно, спал в своем кабинете. Жанна едва удержалась, чтобы жалобно, побитой собакой, не поцарапать в дверь. Вечером, когда она по возможности с юмором поведала ему эту историю, Леонид сказал:

— Все, Жанночка, похоже, ты перетрудилась. Давай-ка избавим тебя от походов за продуктами. В квартале отсюда недавно открыли ночной магазин, все необходимое я буду закупать там. А тебе надо побольше спать, ты совсем вымоталась за эту сессию.

Тут Жанна разнылась, что ей не в кайф спать одной, что она хочет все время чувствовать его рядом, и упростила Леонида переехать из кабинета в ее комнату. Он довольно долго сопротивлялся, но потом все же уступил, напомнив ей про необходимость плотнее закрывать шторы.

С этого момента для Жанны наступил вечный праздник. Днем она, сделав несложные домашние дела, ощупью пробиралась в свою комнату, где на широком диване бесшумно спал Леня, раздевалась и забиралась к нему под одеяло, обнимала его, прижималась длинными горячими ногами, и, успокоившаяся и умиротворенная, засыпала. Просыпалась

Жанна обычно от легкого прикосновения его ладони к своим волосам — как правило, Леня не целовал ее в темечко, когда она спала, но однажды такое все же произошло, и пробуждение показалось ей сказочно прекрасным. Правда, встать после этого она не сумела — в ноги словно натолкали ваты, от низа живота к шее распространялось обессиливающее тепло. Леонид принес ей ужин в постель, покормил с ложечки, как младенца, а потом убаюкал, держа ее укутанную Пушистым Белым Облаком голову у себя на коленях.

Есть Жанне почти не хотелось. Иногда она могла ограничиться одним апельсином в день — желудок не протестовал, принимая такую диету как должное. Леня готовил ей свои травяные отвары, помогал держать тяжелую кружку в ставших словно прозрачными ладонях. Жанна стала проводить в кровати почти все время, поднимаясь только для того, чтобы умыться и сходить в туалет. Ей впервые пришлось в голову, что квартира могла бы быть и поменьше — путь через гостиную и коридор отнимал слишком много сил.

В один из бесконечных однообразных дней она не смогла заставить себя слезть с дивана и сходила под себя. Было очень стыдно, тем более, что Леонид не проснулся и продолжал тихо спать рядом. Большое мокрое пятно расплзлось по простыне все шире, так что когда наступил вечер, и Леня открыл, наконец, глаза, весь диван уже пропитался мочой. Подушка тоже была мокрой — от слез, — и тогда он взял Жанну на руки, отнес в ванну, налил горячей воды, взбил пахнущую какими-то цветами пену и осторожно опустил Жанну в облако сверкающих пузырьков. Там она и заснула — прямо в воде — а когда проснулась, поняла, что лежит не на диване, а на жесткой и довольно узкой кровати, Леонида рядом нет, а в воздухе витает смутно знакомый запах лекарств.

Мысли ее путались, она не могла точно определить, что ее окружает — явь или сон. «Я заболела», — подумала Жанна, и неожиданно обрадовалась такому простому объяснению. «Я заболела, а Леня меня лечит...» Она позвала: «Леня», но из горла вырвался только слабый жалобный стон. Тогда Жанна снова закрыла глаза и попыталась заплакать. Слез не было.

Леня разбудил ее, проведя ладонью по ее волосам. Она замерла от счастья, глядя в его сияющие, искрящиеся жизнью глаза. «Ты красивый, — хотела сказать ему Жанна. — Я люблю тебя». Но голос по-прежнему не слушался ее. Она шевельнула губами, и Леонид тут же поднес к ее рту дымящуюся кружку с травяным настоем.

— Я не хочу пить, — попыталась сказать Жанна, но он не услышал. Она сделала несколько глотков, чувствуя, как горячая жидкость прожигает ее истончившееся тело насквозь. Потом закашлялась, и Леня заботливо вытер ей губы пахнущим валерьянкой платком.

Когда стало ясно, что больше она пить не станет, Леонид бережно взял ее на руки и поднял с кровати. Жанна вздрогнула, ощутив прикосновение холодного металла к своим теплым ягодицам. Ее шатнуло, но Леня сильной рукой придержал ее за плечи.

— Пс-с, — произнес он, смешно выпячивая пухлые губы, — пс-с...

«Это судно, — догадалась Жанна. — Я сижу на горшке... позор какой...» В следующую секунду она почувствовала, как горячая струйка со звоном ударила о металлическое дно судна, и ей сразу стало легче. Леонид снова перенес ее на кровать, уложил, затем взял горшок и вышел. Жанна испугалась, что он не вернется, но он вернулся, постоял немного, глядя на нее сверху вниз, наклонился, обхватив ее голову ладонями, зарылся лицом в волосы и ошибочно нашел губами то самое место на темечке.

Над миром, сузившимся до размеров полутемной, пропахшей лекарствами, комнаты, поднялась сияющая всеми цветами радуги волна.

Опрокинулась и гремящей лавиной обрушилась вниз, поглотив плавающую в океане блаженства Жанну.

Голоса доносились откуда-то издалека, с трудом пробиваясь через вязкий, глушивший звуки туман.

Жанна открыла глаза — это движение почти обессилило ее. Но с открытыми глазами она почему-то слышала лучше.

— ... полгода у вас жила, — высокий женский голос, почему-то смутно знакомый. — И теперь вы не знаете, где она?..

— ... уверяю вас... — мужской голос, тихий, но внятный, она тоже знала. Когда-то. Вспомнить, кому он принадлежал, казалось непосильной задачей. — ... давно ничего не знаю...

Жанна вздохнула — глубоко, в легких, что-то засвистело, в горле неприятно булькнуло. Пересохшие губы трескались от горячего дыхания.

— ... с февраля в училище не была, — женщина почти кричала, — мне уж на работу педагоги обзвонились... вот и Альмира подтвердит — после каникул ни разу ее не видела...

Альмира. Миллион лет назад Жанна слышала это имя. Кого же так звали? Она попыталась сосредоточиться — бесполезно. В голове была вата — много-много белой, пушистой и мягкой ваты. Очень хотелось спать. Спать и не слышать этого грубого, громкого, визгливого голоса, бесцеремонно врывающихся в ее покой. Как же они громко кричат! Что им здесь нужно? Почему он их не прогонит? Кто? Кто не прогонит? Жанна старалась вспомнить, имя ускользало, словно различимая лишь уголком глаза легкая тень...

— Ты, дядя, нас за лохушек-то не держи, — вмешался молодой, энергичный и наглый голос, — ты думаешь, мне Жанна про тебя ничего не рассказывала? Вот пойдем сейчас в милицию и заяву на тебя накачаем — мол, педофил ты, дядя, заманиваешь молоденьких девочек к себе под видом бесплатной сдачи комнаты, а потом, может, на кусочки разделяешь и в унитаз спускаешь... ой, извините, Ольга Сергеевна...

Ольга Сергеевна? Еще одно имя за завесой темноты... Жанна опустила веки — глаза почему-то стали влажными...

— Да где ж это вообще видано — бесплатно комнату сдавать! — взвизгнул первый голос. — Знаем мы, что за бесплатно бывает... А ну говори, что с моей доченькой сделал, гад! Куда мою Жанночку подевал?

— Если я не брал с Жанны денег, это еще не значит, что она жила здесь бесплатно, — спокойно возразил тихий голос. — Мы сразу договорились, что она будет помогать мне...

— В чем? — перебила молодая и наглая. — Постельку по ночам согревать?

— ... ухаживать за моей больной матерью, — невозмутимо продолжал мужчина. — Это очень нелегкое занятие, уверяю вас, и оно, безусловно, стоит тех денег, которые я мог бы получить от сдачи внаем одной комнаты...

— Что ж она мне про твою мать ничего не рассказывала? — ехидно поинтересовалась молодая. — Всеми секретами делилась, а про то, как за больной ухаживает — ни слова?

— Это входило в наш договор, — терпеливо объяснил тихий голос. — Жанна не должна была никого сюда приводить. Не должна была никому рассказывать о том, что здесь делает...

— Почему, интересно знать?

— А вам не кажется, что каждый человек имеет право на свою частную жизнь? Предположим, мне не хочется, чтобы окружающим было известно, в каком состоянии находится моя мать? Она действительно очень тяжело больна, и обслуживать ее тяжело. Скажу откровенно: я думаю, Жанна уехала, потому что не выдержала свалившегося ей на плечи бремени. Мне она ничего не объяснила. Просто собрала вещи и уехала, пока я спал. Вы, разумеется, можете обратиться в милицию — я думаю, вы просто обязаны это сделать, хотя я надеюсь, что с вашей дочерью не случилось ничего страшного...

Голос вдруг растянулся, поплыл, слова стали слышны нечетко.

— Не выспался, дядя? — с угрозой спросила молодая и наглая. — Все зеваешь? В милицию мы и без твоих советов обратимся, а для начала покажи-ка ты нам квартиру — где тут Жанна жила, где матушка твоя немощная обитает...

— Постарайтесь обойтись без хамства, Альмира, — посоветовал мужчина. — Оно вам не к лицу... Что ж, не могу сказать, что мне это будет приятно, но, входя в ваше положение... Я покажу вам, где жила Жанна.

Голоса удалялись, затихали. Тишина снова обволакивала Жанну, затягивала в глубокие белые пустоты сна. Но заснуть не получалось — под веками копилась, набухала влага, непрошенная слеза выкатилась из-под ресницы и задрожала, словно приклеившись к горячей щеке...

Скрипнула дверь. Этот звук вырвал Жанну из забытья, в которое она все-таки провалилась. Сердце тяжело бухало в груди, как часто бывает при внезапных пробуждениях, безжалостно разрывающих радужную ткань сна. Что ей снилось? Какие-то обрывки — женщина с усталым лицом, склонившаяся над ее кроватью, пестрые куклы, пляшущие на тонких нитях над занесенной снегом деревянной эстрадой... высокий темноволосый мужчина, протянувший руки к багровой, похожей на недобрый глаз, луне...

— Вы хотели видеть мою мать, — услышала Жанна. — Смотрите, только очень прошу вас, тихо. Она сейчас спит...

— А вот спросить бы у нее, — свистящий шепот, судя по интонации, принадлежал все той же молодой девушке, которую звали Альмира, — когда последний раз она видела Жанну...

— Спросить вы, разумеется, можете, — мужчина был по-прежнему терпелив и вежлив. — Но ответа никакого не получите. Моя мать, к сожалению, страдает очень тяжелой формой болезни Альцгеймера, в просторечии называемой склерозом... Кроме того, она уже давно ничего не говорит...

Кто-то подошел почти вплотную к кровати Жанны. Скрипнули половицы.

— Эй, вы меня слышите? Слышите меня, а?

— Да не лезь ты к больному человеку, — сказала женщина, стоявшая, судя по всему, у самой двери. — Видишь же — спит она... Ох, старенькая она совсем у вас, седая совсем... Сколько же ей лет?

— Меньше, чем кажется, — сухо ответил мужчина. — Ну, ваше любопытство удовлетворено, наконец? Вы убедились, что никакой Жанны здесь нет?

Он снова зевнул. Бедный, подумала Жанна, ему, наверное, также до смерти хочется спать, а эти женщины прице-

пились к нему с какой-то Жанной... Жанной... это же меня звали Жанна — когда-то давным давно, когда я жила со всем в другом месте, где было светло и красиво, и всегда пахло цветами и свежестью... и я любила кого-то... почему же я ничего не помню?

— Пойдем, Альмира, — сказала женщина у двери. Голос ее погас, стал бесцветным и тихим, словно из него ушла вся жизнь. — Пойдем, не тревожь больного человека...

Жанна открыла глаза. Ярко горела лампочка под потолком, и в ее безжалостном свете она увидела девушку со смутно знакомым скуластым лицом, сидевшую на корточках напротив кровати, высокого мужчину, стоявшего у нее за спиной, и худую сутуловатую женщину с измученными, больными глазами. Все трое смотрели на нее, словно чего-то ожидая.

— Проснулась, — громко прошипела скуластая, обернувшись к остальным, и снова повернулась к Жанне. — Здравствуйте, меня зовут Альмира, я подруга Жанны. Вы помните Жанну?

Жанна медленно опустила ресницы. Почему эта девушка задает ей такие глупые вопросы? Ей показалось, что какие-то смутные воспоминания понемногу проступают сквозь пелену белого забвения. Вот та женщина с усталым и несчастным лицом... сколько раз она склонялась над кроваткой маленькой Жанны?..

— Мама, — прошептала она, чувствуя, как из глаз начинают литься крупные неудержимые слезы, — мама...

— Ничего она нам не скажет, — женщина отвернулась. — Пойдем, Альмира, только время зря тратим...

— Неужели не помните? — не сдавалась скуластая Альмира. — Такая красивая, с пушистыми белыми волосами, классная такая девочка?

— Это я, — Жанна постаралась произнести это как можно более отчетливо, но получился неразборчивый шепот. — Это я — Жанна...

— Ну, извините — с сожалением сказала Альмира, выпрямляясь во весь рост и зачем-то отряхивая колени. — Да, не хотелось бы мне заболеть склерозом...

— В милицию мы все равно обратимся, имейте в виду, — повернулась она к мужчине. — Так что для вас это так просто не закончится, не надейтесь...

— Не буду вам препятствовать, — ответил мужчина и снова зевнул. — Но на сегодня, надеюсь, у вас все?

— До свидания, — Альмира вдруг вновь наклонилась и заглянула Жанне прямо в глаза. — Не сердитесь на нас, хорошо?

Скрипнули половицы, щелкнул выключатель — свет погас. Мама, Альмира и зевающий мужчина исчезли из мира Жанны.

Где-то невообразимо далеко стукнула, закрываясь, тяжелая дверь. На мгновение Жанну посетило странное, пугающее видение — оскаленные волчьи морды, ухмыляющиеся в спину незванным гостям. Заснуть, подумала она, скорее заснуть и убежать от этого тягостного, непонятного бреда в покой, тишину и пустоту...

Видимо, ей это удалось, потому что, когда Жанна вынырнула из забытья в следующий раз, во рту у нее было сухо и мерзко, как случается после долгого сна. Жанну разбудили странные звуки — кто-то, сидевший у нее в ногах, всхлипывал, закрыв лицо руками. Сначала она не могла разобрать ни слова, но временами прерывистое бормотание становилось понятнее, и тогда ей казалось, что она различает целые фразы.

— Прости, прости меня... я не хотел этого... не хотел... все получилось совсем не так... я не смог остановиться... почему, ну почему ты разрешила мне войти?..

Он хныкал, подвывая, словно обиженный ребенок, и Жанне вдруг стало смешно. Когда-то, миллион лет назад, совсем маленькой девочкой она играла во дворе с соседским мальчишкой в снежки и случайно засветила ему твердым белым шариком в глаз. Мальчишка заплакал, поскуливая, словно щенок, прижав обледеневшую варежку к пострадавшему глазу, и, глядя на него, Жанна не смогла удержаться от смеха. Почему она вспомнила об этом сейчас?

— Мне казалось, что если я люблю тебя, тебе ничего не грозит... с другими было не так, они всегда оставались просто едой... а ты... ты была такой чистой, такой светлой... я

боялся за тебя... не хотел заходить на твою территорию... берег... Я берег тебя! — с обидой воскликнул он. — Охотился по ночам, ел только на стороне... А ты... ты сама, своими руками... — он снова всхлипнул.

«Уходи», — сказала ему Жанна. — «Я не люблю плачущих мужчин».

Она произнесла это мысленно — язык не слушался ее, из горла вырывалось только прерывистое горячее дыхание. Но он каким-то образом услышал — прекратил рыдать, выпрямился и быстрым, плавным движением переместился поближе к ней. Теперь она видела его лицо. Красивое, бледное лицо, обрамленное длинными черными кудрями. Огромные широко распахнутые глаза.

— Жанна, — сказал он очень ласково. — Жанна, девочка моя...

Ледяная ладонь легла ей на обтянутый пергаментной кожей лоб, взъерошила высохшие, словно солома, седые волосы. Рука чуть заметно вздрагивала, и это было неприятно Жанне.

— Прости меня, моя любимая. Как жаль, что источник почти иссяк...

Он наклонился и легко коснулся губами ее морщинистой кожи.

— Сейчас ты заснешь, девочка. Заснешь и увидишь очень хороший сон. Ты будешь спать долго... и увидишь себя самой красивой, самой счастливой и любимой девушкой на Земле... Спи, моя хорошая... Я буду с тобой... я буду с тобой всегда...

И она послушно закрыла глаза.

12

«ПРИГЛАШАЮ сиделку для ухода за тяжелой больной. Требования: МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА, медицинское образование желательно, возможна подмосковная прописка или регистрация. Звонить ПОСЛЕ 19.00. Спросить Леонида».

Наталья Ипатова

БЛЕДНЫЙ СВЕТ СКВОЗЬ ТОЛЩУ ВОД

— Посмотрите направо, мы только что проехали...

Да еще во тьме кромешной. Ли не хотелось ехать, этот город с угловатыми домами до неба и улицами, по которым только и бежать стремительной воде, и днем-то навевал мысли о храме разбитых сердец, но Кэти вусмерть приспичила эта экскурсия, а поскольку поселили их вместе, то не стоило ее раздражать. Ли не была коммуникабельна, но с людьми старалась не пререкаться без нужды. Людей она не любила. Промысел ее, а позже — спорт были по сути своей индивидуальны. И по большому счету значение имели не столько те, кто платит ей деньги, пишет о ней пространные статьи в газетах или вслух восхищается ее способностями задерживать дыхание в холодной воде, сколько осознание этой самой возможности задерживать дыхание, пусть даже на четверть секунды дольше других. И еще пятно света, сочащееся сквозь толщу воды над головой. И стремление к свету, повинувшись которому она всплывала. Всегда. Забывая даже о тех, кто каждый день ждал, когда она принесет эти самые деньги.

— Я видела японок, — сказала Кэти, повернув голову. — Они плавают голяком, с распущенными волосами. Ты относишься к ним серьезно? Они тебе — конкурентки?

Высокие спинки в матерчатых чехлах отделяли обеих женщин от тех, кто сидел спереди и сзади, создавая обманчивую иллюзию уединения. Поезд привез Ли рано, еще до света, и грешным делом она надеялась отоспаться в мягком

кресле, убаюканная плавным движением экскурсионного автобуса. Поэтому и речь ее была замедленной. Невыспавшейся. Словно двигающейся в мутной воде. Кэти представляла собой ее полную противоположность. Другой вид спорта. Смуглая степнячка, возница колесниц. Жилистая, многословная, явившаяся за лаврами. С вожжами в руках способная навязать свою волю паре коней. Кони приехали на Олимпиаду вместе с ней, в отдельном вагоне. И спасибо, что хотя бы их не взяли в экскурсионный автобус.

— В наших широтах не поплаваешь голой, — ответила Ли. — И распущенные волосы у ныряльщиц я видела только по телевизору. Красиво плещутся, да, но мешают смотреть кругом. А кругом плавают всякие твари. В том числе и зубастые. В холодных водах не меньше, чем в тропиках. Без ножа в воду не входи. Так что ты смотрела рекламу. Японскую.

Она задумчиво провела ладонью по черным, коротко остриженным волосам. В юности она их даже брила. Казалось, так входишь в воду легче и глубже.

— А принц? — спросила неугомонная Кэти. — К нему ты тоже не испытываешь ни малейшего пиетета? Он, насколько мне известно, намерен выступить в твоем виде.

Ли неопределенно хмыкнула. Уважение к царствующему дому обязательно для всех олимпийцев, но... едва ли здесь требуется проявлять его, образно говоря, придерживая коней.

— Принцу, — дипломатично сказала она, — едва ли приходилось собирать жемчужницы по найму.

— Ты хочешь сказать, принц для тебя — салага?

Ли смерила подругу взглядом.

— О, не обижайся! Мне интересно, насколько люди, съезжающие сюда, намерены побеждать.

Набережная за окном была освещена газовыми фонарями. Плещущаяся внизу вода отсветами напоминала ртуть.

— О! Вот это интересно! — перегнувшись через колени Ли, Кэти уставилась в окно, на улицу, черную, как будто бы их заставили нырнуть ночью. — Слышала? Здесь будет про-

ходить трасса. Знаешь, они тут совершенно сумасшедшие. Проложить трассу по городу! По набережной, по мосту!

— Возможно, — предположила Ли, — так им удобнее снимать.

— А каково нам ехать? Миллиметры высчитывать, там зеваку не задень, тут угол не зацепи!

— У нас нет профсоюза. Мы — штучный товар. Я тоже ныряю не в бассейне.

— Я про тебя вообще не говорю. Все ныряльщики — клиника.

В ответ Ли только пожала плечами. Конный спорт казался ей бессмысленной толчеей, оставившей на коже сантиметровый слой пыли, а в ушах — грохот, бессмысленный, как барабаны дикарского ритуала. Глубокая же вода давала ей ощущение чистоты и самодостаточности. Сколько бы их ни ныряло разом, там, в глубине она всегда была одна. Кто-то тешится изгибами женского тела и волосами, колеблемыми, как черные водоросли. Для нее главное был момент, когда она стремилась к свету, как душа — к богу. Это как любовь. Ли никогда не ныряла в темноте.

Толстые автобусные стекла оберегали экскурсантов от звуков. Эта огромная консервная банка на колесах концентрировала в себе только внутренние голоса, поэтому удар, скрежет, еще удар обрушились неожиданно... Картинка, метнувшаяся в боковом стекле, отпечаталась в сознании Ли парой взмыленных коней, осаженных на задние ноги, двумя ужаснувшимися бледными лицами в голубоватом газовом свете, какой-то колымагой, отброшенной с дороги прочь. Картинка медленно перевернулась — Ли только успела инстинктивно вцепиться в кресло, чтобы не переломать себе кости. Литая чугунная решетка набережной вылетела, словно выбитая щелчком. Сознание замкнулось на себя, так что вопли людей, кувыркавшихся в салоне, как горошины в погремушке, лишь скользнули по нему. Даже детский плач. Спортсменам, конечно, запрещалось брать с собой семьи — да и дорого, сказала бы Ли — но для функционеров правила не указ, и еще раньше она заметила в са-

лоне несколько скучающих жен с сонными малышами и возбужденных подростков. Вдоль затемненных стекол из поляризованного стекла вздыбились две стены жидкого серебра, и Ли ощущала себя совершенно беспомощной, пока сила тяготения вновь не вернула ее ботинки к полу.

«Консервная банка» оказалась не столь герметична, как хотелось бы. Поступая в щели раздвижных дверей, а пуше — снизу, где мотор отделяла от внешней среды только защита картера, вода заливала пол уже по щиколотку. Электросистему залило, а вместе с ней — все управление автоматикой салона. Опасаясь быть раздавленной в панике, Ли вжалась в стекло со своей стороны.

Было светло. Или это паника обострила ее ночное зрение настолько, чтобы в свете фонарей с набережной видеть перекошенные ужасом лица. Люди боятся воды, когда ее больше, чем нужно, чтобы наполнить ванну. Ха! Она привыкла страшиться, когда слишком мелко. Она привыкла смотреть на воду сверху. Но тем не менее — она привыкла к воде. Надо продержаться, пока не приедут спасатели. Кран. Парни, виновные в столкновении, должны хотя бы вызвать службу спасения! Надо признаться, в данном случае Ли предпочла бы открытые окна и двери.

Водитель, отгороженный от салона пластиковой стенкой, ничего, казалось бы, не предпринимал. Рядом с ним на крышке двигателя скомканным кожаным пальто простерлась гидша. Оба были если не мертвы, то в состоянии, не позволявшем им позаботиться даже о себе. Незнакомый здоровяк, силой проложив себе путь по салону, остервенело молотил кулачищами по кнопкам управления, всем подряд, имея, видимо, довольно слабое представление об электричестве.

Кувырок автобуса разнес их с Кэти в разные стороны. Ли удалось только увидеть, как подруга, встав на сиденье ногами — сухопутная, она боялась прикосновения воды, словно прикосновения смерти — молотит кулачками в стекло. Маленькая. В ней не хватает ни силы, ни веса, чтобы высадить его. Жокей. То ли дело она, Ли, со спины — почти мужчина.

Вода, достигавшая пояса, казалась холоднее, чем та, в которой Ли готовилась демонстрировать мастерство ныряльщицы. Все дело в точке зрения, уговаривала она себя. В точке... зрения! В поле зрения, с той стороны стекла промелькнуло гибкое тело. Тяжелые ботинки на тракторной подошве прошли прямо перед окном, у самого ее носа. Никогда в жизни она не нырнула бы в таких ботинках... разве что у нее не нашлось бы времени, чтобы разуться. Пластика «амфибии», шарившей ладонями по стеклу, не оставляла сомнений в ее намерениях. Цепочка пузырьков, вырывающихся изо рта, свидетельствовала, что и ей для дыхания необходим не растворенный в воде кислород. Ему. С той стороны завис молодой мужчина с лицом, искаженным подводным светом. Ли в сердцах стукнула кулаком по стеклу. На что он годеи тут, один! Тем более, разглядев сквозь стекло ее расплющенное лицо, он стремительно взмыл к поверхности за очередным глотком воздуха. Ли готова была возненавидеть его за это.

Тем более, когда со стороны задней двери раздался вопль торжества, и в считанные секунды вода в салоне поднялась ей по грудь. Мужчинам удалось немного отжать дверь, и теперь, отталкивая друг друга и оттеснив женщин, в страшной давке они по одному протискивались в щель. Жестянка корпуса не была герметичной, и у Ли не оставалось ни малейшей надежды на образование колокола, в котором можно отсидеться. Счет пошел на секунды. Расслабившись, она позволила воде приподнять ее к потолку. Руки, шарившие в поисках поручня, наткнулись на ручку люка, из тех, что всегда вызывают препирательства пассажиров: часть умирает от духоты и желала бы его поднять, тогда как другая часть смертельно боится сквозняка и настаивает на своем праве. Люк вентиляции — прелестный отечественный анахронизм в эпоху кондиционеров.

Бесполезно. Она только отталкивалась обратно в воду. Ноги скользили по обивке кресел. Бурлящая вода в салоне, вспененная несколькими десятками обезумевших бьющихся людей не доставала до потолка уже всего лишь сантиметров двадцать. Из воды выступали только лица, их иска-

женные ужасом маски тянулись вверх. Ли, Королева Глубин, чувствовала себя оскорбленной их соседством.

Руки у нее были сильные, а ноги все-таки сильнее. Ноги служили ей на суше, где приходится преодолевать большие нагрузки. Кулаками и локтями освободив вокруг себя пространство и уцепившись руками в поручни, Ли что есть силы нажала ногами на люк, преодолевая сопротивление лежащей сверху воды. Локти при этом выпрямились, голова ушла под воду. Вероятно, окружающие сочли ее сумасшедшей. Только сумасшедший пожертвует одним из немногих оставшихся глотков воздуха. Или тот, кто считает себя частью воды. Абсолютный рекорд Ли составлял пять с половиной минут БЕЗ предварительного вдоха. Так или иначе, помешать ей не успели. Главным, в общем, было, чтобы ее не успели оторвать прежде, чем она протиснется в люк. Ли так торопилась, что проделала это как была, ногами вперед.

Она успела еще увидеть, как с той стороны, снаружи, мужчина с бледным лицом и длинными темными волосами бил по стеклу кулаком, обмотанным цепью. Движения его были по-подводному плавными. Запомнилось, как стекло, невидимое от подступившей к нему мутной воды, словно бы перестало существовать, миниатюрная Кэти, приплюснутая к нему, безвольно выпала наружу, следом выплеснулось еще сколько-то человек, и мужчина, разбивший стекло, видимо, приняв ее за ребенка, потащил Кэти наверх.

Ли застряла. Лючок предназначался лишь для воздуха, а не для крупных женщин с большой грудью. Нырять она в него вперед руками, может, и могла бы в аффекте выломать стопоры голыми руками. Или вырвать их из тонкой жести корпуса, к которому они крепились. Дергаясь, как в капкане, Ли расходовала драгоценные минуты. Ее не спасут. Помощь там, где народ давится возле стекла. Едва ли кто обнаружит, что она попыталась выбраться в одиночку. Самостоятельно. Вот за самостоятельность она и заплатит. Пытаясь найти, от чего бы оттолкнуться — поручни были уже вне досягаемости — Ли только царапала потолок салона и вовсе содрала себе ногти.

Когда кто-то схватил ее поперек талии и что есть силы дернул вверх, для верности упираясь в крышу ботинком на тракторной подошве, Ли уже не думала о том, что это приятно удивит ее в людях. Мозг требовал кислорода, организм, подчинявшийся его губительным требованиям, уже не мог удерживать давление воздуха в носоглотке, не позволявшее воде проникнуть в дыхательные пути. Ли вдохнула воду. Забилась. Закашлялась... уже в воздух. Намного более холодный по сравнению с водой ночной воздух, прорезанный светом фонарей.

— Я доберусь! — она оттолкнула руки спасателя. — Я плаваю... хорошо. Там другие.

Он послушно выпустил ее, хотя и не сразу, и снова исчез с поверхности, бесшумно, Ли сказала бы — профессионально. Мокрая, обросшая водорослями каменная стена тянулась бесконечно, издевательски повторяя изгиб берега. Взлепиться наверх, цепляясь за трещины кладки Ли не смогла бы и в лучшем состоянии. Наконец она буквально наощупь наткнулась на ступеньки лестницы, ведущей наверх, на бульвар. Там уже лежало, слабо шевелясь, несколько человек. Она узнала среди них Кэти, сидевшую неподвижно, обхватив руками колени и всю в синяках. Плечи ее прикрывала чужая куртка большого размера. Издали приближался мигающий огонь службы спасения, сирена скорой помощи оглашала берег, в многоэтажных домах вдоль набережной, украшенных в честь Олимпиады, зажигались огни. Флаги и вымпелы, развеваемые ветром, казались черными.

Ли была последней, кого вытащили живой.

Кэти металась по номеру в непривычной для Ли гражданской одежде. Все остромодное: стеганая юбка, огромные высокие сапоги на тяжелом каблуке, короткий свитер крупной вязки в обликпу. Хватала вещи, швыряла их в сумку или, забывшись, роняла там, где стояла. Номер был на четырнадцатом этаже, из окна виднелся залив в опаловой дымке, похожие на жирафов портовые краны и добрая по-

ловина города, раскинувшегося внизу. Ли сидела на своей кровати, подтянув колени к груди, и наблюдала молча. неподвижно. В отличие от Кэти, у нее все еще было впереди.

— Я могла победить, могла! — во весь голос вдруг всхлипнула та. — Кой черт им померещилось... Дисквалификация... какой позор... неспортивное поведение! Как я оправдаюсь дома? И кому бы еще проиграть! Ты газеты читаешь?

— Нет, — без колебаний ответила Ли. Газет она не читала и была от того вполне счастлива. — Но мне ты можешь сказать, ты и вправду пропустила его вперед?

Кэти сделала неопределенный жест, свидетельствующий о том, что она не вполне доверяет Ли.

— Ты видела гонку?

— По телевизору. Ты же знаешь, дилетанту трудно рассмотреть такую мелочь.

— На том же месте, — тускло произнесла в воздух Кэти. — Там, где поворот на набережную с моста. Ненавижу этот город!

На том же месте. Эти слова вызывали ассоциацию, предельно точную для них обеих. До конца жизни оно останется «тем самым местом».

— Да, — наконец сказала Кэти. — Он прижимал меня к сфинксу моста. Наши оси цеплялись друг за дружку, но в поворот я входила по короткой дуге. Да, я дернула этот гребаный повод, потому что если бы он толкнул меня на гранит, я вылетела бы в воду птичкой! А они написали, что я сделала это... в знак благодарности! Жизнью я, типа, обязана этому длинноволосому жеребцу! И еще черт-те какую гадость, от того, что я подкуплена... тем или иным способом...

— Жизнью? — Ли подняла бровь.

— Я подарила чемпионский титул красавцу мачо, который вышиб наш автобус в залив. Убей меня, Ли, я этого стою.

— По телевизору говорили — он, якобы, не виноват. Они обкатывали трассу в ночное время, когда нет ни людей, ни машин. Виновато чертово экскурсионное бюро с

его маршрутом по памятным олимпийским местам, да еще с попыткой вписаться в график наших тренировок и презентаций. Это наш автобус не должен был там оказаться. Кстати, этот монстр и не предназначен для таких узких улиц. Кроме того, парни оказали посильную помощь на месте. Они вытащили одиннадцать человек.

— А сорок два остались, — Кэти свирепо шмыгнула носом. — Все дело в том, подружка, что вторым в той каталке сидел принц! Скажи, возможен ли в такой ситуевине нелицеприятный разговор? Кстати, милая, сегодня вечером тебе с ним состязаться в вашем обалденном виде. Желаю успеха и всего...

— Ты останешься? Посмотреть?..

— Разумеется, — Кэти кинула к ней на колени бюллетень. — Ты — фаворит. На тебя ставят деньги. Я тоже охvatилась.

Ли не читала газет, но в дневном выпуске спортивных новостей сказали, что по причинам этического характера принц Эудженио отказывается от участия в соревновании ныряльщиков. Показывали самого принца, который оказался приятным кудрявым парнем с серьгой в ухе, достаточно обыкновенным на вид. При встрече Ли никогда бы не заподозрила, что он голубой крови. К материалу об отказе последовало множество комментариев, большинство из них касалось темы катастрофы, а кое-где даже всплывало имя Ли как возможной причины... Не желая погружаться в это, Ли нажала на пульте красную кнопку.

То, к чему шло так долго, кончилось неожиданно быстро. Ли дольше надевала костюм: прекрасный костюм для подводного плавания, подаренный спонсором, прорезиненный сверху, на хлопковом подкладе, который подразумевал, что кроме него на теле больше ничего не нужно. Прилаживала на пояс нож, без которого не входила в воду со своего самого первого дня, и который спасал ей жизнь... неоднократно. Погружалась в себя, прежде чем погрузиться в воду, в поисках света, дающего силы всплывать. Но сего-

дня она нашла только покой. Вода перед ее мысленным взором была спокойна, как стекло. Даже как стекло, покрытое жиром. Свет не проходил вглубь, отражаясь от поверхности. И, охваченная этим призрачным потусторонним спокойствием, Ли продолжала стоять на своей тумбе даже тогда, когда выстрел сигнального пистолета отправил в полет над заливом всех до единого соперников. Она холодно проводила их взглядом и продолжала смотреть на круги, расплывшиеся после них по воде. Там, внутри нее, не было ничего, что заставило бы ее погрузиться в этот омут, что ей захотелось бы искать на его дне, и что помогло бы ей всплыть. Там, под водой, не было ничего, кроме смерти. А смерть того не стоила.

Вот только костюм не хотелось снимать. Ни в трейлере, где на плечи Ли накинули одеяло, ни позже, в гостинице, в номере, затопленном зеленовато-голубой дымкой, скрывающей углы, да и весь мир по ту сторону. Костюм был как вторая кожа. Даже лучшая. Костюм — это было единственное, что оставалось от Ли, нырившей лучше всех в мире.

Фантастика. Это она-то, ни разу в жизни не заплатившая психотерапевту.

А, да, олимпийскую медаль выиграли японцы.

На полу номера стояла раскрытая сумка с вещами. Теперь уже ее сумка. Ли тупо смотрела в пространство поверх нее.

— Тебя кто-нибудь встретит? — спросила Кэти.

Ли дернула плечом.

— У тебя муж есть?

— Есть, — разомкнула она наконец бледные уста. — Много всех, до черта.

Например, отец с его гордыней бомжа, проводящий бесконечные дни на лавке у порога, с пенсией, чуть ли не от сотворения мира уходящей только на табак и газеты. То, что в газетах писали про его дочь, делало его самой значимой на селе фигурой, главой местного клуба, когда по

телевизору шла трансляция. Он и знать никогда не хотел, что сперва Ли шарила руками по дну ради оплаты его счетов. И попробовала бы она ему это сказать! Замурзанная старуха-мать, не отрывающая глаз от стирки-уборки и прочего мытья посуды. Единственные слова, слышанные ею от матери — это жалобы на нехватку денег. Не будучи злопамятной, Ли все же помнила, чего стоило ей купить себе для работы приличный фонарик. Еще были братья и сестры, включая троюродных, некоторые уже семейные, которые вдруг, ни с того ни с сего, настойчиво напоминали ей о себе. Муж... да, муж. Смазливый, профессионально вежливый официант в прибрежном баре. Особенно предупредительный к коротко стриженной женщине, чье фото появилось в центральной газете даже прежде, чем в местной. Ли взяла его, потому что оставаться дома и оставаться одной не было больше никаких сил. Было время, когда она слишком торопилась уйти в мир галогеновых ламп и сотовых телефонов, автобусов с затененными стеклами и гостиниц, где полотенца подавали подогретыми, а на полке умывальника стояли пузырьки с шампунем и гелем. Где она могла позволить себе новый фонарик только потому, что он светит лучше. Она ныряла все чаще, чувствуя себя там лучше, чем на суше, но не могла же она в самом деле оставаться под водой вечно! К тому же, ей так хотелось, чтобы хоть кто-то был с ней предупредительным.

Она не знала, где допустила ошибку. Вероятно, оказалась сильной там, где следовало показать слабость. Муж охотно и сразу признал, что она круче него, и что это в порядке вещей. В то время как суммы денег, приносимые ею домой, становились все больше, его заработки падали. И предупредительность куда-то делась. Оказалось, у него есть много чего сказать. И сама Ли в свои тридцать три обнаружила, что уезжать ей проще, чем оставаться. В конце концов... она слишком много времени проводила в холодной воде.

Ее первый работодатель говорил: «Надеюсь, ты понимаешь, что я разговариваю с тобой до тех пор, пока получаю больше, чем вкладываю».

Теперь... что она с ними всеми будет делать теперь?

— Извини, — выговорила она нехотя. — Ты потеряла деньги. Я знаю, я должна была раньше заявить о своем участии. Клянусь, я думала, что смогу.

— Уж не думаешь ли ты, подруга, что я поставила на тебя последнее? Никто, лучше меня, тебя не понимает. Пойдем! — сказала Кэти, шлепнув ее по колену. — Прокатимся напоследок.

«Не надо меня понимать, — подумала Ли. — Меня надо взять на содержание».

Кэти с вожжами в руках оказалась совершенно другим человеком. Ветровка, кроссовки, джинсы, волосы, связанные в хвост. Легкая как девочка, или скорее, как мальчик. Ли буквально обалдела, обнаружив, что Кэти старше ее на семь лет, и только спустя некоторое время сумела отвергнуть эти размышления как бабские. В конце концов, эта дюймовочка держит в руках две вполне конкретные лошадиные силы.

В гонках колесниц исторически всегда предусматривалось место для пассажира-лучника. На самом деле Ли слышала хохму, что патриоты, без голоса коих не обходится ни одно начинание, предлагали модифицировать изначальную двухколесную персидско-эллинскую форму к легендарной тачанке. Ага, и ввести в экипаж второго, чьей обязанностью будет отстреливать соперников из пулемета! Но это была не та шутка, какую стоило бы повторять в лицо Кэти. Особенно сейчас, вцепившейся в полированное дерево остатками ногтей, едва держась на ногах под напором встречного ветра, дыханием и сердцем повторяя заданный лошадиными копытами ритм и только переступая с ноги на ногу, когда колесо встречало ухаб. Это сейчас колесницы оснащены резиновыми рессорами и амортизаторами. Каково же было стрелку в битве, в чистом поле, на голом деревянном ободе выцеливать врага и поражать его, или быть пораженным самому, если стрела от толчка свистела мимо цели! А темп Кэти взяла бешеный, словно торопилась за своей медалью. Словно и впрямь неслись рядом с ней, борт о борт, соперники. Благо, набережную и мост закрыли для автомобильного движения.

Слишком пострадали они от лошадей. Будучи представителем спорта «кто дольше» и «кто за время больше цапок соберет», Ли едва ли понимала упоение этих, которые «кто быстрее». Но все же было в этом что-то, вполне объяснявшее упоение некоторой части человечества страстью глотать ветер напополам с пылью и ощущать горячую дрожь коня как свою. Губы Кэти, насколько Ли могла видеть со своего места, были плотно сжаты, глаза — сощурены. Что-то свое читает возница в том, как подкованные копыта ударяются в асфальт, как качаются перед его носом расчесанные хвосты. Кэти как-то обмолвилась, что те, кто ездят в очках и перчатках, не скачут, а катаются. Для понта и красоты. Скача на лошади, надобно бежать вместе с лошадыю. Иной раз — впереди лошади. Ну... что-то вроде того, ради чего сама Ли брила голову когда-то. Ну и доведенный до абсурда феминизм... мать его за ногу, так.

Они чувствовали себя в полной безопасности. Все улочки, выходявшие на трассу, были перегорожены желтыми лентами. В некоторых устьях даже красовался полисмен. Катастрофа... чему-то научила службы безопасности. Жаль только, строчки их инструктажа всегда оплачены дороже, чем люди пожелали бы платить.

Ли пыталась когда-то водить машину. Сказать по правде, все время, пока у нее продолжалась эта дурь, она испытывала непрерывную благодарность ко всем тем, у кого это получалась лучше. Во всяком случае, ее уже не удивляла способность опытного шофера на всех четырех колесах буквально отпрыгнуть в сторону от ее крошечного таункара, становившегося на редкость неуклюжим, стоило только Ли сесть за руль.

Кэти оказалась больше, чем опытным шофером. Когда из дворика, отделенного от проезжей части коваными решетчатыми воротами, под истошный вой автомобильной сирены в бок ей вылетела упряжка гнедых, она дернула свою колесницу вправо, вплотную к гранитному парапету прежде даже, чем успела об этом подумать. Ли бросило на деревянный борт, и хорошо, что не выбросило вовсе. Грохнувшись об асфальт на этой скорости, едва ли она сохрани-

ла бы в целости много костей. Кстати... неужто Ли и вправду думала, что до сих пор у них была скорость?

Упряжка взбесилась. Ли, болтаясь в кузове беспомощным грузом, не сводила глаз с Кэти, всем телом повисшей на поводьях, упершейся кроссовкой в борт и немислимим образом сохранявшей равновесие на одной ноге. Не помогало. Упряжка белых, от которой разлетались клочья розовой пены, казалось, потеряла чувствительность к боли ртов, разрываемых грызлом. Все, что Ли знала о лошадях, было почерпнуто ею из художественной литературы. Оттуда же она, скажем, знала, что лошадь, взбесившаяся с перепугу, будет нестись, пока не упадет. Или пока ее не пристрелят. Или пока ее не остановит нечто такое, что она признает над собой большей силой. И сейчас это явно была не Кэти.

Кэти, кажется, это тоже понимала. Поэтому вернувшись к стойке на две ноги, она только направляла коней, чтобы траектория их движения по крайней мере повторяла изгиб набережной. И еще, вероятно, молилась, чтобы путь оказался свободен.

Мужчина в упряжке, несшейся с ними бок о бок, что-то кричал, но Кэти, похоже, отключилась настолько, что слова его были для нее не больше, чем звуком, сопутствующим скачке, вроде топота копыт, или даже только ветра, бьющегося в ушах.

Набережная сделала крутой поворот, и Ли словно рухнула в холодную воду. Дальше дороги не было. Всю проезжую часть перегородил передвижной кран, с помощью которого поднимали из-под воды тот самый экскурсионный автобус. Работа шла, серебристая корма с синей полосой уже показалась из-под воды. объехать кран было негде. Если бы она знала, что делать, она бы сделала это любой ценой.

Но поскольку, вероятно, она была не так занята, ей удалось сообразить, что мужчина в колеснице рядом обращается к ней. Повинуясь его приказу, она сжалась в комок в углу трясущегося короба. Было не время обижаться на слова, обычно не употребляемые в обществе дам. Некоторое время упряжки, не сбавляя хода, шли, цепляясь осями. Ноздря в ноздю, так, кажется, говорят. А потом он бросил свои пово-

дья, прыгнул через борт, и их колесница сильно осела влево. Какое-то время казалось даже, что она опрокинется.

Его упряжка шла, видимо, в здравом уме, потому что не будучи понукаема, сразу сбавила темп и отстала. Над ними же выростала громада крана. Большие глаза страха уже позволяли Ли различать рисунок протекторов колес, каждое из которых было ее выше. Перешагнув через ее ноги, отчаянный прыгун встал позади Кэти и схватил поводья прямо поверх ее рук. Ли не рассматривала его специально — не до того было. Свободный джинсовый костюм, длинные цыгански-черные волосы, собранные в хвост. Какая-то ассоциация, которую Ли не удалось поймать. И только лишь немного спустя по наступившей тишине, по прекратившейся тряске, по воздуху, который наконец прошел в носоглотку, она осознала, что осталась жива, и осторожно приподнялась, держась за борт.

Пара белых стояла смирно, уткнувшись ноздрями в машину передвижной платформы крана, и словно сама себе удивлялась. Прямо перед носом Ли из свинцовой, покрытой рябью воды торчала корма автобуса. Скользящая округлая крыша наклонно уходила в глубину. Встав во весь рост, Ли ощутила, как холоден нынче ветер.

На крыше утопленника-автобуса стоял человек в одних только обрезанных до колена джинсах. Ну, еще в мурашках, сплошь покрывавших округлые мышцы рук. Кудрявые русые волосы, круглое лицо. В глазах выражение, знакомое ей из зеркала. Да, она знала, кто он. Вспомнила.

— Я знаю, что это такое, — сказал он. — Я должен тебе больше, чем могу заплатить. Прыгнешь со мной?

Ли медленно выбралась из повозки. Голова была на удивление пуста. За ее спиной Кэти колотила волосатого спасителя кулаками в грудь, вопя: «Психиатры чертовы... мать!» А потом, кажется, рыдала в его объятиях.

Любить можно одного мужчину... или другого. Или одного за другим, или нескольких сразу... Мало ли причин, да и мало ли женщин, которые поступают так или иначе. Перелезая через парапет на качавшуюся под шагами автобусную крышу, Ли думала про бледный свет, растворенный в воде, что раз за разом заставлял ее всплывать.

Николай Калининченко

Дмитрий Хомак

ВОРЫ В БАНКЕ

Если вам нужны деньги, не стоит полагаться на милость Божию. Спасти принцессу от дракона, поменять неожиданно подвернувшегося коня на половинку царства с умеренным климатом и видом на море, вступить в права наследования захудалой провинцией... посмотрите правде в глаза — у вас нет шансов. Лимит удачи был вычерпан много лет назад легендарными героями, и на долю потомков остались жалкие крохи, и найденный в грязи кошелек с десятком золотых расценивается как щедрый подарок судьбы.

Можно, конечно, вооружиться дубинкой и выйти на темные осклизлые улицы, надеясь, что жертва найдет вас раньше, чем простуда или городская стража.

Можно пойти в народ, предлагая темным крестьянам волшебные пятновыводители, магические мухобойки и уцененные индульгенции.

А можно взять на вооружение опыт предыдущих поколений и расхаживать по питейным заведениям, предлагая желающим послушать истории о тех славных временах, когда царства меняли на пару не слишком породистых коней. В таком случае вам хватит хорошо подвешенного языка, цепкой памяти и устойчивости к хмельным напиткам.

Старый Ламме был из таких.

* * *

— Историю, Ламме, историю! — хмельные посетители таверны «Голубой Кабан», покончив с употреблением грубой телесной пищи, возжелали теперь духовной. Под пиво она всегда неплохо идет.

— Только не ту, которая про глупого тролля и волшебный котел, — склонился к сказителю мрачный копильщик в широкополой шляпе, — и не ту, что ты любишь рассказывать после восьмой кружки, ну та, что про богатого мельника и золотого барана.

— Расскажи нам что-нибудь про любовь, про морскую деву и бедного рыбака, — мечтательно выдохнула дородная Эльза, жена трактирщика.

Ламме прочистил горло и многозначительно посмотрел на пустую кружку. «Эля! Эля сказителю!», — зашумела немногочисленная аудитория. Эльза, всколыхнув пышным бюстом, лично отправилась на кухню.

Ламме немедля уткнулся в кружку и долго из нее не выныривал.

— Однажды много лет на месте этого благословенного города (да-да, и этой трижды благословенной таверны!) возвышался мрачный, угрюмый замок. В замке том обитал могущественный волшебник. Волшебник скучал. Вот уже много лет ни один искатель приключений не осмеливался переступить границу его владений. Ничто не могло развлечь старого мага, ничто его не интересовало.

Но однажды, хмурым ноябрьским утром...

— А чего нам здесь надо-то, любезный Персен? — Трюмо в очередной раз попытался перебросить крюк через замшелую замковую стену.

— Сокровища, друг мой, несметные богатства! — энтузиазму Персена позавидовал бы любой уличный проповедник.

— Трактирщик в деревне сказал мне, что в этом замке некогда обитал могучий колдун...

— Брось! Подвыпившие крестьяне сами придумывают эти сказки, чтобы пощекотать себе нервишки перед сном.

— Нет, ну а вдруг?

— Не дури! Если здесь кто и жил, то он давно отбросил и копыта, и рога, и свою богопротивную волшбу. Ты хотя бы на кладку взгляни! — Персен в запале пнул покрытую лишайником стену — и едва не заплатился за это. Старая кладка, не выдержав сотрясения, выпустила из своих объятий объемистый валун, и тот рухнул в пересохший ров, с хрустом врезавшись в панцирь некрупных размеров трилобита.

— Слушай, Персен, — Трюмо поскреб рыжую проволоку, заменявшую ему щетину, — а может быть, мы...

— Ничего-ничего. Мы войдем, заберем драгоценности и быстро канем в эту самую... в Ленту. Вроде того.

— Да нет же! Я хотел...

— Или все же в Лепту?..

— Персен!

— Ну, растворимся, исчезнем, рассыплемся в прах!..

— Ворота!

— Исчезнем, словно дым!.. Спокойствие, мой нервный друг. Что?

— Ворота открыты.

Внутри замок выглядел ничуть не веселее, чем снаружи. Давящая и сочащаяся мрачность обстановки напомнила Персену подвалы инквизиции, с которыми ему однажды довелось познакомиться несколько ближе, чем хотелось. Суеверный Трюмо нервно озирался, ожидая призраков, но углядел лишь пару влюбленных крыс. Друзья поднялись по пыльной лестнице, миновали заваленный пылью коридор и, с трудом открыв истерзанную временем и насекомыми дверь, вошли в огромный, чисто прибранный зал.

— Гляди, Трюмо, здесь когда-то проходили пиры и оргии, — Персен восхищенно огляделся. — Представляешь, благородные рыцари нажирались тут в мелкие дребезги, а

потом приставали к прекрасным дамам! Ну, те, что еще могли шевелиться.

— Похоже, у них и сегодня намечается попойка, — Трюмо несильно встряхнул замечтавшегося товарища и указал вперед.

Посреди зала невозмутимо стоял длиннющий стол, плотно заставленный тарелками, блюдами, кувшинами, чашами и зачем-то канделябрами.

— Вот ведь дьявол!! — поперхнулся Персен, — клянись сапогами покойного папаша — минуту назад здесь ничего такого не было.

— А ведь это еда-а, — мечтательно протянул Трюмо.

— Ловушка, — поморщился маленький вор, давясь скупой мужской слюной. — Хотя... Но все равно, лучше не стоит.

Трюмо не отвечал, молча вгрызаясь в баранью ногу.

Персен принялся убеждать себя, что не может такой богатый стол торчать посреди заброшенного замка, но доводы голода одержали сокрушительную победу над здравым смыслом.

— Приятного аппетита! — разнесся по зале надтреснутый старческий голос, — добро пожаловать в замок Бринн. Чувствуйте себя как дома.

— Спасибо, — пробурчал вежливый Трюмо.

— Не за что! — торжественно провозгласил голос, — кушайте на здоровье! А вот вы, досточтимый Персен Попрыгунчик, оставьте в покое этот кубок, он не послужит вам ни в качестве холодного, ни в качестве метательного оружия.

— Э-э... Здравствуйте. Так я имею честь беседовать с тем самым великим, непревзойденным, прославленным... — Персен небрежно поставил кубок на стол и развернулся. В зале, кроме них, никого не было.

— Да. Вы поразительно догадливы, мой юный друг.

— Так этот старый пенёк еще жив? Персен, ты утверждал, что он давно врезал дуба, — блеснул сообразительностью Трюмо.

Раздался смешок.

— Вы почти угадали, мой юный друг. Меня одолевает смертная скука. Лет триста назад я собрался было покинуть этот негостеприимный мир. Да, да, чистая правда! Но воры... Ах, воры! Они заставляют меня вновь почувствовать себя молодым семидесятилетним магом. Ах, эти старые добрые времена: подпиленные волшебные палочки, растворяющиеся мантии, корсеты-удавки, и мои любимые отравленные манускрипты. В те благословенные времена все казалось таким новым, оригинальным; никогда не забуду, как заколдовал доспехи одного глупого самоуверенного рыцаря. В сущности, ничего особенного, тривиальное заклинание отождествления, но как же забавно они чавкали, закусывая хозяином!

— Впрочем, вам не понять, — двери, к которым Персен пытался толкать дорвавшегося до еды Трюмо, с резким стуком захлопнулись. — Нет-нет, куда же вы? Законы гостеприимства не позволяют мне вышвырнуть вас прочь. Во всяком случае, не сейчас.

— Ну вот, значит можно доесть! — Трюмо, наконец, стряхнул с себя Персена и решительно направился к столу.

— Извините, многоуважаемый вор, — голос хозяина звучал насмешливо, — но мне кажется, будто ваше место за столом уже занято.

— Э, постой. Откуда взялись эти парни? — Трюмо в замешательстве остановился.

Персен выглянул из-за широкой спины своего друга и обомлел. Перед богатым столом недвижно замерли два едока; одним из них был Трюмо, во втором маленький вор узнал себя.

— Забавно, мой милый Персен, не правда ли? — маг веселился, — вы здесь и там — одновременно. Такое случается с теми, кто пытается ограбить мага, не обладая достаточной квалификацией. Те же, кто подобной квалификацией обладают, стараются не подходить к подобным замкам ближе, чем на пять лье. Надеюсь, теперь вы поинтересуетесь, почему я не испепелил вас на входе?

— Мы тебе нужны, да? — блеснул интуицией Трюмо.

— Блестяще, о многомудрый мордovorot, просто блестяще, вы просто читаете мои мысли. Но позвольте мне ненадолго утаить свои замыслы, а чтобы вам не было скучно...

Персен всегда подозревал, что существует на свете такое понятие, как «уют». Доказательств, правда, у него не было — до нынешнего момента. Персен огляделся и решил обозвать комнату, в которой он очутился, уютной. Слово, обретавшееся где-то на задворках лексикона, примерялось к обстановке. Огромная кровать с балдахином, цветной витраж, подсвеченный утренним солнцем, золотые канделябры, черномраморные колонны, обнаженные статуи... Слово удовлетворенно кивнуло. «Красота-то какая, а!», — подумал Персен; чувство прекрасного ему отбили в детстве.

Откинув полог, Попрыгунчик углядел здоровенное зеркало, в котором отражалась добрая треть комнаты, включая кровать, балдахин, и его, Попрыгунчика, физиономию. Персен дружелюбно помахал отражению рукой — и только тут заметил, что из зеркала на него смотрит какая-то неизвестная, до омерзения привлекательная рожа. Нервы воришки не выдержали. Вскочив, он кинулся к зеркалу, изображая свежепридуманные магические жесты, долженствующие отгонять нечистую силу. Отражение эти жесты старательно повторяло.

Проведя еще пару опытов, Персен убедился, что тело мускулистого красавца с роскошной льняной гривой принадлежит ему, искателю приключений неизвестно скольких (но никак не менее двадцати пяти) лет от роду. Старого тела, конечно, жалко. Оно было каким-то... привычным, что ли. С другой стороны, это тело — Персен пристально рассматривал свою руку с длинными пальцами и холеными ногтями — это тело, пожалуй, было не хуже. Через три минуты извертевшийся перед зеркалом герой решил, что лучше.

Шуточки давешнего колдуна? Вряд ли. С чего бы вдруг мерзкому старикану понадобилось превращать его в писаного красавца?

На необозримой кровати что-то зашевелилось. Персен осторожно отдернул полог и обомлел. На кровати лежала баба. То есть девушка. Такой красивой бабы, ну, то есть, девушки, он не видел даже при дворе королевы Элоизы, где служил трубочистом и сверху мог наблюдать всех фрейлин, служанок, кухарок и прачек.

Дрожащей от волнения рукой Персен откинул с фарфорового личика незнакомки непослушную янтарную прядь и наклонился, чтобы...

— Ты кто? Ты какого? — поинтересовалась красавица.

— Я тот, кому вы подарили эту ночь, мадемуазель! — Персен очень старался быть галантным.

— Чего!?! — прекрасная женская ручка чувствительно ткнула Персена в глаз. — Вот дьявол! — выругалась принцесса, потирая отбитый кулачок, — что это с моими руками?

— Вероятно, вы ушибли свою прелестную ручку о мою недостойную физиономию, — запасы галантности стремительно подходили к концу — сказывалось отсутствие тренировки. Персен даже в мечтах своих не заходил так далеко, максимум, на что он мог надеяться, это соблазнить какую-нибудь служанку... или украсть золоченый подсвечник из королевской опочивальни.

— Что ты несешь? — голос принцессы походил на пение серебряной флейты, — откуда ты взялся на мою голову? И где этот негодяй Персен, тысяча демонов ему в глотку?

— Как это где? Да вот же я! — Попрыгунчик задумался — неужели он сообщил свое имя этой красавице, и если да, то зачем? Надо же быть таким неосторожным! Посмотрев на красавицу, Персен решил, что надо.

Смех красавицы мог бы легко поспорить с журчанием лесного ручейка.

— Ты — Персен? — маленький пальчик уперся в грудь попрыгунчика. — Ты похож на него не больше, чем на холеную крысу! У Персена один глаз больше другого и правое ухо оборвано, а в левом — оловянная серьга!

— И вовсе не оловянная! — обиделся Персен, — чистое серебро! Я вынул ее из уха нечестивого мавра!

— Мавра? Х-ха! Ты спер ее у отца Игнасио, когда того переехала телега. — На лице красавицы нарисовалось замешательство. — Постой, ты что, и вправду Персен?

— Да. А ты — самая обворожительная и... Т-Трюмо? — голос Попрыгунчика дрогнул. — Нет, это не можешь быть ты. Ну, признайся, это ведь не ты?

— Как это не я? А кто ж тогда? Не Папа же Римский?

— М-да. Не папа. Скорее, мама. — Персен редко подавался панике. Сейчас был как раз такой случай.

— Какая, к свиньям собачьим, мама? Ты чего несешь?

— Да ты на себя посмотри! А лучше — в зеркало.

Персен заворуженно разглядывал открывшуюся картину. Принц и принцесса, словно вышедшие из волшебной сказки, молодые, красивые... На душе у Персена было погано. Что делать, он не представлял.

Внезапно зеркало пошло волнами, из которых постепенно выплыло знакомое бородатое лицо.

— Доброе утро, мои дорогие воры, — маг был сама любезность, — хорошо ли вам спалось, по вкусу ли вам эти молодые сильные тела?

— Мерзкий старикашка! Ты во что меня превратил? Дай только добраться до тебя! — от волнения высокая грудь Трюмо весьма аппетитно вздымалась.

— Что вы говорите, моя дорогая! Это слишком грубые слова для такого нежного создания. А вы, уважаемый Персен? Как вам, понравилось новое тело?

— Ну, оно вполне приемлемо. Однако к чему весь этот маскарад, многоуважаемый маг?

— Вам придется сыграть в одну игру. Старую как мир, но не утратившую своей новизны игру. Люди всего мира играют в нее, раз за разом. Вы будете играть, а я — смотреть. Окажите уж мне услугу, потешьте старика.

— Так что же мы должны делать? — неприятное чувство зашевелилось в персеновой груди.

— Ничего особенного, сущий пустяк! Вам предстоит навеки полюбить друг друга. Поцелуй истинной любви послужит ключом к освобождению от заклятия. А ваши на-

стоящие тела послужат неплохими вешалками для шляп. Хоть раз в жизни займетесь полезной работой.

— Любить его? Этого вот?.. — Персена передернуло, — тело, конечно, завлекательное, но это ведь Трюмо!

— Вот именно! — подала голос принцесса, — а скажешь еще что-нибудь о моем теле, получишь в лоб.

— Извини. С другой стороны, твои вот эти вот... хм-м, груди... Ой!

— Я обещал.

— Ну что ж, друзья мои, полагаю, вы легко найдете общий язык. Прощайте! — хихиканье мага постепенно затихло вдали, и в зеркале отразились мрачная принцесса и задумчивый принц.

Персен пригнулся и нырнул за угол — и вовремя. Изящная скамеечка для ног со свистом и воследовавшим хрустом пронеслась в каком-нибудь футе от запыхавшегося Персена.

— А ну-ка иди сюда, недоносок! — нежный голосок, подобный звону серебряных колокольчиков, произносящий нечто подобное, введет в ступор кого угодно. Персен слегка замешкался и едва не заплатил за это. Красавица в завлекательно разодранной ночной рубашке словно призрак выросла перед ним, размахивая весьма и весьма материальной кочергой.

— Э-э! Стой! — Персен едва увернулся, — да стой же, Трюмо!

— Да что тут стоять, во имя Люцифера и всех его присных! Сейчас я завяжу эту кочергу на твоей тощей шейке и тогда отдохну, — Трюмо кинулся на Персена.

— Да? Хорошо, приступай! И навсегда останешься в этом теле! — Персен зажмурился в ожидании удара, но тот так и не соизволил последовать. Осторожно приоткрыв глаз, Персен углядел принцессу, опустившую кочергу. Ее зеленые глаза были полны слез, и так она выглядела еще прекраснее.

— В этом теле? — принцесса всхлипнула и шумно высморгкалась в бархатную портьеру, — по чьей вине я нахо-

жусь в этом теле? Кто предложил ограбить замок? Кто кричал про сокровища? Про то, что старик давно мертв?

— Ну хорошо, я немного ошибся, но ты же понимаешь, все мы можем ошибаться, — Персен оказался в своей стихии, заговаривать зубы он умел превосходно, — к тому же идея была такой заманчивой! А если бы все получилось, кто бы первым сказал «Спасибо, Попрыгунчик, теперь я богат, я сыт и доволен жизнью!»? Кто, Трюмо?

— Я? — неуверенно предположила принцесса.

— Именно! Так что радуйся, не все еще потеряно. Твой предприимчивый и сообразительный друг найдет выход из положения. И, кстати, долго ты еще собираешься бегать в этой драной распашонке? Оденься поприличнее и спускайся вниз, устроим совет. Тем более что после всей этой беготни не мешало бы пообедать.

Персен вошел в злополучную пиршественную залу. Стол, до той поры удручающе пустой, мгновенно покрылся всевозможными кушаньями. Половину предложенных блюд Попрыгунчик никогда не видел, вторую видел, но редко и, преимущественно, издалека. Из столовых приборов знакомым оказался только нож, все остальное вызывало какие-то нездоровые ассоциации. Тем не менее, Персен был доволен — он действительно проголодался. Из блаженного состояния поглощения пищи его вывел грохот подкованных сапог и отборная солдатская брань, произносимая нежнейшим ангельским голоском. Персен поднял глаза и обомлел.

— Трюмо! Где ты раздобыл свою старую одежду?

— Она висела на стуле в спальне, представляешь! Вот только чертовы сапоги не держатся на ногах, и эти... эти холмы! — Трюмо раздосадованно потрогал свою новую грудь, чем вызвал у Персена легкий приступ удушья, — короче, куртку придется перекраивать. Да еще мои металлические ножи жутко потяжелели. И это все ты! — зеленые глаза угрожающе Трюмо вспыхнули.

— Эй! Успокойся, мы же договорились! Лучше садись и поешь — это должно пойти тебе на пользу.

Совместная трапеза протекала в тягостном молчании. Тишину нарушало лишь сосредоточенное чавканье да редкие испуганные крики, когда некоторые блюда неожиданно подавали признаки жизни.

Они лежали бок о бок на покато́й крыше донжона. Полуденное солнце ощутимо припекало, но устойчивый ветер с моря небезуспешно боролся с жарой.

— Эх, ну я и объелся, — Персен осторожно прикоснулся к надувшемуся животу.

— Угу. Я тоже, — принцесса смачно рыгнула и повернулась на другой бок.

— Не объедался так с самого белтайна, — продолжал Персен, — помнишь, мы тогда выиграли у бондаря половину быка.

— Да, старинный трюк с утяжеленными костями еще работает. Ох, и ругался же он тогда! — принцесса извлекла из ножен кинжал и принялась ковыряться в зубах.

— А ведь мы неплохо устроились. Нет, ну согласись, Трюмо. Даже епископ не смог бы себе позволить такой роскоши!

— Облака, — тихо произнес Трюмо, — облака такие, ну такие... и этот лес вдали он, он просто как это... и вообще. Так бывает, когда с вечера нажрешься как свинья, а утром совсем нет похмелья.

— Ты знаешь, Трюмо, — задумчиво протянул Персен, — такой ты мне нравишься гораздо больше.

БАМ!

Мы частенько говорим то, о чем лучше промолчать.

Солнце садилось за лес. Конечно, какой-нибудь менестрель смог бы описать этот процесс гораздо красочней, но для Трюмо было вполне достаточно и того, что недавно желтый, а теперь уже оранжевый шар исчезал за верхушками деревьев. Кошмарный день шел к концу. Кожаный доспех, еще не так давно родной и привычный, успел натереть весьма приличные мозоли в самых интересных местах,

любимые сапоги при каждом шаге норовили слететь с ноги, а стянутая ремнями грудь сильно болела. Трюмо тяжело вздохнул. Получилось еще больнее.

— Скучаешь? — на стену опасно поднялся Персен. Перед собой он нес большой покрытый вмятинами щит. Трюмо удовлетворенно усмехнулся — метать ножи он не разучился.

— Слушай, я решил, что надо как-то выходить из положения. То есть тебе, конечно, гораздо сложнее, однако надо что-то делать.

— Сгинь, — Трюмо угрожающе развернулся к Персену, поигрывая кинжалом.

— Я понимаю, это тяжело, но, метая в меня ножи, ты...

ДЗИНЬ!

— Ты ничего не добьешься!

Трюмо было чрезвычайно паршиво, хоть плачь. Он заплакал.

Огромная зеленоватая луна взгромоздилась на небосклон, посеребрила верхушки дальних елей и будто бы с некоторой опаской осветила две стоящие на стене фигуры. Расстояние между фигурами было довольно приличным, и, на взгляд Персена, безопасным.

— Эй, Трюмо! Ты все еще злишься на меня?

— Не знаю, — райские колокольчики звучали надтреснуто.

— Нам нужно серьезно поговорить.

— О чем?

— Может, попробуем не мешать друг другу? Станем даже есть отдельно, если хочешь. Ведь должен же быть какой-то выход. Я пока собираюсь исследовать местность, а ты — ты можешь составить мне компанию.

— Я буду тренироваться, — голосок принцессы обрел некоторую твердость.

— В смысле?

— Тренироваться! С мечом и кинжалами. Пускай это и не мое тело, но я постараюсь, чтобы оно действовало, как

мое, — теперь в нежном девичьем голосе звучало так знакомое Персену упрямство его старого друга. Или все же незнакомое?

— Хорошо, так тому и быть! Слушай, а ты придешь завтра на стену? Может быть мы...

— Даже и не думай об этом.

Остричь длинные локоны не составило большого труда, но ситуацию это нисколько не улучшило. Кукольное личико, с тоскою взиравшее на Трюмо из зеркала, теперь казалось еще невиннее и свежее. После пары неудачных попыток железные тренировочные мечи и секиры пришлось заменить на деревянные. Однако, несмотря на неудобства, Трюмо упражнялся ежедневно.

Персен лазил по замку и окрестностям, его подтянутая ладная фигура мелькала повсюду. Они встречались лишь вечерами в каминной или на стене.

Этой ночью луна взяла выходной; если бы ей довелось выйти на сверхурочную работу, она обнаружила бы, что дистанция меж неподвижными фигурками существенно сократилась.

— Слушай, Трюмо. А каково это?

— Что?

— Ну, чувствовать себя женщиной?

— Я не чувствую себя женщиной.

— Однако ж, ты не можешь помочиться со стены.

— Еще одно слово, и со стены полетишь ты!

— Да ладно тебе. Лучше посмотри, какое сегодня небо красивое.

Огонь в камине по́лыхал вовсю. Шаловливые языки пламени пытались вырваться из тесной каменной клетки, бросались искрами. Кресло, которое едва ли могло вместить прежнего Трюмо, сейчас казалось необъятным. Не-

слышно подошел Персен, снял с полки тяжелый канделябр, зажег свечи. За последние дни он сильно похудел и вроде бы даже стал ниже ростом, однако выглядел по-прежнему блистательно.

— Вина? — неуверенно предложил Попрыгунчик.

— Отыскал бы лучше где-нибудь пива или браги.

— Думаешь, я не искал? Но в подвалах только вино. Одно только чертово вино!

— Подвалы? — оживился Трюмо.

— Вот здесь, похоже, он держит самое старое, — возвестил Персен, небрежным взмахом руки уничтожая труд многих поколений трудолюбивых пауков. Ряды здоровенных бочек уходили вдаль; свет факела не позволял увидеть конца этой внушительной шеренги.

— Неплохо! — Трюмо осторожно провел пальцами по гладкой дубовой поверхности. От непрерывных упражнений с мечом нежные девичьи руки несколько загубели, но не настолько, чтобы не ощутить холод старых досок и покой хмельной влаги под ними.

— Представляешь, сколько можно было бы выручить золота за все это хозяйство? — мечтательно протянул Персен. — Мы купили бы таверну. Дюжину таверн! Да что там — сотню!

— Зачем тебе таверны? — удивился Трюмо. — Здесь есть все, что надо — и никто не вышвырнет тебя за то, что ты орешь непристойные песни, крушишь мебель или пристаешь к ба... — дисквалифицированный специалист по пьяным дебошам замолк на полуслове.

— Понимаешь, Трюмо, это все — для благородных. А мы с тобой... — Персен задумался, — мы с тобой... М-да, мы с тобой. Впрочем, не сбегать ли мне за посудой?

— Я т-тебя люблю! Как эту, как там ее... не подумай чего плохого. Как сестру люблю! И ув-важаю! Тоже как сестру. Хоть ты, конечно, и гад, — неожиданно завершил

Попрыгунчик, испытывающий серьезные проблемы с изложением разбушевавшихся мыслей. Те норовили вырваться на волю одновременно, и на обуздание их у Персена уходили почти все наличные силы. Голова его покоилась на коленях Трюмо; пить было несподручно, но в целом — ничего себе.

— А вот я тебя не люблю, но тоже уважаю. Ты хороший, честный негодяй. Я рада, то есть рад... — хрупкая конституция Трюмо не способствовала потреблению алкоголя в таких количествах. — Заберите меня отсюда! — неожиданно завопила принцесса. — Домой хочу! Ты донесешь меня до моих покоев? — доверчиво поинтересовалась она у Персена.

— А то!

Ночь — время темное, таинственное. Ночью случаются такие вещи, о которых потом помнишь всю жизнь. Днем они тоже случаются, но день, согласитесь, время не слишком таинственное и уж никак не темное. Настрой не тот.

Персен дорого бы дал, чтобы забыть о той ночи.

Попрыгунчик несся по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Он обыскал уже весь замок, но Трюмо пропал. А что, если она?.. Если он?.. Что тогда? Персен на бегу отмахивался от мерзопакостных мыслей. Только бы найти. Только бы успеть! Не дать свершиться... Персен был уверен — что-то в подобных случаях должно свершаться. Проклятье? К чертям проклятье!

Попрыгунчик вихрем взлетел на крышу донжона и увидел хрупкую фигурку Трюмо в свете зарождающегося утра.

Персен неуверенно приблизился, снял куртку и, помедлив, набросил ее на нежные девичьи плечи.

— Трюмо, я ведь не хотел, — опасливо начал маленький вор. — Мы напились и ты, то есть, я, то есть...

— Никогда не думала, что это так больно, — прошептала принцесса.

— Это инстинкт! Или инстинкт? Ч-черт, какая разница? — Попрыгунчик бормотал какую-то чушь, первый раз в жизни не находя нужных слов.

— Какая разница?.. — эхом отозвался Трюмо.

— Да, так вот я собирался... Эй! Ты что делаешь?! — руки принцессы крепко обвили шею Персена. Лицо принцессы приблизилось, от него пахло сегодняшней ночью. Попрыгунчик закрыл глаза и...

... пребольно ударился носом о край золотого кубка.

— Великолепно! — мерзкое хихиканье раскатилось по зале, пронеслось над пыльным столом и заглохло в истлевших гобеленах. — Уже разобрались! Шустрые какие, а!

— Эй! Это что такое? — Трюмо удивленно разглядывал баранью ногу, которую сжимал в руке. — Ага! Персен! Ты тоже здесь?

— Ну а куда я денусь? — вместо вина в кубке обнаружилась лишь пыль, так что маленькому воришке пришлось чихать, кашлять и тереть глаза одновременно. Присутствующие смотрели на него с неподдельным интересом.

— Потешили старика, потешили, — продолжал меж тем маг. — Использовать алкоголь для преодоления естественных барьеров — двойных, заметим, барьеров, идея весьма интересная. Я как-то и не думал о такой возможности. А сейчас вы можете получить обещанную награду. Сокровищница в полном вашем распоряжении.

— Мы еще и круче можем! — радостно ляпнул Персен, — правда, Трюмо?

Насупленное чело великана отражало мучительную работу мысли. Пришла его очередь оказаться в центре внимания — зрелище было величественным.

— Так ты что, гад, подглядывал за нами? — взревел Трюмо.

* * *

Персен пошатнулся, уронил глухо брякнувший мешок, попытался его поднять и в изнеможении опустился на землю. Закон всемирного тяготения одерживал победу над алчностью; мешочек на шее, два кошель на поясе и парадный шлем безвестного императора стремились к земле, невзирая на персеново сопротивление. Золото стремилось на родину, в недра.

— Я больше не могу, — прохрипел Персен, сдергивая драконоподобное чудище с головы.

— Приехали, — пыхтящий Трюмо обрушился неподалеку. Устрашающих размеров телега, скрипнув, остановилась. — Вот вредный старик, а? Не мог лошадой наколдовать?

— Лошадок ему! — Персен, наконец, справился с ремнями золотого (ну, или очень похожего на золотой) доспеха и принялся стягивать поножи, — в любом случае, на подходах к деревне добро надо будет прикопать.

— Да. Надо. — Голос Трюмо звучал как-то потерянно.

— Теперь все изменится!

— Изменится, — эхом отозвался Трюмо. Взгляд великана был устремлен куда-то за горизонт.

Воспоминания — страшная сила. Большую часть времени они лениво ползают на задворках сознания, словно жирные мышцы в богатом погребе, но стоит ненадолго отвлечься от дел насущных, расслабиться — и тишайшая мышь превращается в опаснейшую тварь, норовящую исподтишка пронзить ваше сердце острым клинком ностальгии.

— Мы богаты и можем позволить себе все, что угодно! Можем, Трюмо? — Добытое богатство отчего-то не грело душу Персена так, как грели мечты о нем.

— Конечно, сможем. — Трюмо предавался воспоминаниям, внимательно разглядывая безрадостный пейзаж.

— Мы купим таверну, или нет — замок, — неуверенно предложил Попрыгунчик, — ну не такой, конечно, здоровый, как Бринн, а небольшой, уютный, и там обязательно

будет стена и донжон с плоской крышей и... Трюмо! Да что с тобой?

— Прекрати.

— Что прекратить?

— Да прекрати же!

— Что?

— Перестань разговаривать о деньгах! Лучше скажи, что нам делать? — таким мрачным Трюмо не выглядел даже с похмелья.

— А, ты об этом, — Персен помрачнел, — ну так мы никому не скажем. К тому же, у нас есть деньги, и мы сможем превосходно развеяться, забыть обо всем...

— Нет.

— Может быть. — Персен пристально разглядывал полированный доспех. Отражению явно было тоскливо.

— Я знаю, что нужно делать, — Трюмо на удивление легко вскочил.

— Ты же не хочешь сказать, что?..

— Мы возвращаемся.

Магу снились кошмары. Сильный ливень барабанил по крыше башни, и старику казалось, будто демоны преисподней явились по его душу. Демоны вопили дурным голосом, звали мага по имени и по матушке, до самого рассвета. А утром ворота содрогнулись от мощного удара. Ругаясь, маг выбрался из постели и, с трудом нашарив под кроватью шляпу-невидимку, нахлобучил ее на морщинистую лысину. Влез в тапочки, накинул мантию поверх ночной рубашки и, прихватив любимый зонтик, вышел на стену. Накрапывал дождь, и края раскрытого зонтика слегка выдавались за пределы поля невидимости, но в таком тумане это было незаметно.

— Кто посмел нарушить мой покой? — начал было маг, но закашлялся, — кого там принесло в такую рань?

Из плотного, хоть на хлеб мажь, тумана показались две мокрые фигуры.

— Господин маг! Не могли бы вы проявиться ненадолго? — Персен неуверенно переминался с ноги на ногу. — У нас к вам небольшое деловое предложение.

— Верни все как было, — бухнул Трюмо.

— И что дальше? — спросила жена трактирщика.

— И все. — Ламме поднял со стола опустевшую кружку и выразительно посмотрел на Эльзу.

— Ну нет! Или ты рассказываешь, что было дальше, или ноги твоей больше здесь не будет!

— Прекрасно. — Ламме хитро глянул на слушателей и продолжил медовым голосом: — И жили они долго и счастливо, и умерли своевременно. Говорят, что их дети и внуки основали поселение, на месте которого затем возник город, прекрасный, гостеприимный город, таверны которого весьма щедры на пиво и закуску для бедных путников. Этот вот самый город, — уточнил он.

Публика потрясенно молчала.

— Я всегда подозревал, Эльза, что на самом деле ты — мужик, — пробормотал трактирщик.

Увесистая дубовая табуретка с грохотом врезалась в стену.

Макс Олин

ГРИФОН ИЗ ЗОЛОТА И СНЕГА

Не так давно я заметил, что жизнь умеет меняться быстро и необратимо, как снежный ком. Все происходит в то время, пока ты безуспешно силишься прийти в сознание, образно говоря, конечно, и поверить в реальность происходящего. А затем... Пустота, ветер, и ты — понимающий, что все сдвинулось, сорвалось со своих мест. И тебе уже нравится новый расклад (а может не нравится — иногда ты не успеваешь этого понять). Но одно остается неизменным. Ощущение, что ты никогда, ни при каких обстоятельствах не поверил бы раньше, что все случится именно так. Моя жизнь уже порядком облипла снежными комьями «радикальных перемен», и я был рад большинству из них, в самом финале, когда разум уже мог включиться и сообщить, что все закончилось как нельзя лучше. Но, со свойственным всей человеческой породе упорством, я продолжал искать в этих комьях крупички золота. Искать — и не находить...

Воспоминания отрывочны. Я еду в метро, на коленях — свежескупленный «Арабский кошмар» Ирвина. Гвалт, шум, соседка рассказывает кому-то безумную историю своего зятя. Сюжет уже стал классическим. Справа — мужичок с сонным лицом. Пялится в мою книжку. Я перебираю буквы, пока не начнется знакомый приступ тошноты — не могу читать в транспорте, а хочется... Убираю книжицу в

сумку, закрываю глаза и жду, когда голос свыше произнесет название моей станции. Привычка, отработанная временем.

...Скорость...

...Полет в темноте. Дикий, стремительный...

...Мимо проносятся тени...

...Огни, похожие на звезды...

...Темные небеса, и...

Легкое белое перышко, плавно опускающееся вниз...

Тишина...

...Двигаться на четырех лапах...

...Лететь в высоте, и петь песни ветру...

...Смотреть на мир золотыми глазами...

...Знать то, чего никто никогда не узнает...

...Верить в то, чего никогда не случится...

...Бежать, чтобы остаться...

Моя станция. Наваждение в глубине закрытых глаз не желает меня оставлять. Оно притягательно-сказочное. Именно так. Я стряхиваю его с ресниц, возвращаясь в реальный мир. Затем поднимаюсь и выхожу. Нельзя опаздывать на лекции в родной архитектурный институт. Иначе (в том случае, если пустят в аудиторию) придется вышагивать под аккомпанемент ехидных смешков однокурсников и однокурсниц. А косой взгляд преподавательницы — то еще счастье. Не люблю быть в центре внимания — датчик вредного излучения просто зашкаливает. Душой компании меня не назовешь...

Ее звали Ольгой. Маленькая, большеглазая, с тонким птичьим носом, переломанным в трех местах. Она была под завязку переполнена веселыми шуточками и дурацкими старыми песенками, времен дружной пионерии. И в то же время производила впечатление человека, которого очень легко обидеть. Помню, когда я первый раз увидел ее, в короткой кожаной куртке и кроссовках, шустро перебирающую ножками по талому снегу, мне показалось, что для полноты образа ей не хватает двуручного меча в руке.

Маленькая девушка и двуручный меч... Странно, да?

Я списал все на свое чувство «подавленной романтики». Помните этот термин Де Кампа?

Оля умела появляться из-за поворота, внезапно и неожиданно, сверкая глазками и очаровательной улыбкой, а затем так же внезапно исчезать. Этому тоже можно было найти объяснение: одевалась она всегда не по сезону, а весенняя мартовская погода не располагала к неспешным романтическим прогулкам. «Я — привыкший к морозу северный олень!» — сообщила она мне как-то сквозь смех, в ответ на справедливую обеспокоенность ее здоровьем. Девушка из странной старой сказки...

Я влюблялся не сразу, а постепенно, шаг за шагом. Может, это было своеобразной данью привычке — вусмерть «запасть» на кого-нибудь из однокурсниц.

Она нравилась мне. Я долго пытался понять, нравлюсь ли я ей. Так обычно и бывает. Беззаботная ежедневная студенческая толкотня.

Мы ходили обедать в столовую, неподалеку от родного «коробка». Самую настоящую столовую, в которой я вел себя, словно пришелец. Поверьте, отличить по виду пирожок с морковкой от пирожка с картошкой в таких заведениях бывает не так просто. Никогда не понимал людей, выстраивающихся в огромную очередь, чтобы всего лишь пожрать. До этого мои познания в общепите ограничивались засохшей пиццей и стаканом кофе в каком-нибудь «фаст-фуде».

Впрочем, я до сих пор придерживаюсь компромисса и обедаю в уютных кафе, гденибудь на берегу речки, с чудесным видом из окна.

Я понял, что влюбился, после того, как нарисовал ее портрет. Это был действительно хороший портрет. Я выписал каждую черточку, каждый изгиб ее тонкого носика, иронический прищур глаз и загадочную улыбку. Наверное, это стоило сделать. Хотя бы для того, чтобы разобраться в собственных чувствах...

В тот год лето было дождливым, а осень быстро перешла в зиму, как сейчас, когда я пишу эти строчки. В начале октября яркий листопад вдруг сменился холодной снежной

завесой, и город стал белым, словно старый седой медведь. А когда ветер унес пелену тусклых облаков, яркое ослепляющее солнце отразилось в сугробах миллионами маленьких алмазных звездочек.

В один из таких чудесных дней мы стояли на остановке и медленно замерзали.

— Хочу трамвай! Хочу трамвай! — приговаривала Ольга, ритмично притаптывая снег кроссовками.

— Мне больно на тебя смотреть, — процедил я сквозь зубы, уже отстукивающие мотивчик из «Лебединого озера».

— Сам не лучше. Хотя, если так пойдет дальше, я залезу к тебе в пальто! — при этих словах она стала похожа на хитрую рыжую лисичку.

— Ищешь, где можно комфортно перезимовать?

— Нашла. Срочно подвинься!

Я не стал возражать. Наверное, со стороны мы выглядели просто потрясающе — четвероногое двухголовое создание в рыжем пальто. Пожалуй, в цирк такого приняли бы без разговоров. Мы посмеялись немного, а потом я уткнулся носом в ее пушистую русую шевелюру и закрыл глаза...

...Белый ветер и бездонная ночь. Мягкие хлопья снега.

Холод лучше, чем одиночество, но и он бывает невыносим.

Снежинки падают монотонно, заворачивающе, словно в сказке, и тают на моем лице, превращаясь в ледяные слезы. Я поднимаю взгляд, пытаюсь стать, хотя бы мысленно, одной из этих маленьких волшебных снежинок, но ветер усиливается, воздух становится густым и колючим, меняются краски, и в лицо мне падает поток перьев, больших и маленьких, белых как мел, твердых как кусочки мрамора. И я лечу вместе с ветром, распевая песню на незнакомом языке, мне страшно, но полет этот доставляет мне удовольствие, потому что позволяет забыть все. И тогда, в двух минутах от вечности...

— Не спи! Замерзнешь! — бодрый голосок Оли выводит меня из странного оцепенения. — Похоже, трамвая нам сегодня не дождаться.

— Ну и ладно. Мне и так хорошо, — соврал я. Видение было неприятным. Будто я только что провалился в бездну, и мог остаться там навсегда.

— Угу. Только в больнице, куда нас непременно увезут, мое синее чучелко придется от твоего синего чучелка отрезать паяльной лампой. Пора шевелиться! Начинаем дурить!

— Отлично. Где будем дурить?

— По дороге с облаками. До метро пешком. Через парк, где Пушкин в ночной рубашке вышел на мороз и превратился в статую, — Ольга захихикала. — Побежали?

И она проворно выскочила из моего пальто. Парк с Пушкиным был в двух кварталах от остановки. Спустя пару минут она уже задорно смеялась, и целилась в меня огромным снежком. Я увернулся, вражеский выстрел достался великому поэту. Когда тебе без малого двадцать, приятный идиотизм всегда поднимает настроение.

Снег был липким, качественным, звонко похрустывал в ладошках, и на смену огромным снежкам пришли гигантские, а затем...

— Посмотри, я вылепила грифона!

Я как раз приделывал снеговика внушительный бюст, намереваясь довести девушку до истерики. Моему творению было далеко до успеха силиконовой Памелы, боюсь, что даже дедушка Мороз не стал бы принимать виагру ради такого сомнительного удовольствия, но бабка получалась славная. А вот грифон... Никогда бы не подумал, что такое можно просто взять и вылепить.

— Я сделала грифона из снега... и золота, — прошептала она удивленно, словно все это получилось у нее ненарочно.

Я не чувствовал в ее голосе ни радости, ни восторга, как будто она хотела превратить эти комья снега в большого белого слона или еще одного добродушного снеговика, на худой конец. И нечаянно, сам собой, у нее получился грифон — крылатый лев с гордой орлиной головой.

Кажется, я даже дышать перестал, и было слышно, как тени перешептываются за бронзовой статуей поэта. А потом я сделал первый шаг, и грифон стал меняться прямо у

меня на глазах. Неровные комья превращались в гладкий прозрачный лед, и я видел золотые глаза этого сказочного создания. Драгоценные блики скользили по волнующимся от порывов холодного ветра крыльям, когти царапали снежный наст, и шерсть лоснилась от золотой пыли. Он медленно опустил веки, слегка прищелкнув клювом. А маленькая принцесса за его широкой спиной, сияющая, красивая, в расшитом жемчугом серебристо-голубом платье, пыталась улыбнуться мне сквозь слезы.

Мир стал другим, или я сумел увидеть что-то тайное, сокрытое до поры, до времени?

Слеза замерзала на ее губах. Еще шаг...

Снег ударил мне в лицо, боль ледяным дыханием обожгла кожу, небо перевернулось. Ольга сидела у меня на груди, и хлестала рукой по лицу, наотмашь.

— Не вздумай! Жив?

— Кажется, — прохрипел я. Вокруг валялись комья того, что было грифоном. Из носа текла кровь — красные крапинки на белом насте. — Что со мной было?

Оля прикусила губы, и отвела взгляд. Испуг на ее лице сменился задумчивостью.

— Мне показалось, я видел... — продолжил я, но она меня оборвала.

— Ничего не было. Ничего ты не видел, — с непонятной злостью процедила она. — Просто бухнулся в снег и стал играть в дурацкого эпилептика, а заодно напугал меня до смерти.

Я растерянно моргнул. Затем набрал ладонь снега, и приложил к носу, чтобы остановить кровь. Голова разболелась не на шутку. Никогда ничем подобным не страдал.

— Можешь идти? — спросила Оля. — Не хочешь показаться врачу, победитель снежных чудовищ?

Я покачал головой. Яркое солнце по-прежнему слепило глаза, но теперь оно было не желтое, а золотое.

Сердце мое с тобой, прислушайся — это так.

Слова как пчелиный рой, в ожидании клевер и мак.

*Последнее не назову, оно — затаившийся зверь,
ведь все что произнесу будет жить.
Открывается дверь кладовой,
в глубинах стекла копит силу рубиновый сок
— это будущие слова, это пальцы, горло, висок,
и молчание — смешная цена
за безмерную магию снов
Сила их разбудит тебя.
Можешь это назвать Любовь.*

Всегда любил стихи, написанные на партах в аудитории чьим-то неуверенным корявым почерком. Студенческое творчество на партах — это целый фольклор. Тут и матерные четверостишья, и рисунки, чаще всего перекачанных монстров или голых девушек, или тех и других в забавных позах. Иногда я наткался на искренние, пронзительные стихи. Их авторство не подлежало идентификации, но они всегда появлялись к месту и ко времени.

В конце октября снег превратился в липкую черную жижу, которая с одинаковой легкостью затопила и небольшие уютные улочки с рядами близнецов-пятиэтажек, и оживленные проспекты. Свой двадцатый день рождения мне пришлось отмечать с пятидневным опозданием. Так было удобнее собрать всех друзей и подружек в теплой институтской аудитории. Оля поздравила меня еще утром, по телефону, и обещала явиться как раз к сладкому. На лекцию она не пришла, были какие-то срочные дела с участием родителей.

Когда стемнело и часы на башенке за окном пробили шесть, на сердце у меня стало беспокойно.

— Кто-нибудь видел Олю?

— Час назад, около библиотеки, — отозвалась поленькая Иринка. — Она обещала появиться в полшестого.

— Опаздывает, — я постучал по часам на левой руке. — Библиотека закрывается в шесть. Пожалуй, сбегая за ней.

— Только быстро, а то мы тут с голоду помрем!

— Не помрете, — я натянуто улыбнулся. — Можете без меня чего-нибудь сожрать и выпить, если успеете. Не обижусь.

— Без тебя не начнем. Ты самое подходящее украшение к Хэллоуину.

— Спасибо за комплимент. Пока я бегаю, следите, чтобы темные силы не похитили торт.

— Ура! Будет на кого свалить!

— Конечно-конечно, — проворчал я уже на полдороге.

В другое время я с удовольствием поддержал бы их шуточки, но не сейчас. Сердце колотилось уже не в такт, на душе было нехорошо, гнусно. Я старался не думать ни о чем, но возле закрытой библиотечной двери мне стало еще хуже.

Где она может быть?

...Ищи...

...Ты можешь...

...Слушай...Вдыхай воздух...Ищи...

Я не помню, как оказался в парке. Возможно, просто очень быстро бежал, не замечая ничего вокруг. А может просто появился там, как призрак.

Позже я убедил себя в том, что никуда и не уходил. Просто какая-то часть меня с клекотом и воем вылетела в ночь через распахнутое окно и понеслась к цели, а я вернулся в аудиторию, по дороге встретив Ольгу, и произнес парочку дурацких тостов под веселый хохот друзей.

Реальности больше не было, и вымысел перепутался с правдой.

Ничего не могу утверждать.

Я вылетел в ночь и возник в злополучном парке, в том самом, где моя кровь смешалась со снегом и золотой грифон пытался перекричать ветер. Сейчас там было темно, только одинокий фонарь освещал статую великого поэта, но мне больше не нужен был свет.

Ольга стояла в центре небольшой площадки, в своей потрепанной кожаной курточке, а в ее руке сверкал длинный и узкий клинок. То, что было мной, не удивилось — с самого начала все должно было случиться именно так.

Они окружили ее, ухмыляясь, осторожно пытаясь подобраться поближе: пять карликов с темными лицами, практически невидимые на фоне грязной жижи.

Они были крепкие и жилистые, и первый из них, к которому я подобрался сзади, издал удивленный вскрик, когда мои когти разовали пополам его плотную тушку. Фонтан огня вырвался из рта его товарища, опалив мои лапы, и я взмыл в воздух, чтобы перегруппироваться для атаки, в то время как...

...Я потягивал недорогое вино из кружки, и слушал очередную анекдот, а Оля сидела напротив, и загадочно улыбалась. Затем кто-то попытался оттащить меня за уши, а часы за окошком пробили семь. И почему-то как раз в этот момент веселая Иринка вытащила из-за спины подарок, завернутый в фиолетовую фольгу. Я развернул его, и обрадовался, потому что ничего не может быть приятнее, чем получить на юбилей черную кружку со стильной надписью «Сариссіно» и большую открытку с кучей автографов, а потом кто-то спросил у Ольги, где она умудрилась столько раз переломать себе нос, и она ответила, что слишком часто дралась в школе...

...И вытерла меч о рукав своей куртки, потому что как раз зацепила последнего из нападавших. Фонари мерцали, словно умирающие светлячки, а парк менялся на глазах. Скамейки растворялись в темноте, превращаясь в большие серые валуны. Статуя великого поэта изогнулась в немой конвульсии и обзавелась богатой серебристой кроной, сплетаясь ветвями с парочкой возникших ниоткуда деревьев. Огни города стали маленькими, далекими, и наступила тишина.

— Черт, тебя ранили, — произнесла принцесса.

Я не мог с этим не согласиться. Прежде чем я окончательно утратил способность мыслить, лазурная Луна подмигнула мне и со смехом унеслась прочь по небосводу.

* * *

Небытие сменилось неудобством. Я не мог пошевелиться. Холод, исходящий от мраморного пола, пробирал до костей.

— Приветствую тебя в моем доме, мой старый верный враг! — донесся сверху чей-то строгий баритон. Я с трудом поднял голову и увидел трон из червленого серебра, на котором восседал его несомненный обладатель — высокий крепкий мужчина в черных одеждах. Его левое око пересекло шрам, вместо глазного яблока сиял большой изумруд.

— Извини, что мешаю тебе подняться, — он усмехнулся. — Вы, грифоны, чрезвычайно неуравновешенные создания. Знаешь, я рад, что не убил тебя, когда мог.

Человек встал, в два шага преодолел разделяющее нас расстояние и склонился надо мной. Его тень пахла ночным дождем, одиночеством и властью. Я попытался справиться с удерживающей меня невидимой силой, но осознал, что даже если мне удастся преодолеть ее, человек, все еще существующий во мне, вряд ли когда-нибудь сможет смириться с четырьмя лапами и парочкой крыльев. Все, на что хватило моих сил — распахнуть клюв, и издать клекот, совсем не похожий на обычный человеческий крик.

— Ты разучился говорить? — Король нахмурился. — Ты слишком долго обитал в том мире, куда сбежал со своими собратьями во время Войны. Говори!

— Я... да... кр-р-р... иак-к-х-х, — мои голосовые связки отказывались слушаться. — Я... не тот. Я... его сын. Отец состарился. Его нет. Давно.

— Значит, Золотой Грифон мертв, — лицо Короля стало печальным. — Жаль. А впрочем, и сын его мне пригодится!

— Где... она?

— Я бы на твоем месте беспокоился исключительно о себе. Твоя подружка в клетке.

— Отпусти ее. Или я поклянусь в вечной мести тебе и твоему роду, — кажется, я справился с непослушным птичьим языком.

— Не спеши с клятвами, малыш, — Король усмехнулся в усы. — Впрочем, я с удовольствием поиздеваюсь над парочкой влюбленных. К примеру, что ты будешь делать, если я вырву тебе глаза? Как ты будешь ее защищать?

— Я буду слышать ее голос, приятный и звонкий, как лесной ручей. Я узнаю его где угодно. Сквозь завывания ветра и шум городской толпы.

— Тогда я выжгу тебе уши.

— Я буду чувствовать запах ее кожи, свежий, как первый снег в притихшем лесу. Я узнаю его даже в потоках горного ветра, и пойму, что это она.

— Твои ноздри изуечить — тоже не проблема.

— Я все равно буду чувствовать прикосновение ее рук, тонких и нежных, словно настоящий шелк, и если она возьмет меня за руку, я не спутаю это ни с чем на земле.

— Я отниму у тебя и это. К тому же, ты грифон. Какие еще руки?

— В таком случае, у меня останется всего лишь сердце, но и его будет достаточно, чтобы подсказать мне, где она сейчас. И я приду, чего бы мне это ни стоило.

— Вырвать у тебя сердце — тоже неплохой вариант.

— Это будет всего лишь смерть. Думаешь, я испугался?

— Нет. И это хорошо. Из тебя, малыш, выйдет отличный защитник для моей дочери...

— Дочери?

Король улыбнулся еще раз.

— Это было проверкой, малыш. Возвращайся домой. Парень ты неплохой, а вот грифон из тебя паршивый. Да и человеком быть — гораздо приятнее. Ты же понимаешь, о чем я?

Я понимал. Поэтому вздохнул с облегчением.

Именно так все и было. Если не здесь, не в этом мире, то по крайней мере в той далекой стране, куда человек еженощно уходит, опуская свою тяжелую голову на подушку. Иногда мне кажется, что я прожил одновременно две жизни, а стало быть стал вдвое старше, чем есть.

Все изменилось быстро. Так быстро, что я не успел заметить забкой границы между «до» и «после». Ольга частенько пропускала занятия в институте, но со мной своими проблемами не делилась. О том, что она уезжает, мне сказали в деканате, когда было уже слишком поздно. Оля не стала прощаться. В один прекрасный день она просто исчезла, не оставив ни адреса, ни телефона. По этому поводу я обзавелся жуткой депрессией, которая со временем становилась все больше, беспокойство сменилось равнодушием и апатией к окружающему миру. Я уже и сам рад был забросить дурацкую учебу, но в этой сложной и увлекательной беготне на занудные лекции я вдруг обнаружил свое единственное утешение. Вы спросите, почему я не попытался найти ее? Наверное понял, что выбор всегда существует для двоих. Не для одного.

Через полтора месяца Ольга прислала мне письмо. Пять разноцветных марок и четыре неразборчивые печати убедительно доказывали, что летело оно издалека. Обратного адреса, разумеется, не было.

«Если бы я не ушла, — писала принцесса, — сказка превратилась бы в тошнотворное приложение быта. Мечта, ставшая реальностью — это уже не мечта. Утро, вечер, завтрак, ужин... Может так и надо — уткнуться носом в чье-то теплое плечо, и понять, что в сказке нет ничего хорошего. Но мы оба слишком безумны, чтобы пожертвовать *такой* свободой.

Не бывает лощеных прекрасных принцев и принцесс. Влюбленным приходится выбирать — либо остаться в памяти силуэтом из снов, несбывшейся мечтой, либо — быть рядом до самой смерти. Чем больше любишь — тем больнее этот последний вариант. Надо быть очень сильной, чтобы остаться рядом с тем, кого любишь.

Может быть, я неправа.

Но это испытание я с удовольствием запорола...»

Спустя четыре года я покинул институт, и больше не вспоминал маленькую голубоглазую девушку, чей портрет рисовал с таким трудом и усердием. Прошлое — миф, и

жить им не стоит. А найти другой объект для ухаживаний — не такая уж и проблема.

В один из холодных октябрьских дней я ехал в битком набитом автобусе на работу. Шел снег — обычный, крупнокалиберный, заваливая улицы дурацким белым покрывалом. В нем уже не было ничего романтического. И сквозь кривое автобусное стекло я вдруг увидел Олю. В ее короткой курточке и неизменных кроссовках, шустро перебирающую ножками по грязному промерзшему асфальту.

Я ничего не сделал. Я не выскочил из автобуса. Не побежал за ней. Я просто стоял, и, строго по инструкции, держался за поручень.

Спорю, что каждый из вас сделал бы то же самое — в нашем деловом мире не принято плевать в лицо неотложным делам, тем более ради странного призрака из несбывшегося сна. Бежать, чтобы остаться в памяти — это слишком пафосно. Даже для сказки.

Я постарался забыть много из того, что могло случиться, но не случилось.

Может быть, даже себя, но знаете что?

Мне нравится такой расклад.

...Где-то далеко, среди обломков старой сказки, маленькая девушка и огромный золотой грифон шли по заснеженным холмам в сторону королевства Тарии.

Ведь мир — всего лишь сон.

А настоящая любовь вечна. Или почти вечна.

Разве это имеет значение, пока ты рядом с тем, кого любишь?

Они выглядели безумно счастливыми.

Сергей Лукьяненко

МЫ НЕ РАБЫ

Девушка была такой очаровательно-глупенькой, что ей, наверное, даже не снились сны.

— Вы не боитесь? — спросила она. Не дожидаясь ответа, продолжила: — А я так ужасно боюсь! Этот ужасный экзекутор...

— Экзекьютор, — поправил я.

Милый лобик сморщился, будто пытаюсь компенсировать недостающие внутри извилины.

— Он же экзекуцию проводит? Экзекутор?

— Эк-зе-кью-тор, — повторил я, разглядывая картины на стенах. Вроде бы обычные классические полотна, но с вариациями. Такие картины вошли в моду год назад и до сих пор не приелись публике. Чего там только не было — и «Последний день Помпеи», где на фоне рушащихся зданий шла веселая оргия, и скабрзные «Охотники на привале», и совершенно непристойная смесь «Утра в сосновом бору» и «Аленушки». — Эк-зе-кью-тор. Исполнитель. Он выносит приговор. По сути, он даже его не исполняет, но слово прижилось...

— А экзекуция? — жалобно спросила девушка.

Я покачал головой. Снял и протер очки.

Она и впрямь была удивительно хороша. Чудесная фигурка, где надо — тонкая, где надо — округлая. Красивое личико — слово «лицо» будет слишком грубым. Чудные светлые волосы. Губы... манящие.

И полная дура. Как и положено лицензированной девушке для удовольствий. Большинство девушек, подписы-

вая стандартный годовой контракт, включают в него пункт о временном оглушении.

— Мне пора, — сказал я.

Девушка вздохнула. Сказала, с такой неподдельной грустью, что я на миг заколебался, — стоит ли уходить...

— Говорят — все блондинки дуры. А я считаю, что это неправда!

Я ждал продолжения. Вдруг какая-то мысль прорвется через дремлющие нейроны?

— А почему он не экзекутор? — спросила девушка.

Улыбнувшись, я встал и чиркнул карточкой по кассовому терминалу:

— Не сложилось, милая... Я буду по тебе скучать!

Она расцвела в ответной улыбке:

— Я тоже, милый!

И я вышел из помещения, где десяток беленьких, черненьких, рыженьких и лысых девиц ожидали клиентов. Все как одна — красавицы. Все как одна — дуры.

И я дурак.

Дурак-экзекутор.

Додумался, где искать будущую любимую — в городском борделе!

На улице, несмотря на раннее утро, было жарко. Климатизаторы в городе не работали. То ли местные жители привыкли к такой погоде, то ли в мэрии проворовались сильнее, чем считали на Земле. Я двинулся по Проспекту Первопоселенцев к Площади Независимости. На любой земной колонии есть такой проспект и такая площадь.

И любую колонию рано или поздно посещает экзекутор.

Прохожих было немного, и почти все лица оказались мне знакомы по трехмесячному путешествию на «Левиафане». Местные сейчас радостно разгружают грузовые боты... Плечистые японцы в зеркальных очках последней модели деловито оглядывали достопримечательности — церковь, ратушу, мечеть, здание суда, памятник кому-то из-колонистов-спасшему-колонию-от-бедствий. Временами стекла очков подергивались радужной пеленой: не удовле-

творившись видеосъемкой, туристы делали голографическую съемку местности. Другая группа туристов усаживалась в экскурсионный автобус. Их ждала обычная программа — экскурсия к месту посадки колониального баркаса, визит в деревню аборигенов, охота на диких зверей в ближайших джунглях, ужин в ресторане с местной кухней, а после, для лиц с крепкими желудками, невинные ночные шалости. Маятниковый лайнер будет ждать на орбите еще сутки, а потом неумолимые законы гиперпространственной физики швырнут его к следующей планете. Надо спешить, надо успеть повидать все, за что заплачены немалые деньги.

А вдвойне спешить надо мне. За сутки я должен влюбиться и вынести приговор.

Памятник, как ни странно, мне понравился. Он изображал благообразного бородатого мужчину с короткой стрижкой. В руке бородач держал что-то вроде посоха, что придавало ему внешность сказочного мага. Но подпись на постаменте гласила, что передо мной старший механик колониального баркаса, на четвертом году полета добрым словом и обрезком титановой трубы усмиривший мятеж. Я даже посмотрел короткий игровой ролик, из которого следовало, что главную роль в усмирении сыграли-таки добрые слова, а обрезок трубы служил лишь вспомогательным фактором. Ролик был хороший, но мои очки, подключенные к закрытой базе данных, немедленно выдали иную версию событий, где злосчастной трубе отводилась более заметная роль.

Возле памятника меня и начали пасти.

Вначале я заметил двух топтунов — один азиат, другой европеоид. Потом появился третий — пожилой негр. Потом четвертая — хорошенькая рыжая девица.

В окружении этой четверки я свернул в узкий проулок между мэрией и двухэтажным универсальным магазином.

Там меня ждал симпатичный интеллигентный юноша, похожий на музыканта или молодого перспективного актера. Очки, однако, отработали его сразу — перед глазами побежали строчки досье.

Сын мэра был вовсе не музыкантом, он возглавлял местную тайную полицию. По колониальным масштабам — серьезный пост. По земным... достаточно сказать, что все подчиненные юноши, в количестве четырех человек, стояли сейчас за моей спиной.

— Здравствуйте, господин исполнитель, — сказал юноша.

— Здравствуй, Денис, — ответил я. — Что ж ты всех служаек сюда собрал? А если кто-то из туристов наркоту провез?

— Все чисто, — быстро ответил юноша.

— А если кто-то собирается контрабандой кристаллы с рудника вывезти?

Перед глазами замигала оранжевая точка — Денис напрягся:

— Это серьезно, исполнитель?

В общем-то, это не было моим делом. Но почему бы ни помочь законной власти?

— Приглядитесь к толстому рыжему немцу, — посоветовал я. — Особенно поинтересуйтесь, нет ли у него контейнера-импланта в брюшной полости.

Почти неуловимый жест — и азиат с девушкой ушли.

— Спасибо, исполнитель, — сказал юноша. — Скажите, что нам грозит?

Я молчал. Мы никогда не отвечаем на такие вопросы.

— У нас самая обычная колония, — будто себя уговаривая, сказал сын мэра. — К Земле лояльны, общих законов придерживаемся... в целом.

Я ничего не сказал.

— А с теми аборигенами... было не ясно, что они разумны, — продолжал юноша. — Да это и сейчас еще не до конца доказано! И виртуальный притон мы закрыли... как только директива с Земли пришла...

Что я мог ему сказать? Что эта колония — и впрямь не худшая из сотни мелких человеческих поселений. Что у них, хотя бы, не процветают изуверские культы, не практикуется рабство, к местным формам жизни относятся достаточно гуманно. Что я еще не вынес приговор, да и вряд ли он окажется суровым?

Нам запрещено отвечать на такие вопросы. Первое правило, которое я усвоил, с пяти лет обучаясь на экзекьютора: никаких дискуссий с подследственными. Ребенком я проверял школы, в возрасте этого паренька — контролировал мелкие фирмы. И никогда, никогда не отвечал на вопросы.

— Ты уже вынес приговор, исполнитель? — спросил юноша.

Я повернулся и двинулся обратно.

— Что случается, если исполнитель гибнет? — вопрос ударил в спину будто выстрел.

— Следующий экзекьютор учитывает этот факт, — я обернулся. — Но нас не так-то легко убить.

Эмоциональный индикатор пульсировал багровым.

Неужели на этой планете и впрямь творится что-то серьезное?

— Какое ты имеешь право судить? — выкрикнул юноша. — Двадцать лет колония была изолирована от Земли! Потом — тридцать лет без единого корабля! Вы наконец-то соизволили наладить транспорт — и первым делом прислали палача! Спасибо! Наконец-то прибыл палач, прибыл царь и бог, который вправе судить!

Вот тут я счел себя вправе ответить:

— У меня нет этого права. Пока — нет. Но оно будет.

Мимо изрядно нервничающего негра, мимо второго, более спокойного агента я вышел из переулка. Что ж, разговор состоялся. Он обязан был состояться — в той или иной форме. Со мной мог встретиться сам мэр, или местные криминальные заправилы... или представитель тех и других, вроде этого честолюбивого паренька.

Мысленно я отметил: «явная тенденция к наследованию власти». Это не большое преступление. Но все-таки.

С летающим транспортом на планете было плохо. «Левифан» должен сгрузить полсотни легких флаеров, но пока весь планетный авиапарк состоял из старых, еще на колониальном баркасе привезенных шлюпок. Десяток машин

находились в общественном пользовании, две или три — в личном. Еще пять служили в качестве такси.

Я не стал реквизировать общественный транспорт, а пошел и нанял последнюю тачку — четыре уже были арендованы японцами. Пилот прилагался — рослая молодая женщина с чуть грубоватыми манерами.

— Жанна, — протягивая руку сказала она. — Вас за пульт не пушу, и не просите.

— Даже не подумаю, — пообещал я, пожимая крепкую ладонь. Управлять старой техникой нас учили, но куда спокойнее довериться местному пилоту.

Женщина чего-то ждала. Наверное хотела, чтобы я представился.

— Полетели? — сказал я. — Времени очень мало.

— Странный вы, — пожимая плечами ответила Жанна. — Я землян другими представляла.

— А много землян вы видели? — не удержался я.

— Телевидение уже тридцать лет работает. Земляне, они... — Жанна заколебалась.

— Веселые? Открытые? Симпатичные? Кампанейские?

Женщина кивнула.

— Земляне разные, — сказал я.

Милая девушка из борделя ничего бы не поняла. А Жанне хватило нескольких секунд:

— Так вы передачи для колоний фильтруете? — воскликнула она. — Точно?

— Конечно. Гиперсвязь — дорогое удовольствие, зачем транслировать в колонию всякую ерунду?

Жанна захохотала и открыла дверцу кабины:

— Со мной сядете? Или в пассажирский салон?

— С вами, — устраиваясь в кресле второго пилота, сказал я. — Неудобно гонять такую махину ради одного пассажира?

— Вы же заплатили, — коротко ответила Жанна. — Других машин пока нет... Правда, что на «Левиафане» сотня флаеров?

— Полсотни.

— Все равно хорошо, — кивнула женщина. — Как хочется водить хорошую машину, а не этот утюг... А вы меня насмешили, да! Значит, земляне врут колонистам?

— Случается. Родители тоже не рассказывают детям о всех своих проблемах.

— Если так рассудить — то все верно, — согласилась Жанна. Опустила руки на пульт: торжественно, будто пианист на клавиатуру. Спросила: — Мы вам кажемся смешными? Дикими?

— Вовсе нет, — ответил я, не кривя душой. — У вас вполне процветающая колония. Вы даже способны торговать с метрополией. Хороший прирост населения, неплохая нравственность...

Завыла турбина, шлюпка медленно поднялась над землей.

— Значит, наказывать нас не будете, господин экзекьютор? — с усмешкой спросила Жанна.

— Один-ноль в вашу пользу, — признал я. — Но как вы меня опознали?

— На миллионера вы не похожи, а шлюпку арендовали без споров. Да и маршрут странный... три поселения аборигенов, старый рудник, новый рудник... Летим к первому стойбищу?

Машина резко взмыла в небо.

— Может быть, я этнограф? — спросил я.

— Еще скажите — ботаник! — фыркнула Жанна. — Прегрешения наши ищите, верно?

— А они есть?

— Наркотой кое-кто балуется, говорят, что виртуалка есть подпольная, мэр зажрался, скотина, сынок его трапперов данью обкладывает, — принялась перечислять Жанна. — Обычное дерьмо.

— В том-то и дело, что обычное.

— А против Земли мы не бунтуем, — усмехнулась Жанна. — Аборигенов... в цепи не заковываем.

Очки высветили оранжевый огонек.

— Что, все-таки, неладно с аборигенами? — спросил я.

Жанна замолчала. Голубовато-зеленое небо планеты раскинулась над нами, зеленый ковер джунглей стлался внизу.

— Я знаю, что лет тридцать назад произошло вооруженное столкновение, — мягко сказал я. — Битва у реки, так?

— Битва, — фыркнула Жанна. — Две очереди из пулеметов... матушка там была, рассказывала.

— Но вы не из-за этого волнуетесь, — сказал я.

— Что еще вам очки подсказывают?

— Вам двадцать девять лет, разведены, маленькая дочь, две собаки, живете с мамой, вас уважают, но считают излишне резкой... и прямой в высказываниях.

— Это у нас семейное, — мрачно сказала Жанна. — Ладно, спасибо, что не все досье пересказали. Не хочу знать, что про меня власти думают.

— Так что с аборигенами? — повторил я.

Жанна не отвечала. Шлюпка начала снижаться.

Стойбище располагалось у кромки леса, рядом с маленьким озерцом. Сотня примитивных хижин, точнее даже просто шалашей, несколько костров. Жанна посадила шлюпку у воды, там, где проступал скальный грунт. Я потер камень носком ботинка — на застарелом нагаре остался светлый след. Здесь часто садились.

Жанна молча смотрела на меня, привалившись к бронированному боку шлюпки.

От стойбища шли аборигены. Ну просто образчик отсталой инопланетной расы — мохнатые, низкорослые гуманоиды в одежде из шкур, с деревянными копьями, заостренными и обожженными на костре. Впереди — то ли вождь, то ли шаман. За ним — два десятка крепких мужских особей с корзинами.

— Я бы не сказал, что об их разумности трудно догадаться с первого взгляда, — мягко заметил я.

— Никто и никогда не сомневался, — презрительно бросила Жанна. — А что было делать? Беспилотный зонд следов разумной жизни не обнаружил. Колониальный баркас не имел запаса топлива на возвращение. Пришлось... сосуществовать.

Аборигены остановились. Поставили на землю корзины. Старейшина, неуверенно переводя взгляд с Жанны на меня сделал, все-таки выбор в пользу мужчины.

— Фрукты, — довольно разборчиво сказал он, тыча пальцем в корзины. Вытянул руку по направлению к носильщикам, добавил: — Рабочие.

Я молчал. «Рабочие» переминались с ноги на ногу.

— Они не рабы, — сказала Жанна. — Они вправе уйти.

— Мы не рабы! — заволновался старейшина. — Мы вправе уйти!

— Что вы хотите взамен? — спросил я его. — Еда, огонь, лекарства? Оружие?

Старейшина запустил руку под шкуру, достал пластиковую фляжку с остатками жидкости на донце. Сказал:

— Оружие — нет, нет! Знаем закон! Лекарство — нет, нет! Питье!

Я взял из дрожащих рук фляжку, открутил колпачок, понюхал. Спросил Жанну:

— Настолько близкий метаболизм?

— Пробовать не советую, там большая доза метилового спирта. Для них это не опасно.

— Быстро спиваются? — спросил я.

— Год... два, — Жанна пожалала плечами. — Кому это интересно? Работают — и ладно.

Вернув фляжку старейшине, я сказал:

— Потом. Другой раз. Сейчас нет питья. Подожди.

— Вождю лучше дать, а то может обидеться, — пробормотала Жанна. Нырнула в кабину, появилась с бутылкой местного виски. Протянула вождю, сказала: — Тебе! Привет!

— Привет! Привет! — хватая бутылку, воскликнул вождь.

Я молча забрался в кабину. Жанна села в кресло пилота. Аборигены торопливо двинулись прочь от шлюпки.

— Что, сволочи мы? — почти весело спросила Жанна. — А нечего было матушке-Земле рассылать колониальные баркасы!

— Вы же знаете, Жанна, тогда существовала опасность гибели всей цивилизации.

— И вы раскладывали яйца по разным корзинам, — фыркнула Жанна. — Знаю, знаю... Ну вот, вы увидели очередного гадкого утенка, вылупившегося из уцелевшего яичка. Велико ли наше преступление?

— Велико, — сказал я.

Не мог и не хотел я говорить ей всего. Про первую и вторую нарковойны, про эпидемию виртуальной наркомании, про табачные бунты, про введение полного запрета на химические и электронные средства для изменения сознания. Она это, конечно, знала... отчасти. По передачам ти-ви «Метрополия». Она только не подозревала, как безобразно и страшно все это было.

— У вас только пиво, да? — спросила Жанна.

— Уже запретили.

Жанна фыркнула.

— Мы чистим планету, — сказал я. — Латаем генофонд. Я... я пробовал пиво. И вино тоже. Даже виски. Нам дозволено больше, чем рядовым гражданам.

— Так всегда, — ехидно сказала Жанна. — И вам понравилось?

На этот вопрос я не ответил. Признался:

— Возможно, сейчас мы перегнули палку в другую сторону. По большому счету, достаточно было победить электронную наркоманию... Но человечество стояло на грани гибели, и в средствах церемониться не приходилось.

— И что будет с нашей колонией?

— Вы будете наказаны, — ответил я. — В первую очередь, конечно, виноваты властные структуры. Но достанется всем. Таков закон. Распространение дурманящих веществ среди иных форм разумной жизни — очень тяжелое преступление.

Жанна помолчала. Потом сообщила:

— Приближаемся к второму стойбищу.

— Там то же самое?

— Да.

— Тогда летим в город. Аборигенов вы временно убрали не только с улиц, но, полагаю, и из рудников? Возвращаемся в город.

— Как прикажете, экзекьютор, — презрительно сказала Жанна. С неожиданно прорвавшимися эмоциями воскликнула: — Ну почему я? Именно я? Повезла бы этих амбалов-японцев на охоту, сидела бы сейчас у костра, байки травила! Нет, влипла! Стала пособницей экзекьютора! Вы улетите, а меня вся планета проклянет! Сашеньке станут говорить, что ее мама — предательница!

— На вашем месте мог...

— Но оказалась-то я! Им нужен будет козел отпущения, и козел теперь имеется!

Она помолчала и поправилась:

— Коза отпущения... А что мы должны были делать? Продавать аборигенам сталь? Оружие? Они не нуждаются в пище, не нуждаются в лекарствах. Им пока не интересен прогресс. А вот выпивка — это лучшая валюта!

— Я знаю. Так случалось на всех планетах, где колонисты встретили разумную жизнь. Иногда в ход шел алкоголь, иногда синтетические наркотики.

— На всех планетах? — поразилась Жанна.

— Ну... вроде бы мормоны обошлись без этого. У них обычное рабство.

— Значит, все так делают... — пробормотала Жанна. — И все равно вы нас накажете?

— Да.

Шлюпка пошла на посадку. Жанна молчала. Лишь перед самым касанием пробормотала:

— И почему вы считаете себя вправе судить нас?

Это все решило.

— Подождите минутку, — попросил я. — Не выходите. Жанна удивленно посмотрела на меня.

— Вы правы в одном, — сказал я. — Правосудие не может быть беспристрастным. Не должно. Мы люди, а не математические формулы. Потому и существуют суды присяжных, прецедентное право... чтобы над строчкой закона всегда стоял живой человек.

— Соберете присяжных? — удивилась Жанна. — Если из наших — вердикт будет один. Если из ваших — другой. Где тут справедливость?

— Экзекьютор — сам себе присяжный, — сказал я. — Одну минуту, Жанна.

Я достал из кармана упаковку, открыл. Там лежала таблетка — одна единственная. Они очень дорогие, эти таблетки. Наверное, самый страшный наркотик, придуманный человечеством. Позволенный лишь экзекьюторам... и, наверное, тем, кто стоит над нами.

— Я люблю вас, Жанна, — сказал я. И раскусил маленький белый диск.

Во рту стало солоно. Голова закружилась.

— Что вы несете? — возмутилась Жанна. Заглушила турбину шлюпки, обесточила пульт.

— Это... тест... — пробормотал я. — Если бы времени было больше... я постарался бы обойтись без таблеток... но времени всегда не хватает...

— Дурак вы, экзекьютор, — пробормотала Жанна. — Дурак и напыщенный осел.

Она выпрыгнула на бетон посадочной площадки, хлопнула дверцей кабины, пошла к ангару. Я был уверен, что сейчас она кроет меня отборной местной бранью. И мне это было неприятно, горько, тягостно, потому что... потому что... потому...

Потому что любимая женщина ненавидела меня!

— Жанна... — пробормотал я. — Я же люблю тебя...

Люблю! Эту упрямую прямоту, эти резкие манеры, за которыми ты прячешь одиночество и слабость... Пусть многим ты кажешься самой обычной, а кому-то даже некрасивой — я-то знаю, сколько в тебе очарования, сколько настоящей, не показной женственности и нежности...

— Жанна... — закрывая лицо руками прошептал я.

Я экзекьютор. Я выполню свой долг.

И каким бы суровым ни был мой приговор — это будет приговор равнодушного человека. Потому что я сужу не только колонию с банальным именем Новая Надежда, а любимую женщину.

И самого себя.

Коммутатор пискнул, когда я включил его на прямую связь.

— Экзекьютор-один... доклад... — прошептал я. Мне никто не ответил, но я знал, что меня слушают. — Колония Новая Надежда, вторая планета четвертой Лебеда... Обнаружены следующие преступления третьей степени: злоупотребление властью, коррупция, антидемократические настроения... Следующие преступления второй степени: употребление алкогольных напитков, недостаточная борьба с наркоманией, предположительно — недостаточная борьба с электронной наркоманией. Следующее преступление первой степени: вовлечение местной формы разумной жизни в употребление дурманящих веществ. Согласно закону о Спасении Разума выношу приговор... временное ограничение прав и свобод, размещение на планете полицейского гарнизона, наложение на все... все население штрафных санкций согласно пункту D... поправка — согласно пункту G закона о Спасении Разума, ликвидация всех лиц, пользовавшихся электронными наркотиками более трех раз, ограничение высоких технологий... отгрузку флаеров прекратить, доставленные на планету — передать под контроль гарнизона...

Я говорил еще долго, прежде чем произнес последнюю уставную фразу:

— Доклад закончен, приговор привести в исполнение.

И добавил не по уставу:

— Прощайте.

Японец подсел ко мне в ресторанчике, где я героически сражался с твердым кукурузным хлебом. Надо было привыкать к местной кухне — и я старался изо всех сил.

— Санкции согласно пункту G — не слишком ли сурово? — спросил японец. Он ничем не выделялся из толпы других туристов, такой же генетически улучшенный японец, высокий и с большими круглыми глазами.

Экзекьютору-два и не положено выделяться.

— Необходимо, — сказал я.

Японец кивнул. Заметил:

— Три часа до отлета корабля. Пойдем?

— Я остаюсь, — сказал я. — Это теперь и мой дом. Я останусь здесь. Рано или поздно Жанна поймет и простит меня.

Японец вежливо покивал:

— Жанна — та женщина-пилот? Хорошая женщина, крупная...

Я сдержался. Что он может понимать, глядя на этот мир холодными глазами чужака?

— Значит, таблетка еще действует, — флегматично продолжил японец. — И ты хочешь разделить судьбу с любимой женщиной?

— А ты бы поступил иначе? — взорвался я. — Возвращайся на корабль! Я вынес приговор, что еще от меня требуется? Я — не раб!

— Я выпью кофе, — сказал японец. — Можно?

— Пей, — сказал я. — Только не пытайся меня уговаривать.

Японец кивнул. Снял очки, печально посмотрел на меня. Спросил:

— Ты же понимаешь, что полюбил ее только под действием таблетки?

— Сейчас я люблю ее сам, — ответил я.

Японец на миг надел очки, видимо, посмотрел на часы. Снова их снял. Повторил:

— Я выпью кофе...

Минут через десять он заказал вторую чашку. Я торжественно улыбнулся.

— Все индивидуально, — пробормотал японец.

Еще через десять минут японец встал и сказал:

— Пошли?

Я огляделся.

Чужие люди чужой планеты обедали и пили алкоголь, не подозревая, что через два с половиной часа от «Левиафана» отделится боевой бот, набитый вымуштрованными солдатами.

— Это... всегда так? — спросил я.

Японец кивнул.

— Почему все стало так пусто?

Он опустил руку мне на плечо, сочувственно заглянул в глаза. Сказал:

— Это пройдет, брат. У тебя это первый раз, но ты привыкнешь. Впереди другие планеты. Если ты полюбишь по-настоящему — то уйдешь и разделишь судьбу приговоренных.

— Я уйду, — прошептал я. — Однажды я уйду!

Японец кивнул:

— Мы не рабы. Мы вправе уйти.

Олег Козырев

ХОЛМ

Лешка приставил к стене металлическую крышку от термоса и прижал к ней ухо.

— Леха, ну как там? — Мигель стоял на стреме и ничего не слышал, ему было тяжелее всех. — Чего решили?

— Мигель, ты если смотришь, то смотри, не мешай человеку, — поставила испанца на место белокурая Ирка.

Мигель что-то буркнул под нос, но успокоился и товарищей больше не отвлекал. Лешка старательно вслушивался в разговор взрослых, с трудом доносящийся издали. Делать это, находясь на плечах Олега, было не так легко.

Докладывал Вадим Малнис — комендант колонии.

— Все мы осознаем масштаб игры, которая ведется на этой планете...

— Ком, ладно нам лапшу на уши вешать, ничего мы не осознаем, — прервал Малниса Ванька Суров, спец по связи, местный бунтарь. — Сидели мы на этой планете пару столетий, и еще бы пару проторчали, без задней мысли о том, что под носом творится. Если бы полярники не появились...

— Суров, сделай одолжение, уйди. Проверь, например, как там связь работает, — комендант не одобрял разболтанность связиста. — А то я вчера тебя докричаться не мог.

— А он в чате небось сидел, — съязвила супруга коменданта Елена Малнис, и, в общем-то, была недалеко от истины.

— Я сеть проверял, — огрызнулся Ванька, и больше коменданта не прерывал.

— Итак, полярники действительно нагрянули неожиданно и показали всем нам, что под носом тугодумных землян все это время был Холм. Уж не знаю, откуда они там на Полярной Звезде об этом узнали, но вот узнали. Аномалии Холма мы раньше воспринимали как особенности климата и биосферы планеты. Сегодня мы понимаем, что Холм защищал себя, — комендант хлебнул квасу и продолжил. — Ни нам, ни, видимо, полярникам, за десять лет ни разу не удалось добраться до Него. Мы потеряли много роботов и, что печальнее, людей...

Лешка украдкой вытер глаза, сделав вид, что туда попала пылинка. Парень был не единственным сиротой в колонии.

— Я только что получил сообщение, — продолжил комендант. — Земля приказывает нам свернуть программу исследований.

Предвосхищая возможные возмущения колонистов, Малнис открыл все карты.

— Видимо, скоро будет война. На границе возрастает напряжение. Более того, к нам движутся два десантных корабля: один с Земли, другой... с Полярной Звезды. Очевидно, очень скоро мы окажемся в самом центре большой заварушки.

Олег покачнулся, в результате чего Лешка с криком слетел вниз. Услышав шум, охранник направился к углу здания.

— Бежим! — крикнул Мигель.

Ватага ребят бросилась за угол штаба, спрыгнула в траншею, пробежала до ее конца и остановилась лишь у жилых корпусов. Мигель, Олег, Ирка и Сильвия сразу на-

кинулись на Леху, ожидая его рассказа. Алексей постарался передать все, что услышал, как всякий подросток добавив кое-что и от себя.

— Холм, как я понял, решили оставить на будущее, — завершил подросток свой рассказ. — Сперва попробуют разобраться с полярниками.

— Давно пора, — процедила Ирка. — Лезут во все дыры. Да и космолет тогда взорвали точно они.

— Ир, — возразил Олег. — Это же неизвестно.

— Известно!

Спорить с Иркой никто не порывался, поэтому подростки просто замолчали. Показались взрослые, возвращавшиеся с совещания. Связист Суров, против обыкновения находившийся в плохом настроении, прошел мимо, не предлагая сыграть в «Забей полярника». Другие колонисты тоже были достаточно хмурыми.

— Ладно, встретимся на танцах, — предложила Сильвия. — Все равно скоро на обед позовут.

Никто не возражал. Ребята разошлись по родным и приемным семьям. Лешка, убедившись, что за ним точно никто не наблюдает, словно бы невзначай, догнал Иру.

— Ир, а ты придешь на танцы?

— Договорились же, — удивилась девчонка. — Значит, буду.

— Ну хорошо. Просто, хотел сказать, что... здорово что ты придешь.

Смутившись нелепице, которую сам же и произнес, Леха развернулся и пошел домой. Ирка улыбнулась. Девчонки умеют понимать, когда в них влюблены.

Вечером в зале собралось народу больше обычного. Колонисты хотели порадоваться последним мирным дням, поэтому всласть ели, вволю пили, играли в виртуальные игры и, разумеется, не оставались в стороне от танцпола.

Леха трижды приглашал Ирку на медленный танец. И трижды она говорила, что танцует с Мигелем. На четвер-

тый раз она соблаговолила принять приглашение и своего воздыхателя.

— Смешной ты Лешка, романтик.

— А разве это плохо — быть романтиком? — искренне возмутился парень. — Мне кажется, это хорошо.

Ирка положила голову на плечо Алексея.

— Скоро начнется война, а на войне романтикам не место. Посмотри на Мигеля. Он — сильный, еще пара лет — и будет в какой-нибудь штурмовой бригаде. Олегом будет командовать. И даже Сильвия, хоть и девчонка, но пригодится в качестве медсестры. Я как связист подойду, а на что сгодишься ты — романтик?

— Буду просто солдатом.

— Ну-ну...

Песня закончилась, Леха и Ира разошлись.

В Лешкином сердце творилось нечто невероятное. Все вокруг готовились к войне, а его мысли занимала только Ира. Трехмерное фото девочки висело у него над кроватью; в привычку вошло засыпать, любуясь ее глазами.

Сильвия с Ванькой и Олегом разбили корабль Мигеля, Иры и Лехи. Ирка же в сердцах чуть не разбила приемник.

— Эй, барышня, потише, — строго осадил ее Суров. — Виртуальный приемник не только для игр используют.

— Ир, это всего лишь игра, — попыталась успокоить расстроенную подругу Сильвия.

— Сегодня игра, а завтра — жизнь.

Леха нашел Иру только под вечер, на крыше военного склада. Вообще-то туда никому не разрешалось залезать, но именно поэтому тут и было место тайных встреч местной ребятни.

Ира сразу поняла, чьи шаги раздались позади.

— Кажется, я обзавелась дополнительной тенью, — заметила не без грусти. — Леха, я так не хочу войны.

Парень присел на трубу, столетия назад забытую здесь строителями.

— А кто же хочет? Только — что от нас зависит?

— Вот бы до Холма добраться.

Леха посмотрел на Холм, возвышавшийся в паре километров от границы колонии, похожий на все остальные холмы этой планеты — и не похожий ни на что. А там, за Ним, еще через два километра — станция полярников.

— Интересно, что там? — продолжила разговор Ира.

— Самый большой секрет вселенной, — удивился Леха. — Это ж всем известно!

— Но что это за секрет? Если бы кто-то смог его разгадать...

У Лехи словно молния сверкнула в голове. Парень весь покрылся потом.

— Что тогда?

Ира посмотрела в глаза худощавому пареньку, влюбленному в нее.

— Я бы поверила, что он меня любит.

Леха перебаривал сказанное девочкой, а она уже вскочила на ноги и захохотала.

— Эх, Леха-картоха, ну и наивный же ты, ей богу! Ладно, пошли...

«Ну вот, опять посмеялась, — подумал Алексей. — А если...».

У таинственного Холма погибла не одна экспедиция. Судя по останкам, полярники тоже сложили здесь немало голов. Никому и никогда не удавалось добраться туда — до легендарной святыни, скрывающей Самую главную тайну вселенной. Возможно, земляне никогда бы и не обратили внимание на эту легенду, если бы не ожесточенное стремление полярников пробиться к Холму и необъяснимая невозможность к нему подобраться.

* * *

Алексея хватились только наутро.

Парень уже перешел ограждение безопасности, когда на связь вышел Суров.

— Леха, не дури, ты уже в запретной зоне.

— Туда и направляюсь, — от внутренней связи никуда не денешься. — И вообще, я иеговист, ничего не слышу.

— Хорошая шутка. Я передам нашему повару, что ты стал его братом, — религия свидетелей Иеговы запрещала переливание крови, пересадку органов и вживление датчиков. — Он будет рад, если ты вернешься в колонию. Пацан, не вынуждай меня сообщать коменданту.

— Я уже в курсе, — подключился Малнис. — Лешка, живо домой! Нам Ира все рассказала. Ты же понимаешь, что она это несерьезно.

Леха и сам понимал, что совершал что-то неправильное. Взрослым надо было готовиться к войне, а он тут ерундой занимается. Но... вернуться было с каждым шагом еще более трудно.

— Лешка, идиот, — закричала Ира. — Ты что творишь?!

— Ира, я докажу, что люблю тебя, — еле слышно прошептал Леха. — Я докажу.

Мальчишка знал, что за ним следят на радаре, что в колонии видят то же, что видит и он, что датчики передают все параметры его тела — все, что он видит, слышит, ощущает. Найти парня не составляло труда, это сделали бы в течение нескольких минут.

— Леша, я не могу послать за тобой ни одного робота, к нам приближается вражеский десантный корабль, и он будет у планеты на десять часов раньше наших, — Леха отдал бы многое для того, чтобы не слышать сейчас коменданта. — Я тебя прошу, вернись.

Лешка, не отвечая, пробирался сквозь заросли, плотно опутавшие запретную зону.

— Ладно, — голос Малниса звенел, как медь. — Тебе тринадцать лет, Алексей, ты парень уже взрослый. Сам понимаешь, что к чему. Мы отключаемся. Нам есть чем заняться. Подумай над тем, хочешь ли ты еще оставаться на этой планете.

В свое время комендант не отдал инспекторам ни одного из детей, оставшихся без родителей, каждого приютила какая-то семья. Леху принял Малнис.

Тишина мучила гораздо больше, чем укоры колонистов. Здесь, когда вокруг все больше сгущалась тьма от перекрывших небо листьев, в этом лесу голоса поддержки не помешали бы.

— Леха, до поры я могу быть с тобой, — услышал мальчик шепот связиста. — Но скоро ты войдешь в зону недосыгаемости. Будь осторожен. И... удачи тебе. Все одно, нам жить осталось недолго. Может... может ты попроберешься на этот заклятый Холм. Пока!

Пока путешествие проходило на удивление хорошо, только вот комбинезон Алексей изрядно ободрал о тонкие колючки. По ходу движения все чаще попадались расплавленные, раскрошенные, расплюснутые роботы. Однажды Леха увидел ботинок, выглядывавший из кустов. Мальчик, разумеется, не решился подойти ближе. Надо будет позже взрослым сказать, за годы исследований слишком многих так и не сумели найти.

«Странно, — подумал парень. — Что-то дорога затягивается».

Действительно, пара километров неожиданно превратилась в долгое путешествие. День уже близился к половине, а до подножия Холма Леша еще не добрался.

«Видимо, какая-то аномалия», — решил для себя мальчишка.

Страшно было только немного. Ходили рассказы о провалах на дороге к Холму, о диком зверье, промышляющем тут, о ядовитых колючках, растворяющих даже роботов, но с гнетущим чувством страха внутри Леша боролся тем един-

ственным, что у него было в запасе — воспоминаниями об Ире. Любовь придавала Лехе сил, и мужества тоже.

Наступила ночь.

Вокруг все чаще стали раздаваться подозрительные шорохи. В какой-то момент мальчик услышал чье-то дыхание, казалось, некто огромный приблизился к путнику. Леша замер и в страхе зажмурил глаза. Неужели это конец? Перед глазами пронеслась вся жизнь, задержавшись на Ире на несколько секунд дольше. Кто-то обнюхал Леху с головы до ног, рыкнул и... ушел. У парня подкосились ноги, он сел на жесткую листву, пытаясь собраться с силами. Очень сильно захотелось назад, в колонию. Где-то там были ребята, где-то там начиналась война, где-то там, возможно, нужна была его помощь. К счастью, Леша вовремя различил в этих позовах героизма еле приметные признаки трусости, поэтому встал, осмотрелся по сторонам и, отгоняя все свои сомнения, пошел дальше.

Мальчик засвистел под нос мелодию песни, под которую недавно танцевал с Ирой, тут же откуда-то появились дополнительные силы. Неожиданно для себя путник приблизился к склону Холма. Тот словно выступил из лесного полога и предстал пред парнем — огромный, безмолвный, величественный. Алексей знал: никто еще не добирался до этого места. Леша поднял глаза на Холм, который даже ночью был хорошо освещен малыми спутниками планеты. Почему-то здесь, у подножия, конечный пункт похода казался не таким страшным. Более того, Леша был готов поклясться, что Холм наблюдает за ним, по крайней мере практически сразу появилось острое ощущение пристального взгляда.

— Спасибо, что пропустил... — Лешка совершенно серьезно обращался к Холму, как к живому существу. — Если не возражаешь, я поднимаюсь на тебя.

Человек впервые вступил на Холм, впервые находился во владениях, возможно, величайшей святыни вселенной. По крайней мере так подумали бы, наверное, полярники. По мере подъема постепенно становился видимым и лагерь пришельцев с Полярной звезды, над ним постоянно кружи-

ли неоновые осветительные шары. Над станом врагов уже возвышалась огромная сигара корабля.

«Десант, — отметил Леша. — С минуты на минуту начнется война, а я, как последний дурак, занимаюсь не пойми чем».

Леха с тоской посмотрел назад, на свою колонию. Где-то там его ждала Ира... И наказание за то, что он сделал.

Но тут мысли мальчика невольно повернулись в другое русло. Как бы то ни было, ему удалось пробраться на Холм, и где-то здесь, возможно, находится Самая большая загадка вселенной. Непонятно почему, но Холм пропустил Алексея. Может быть, он решил поделиться с парнем своей тайной, которая спасет колонистов, Землю?

— Стой, — прозвучало в голове Алексея. — Я должен тебе задать вопрос.

Мальчишка чуть не споткнулся от неожиданности. Замер, боясь пошелохнуться.

— Д-да.

— Зачем ты здесь?

Разумный Холм, этого следовало ожидать. Страж должен охранять свое сокровище, а кто лучший сторож, чем разум? Леша понимал, что медлить с ответом нельзя.

— Я хотел доказать Ире, что я ее люблю.

— Это главная причина?

— Да.

Холм говорил очень быстро, казалось, что он вообще не обдумывает то, что говорил ему мальчик. Так умеют разговаривать только роботы — без пауз и размышлений. Наверное, Холм и был подобием разумной машины.

— Ко мне приходили многие, много веков до вас. И из ваших многие пытались прикоснуться ко мне. Но прийти ко мне можно только тому, кто действительно разумен. Любовь же — лучший критерий разумности. Только влюбленному позволено проникнуть в Великую тайну вселенной.

Сердце Леха билось, превышая все мыслимые пределы ритма. Мальчик понял, что ему удалось приблизиться к разгадке.

— То есть... Вы доверите мне тайну?

— Возможно. Перед этим, я хотел узнать еще кое-что. Ты действительно любишь?

— Конечно.

— Но что будет с твоей любовью, если я скажу тебе, что она любит другого?

Кровь отхлынула от лица мальчика, он не верил.

— Это неправда.

Холм говорил правду. Неизвестно, какая цивилизация, какая раса создала этого колосса, но Он был прав. Леха вспоминал, как Ира смотрела на Мигеля, как она танцевала с ним, как играла непременно в его команде.

— Так что ты ответишь? Что теперь будет с твоей любовью?

Сердце щемило так, как будто в него вонзились все колючки с подножия этого проклятого Холма. Леха долго не мог дать ответ. В конце концов он был еще обыкновенным мальчишкой, пусть и быстро повзрослевшим на невидимой войне меж землянами, полярниками и Холмом. У Алексея не было отца, который бы подготовил его к этому испытанию, растил бы, давал советы о том, как жить и как поступать. Хотя... был Малнис, который полюбил сироту как своего собственного сына.

Вспомнился давний разговор с приемным папой.

— Леха, любовь — самое лучшее чувство на свете. Знаешь почему? Потому, что она никогда не кончается.

— А если она все же закончилась?

— Если она закончилась, то это была не любовь.

— Я все равно буду ее любить. Это значит, я соглашусь с тем, что будет лучше для нее.

* * *

Леха возвращался назад, цепко сжимая руками каменный куб, внутри которого была скрыта Самая большая тайна вселенной. Мальчик спешил в колонию. Он уже видел всполохи над зданиями, он уже слышал разрывы снарядов, он боялся опоздать.

Много кто пытался прикоснуться к Холму, многие пытались проникнуть в тайну, которая была отдана ему на хранение. Одни искали славы, другие наживы, третьими двигала ненависть, четвертыми любопытство. Тринадцатилетний мальчик с планеты Земля был первым, кому доверили тайну, ведь он был единственный, кто пришел к Холму ради любви.

Леха торопился назад, держа в руках каменный куб, внутри которого находилась Самая большая тайна вселенной. Мальчик еще не знал, что он слышит не шум войны, а гром карнавала, фейерверки которого ознаменовали примирение меж земляными и полярниками, случившееся неожиданно для всех. Парень еще не догадывался, что никто его не будет наказывать. Он еще не представлял, как сильно будет плакать Малнис, радуясь возвращению сына. И, что самое главное, Алексей не ведал, какое чувство вспыхнет в сердце Иры в тот миг, когда она увидит его, вернувшегося с Холма.

Алексей Пехов

ШЕПОТ МОРЯ

Начинался прилив, и камни возле берега стали скользкими. Теперь прежде чем сделать очередной прыжок Тилу приходилось дважды подумать, перед тем как выбрать камень, на который он прыгнет в следующий раз. Юноше все не улыбалось поскользнуться и загреметь в воду за день до начала праздника Рыбы. Конечно же, здесь никого нет, и никто не станет насмехаться над упавшим в воду, но новая ярко-огненная рубаха, вне всякого сомненья, придет в негодность, и на праздник придется идти в старье. Большая глупость прыгать по камням в новой и чистой одежде, но Тил ничего не мог с собой поделать. Он никогда не пропускал песни. Каждый вечер, вот уже третье лето подряд, юноша приходил сюда, прыгал по скользким, покрытым водорослями камням, взбирался на Палец и ждал, когда солнце коснется моря.

Многие в городке называли его странным. Парню восемнадцать, а он дни напролет просиживает у моря, в то время как другие давно бросили лоботрясничать, и вытаскивают из морской пучины сети зеркальной кефали и синебокого окуня. Этот же... А! Что там говорить! Странный он, раз якшается с Холодной кровью, да и человек ли наш Тил? Не украдо ли море его душу три года назад? Вдруг пригрели рядом с собой нежить, и он того и гляди, станет ребятенков по ночам жрать?

Тил не очень-то обращал внимание на шептунов и сплетников. Ему до них не было никакого дела, пускай

болтают и врут, хоть до синей луны, ему-то что? Тут конечно Тил немного покривил душой, ему было важно мнение только двоих в городке — почтенного трактирщика «Золотого Якоря» мастера Руго и его дочери — черноволосой красавицы Мийки. Тил без памяти влюбился в девушку, но почтенный мастер Руго, (чтоб его морские черти уволокли!) к новому ухажеру доченьки относился с изрядной долей прохладцы, частенько прислушиваясь к разговорам шептунов-клиентов. Тил не терял надежды переубедить сурового трактирщика, но...

Юноша прыгнул, закачался, и взмахнул руками, стараясь сохранить равновесие. Удалось, слава Морскому королю! Конечно, можно было не перелетать, словно рыбка-прыгун, с камня на камень, а попросту добраться до Пальца по дну, благо воды пока еще немного. Но мочить обувку не хотелось, а ходить босиком по дну, так и кишашему остроиглыми ежами, значило лишиться себя удовольствия танцевать завтра вечером с Мийкой (много ли пропляшешь с исколотыми ногами?). Поэтому не оставалось ничего другого, как продолжать прыжки и стараться не упасть. Да и не так уж это было сложно, если честно. За три года Тил наловчился преодолевать расстояние от берега до Пальца за каких-то жалких четыре минуты.

Тихий ласковый шепот накатывающих на коралловый риф волн пробудившегося моря, острый запах соли и водорослей, целый день пролежавших на солнце, запах морских капель, оставшихся после набегающих на городской пирс штормов, запах свежей вечерней прохлады, пришедшей на смену жаркому августовскому дню, запах рыбы, запах бриза, запах свободы, запах криков чаек, встречающих по вечерам рыбацкие лодки... Все это было знакомо Тилу еще с детства. Три года назад ко всему этому добавилось еще одно — ее песня.

Последний прыжок на плоский, изрезанный красными прожилками камень — и вот уже руки касаются Пальца. Краб с большим темно-зеленым панцирем и маленькими клешнями, испуганный неожиданным появлением человека, проворно соскользнул со скалы, скрылся под водой и серди-

то взлохматил песок на дне. Тил усмехнулся. Оказывается, не только он облюбовал Палец для вечерних посиделок.

У самой воды поверхность скалы заросла острыми двустворчатыми ракушками и бурыми клоками водорослей. Выше камень был шершавым, ноздреватым и отливал зеленью, словно старый сыр, забытый на самой нижней полке погреба. Невысокая одинокая скала, торчащая прямо из моря, действительно походила на чей-то огромный палец. Даже в полнолуние, когда приливы становились особенно сильными, даже во время ноябрьских штормов, когда валы морской воды с ревом атаковали берег, Палец одиноко торчал из воды, и именно на эту скалу сейчас и взбирался Тил. Он знал ее как облупленную — вот здесь небольшой уступ, сюда всегда можно опереться ногой, а вот там, прямо над выемкой, так похожей на человеческий череп, живет не нуждающаяся в воде раковина-бритва, и не стоит туда совать руку (если, конечно не хочешь остаться без пальцев).

До площадки Тил добирался долго, сегодня ему пришлось беречь праздничную рубашу. Когда юноша оказался на плоской вершине скалы, где едва могло усидеть два человека, кроваво-красное, остывающее после целого дня небесного путешествия солнце почти достигло горизонта.

Тил сел на площадку, свесил ноги и посмотрел вниз. Сразу же за Пальцем начиналась глубина и коралловый барьер, о который разбивались недостающие до берега волны. Сейчас над морем властвовало полное безветрие, и даже начавшийся прилив едва ли мог приказывать волнам перейти с ласкового шепота на грозный рокот. Морская вода сегодняшним вечером казалась чуть зеленоватой и совершенно прозрачной. Каменистое бело-коричневое дно, мертвые остовы кораллов, снующие туда-сюда стайки радужных рыбок, добывающих себе вечернее пропитание. Вот взмахнул крыльями скат песочного цвета, вот мелькнуло темное продолговатое тело морской шуки. Тил любил наблюдать за подводными обитателями — это скрашивало ожидание перед песней.

Море возле клонящегося к закату солнца приобрело лиловый цвет и теперь сливалось с небом, которое возле

самого горизонта горело остывающей сталью. Последние солнечные лучи окрашивали животы редких облаков в розовый цвет.

Красиво, очень красиво. Тил несколько раз хотел привести Мийку на Палец, но каждый раз девушка ему непреклонно отказывала, боясь Холодной крови. Этого Тил никак не мог понять. Почему люди боятся сирен? Ведь Морской народ никому не желает зла, а эта сирена даже спасла Тилу жизнь, и уж точно никогда не причинит вреда его любимой! Но Мийка, в очередной раз выслушав историю о том, как сирена вытащила Тила из штормового моря, лишь огорченно качала головой и уходила.

Жители городка называли морской народ Холодной кровью и не очень-то его любили. В тавернах, среди моряков и рыбаков о сиренах ходили самые разные истории, слухи и байки. В основном страшные и темные. О том, что свосй песней сирены крадут души молодых парней, что они насылают на неугодные им корабли безжалостный шторм, что они завлекают неосторожных моряков на дно и пьют их горячую кровь. Проведите вечерок в том же «Золотом якоре», и вы услышите огромное количество страшных и большей частью нелепых историй о Холодной крови. Нелепость нелепостью, сказки сказками, но даже Тил, водивший дружбу с одной из морского народа, знал четыре прописные истины. Во-первых, сирены никогда не нападают на людсея первыми. Во-вторых, если кто-то из людей убил сирену и у преступника хватит мозгов подойти к морю, Холодная кровь утянет его в глубину. В-третьих, в теле каждой сирены спрятана бесценная жемчужина, но мало кто осмеливается добыть ее, вполне здраво опасаясь проклятья Морского короля. И, наконец, в-четвертых, сирены чувствуют приближение убийцы, и умертвить кого-то из Морского народа очень сложное дело. У человека всего лишь несколько секунд, прежде чем сирена прочтет его мысли. Люди боялись, проклинали, ненавидели, но не решались связываться с Морским народом. И Тила не любили именно за то, что он не боялся сирены, и даже (спасите боги его заблудшую душу!) слушал пение Холодной крови. Из года

в год жители городка все чаще начинали говорить, что с Тилом не все в порядке.

Мальчишеская глупость, заставившая Тила пуститься на утлой лодчонке в штормовое море, стоила ему жизни. Он умер, перед этим вдосталь нахлебавшись горькой морской воды, и если бы не песнь сирены, вернувшая его к жизни... Тил старался не думать, что бы с ним произошло, не окажись поблизости сирены. Уж точно он не сидел бы сейчас на Пальце, никогда бы не встретил Мийку и не влюбился бы в нее без памяти.

Тил пришел в себя уже на берегу, так и не поняв, кто его спас. Продрогший и слабый, как новорожденный котенок, Тил лежал на холодных камнях и слушал рев взбесившегося прибоя за спиной. Он нашел в себе силы подняться и доковылять до дома. Дорогу назад Тил помнил смутно — непрекращающийся ливень, боль в груди, постоянный непрекращающийся кашель, в любой момент готовый вывернуть его наизнанку. Кровать, до которой было как до луны. Кошмары вместо снов...

На следующее утро юноша проснулся совершенно здоровым. Он помнил горечь воды, чьи-то тонкие бледные руки, поднявшие его к хлещущему из свинцовых облаков дождю и живительному воздуху, нежное и непередаваемое по красоте пение. Списав воспоминания прошлого дня на ночные кошмары, Тил выбросил их из головы и возблагодарил богов за чудесное спасение. А через неделю ноги сами привели паренька на то место, где он едва не отправился к Морскому королю. Она уже ждала его возле Пальца, и как только Тил оказался на берегу, запела ту же самую, что и во время шторма, песню. Поначалу он испугался и даже хотел убежать от греха подальше, но песня сирены была такой прекрасной, что Тил очнулся только после того, как солнце утонуло в море. С тех пор каждое лето, когда Морской народ появлялся у берегов королевства, переживав неблагприятное время года в каких-то других, неведомых людям краях, Тил приходил на морской берег, забирался на Палец и ждал, когда приплывет его сирена.

Краешек солнца коснулся горизонта, море на мгновение полыхнуло оранжевой сталью, и Тил услышал знакомый плеск волн. Сирена подплыла к скале и, приветствуя Тила, ударила по воде рыбьим хвостом, взметнув в воздух тысячи брызг. В ответ он помахал ей рукой. Некоторые считают, что сирены божественно красивы, но эти «некоторые» ни разу не сталкивались с Морским народом. Сирену, поющую Тилу песни, нельзя было назвать красивой. Также к ней не подходили слова хорошенькая, миленькая, очаровательная и прекрасная. Худенькое молочно-белое тельце двенадцатилетней девочки заканчивалось серебристым рыбьим хвостом, тоненькие руки с перепонками, мокрые редкие волосы белого цвета, мелкие невыразительные черты лица, синие губы. С виду сирена настоящая утопленница, но вот ее глаза... Огромные, чарующие, вобравшие в себя цвет целого моря. Таких красивых глаз не было даже у Мийки.

— Как дела? — Тил задал сирене уже ставший привычным вопрос.

Она как всегда не ответила и лишь шевельнула хвостом, а потом запела.

Песнь чистая, словно холодное течение, гремющая, как надвигающийся девятый вал, прекрасная, будто черный жемчуг, тихая, словно морская гладь зеркалом застывшая во время штиля, завораживающая и манящая, как истории старых рыбаков. В пении сирены сплелось веретено моря, нить неба и плач заходящего солнца. Она всегда пела одну и ту же песнь, но Тилу никогда не надоедало слушать.

Время пронеслось незаметно, солнце скрылось в море, закат лениво растекся по фиолетовому небу, и сирена, взметнув на прощанье фонтан брызг, скрылась в потемневшей воде. Так всегда происходило, — она появлялась в тот момент, когда солнце касалось воды, и уплывала, стоило ему скрыться за морем. Слишком длинный и слишком короткий миг отводило им время для песни. Тил не знал, для чего почти каждый вечер он приходил сюда, не знал, почему спасшая его сирена поет песню... Просто... так было надо, что ли? Ни он, ни она не решались разбить ими сами установленный в течение этих трех лет порядок. Он

приходил, ждал, слушал. Она появлялась, пела и уплывала в сердце моря.

Тил поднялся, с удовольствием потянулся, затем стянул праздничную рубашку и стал спускаться со скалы. Ему пришлось поднять руки, чтобы не замочить обновку — из-за прилива вода доставала юноше до пояса, — и Тил осторожно направился к берегу. Каждый раз, когда он шел к Пальцу, какое-то баранье упрямство заставляло Тила прыгать с камня на камень, чтобы не замочить ног. Любой скажет: какой смысл изгаляться и рисковать ногами, если обратно все равно придется идти по пояс в воде?! Не проще ли добраться до Пальца по дну, раз уж рано или поздно предстоит намочить? Вне всякого сомнения, проще, но Тил с детства слыл упрямецем и никогда не искал для себя легких путей.

Под ноги попадались скрытые набежавшей водой камни, и даже несмотря на обувь Тил отбил себе все пальцы, и чуть было не выронил из рук рубашку. Выбравшись на берег, он отжал штаны, и так и не надев рубахи, направился обратно в город. Завтра вечером праздник Рыбы, и с утра стоило попытаться упрямца Руго отпустить Мийку на танцы...

Основными клиентами мастера Руго являлись местные рыбаки да моряки нежданно-негаданно заглянувших в Тихую бухту мелких суденышек. Городок, раскинувшийся на берегу Виноградного моря, был слишком мелким и незначительным, чтобы сюда заглядывали большие корабли. Что им делать в провонявшем рыбой городе, который любой уважающий себя горожанин обзовет не иначе, как деревней?

О названии трактира свидетельствовала вывеска в виде вырезанного из жести и покрашенного желтой краской (за неимением золотой) якоря. «Золотой якорь» располагался недалеко от городских пирсов, и в клиентуре мастер Руго недостатка не имел. Всегда найдется славный человек, желающий пригубить кружечку пахнущего лесным орехом темного пива или заказать бутылочку рому с терпким дразнящим языком вкусом. Звонкая монетка у хозяина трактира

водилась всегда, и можно даже сказать, что мастер Руго по меркам рыбацкого городка слыл богатым человеком и преуспевающим трактирщиком. Прекрасный трактир, золотые в запрятанной на черный день кубышке, дочь-красавица, уважение горожан. Не жизнь, а патока!

Ходил, правда, среди кумушек слушок, даже не слушок, а всего лишь его дуновенье, что мастер Руго не всегда был рыбаком и трактирщиком. Говаривали (правда, тихонечко), что в былые времена мастер Руго держал в руках кривые абордажные сабли и любил пускать капитанов захваченных шхун по доске в последнюю прогулку к Морскому королю. Именно в те веселые времена, будто бы, Руго-трактирщик и нарыл денег для покупки старого трактира, а потом даже взял в услуженье еще двоих своих бывших дружков. А еще говаривали (но это уже совсем тихо), что вдовцом славный добрый Руго стал после того случая, как застал красавицу-жену в объятьях в меру молодого и в меру глупого рыбака. Спустя неделю жена слегла в могилу, а рыбак пропал, но если как следует поискать, то на старом кладбище, что возле самого моря, есть его могилка. А может, никакой могилы и нет. Кто знает? Ведь это всего лишь глупые пустые слухи...

Дверь трактира тихонько скрипнула, и мастер Руго отвлекся от игры в карты, что длилась уже больше часа. Ранним утром в трактире всегда пусто, и оставалось лишь раскладывать Дракона. Двое старых приятелей-слуг мастера Руго, сидевших за тем же столом, что и трактирщик, обладали не очень располагающей к задушевной беседе внешностью. На Тила они воззарились с нехорошим прищуром голодных котов, увидевших мышку, но, увы, уже давно находящихся на заслуженном отдыхе. Пошипеть могут, но ловить лень.

— Дурачок явился! — тихонько хохотнул один из приятелей.

— Прекрати, Дугач! Не задевай парня! — отрывисто бросил мастер Руго.

Дугач заткнулся и уделил пристальное внимание рому в кружке. Может, в былые времена Дугач и ходил на абор-

даж, но спорить с хозяином себе дороже, к тому же мастер Руго обладал внушительным ростом, крепкими ручищами и каменной физиономией. Шутить с угрюмым трактирщиком не смели даже самые пьяные и жадные до расплаты клиенты.

— Мастер Руго, — Тил неловко переминался у двери.

Трактирщик скривил губы, но помнил Тила поближе к столу.

— Проходи, чего в дверях стоять? Чего-то хотел узнать?

— Нет! То есть да! Хотел! Э-э-э...

Дугач нашел заикания Тила очень смешными и прыснул в кружку. Напарник Дугача по игре в карты не произнес ни слова. Он смотрел бледно-голубыми глазами куда-то поверх головы Тила.

— Давай Тил, говори, зачем пришел, у меня перед праздником дел по горло, — буркнул Руго.

— Я хотел... — Тил набрал в грудь воздуха и выпалил:

— Мастер Руго отпустите Мийку сегодня вечером вместе со мной на танцы!

Трактирщик негромко крикнул, потер свои большие ладони и обменялся быстрым торжествующим взглядом с ухмыляющимся Дугачом. Тил затаив дыхание, ждал приговора.

— Боюсь, я не могу разрешить такое, Тил, — наконец произнес мастер Руго и с наигранным сожалением покачал головой.

Небеса лопнули и обрушились, похоронив надежду.

— Но... почему? — От горя и разочарования горло юноши разом пересохло, и его слова больше походили на карканье ворона, чем на человеческую речь.

— Ты хороший парень Тил, — проникновенно сказал Руго. — Но моей дочери не пара. Сожалею.

Никакого сожаления в голосе бывшего моряка не чувствовалось.

— Но я люблю ее! — Последний довод Тила прозвучал особенно жалко и неубедительно.

— Что-то не верится. Говорят, ты водишь дружбу с Холодной кровью, — подал голос Дугач, и на этот раз мастер Руго не стал его прерывать.

— Но это совсем другое! — отчаянно запротестовал Тил.

— А еще будто бы говорят, что творите вы с ней всякие непотребства, и что ты давно уже не человек! — безжалостно продолжил Дугач.

Мастер Руго молчал и слушал.

— Нет! — в ужасе воскликнул Тил. — Это же неправда!

— А если правда? Думаешь, приятно отцу отдавать свою единственную дочь за Холодную кровь? Холодная кровь не может любить. Как докажешь, что ты человек?

— Но это же... глупо! Мастер Руго, скажите вы ему! Вы же меня знаете!

— Прости, мальчик, — покачал головой трактирщик. — Тил, которого я знал и любил, исчез в тот самый момент, как стал водить дружбу с Холодной кровью. Забудь дорогу в мой трактир и забудь про мою дочь. Я не уверен, что ты вообще можешь любить. Моя дочь не для тебя.

Мир угас, жизнь казалась раздавленной. Тил едва не плакал от обиды и горя. Не оставалось ничего другого, как уйти. Тил сделал шаг к двери, и в этот момент заговорил человек с бледно-голубыми глазами:

— Можно провести испытание, Руго.

— Испытание? — Трактирщик задумчиво посмотрел на юношу затаившего последнюю надежду. — Хм? Ты думаешь, парень справится?

— Не знаю, — едва заметное пожатие плеч. — Если он и вправду ее любит, то справится. Если нет, то ты ведь ничего не теряешь, правда?

— Не знаю, не знаю, — Руго в сомнении потер подбородок. — Хотя... Он мне всегда нравился. Тил!

— Да?

— Как сильно ты любишь мою дочь?

— Больше жизни! — ни на секунду не задумываясь, выпалил юноша.

— Хорошо, — мастер Руго, казалось остался, удовлетворен таким ответом. — И ты готов пройти испытание?

— Все что угодно!

— Очень хорошо мой мальчик! Кажется, я в тебе не ошибся. Если ты выдержишь испытание Тил, то я не только

позволю тебе водить Мийку на танцы, но и разрешу на ней жениться. В последний раз спрашиваю, так ты согласен пройти испытание?

Ничего не соображавший от счастья, Тил лишь умудрился кивнуть. Сейчас он был готов горы свернуть, лишь бы только угодить мастеру Руго.

— Это очень сложное испытание Тил. Испытание любовью. Пройди его, и все горожане согласятся, что ты умеешь любить. Что ты остался человеком, а не превратился в презренную Холодную кровь, которой не место среди людей.

— Я не понимаю... — Тил растерянно переводил взгляд с Руго на Дугача, с Дугача на голубоглазого, а с голубоглазого обратно на Руго.

— Если ты любишь Мийку, если ты человек, то ты сделаешь то, что я тебе скажу, — мастер Руго подошел к трактирной стойке и извлек из-под нее массивный арбалет. — Бери, Тил!

Все еще, ничего не понимая, Тил принял тяжелое оружие из рук трактирщика.

— Убей сегодняшним вечером Холодную кровь, что поет тебе песни, и приходи назад.

— Но я не могу! — с ужасом воскликнул Тил и бросил арбалет на стол.

— И после этого ты хочешь доказать мне, что любишь мою дочь?! — побагровев взревел Руго. — Убирайся!

— Мастер Руго! Я не могу убить сирену! Она спасла мне жизнь!

— Это всего лишь глупое бессловесное животное. Разве ее жизнь не стоит любви самой красивой девушки этого города, парень? — грустно вздохнул голубоглазый.

— Даже если бы я захотел, то не смог бы! Я не умею стрелять!

— Это очень просто, — оживился Дугач. — Смотришь вот через эту планку, нажимаешь вот эту тютельку, а все остальное этот славный малыш сделает за тебя.

— Вы не понимаете! Они же чувствуют, если кто-то хочет их убить!

— У тебя будет несколько секунд, прежде чем Холодная кровь поймет, что к чему.

— Главное — хорошо прицелиться парень, — хмыкнул Дугач и глотнул рому. — Чпок, и испытанию конец! Просто нажми курок, и все!

— Если я ее убью, то уже не смогу подходить к морю.

— Думаю, тебе некогда будет заниматься глупостями, Тил. Рядом окажется Мийка, да и трактир я на тебя оставлю. Можешь вообще к морю не подходить.

— Я... Я могу подумать? — Тил проглотил вязкую слюну.

— Можешь! — презрительно кивнул мастер Руго. — Но думай быстро, иначе я начну сомневаться, стоит ли вообще тебя испытывать.

Тил поспешно кивнул и вышел на улицу.

— Ты думаешь, получится, Руго? — с сомнением спросил у трактирщика Дугач.

— Еще как! Не смогли мы, сможет кто-то другой.

— Ты о чем?

Трактирщик не ответил и лишь ухмыльнулся. Дугач невольно поморщился, — ухмылка у Руго вышла премерзкой.

Предложение Руго оглушило юношу. Убить сирену! Поначалу сама мысль о таком казалась ему кощунственной. В голове боролись демоны страха, сомнения, желания, ужаса и гнева. Они зародили в Теле зерна неведомых ранее сомнений. Что делать? Как быть? Принять предложение или навсегда лишиться любимой? Пойдет ли он ради любви на убийство? Тил не знал ответа.

Мийка ждала Тила возле лавки сапожника. Он не замечал ее до тех пор, пока девушка не схватила юношу за руку.

— Мийка? — изумленно промямлил Тил, все еще не веря своим глазам и пытаясь избавиться от морока звучащих в ушах голосов.

Она лишь сердито шикнула и потянула юношу за собой, так и не отпустив его руки. Затащив Тила между лав-

кой и домом рыбака, Мийка прижалась к нему всем телом, и быстро шепнула:

— Пройди это глупое испытание, и мы навеки будем вместе!

Тил и рта не успел раскрыть, чтобы ответить, а девушка уже поцеловала его, поцеловала прямо в губы, и вновь прошептала:

— Сделай это ради нас, любимый! Убей мерзкую Холодную кровь, и я буду твоей!

Мийка уже давно ускользнула прочь, а Тил так и остался стоять с открытым ртом. На губах остался слабый вкус мяты ее губ. Демоны в голове вновь ожили и пели песню. В их воплях проскальзывали победные нотки.

В «Золотой якорь» Тил вернулся под вечер, когда уже даже Руго стал нервничать и волноваться, что его план не принесет ожидаемого успеха. Юноша был бледен, его немного шатало, и трактирщик даже подумал, что паренек успел где-то добыть бутылку рома и принять лишку для храбрости. Но нет, от Тила вовсе не пахло ромом и, списав его состояние на сильное волнение, мастер Руго облегченно вздохнул.

— Я... я готов пройти испытание, мастер Руго.

— Вот и славно, мой мальчик! — разом подобрел трактирщик. — Бери арбалет.

Тил нервно сглотнул, облизал пересохшие губы и взял арбалет. Затем, не говоря ни слова, развернулся и пошел к двери.

— погоди, парень! — остановил его голос Дугача. — Мы, конечно же, всей душой верим, что ты убьешь морскую тварь, но остальным горожанам потребуются доказательства.

— Доказательства? — нахмурился Тил. Решение убить сирену далось ему нелегко, и от страха и сомнений юноша не очень хорошо соображал.

— Да, да! Они, родимые! Принеси нам доказательства того, что ты убил Холодную кровь!

— Какие?

— Даже не знаю, — на миг задумался мастер Руго. — Принеси нам ее жемчужину! Это самое верное доказательство!

Тил ошарашено посмотрел на Руго.

— Жемчужина — это всего лишь сказка, мастер Руго.

— Поверь, мой мальчик, в каждой сирене есть жемчужина.

— Но как я ее достану? Она же... внутри.

— Нет ничего проще! — голубоглазый вытащил из сапога изогнутый рыбацкий нож и положил его на стол рукоятью к Тилу. — Бери. Просто представь, что твоя разлюбленная сирена всего лишь кефаль и вспори ей живот.

Тил долго смотрел на стол. Очень долго. Затем он протянул руку и взял нож.

Тяжелый арбалет оттягивал руки, и Тил боялся, что уронит оружие в воду. Заботливый Дугач уже успел зарядить арбалет, и теперь лишь оставалось нажать на спуск. Как и вчера, море оставалось спокойным. Чайки громко горланили в небе и протестовали по поводу прихода чужака. Тилу было плевать на чаек. Впервые за три года до Пальца он шел не по камням, а по дну. Стоило поспешить, — солнце уже почти касалось моря и скоро должна приплыть сирена. Его сирена. Та, кого он должен убить.

Убить...

Тил повертел это слово и так и этак, пробуя на вкус. Вкус оказался отвратительным, пускай юноша и решил пройти испытание. Убить... Это нечто горькое, колючее, с терпким и вяжущим ароматом, да к тому же еще с привкусом сладковатой гнильцы.

Тил до сих пор не знал, как решил пойти на убийство. Обещания Мийки вскружили ему голову, а потом он уже ничего не соображал. Все было словно в каком-то густом молоке. Он говорил, жил, дышал и думал, что находится в вязком болоте. Сон. Нескончаемый сон — вот куда его загнала любовь к Мийке. Нажать на спуск — что может быть легче? Убить? Да пожалуйста!

Очнулся он уже на половине пути к Пальцу, и вот тогда-то ему по настоящему стало страшно. В момент, когда сомнения готовы были лишить его разума, Тил даже хотел повернуть назад. Это желание было настолько болезненным, что юноша до крови прикусил губу и с усилием сделал следующий шаг.

— До Пальца недалеско. До Пальца недалеко. До Пальца недалеко.

Тил шептал одну и ту же фразу, словно заклятье, ограждающее от демонов совести. Скала неуклонно приближалась, и вот уже рука касается ее теплого шершавого бока. Тил, не думая, полез на Палец. Арбалет тянул вниз, но, не обращая на помеху никакого внимания, Тил твердил и твердил:

— Я докажу, что остался человеком! Докажу, что способен любить!

На вершину он забрался обессиленным и опустошенным. Тил сел, положил оружие себе на колени и принялся наблюдать за садящимся солнцем.

Юноша понял, что она ЗНАЕТ, в тот момент, когда солнце на четверть ушло за горизонт, а сирена так и не появилась. Он до рези в глазах вглядывалась в воду, но так и не смог различить знакомого силуэта. Впервые за три года она не приплыла. Впервые за три года над Тихой бухтой не звучала песня. Надежды на любовь Мийки и уважение горожан рухнули как песчаные замки, до которых дотянулось море. Тил понимал, что ждать бессмысленно и бесполезно — сирена больше никогда не приплывет, но вопреки всякой логике сидел и ждал. Это уже вошло в привычку — уходить с Пальца лишь после того, как солнце полностью скроется за морем.

Она приплыла, когда солнце наполовину утонуло в воде. Сейчас в ее движениях не было обычной стремительности и грации играющего дельфина. Сирена приближалась к скале медленно и осторожно, будто бы давая Тилу ШАНС. Но юноша так и не догадался воспользовать-

ся арбалетом, — он лишь ошарашено смотрел на то, как она приближается к нему. Она ЗНАЛА! ЗНАЛА — и приплыла несмотря ни на что! Это просто не укладывалось у него в голове!

Карие глаза человека встретились с огромными и чарующими глазами синего моря, а затем сирена запела. На этот раз ее песня была другой — плавной, как утренние волны, вобравшей в себя всю мудрость океана, понимающей и прощающей. Тил слушал и никак не мог решиться.

Солнце ушло на покой, и на небе высыпали первые бледные звезды. Поднялся ветер, и волны с усталым рокотом разбивались о Палец. Уже давно смолкла песня, но сирена никуда не уплыла, она ждала. Ждала его решения.

— Прости, — едва слышно прошептал Тил и поднял арбалет.

Мастера Руго нашли на следующее утро. Он лежал на полу, нелепо раскинув руки. Арбалетный болт пробил трактирщика насквозь. Позвали стражу. Бравые ребята, недолго думая, скрутили двоих напарников покойного, благо те оказались в стельку пьяными и дрыхли без задних ног. Меж нескольких опустошенных бутылок из-под рома валялся разряженный арбалет. Бесцеремонно разбуженные арестованные лишь ошалело качали головами и тупо бормотали, что они никого не убивали, и Руго был жив, пока они не уснули. На сунутый под нос арбалет один из преступников промямлил, что Руго подарил оружие Тилу. На резонный вопрос начальника стражи, на кой морской черт почтенному трактирщику дарить сопляку арбалет, никто из двоих ничего путного сказать не смог. Нет, конечно, оба в один голос твердили, что Тил хотел убить сирену, но стражники подняли преступников на смех и заперли в провонявшем рыбой сарае до окончательного выяснения причин. Стали искать Тила, обшарили весь город, но так не нашли. Тут кто-то вспомнил, что в последний раз видел Тила прошлой ночью на празднике, когда парень разговаривал с Мийкой. Принялись искать Мийку, вновь перевер-

нули весь город и нашли девушку мирно спящей в постели Панса-рыбака. Сквозь рыдания Мийки стража смогла разоб-
брать, что девушка видела Тила, когда танцевала с Пансом. Тил пришел на площадь после заката, увидел ее, развернул-
ся и ушел. Нет, она не разговаривала с ним. Нет, арбалета она не видела. Нет, пусть все выйдут и оставят ее в покое. Сирена? Ах да! Но это была всего лишь глупая шутка, она ничего ему не обещала.

Стража почесала в затылках и не долго думая, повесила
обоих подозреваемых, благо никто о покойниках плакать
не стал.

Тила так и не нашли. Парень словно сквозь землю про-
валился. Одни говорили, что он ушел искать счастья в Сво-
бодные земли, другие, что утонул в море после того как
выпил лишку на празднике. Находились и те, кто считал,
что Тила уволокла на дно Холодная кровь, что пела юноше
песни. Чего только тогда не говорили. Но несмотря на
множество слухов, версий и догадок, тайна исчезновения
Тила так навсегда и осталась тайной.

Сирену с тех пор никто не видел и не слышал. Холод-
ная кровь больше никогда не приплывала к берегам Тихой
бухты, и Палец забыл песни морского народа. Вечерами,
когда заходит солнце, только море шепчет одинокой скале
колыбельную песню. И лишь когда море темнеет и на
Тихую бухту обрушивается особенно сильный шторм, ста-
рой скале слышится песня сирены. Или плач? Или это всего
лишь рев ветра и грохот волн?

Кто знает...

Владлен Подымов
ТЕМНАЯ ЧАША НЕБЕС

*Посвящается:
Сергею Бодрову. За фильмы и идеи.
Mise и Kvazar-y. Это не о вас, но все же.
Троллику. За все.*

Сильный удар в спину бросил его наземь.

Он проехался щекой по влажному бетону и уткнулся лицом в место, где тот встречался с красной кирпичной стеной.

«Красная, — подумалось ему. — Чтобы была не видна кровь».

Прямо перед его глазами из небольшой выбоинки в стене выбрался маленький серый паучок и куда-то поспешил по своим паучьим делам. Он упорно тащил за собой тонкую ниточку, цеплявшуюся за каждую песчинку.

Пахло сырым кирпичом, мочой и давней смертью. Он мог и ошибаться, но ему показалось, что именно так должна пахнуть давно ушедшая смерть.

Раскаленный кусочек металла ворвался в его спину, и небо медленно накрыло его своей темной чашей.

Он проснулся на полу рядом с кроватью от крика.

Кричал он.

Грудь и лицо здорово болели — кровать была высокая, и при падении он сильно ударился об пол. Крик его сменился

хриплым клекотом... Перевернувшись на левый бок, с трудом заставил себя дышать. Дышать было трудно и больно. Перед глазами все еще стояла красная кирпичная стена.

Пару раз в году ему снилась его смерть.

Вчера вечером он едва смог заснуть. Для этого ему даже пришлось проглотить две таблетки снотворного, запив их давно выдохшейся газировкой, и потому чувствовал он себя отвратительно.

Впрочем, дело было не в таблетках.

Устало тащась в ванную, едва заставляя свои ноги передвигаться, он периодически бил кулаками по стене. Кулаки были еще со вчерашнего вечера разбиты в кровь и саднили тупой болью. Но ему этого было мало. Острая кратковременная боль от ударов по бетонным панелям стены заставляла его сжимать зубы. Он нарочно выбирал по дороге и бетон стены, и острые углы шкафа, и деревянные, но удивительно твердые углы дверных коробок.

Боль это ничто. Боль это счастье.

На краткий миг она выдергивала его из удушающего ритма мыслей.

Войдя в ванную, он долго смотрел на свое отражение в зеркале.

Парень лет тридцати, черноволосый, худощавый, смуглый, на лице — печать черных мыслей и битумно-вязкого осадка в душе. Запавшие глаза — как небрежные прорези в темном металле лица. Двухдневная щетина придавала ему вид опустившегося бомжа. Он хмыкнул: если судить по лицу — не скромный консультант по общим вопросам, а просто классическая темная личность начала двадцать первого века.

Взглянул на руки. Несколько минут тупо смотрел на них, поворачивая кулаки, как при некоем странном ритуале или при посещении врача. Да, пожалуй, сейчас он себе напоминал весьма странного больного на приеме у врача, ко-

торый видом своих ободранных кулаков хочет добиться... Чего? Он не смог придумать, что можно было бы добиться таким аргументом.

Рассматривая руки, он вспоминал, как был получен тот или иной след.

Левый кулак... ободрана напроочь кожа с костяшек. Это была железная дверь его квартиры. Примерно там же, чуть ближе к запястью, содран почти прямоугольный кусок кожи, размером ненамного меньше спичечного коробка... Это он еще в подъезде вскользь саданул по шершавому некрашеному бетону. Правая рука... костяшки... да, чем еще бить как не ими?.. Вот на ребре ладони содрана кожа... неизвестно, где он умудрился... Два глубоких пореза — это он выбил боковое стекло в своей машине. А вот откуда эти тонкие и длинные порезы, длинной чуть не в две ладони? Да черт их знает, откуда.

Он слишком смутно помнил вчерашний вечер.

Зачем он выбил стекло у машины? Он этого не помнил.

Украдут ли машину? Вряд ли. Окрестная шпана давно зареклась от подобного.

Он с трудом вспомнил, зачем пришел в ванную. Голова была абсолютно пустой, без единой разумной мысли. Пустота эта лежала гнетом не хуже здоровенной чугунной чушки на мыслях, неспешно и с отвратительным скрежетом ворочающихся в глубине мозга.

Он смотрел в зеркало и не почти узнавал себя. Предчувствия не давались ему легко, особенно такие, как этот сон. Но — они правдивы. Он даже не пытался обмануть самого себя. Сегодня будет тяжелый день.

Быть может, последний день.

Пятнадцатью минутами позже, приемлемо выбритый и наспех умывшийся, он вышел из ванной комнаты.

Оставляя розовые кровавые отпечатки на стенах — сегодня ему было наплевать на все — и изредка кадая кровью на пол, дошел до кабинета.

Тяжело плюхнулся в кресло, стоявшее у письменного стола. Не сел, не опустился, а именно плюхнулся. С ненавистью об этом подумав, он еще раз с отвращением глянул на свои в кровь разбитые руки. По дороге из ванной он успел еще несколько раз съездить кулаками по всем острым и твердым углам, что ему попались по дороге. Он и не думал, что его квартира настолько угловатая.

На минуту в воздухе повис звук, что-то среднее между рыданием и смехом. Мысль о собственной смерти привела его в недолгий восторг.

Сегодня он себя ненавидел.

Выпив чашку кофе, он постарался собраться с силами и решил, что пора начинать жить. Жизнь такая штука — часто не хочешь, а живешь. А если уж живешь, то стоит жить достойно.

Постаравшись настроить себя на нужную эмоциональную волну, он откинулся на спинку кресла и несколько минут глубоко дышал с закрытыми глазами. Затем расслабился.

Не-чувствование, не-деяние, только растворение в окружающем мире. Звуки мира постепенно поднялись с едва различимых до гулких ударов в глубине его Я. Потом и они ушли, и он услышал те звуки, которые слышишь душой.

Через одно-два тягучих, словно расплавленный сахар мгновений пришли и образы.

Перед его закрытыми глазами проплывали тусклые стуски, разноцветные лучи, испаряющиеся мерцающими точками, жесткие плоскости и мягкие, трепещущие на невидимом ветру силуэты. Сегодня он видел даже пару таких вещей, которые ему не попадались ранее и описать которые он бы не взялся. Это он-то! Воистину, сегодня был странный день. Впрочем, это было неважно. Он их видел, и на краешке сознания отпечатались мысли о том, что это

такое и что они означают. А рассказывать и описывать — кому?

Благо, его никто и не расспрашивал.

Большинство его недавних знакомых считало его серьезно двинувшимся на почве разной ерунды и потому в разговоры на подобные темы вступать опасалось. Мало ли что ему взбредет в голову, в обычных делах он парень нормальный, а тут — черт его знает. Никто из них не знал его дольше, чем он жил в этом городе. А жил он тут всего третий год.

Через несколько минут его кресло, шорты и рубашка были мокрым от пота.

Каждый такой сеанс выжимал из него столько воды, что он уже давно не удивлялся одной своей странной мысли. Мысли о том, что люди на самом деле есть не что иное, как разумные коллоидные растворы.

Но кем бы он ни был — а сегодня он хотел видеть ее.

Последнее время он редко позволял себе с ней встречаться. Что-то с ним творилось странное, и разобраться в этом он не мог.

Темные зеленые полосы... серые ленты, обвивающиеся на мгновение вокруг него и вдруг срывающиеся потоком... уносящиеся вдаль... желтые, расплывчатые пятна — окна домов или фонари?... синее, трепещущее полотнище над головой... яркое, но нежное полыхание...

Где-то далеко впереди — теплое, ласковое прикосновение знакомого образа.

Удивленное, чуть встревоженное лицо, нежные руки, тянущиеся к нему, как тянется подсолнух к свету солнца. Он любил эти мгновения, этот миг до того, как он протянет к ней свою руку и все преобразится в водоворот красок, чувств и эмоций.

Дотронулся до ее образа и смотрел с непроходящим удивлением, как он заколыхался, словно отражение летнего солнца в теплом зеркале пруда, смотрел, стараясь впитать в

себя, вобрать как можно больше этого удивительного и чудесного превращения...

Она менялась, как меняется узор неба и облаков под порывами ветра, и оставалась цельной, как целен лишь образ идеально ограненного драгоценного камня под светом неяркого солнца под восхищенным взором истинного ценителя. Она всегда представлялась ему изумрудом, изумрудом того нежнейшего оттенка, что появляется при смешении молодой травинки и нескольких капель моря.

За мгновение до того, как нырнуть в нее, слиться в ней в обжигающем экстазе обнаженных чувств, шепнул нежно: «А вот и я... и все будет хорошо...»

Часы неторопливо отмерили еще семнадцать малых интервалов, которые человечество, ничтоже сумняшеся решившее, что сумело хоть как-то обуздать великую реку Времени, называет минутами.

Человек в кресле медленно приходил в себя.

Закашлялся. Несколько раз глубоко вздохнул. Несколько минут сидел без движения и молчал.

Сегодня все было куда труднее, чем обычно. Иногда это вдруг захлестывало его само, порой в самые неподходящие моменты. Иногда к нему надо было долго готовиться, порой — пару дней. Сегодня все было труднее, но и намного реальнее. Значит — она не там, где он ее оставил. Значит — это правда, и сон тоже не лгал.

Медленно остывая после сеанса, он вспоминал номер одного... должника. Пожалуй, ему стоит позвонить именно с домашнего номера. Рука легла на трубку телефона.

Три пять один... шесть восемь пять семь... аааа... один или семь? Черт, визитка лежит в офисе... Ладно, попробуем семь.

Голос в трубке.

— Кто?

— Вартан. — Голос его оказался каким-то хриплым и чужим. Он зажал микрофон пальцем, несколько раз резко

кашлянул и, убрав палец, снова произнес: — Это Вартан, помнишь такого?

— Вартан? Не узнаю. Или богатым будешь, или посадят. А еще скорее — пришьют, случайно не узнав.

— За меня не бойся. Я знаю, как и где я умру, я тебе об этом как-то говорил.

— Ммммм... похоже, это и правда ты. На будущее — перед звонком ко мне выпей стаканчик чего-нибудь кислото или сладкого, ха-ха, а то ведь не ровен час, не узнаю тебя, и дело кончится... бензином.

— Шутник. «На будущее». Ну что же, как-то раз у нас был разговор о будущем...

Несколькими минутами позже Вартан положил трубку. Еще посидел немного, приходя в себя и раскладывая мысли по полочкам и строя график будущего. График получался крайне неприятным для него. Он усмехнулся. «Делай, что должно, и случится неизбежное»? Что же, древние римляне были не дураки.

Подошел к неширокому дубовому шкафчику высотой в рост человека, что стоял в углу и всем своим видом изображал надежность и невозмутимость. Шкаф равнодушно смотрел на него полтора десятками замочных скважин. Делай, что должно...

Из нижнего ящика он достал сотовый телефон в запечатанном пакете. В том же пакете лежали дополнительный аккумулятор, SIM-карта, клочок бумаги с PIN-кодом и инструкция по использованию телефона. Бегло просмотрев ее, он разобрал телефон и вставил на место карточку. Включил телефон — за полгода, пока он тут лежал, заряд почти не изменился — темная полоска показывала еще больше половины энергии. Он еще раз кинул взгляд на бумажку и ввел пароль. Телефон радостно промурлыкал мелодию и отрапортовал о готовности.

Эти почти механические действия успокаивали его. Они отвлекли от мыслей не хуже, чем удары кулаками по

стенам. Можно было на минуту погрузиться в нирвану немышления и недеяния. Быть может, это поможет. Вчера вечером он пытался напиться. Но это почти не помогло.

Забыть про конверт, что со вчерашнего утра лежал на столе.

Пакет ему вчера передал один из его бывших клиентов. Дважды нервно повторил, что он тут ни при чем, но некие люди его очень убедительно попросили оказать такую любезность. Видно было, что человека корежило от такой просьбы, но отказать он не смог.

Похоже, попросили даже излишне убедительно.

Грязно-серый, какой-то даже казенный, конверт-пакет из плотной бумаги. Он еще вчера удивлялся, где они могли взять такой. Не сами же делали? Таких пакетов он никогда не видел в почтовых отделениях — а уж ему-то не знать, что там может быть. Он вел обширную переписку и получал много книг и журналов из-за границы, да и из обеих столиц тоже.

Не было на почте конвертов из такой грубой бумаги.

Он подозревал, что это может быть неким знаком. Каким-то намеком. Но что за намек... быть может его принимают за кого-то другого, для кого это даже и не намек, а целый монолог?

Быть может, это не значило ничего.

Грубый конверт, а в нем пара снимков, отпечатанных с цифровой мыльницы на дешевом струйнике. Отпечатанных, однако, на специальной дорогой бумаге, так что было видно, что это именно фотографии, а не моделирование на компьютере. А если и моделирование, то делалось оно с реальных фотографий. Только вот не должно быть таких фотографий и не может к нему придти такая распечатка.

Перевернув одну из фотографий, он в который раз прочитал две строчки, напечатанные на какой-то древней печатной машинке с отчетливо западающими влево буквами «е»:

«Инга Бержевская,
25 лет».

Парой сантиметров ниже, уже от руки, ярко-синими чернилами было небрежно набросано:

«Завтра, 12 октября, 20-00». И — строчка цифр, номер мобильного телефона.

Подобное сочетание нового и старого, новейшей технологии печати и каких-то, почти допотопных способов нанесения надписей было странным. Возможно, это было тоже неким намеком. Намеком, которого он не понимал.

Телефон мурлыкнул. Базовая станция определила, что телефон вновь активен и выслала SMS-ку с состоянием счета. Улыбающаяся компьютерная девушка радостным голосом прочирикала с экрана телефона о том, как рада компания МТС своему давнему клиенту, и что счет его составляет... Впрочем, Вартан и не сомневался, что на счету еще достаточно. Год назад он кинул на счет почти три сотни евро.

Можно было звонить. Вартан и покупал этот телефон для особых случаев. Незарегистрированный широкополосный телефон и номер на чужое имя.

Быстро просмотрев записную книжку, где по особой системе он записывал номера телефонов, он нашел нужный.

— Здравствуй, это я. У меня есть десяток лишних дисков, если хочешь, отдам их тебе. Список сейчас по SMS pošлю.

— Когда? А то у меня давно свежатинки не было, — голос в трубке был хриплый и нерадостный. Совсем не радостный для человека, которому пообещали подарить этак с триста-четырееста евро в виде лицензионных дисков.

— Можно было бы и сегодня. Если ты ничем не занят, то давай через пару часов в нашем любимом кафе.

— Хорошо. Мне с собой что захватить?

— Если есть последние фильмы со Шварцем и Бретт Ли, то...

— ОК. До встречи.

* * *

Вартан, а сейчас он назывался этим именем, покусал губы и больно дернул пару раз левой рукой себя за волосы. Но это ничего не дало — больше никаких разумных идей в голову не пришло. Хотя обычно эти простые действия помогали ему сосредоточиться на обдумывании проблемы. Сейчас же думать не хотелось совсем, хотя после сеанса голова у него была ясная и прозрачная, как стекло.

Да, вот именно, прозрачная — ни одной мысли.

Думать не то, чтобы не хотелось — не получалось. Отчаянно чесались и болели кулаки. Он с удивлением обнаружил, что сжимает правый кулак изо всех сил, до посинения пальцев. Еще немного, и телефон хрустнет в его руке. А из трещин на коже вновь начала сочиться кровь. Хотя крови было немного, и ковер в его кабинете почти не пострадал.

В отличие от стен и коврового покрытия в спальне и стен в ванне, заляпанных каплями его крови и кровавыми отпечатками ладоней.

Через час его машина стояла на площади имени генерала Илларионова. Часто ее называли просто — Площадь Генерала. Центр площади по-хозяйски топтала бронзовая лошадь бронзового генерала. Памятник был установлен в центре большого асфальтового квадрата совсем недавно, не более пары лет назад. Сам генерал был этим недоволен, да это и не удивительно. Кому понравится каждый божий день видеть в окно рабочего кабинета самого себя в камне и металле?

Вартан же против бронзового генерала ничего не имел, поскольку памятник ему поставили вполне заслуженно. Если б не Илларионов, то не стоял бы сегодня Вартан на промозглом осеннем ветру, да, собственно, и стоять было бы негде. Было бы здесь идеально круглое озеро с поспешно обеззараженной водой. В которую периодически сваливали бы КАМАЗами блоки из специального тяжело-

го бетона и выливали бы всякую дрянь, типа растворов солей бора.

Но вот бронзовая генеральская лошадь его бесила. Хотя, конь это был, конь. Это было хорошо заметно. Мало того, что конь этот был похож на Хаоса, жеребца с отвратительным норовом — а в детстве Вартан занимался конным спортом — но и деталь, отвечающую за отличие жеребца от кобылы, скульптур изобразил с преувеличенной достоверностью.

Полагая, что у бравого генерала и конь должен быть не менее бравым.

Площадь Генерала была излюбленным местом для разного рода встреч и «стрелок». И потому старая серебристо-серая «десятка» Вартана была отнюдь не одинока на площади. Тут и там стояли такие же «десятки», «одиннадцатки» и «пятнашки» и несколько джипов разных марок. Была и у Вартана подобная машина — японский «паркетный» джип, но тот почти все время стоял в гараже. Зачем он его купил, Вартан иногда и сам не понимал. Впрочем, несколько раз джип пригодился — когда надо было выезжать к клиентам, живущим в охраняемых коттеджных поселках. Тамошняя охрана могла и не пропустить приехавшего на «десятке».

Сырой и холодный ветер нес мелкие серые капли дождя. Собственно, это был не дождь, а намек на него, и даже не намек, а так, воспоминание. Но даже воспоминание это было стылым и неприятно пробирающим до костей. Мимо изредка пролетали запоздавшие листья, как напоминание о прошедшем счастливом и теплом лете.

Вартан поднял воротник пальто и поудобнее оперся о машину. Ему оставалось ждать еще минут семь. Можно было все это время провести в относительно теплой глубине машины. Теплой, несмотря на разбитое боковое стекло. Но он заставил себя вылезти под это серое небо и сырость, оседающую на лице стылой пленкой. Пленкой, сковывающей мысли, эмоции и желания.

Хороший сегодня день, чтобы умереть.

* * *

Голос человека был хриплым.

Таким же хриплым, как и тогда, по телефону. Кто иной бы подумал, что человек простужен. Да это было бы и не удивительно. Осень. Серая, дождливая холодная осень, раздолье для фармацевтов. Но Вартан знал — это была не простуда, а липкий, удушающий страх. Тот страх, от которого все сжимается внутри и желудок подкатывает к горлу. От которого хочется бежать, но бежать некуда, ибо страх — в тебе самом.

В обмен на цветастый полиэтиленовый пакет с тощей картонной папочкой, человек получил точно такой же с десятком лицензионных видеодисков внутри. И удалился спокойной походкой. Вартан с уважением и почти с завистью смотрел ему вслед. Все же профессионал есть профессионал. Никто из прохожих не поймет, что этот человек несет в душе такой страх, который многих из них придавил бы к земле как свинцовая плита.

Вартан смотрел ему вслед и видел не человека, а лишь его страх. Минутой позже информатор скрылся за углом ближайшего здания. Но страх его никуда не ушел, остался лежать свинцовым надгробием. Для самого Вартана людские страх и ужас представлялись именно в виде серых свинцовых плит, наваливающихся своей тяжестью, давящих тело, крошащих кости.

С трудом сбросив с плеч тяжесть чужих эмоций, он вспомнил последние слова ушедшего:

«Теперь я тебе ничего не должен».

Да, он был прав. Таким расплачиваются лишь раз в жизни. Теперь они были квиты. Вартан тоже когда-то помог ему так, как можно помочь всего раз в жизни.

Сигарета обожгла ему пальцы.

В задумчивости он не заметил, как она дотлела до самого фильтра. И поплатился за это еще одним укусом боли. Но эта боль была ничем по сравнению с той, что сжимала ему сердце.

Хотелось выть от бессилия что-либо изменить.

Вартан стоял, опершись руками о бетонные перила моста, и наблюдал, как маленький стремительный метеор сигареты падает вниз.

И мгновенно исчезает в бурлящей воде.

Там же минутами ранее исчезли последние клочки документов, полученные им от человека с голосом страха.

Вартан смотрел на кипение реки. Последняя река в его жизни яростно билась в замшелые быки старого бетонного моста. В стылой серой воде кружились яркие оранжево-багряные кленовые листья. Пару раз ему казалось, что в воде танцуют алые кресты.

Красные кресты...

Что бы мог значить восклицательный знак напротив надписи «медицинская карта» на одном из документов?

Отвернувшись от реки, он достал телефон, и, глядя на свою машину, набрал тот же номер, что и утром.

Палец рисовал на влажном бетоне одно слово.

СибконТ.

СибконТ. Нефть и газ.

СибконТ. Шины для грузовиков и детские подгузники.

СибконТ. Алюминий и медь, самолеты и ракеты.

СибконТ. Последнее время — сельское хозяйство.

А теперь, значит, и исследования нетрадиционных техник.

Прошло уже года три-четыре с тех пор, как государство официально разрешило крупным корпорациям управлять частной жизнью людей. Жесткий госконтроль над всем, чем только можно, которым было характерно предыдущее десятилетие, вдруг в одночасье сменился весьма и весьма либеральным режимом.

Не для всех, а только лишь для больших, очень больших денег. Эти деньги полусотни гигантских Корпораций,

считались единственным оплотом против гибели страны в международной экономической мясорубке. В том Мальст-реме, в котором исчезли иные, менее экономически разви-тые страны, и даже пара мелких европейских государств, не присоединившихся когда-то к Единой Европе.

Теперь же весь мир поспешно строил экономические щиты против поглощения и слияния. Кто мог — объеди-нялся. Кто не мог — поспешно продавался. Ибо завтра могло быть поздно, и то, что сегодня готовы были купить, завтра могли просто забрать.

Вартан давно уже ждал, когда кто-то из Больших братьев обратит внимание на скромного консультанта с необычной практикой. Он понимал, чем окончится этот интерес — либо смертью, либо жизнью лабораторной кры-сы в клетке. Корпорации спешили — им не было дела до людей. Им надо было успеть, им надо рвать вперед — в конкурентной борьбе кто не успел, тот умер. Интересы корпораций были превыше желаний и жизней людей. Даже таких как он.

А сегодня — особенно таких, как он.

Он знал, что интерес Корпорации к нему будет его смертью. Жить лабораторной мышью было для него хуже смерти. Он давно знал, он видел, как он умрет, не знал лишь когда.

Похоже, время пришло.

Делай, что должно, и случится, что суждено.

Позади скрипнули тормоза.

Очень немногие ездили этой дорогой, еще меньше ре-шились бы останавливаться в этом месте. Вартан специаль-но выбрал его для того, чтобы без помех прочитать полу-ченные документы. И чтобы было время подготовиться, если кто-то задумает проследить за ним.

Никто не следил, и приехавший был тем, кого он ждал. Впрочем, он это давно почувствовал. Знакомых он узнавал издалека. Шерша же он знал хорошо.

Повернувшись, он увидел плотного мужика лет сорока пяти, вылезавшего из довольно новой машины. Что-то совместное японо-германское. То ли Audi X20, то ли похожая на нее Skoda Milamora.

Плохо он разбирался в машинах, они его мало интересовали. У него вон до сих пор в любимых была старая «десятка». А модель своего «паркетного» джипа он вспоминал с третьей попытки.

Ездит — и ладно.

Мужик тем временем подошел к нему. Кивнул. Посмотрел вниз с моста. Ослабился:

— Хорошее ты место выбрал! Впечатляющее. Кому другому я бы этого не простил, а тебе не могу отказать.

— Хорошее место для хороших людей. — Вартан равнодушно окинул взором своего знакомого. Тому было далеко за сорок, но выглядел он куда как крепко. Одет был в теплый черный джинсовый костюм, крепкие тяжелые ботинки, на лбу висели поднятые сейчас очки с темными стеклами. Звали его Шерш. И был он одной из тех хищных рыб, что управляют делами темных прудов.

Шерш нахмурился. Не любил он вспоминать ту давнюю историю, хоть и остался в ней с некоторым даже прибытком. А если уж начистоту, то даже и с большим прибытком.

С собственной жизнью.

Вартан смял в кулаке и выбросил вниз с моста сигаретную пачку. Вот и он как-то раз падал с этого моста, как эта пачка. Кидали вниз его ребята — как раз Шерша. Так началась история их отношений.

Расстались же они хоть и не добрыми друзьями, но оказался Шерш обязан ему вполне серьезными вещами.

И не только жизнью, как полагал.

Сегодня Вартан собирался ему объяснить это подробно.

* * *

Визг шин по мокрому асфальту.

Случайный водитель, оказавшийся жертвой демонстрации возможностей Вартана, в ужасе мчался на своей новенькой «пятнашке», не разбирая дороги. Он проклинал ту минуту, когда остановился рядом с машиной этого странного смуглого парня. В голове скрежетали чьи-то голоса, руки едва держали руль, а левую ногу грызли невидимые огненные челюсти. Временами тьма застилала глаза и он переставал понимать, кто он.

Через пару минут темно-синяя «пятнашка» скрылась в серой мгле. Вартан не смотрел ей вслед. Ему было трудно дышать. В воздухе висела свинцовая пыль ужаса только что уехавшего парня. Через сутки у него будет все нормально.

Вартан надеялся на это.

Долгие десять минут Шерш стоял посреди моста и ломал сигареты одну за одной. Закурить смог только четвертую. Руки у него тряслись.

Темнело. Погода с утра так и не улучшилась. Противная холодная морось, то ли дождь, то ли туман накрыла все вокруг холодным одеялом.

Жадно выкурив одну сигарету, он прикурил от нее другую и впервые за последние десять минут решил посмотреть на Вартана. Тот стоял с непроницаемым выражением лица, облокотившись о перила моста, и рассматривал свои окровавленные кулаки. С утра они поджили, но когда приходилось ими что-то делать, то сквозь засохшую корку выступала новая кровь. Утром он решил не заматывать ладони бинтами, и потому теперь периодически пачкал одежду и машину темными пятнами.

Выкурив вторую сигарету, Шерш что-то для себя решил и достал мобильник.

Вартану слышно было плохо, да он и не старался вслушиваться. Теперь Шерш знает, чем ему обязан. И просьбу его он услышал. А значит, сейчас дело за ним.

— Это я. Да. Там.
...берите все. Нет, этих...
...не умеет он... ...мне Михася...
...шесть комплектов... ...и жилет не забудь...
...девчонка... больница... Инга Бер...
...подними говорю, эту жирную задницу!..
...как товар со скидкой покупать, он тут как тут!..
...подготовь... сам проследи...
...мать его! двоих... ...самолет... ...и трое...
...нет. Нет говорю!.. ...Алферу скажи...
...давай. Звони на пятый...

Шерш подошел к Вартану. Помолчал. Затем произнес:

— Кое-что я тебе нашел еще утром. Если терпит до завтра, то смогу предложить что-нибудь получше.

— Завтра — нет. Нужно сегодня. Как насчет больших игрушек?

— Нет их. У тебя, как я понимаю, совсем край по времени? — Шерш покосился на руки Вартана. — С большими я могу помочь только завтра, в лучшем случае — к утру.

— Значит — нет. Жаль... жаль... — Вартан поковырял ногтем бетонное ограждение моста.

— Нет. И не предлагай денег. Не могу я это сделать. Дальше... Доктора мы сейчас поднимем и узнаем, что там есть по этим твоим делам. Дальше. Девчонку я приму и отправлю в столицу самолетом. Паспорт ей уже сделали. Фото, правда, старое — Шерш усмехнулся, — еще с тех времен, когда мы с тобой знакомились. Но это не так важно. — Шерш записал на обрывке сигаретной пачки адрес и отдал его Вартану.

«ул. Стахановцев, 34, 2»

— Вот сюда ее направляй. Только с адресом осторожнее, и чтобы больше никого. Люди там у меня проверенные, но нервные. Сам им не показывайся, а то мало ли чего... Да... и вот еще... я ссориться с теми, кто тебя достал, не буду... Нет, не буду. Но троих ребят в подстраховку твоей девчонке дам. Если у нее будут проблемы в дороге или в

столице, они их решат. Не все, но... подозреваю, ты знаешь предел моих возможностей.

— Знаю. Спасибо за это. Так. Передайте от меня ей пакет. Деньги и вот это. — Варган передал Шершу прозрачный пакет с пачкой евро в пятисотенных купюрах и карточку Visa, эмитированную Дойче-банком.

Шерш забрал пакет и внимательно глянул на него, получив в ответ равнодушный взгляд.

Четверть часа они молчали, пока в кармане у Шерша не пискнул телефон.

— Мои едут. Так что готовься, будешь принимать заказанные игрушки.

Бледно-синий дисплей телефона слабо светится в сумерках. Мобильник только что проглотил набор цифр и выплюнул их в пространство. Несколько долгих гудков — сердце Варгана дернулось. Неужели?.. Нет, к счастью — нет.

— Я слушаю тебя... Варган.

— Хм. Ты уже в курсе, Серж? Хорошо, не придется долго объясняться. Прими сегодня ночью девчонку. Она должна прилететь в 02-35. Рейс 772. Звать ее будут Анна Бурскова. Ее сопровождают трое ребят, старшего из них зовут Михась. Они передадут Анну тебе и почти сразу уедут обратно. Устрой ее в жизни — и, если сможешь, — помогай ей потом. Сделаешь?

— Дурак ты... Варган. Полный идиот! Зачем тебе это? Ну скажи — зачем? Нас и так мало, а ты лезешь, куда не надо из-за бабы. Темный, черт... да какой из тебя темный... так, серость бесцельная... Сделаю. Черт! Идиот!!! Сделаю.

— Я тебе перевел половину моих денег. И вот еще что...

— Да?

— Вечером жди... если у меня что-то останется... перехватывай. Думаю, пригодится...

— Идиот, какой же ты идиот... Влюбленный кретин! Пойми, это не наше! Люди — сырье... Мы не должны их любить!

Короткие гудки в трубке у Сержа.

Темная чаша неба медленно движется над головой. Серые ленты, плавно танцующие вокруг, темно-синие полосы с яркими мошками звезд, проплывающие над головой... Город, сжимающий в своих каменных объятиях — и вдруг становящийся нереальным и срывающийся серо-охряным потоком домов и деревьев... Расплывчатые светлые пятна фонарей, уносящиеся вдаль... Окна домов, что жадно манят к себе взор — на мгновение становятся близкими и четкими — только протяни руку, а затем скорость движения превращает их в смазанные желтые ленты...

Город остался за спиной — он чувствовал его дыхание, биение миллиона сердец и мерный рокот приборя мыслей.

Впереди — как маленькая заря, как кусочек теплого солнца — ее образ.

Он медленно прикоснулся к ее лицу, и водопад ярких эмоций и чувств обрушился на него.

Беспокойство в ней быстро стихало, зато радость была тугим теплым фонтаном. Казалось, она может захлестнуть все вокруг. Весь город, страну, мир... Но она уже успокоилась — она так уверена в нем. Теперь он рядом, и все будет хорошо.

Она менялась под его взором, танцевала теплым серебристо-желтым облачком, манила его к себе нежными ярко-зелеными отблесками обнаженной души.

За мгновение до того, как нырнуть в кипящий, почти обжигающий водопад радости, он тихо шепнул: а вот и я... она нежно ответила: а вот и ты... и, значит, все будет хорошо.

Пятна крови пачкают телефон. Но это не беспокоит его владельца. Уже минуту он говорит о жизни и смерти.

Смерть его и жизнь ее.

* * *

— ...Да, я Вас внимательно слушаю, господин Ковалевский. Да. Да. Нет, мне это не интересно. Нет, я зарабатываю достаточно. Что? Это не слишком щедрое предложение. Нет, вряд ли вы сумеете предложить мне столько, чтобы меня это заинтересовало. Так. Слушаю внимательно. Так. Кто? Инга Бержевская? А кто это? Хм, и вы меня стараетесь убедить... Кто? Что?! — Долгое молчание.

Вартан старался осознать напрочь ошеломившую его новость.

— Подождите, господин профессор. Я кое-что проверю. — Вартан прижал телефон ухом к плечу, круто выворачивая руль, и с визгом шин вписавшись в поворот.

Пройдя поворот, он достал правой рукой наладонник и вставил в него карточку с медицинской информацией, полученной от врача — знакомого Шерша. Раньше посмотреть ему это не удалось. Снизил скорость и стал бегом просматривать на экране наладонника медицинскую карту Инги.

Сердце ударило его в грудь.

— Да, господин Ковалевский. Я проверил. Но я хочу ее спросить об этом лично. Вы понимаете меня? Уверен — понимаете. В наше время электронные данные так ненадежны, с ними так много людей любит играть. Что? Нет. Нет-нет, не стоит. Ну что Вы, профессор, какие наивные предложения. Впрочем, я не против, чтобы вы взяли с собой охрану. Да. Да. Вполне. Да, сколько хотите и вооруженную. Что Вы предлагаете?.. Площадь Генерала?

Остановившись на десяток секунд, он закинул одноразовый мобильник в кузов проезжавшего мимо грузовика. Если за ним следили по сигналу телефона, то пусть теперь поездят за грузовиком.

В бардачке лежало еще несколько одноразовых телефонов.

* * *

Детские игры в песочнице.

Песчаные замки, песчаные мосты, песчаные люди, песчаные пушки с дулами из обструганных палочек, песчаные танки с башнями из спичечных коробок.

Дети играют в войну, в эксперименты над людьми.

Дети пробуют: а что будет, если?..

Только война может и убивать. Дети давно не играли в войну. Дети забыли, что это такое.

Что будет, если один из детей будет по-настоящему воевать в песочнице? Что будет, если кому-то по-настоящему придется убивать, если ему будет за что воевать?

Останется ли он ребенком или сожжет в пламени свою жизнь и жизни других?

Вартан никогда не думал об этом.

Он был не ребенком, и противники его были не дети.

Чуть влажная одежда неприятно холодила тело. Он замерз. Он почти умер.

Машина застыла ледяным цинковым гробом.

Давно он не делал таких глупостей. Давно он так серьезно не работал вне дома. Наверное, с тех пор, как познакомился с ребятами Шерша.

Сеанс дался ему тяжело. Темные полосы все еще скользили по его взору. Вартан никак не мог оторваться от них, никак не мог полностью придти в себя, тело и разум не подчинялись ему, а те нити между ними, которые он поспешно накладывал, казались не крепче паутинок.

Сегодня он взял слишком много и ушел слишком далеко. И чуть не поплатился за это.

Он выкачал максимум энергии, все, что смог получить из проходящих мимо машины людей. Он прошел сосущим

жизнь призраком по ближайшим домам. Он не погнушался заглянуть в больницу и детский сад. Хотя там он и не взял много.

Вартан сплавил страхи, боль, несчастье, темные мысли одних с радостью, счастьем и нежностью других. Крик восторга смешался в нем со стоном боли, наслаждение гурмана впиталось в него так же, как и чувства умирающего от голода старика, радость ребенка от яркой игрушки соединилась с болезненной радостью кумушек, судачащих о близком разводе соседей.

Это мутное варево с трудом удерживалось в нем. Он был бы безумно рад, если бы, наконец, избавился от него, перелив в иные сосуды. Был бы... но он слишком устал.

Сегодня он взял слишком много, и не только того, что ему нравилось.

Но боевикам,* этим жадным до чужой жизни глоткам, требовалось много. Много больше, чем он сам мог отдать.

Они парили перед ним. Четыре боевика — четыре шара агрессивно-холодного огня. Четыре медузы, распустившие тонкие щупальца вокруг себя, четыре морских ежа, топорщившие смертоносные иглы.

Давно он не брал так много, и давно не отдавал так много.

С трудом, но Вартан почувствовал чье-то далекое внимание.

Серж был готов получить свое наследство.

Щелчок крышки телефона.

---

* Боевикон — устоявшееся среди современных магов название боевого демона, сгустка силы мага, наделенного в определенной мере разумом и натренированного в основном на разведку и боевые действия.

— Это Вартан. Пришли тех ребят, что ты обещал в сопровождение, на площадь генерала Илларионова через час двадцать.

Хруст одноразового мобильника под каблуком.
И — улыбка.
Большой город, а повстречаться негде.

Четыре машины на площади полны вооруженных людей, ведущих себя словно младенцы. Кто-то громко хнычет, кто-то пускает пузыри. Два растративших силу боевикона отпущены на волю. Серж не успел их перехватить.

Захлебывающийся шепот, переходящий в крик:

— Это был просто эксперимент! Это... просто... эксперимент! Зачем... зачем... Мы хотели узнать — могут ли такие, как вы, любить! Ведь это вам запрещено! Вы не можете! Вы теряете свою силу! У нас есть... были... такие как вы... у меня двое помощников почти такие! Мы бы дали денег! Вот, смотрите... — дрожащая рука ныряет в карман пальто и достает наладонник. — ...смотрите! нам выделяют средства! Нам, наконец, стали выделять средства — не то, что когда-то государство!

Вартан молчит.

— Зачем вам эта женщина? Вы с ней не встречались уже два... нет, три месяца! — профессор морщинистой рукой поправляет треснувшие очки. — Зачем вам она? Зачем вам ее ребенок? Ведь вы никого... никого не можете любить! Ну, если не хотите работать с нами, отдайте нам хотя бы ее! Мы заплатим! Мы заплатим.. Мы... — он умолкает от удара в грудь и долго кашляет, утирая рукавом пальто слюну.

Левая рука его прицеплена наручниками к сиденью.

* * *

Рука в руке. Глаза в глаза. Несмелая улыбка у нее на губах. Губы дрожат, готовые выдать ее с головой, глаза готовы открыть плотины для слез.

— Поедешь с ребятами. Мне надо задержаться. Догоню либо в аэропорту, либо вылечу вслед завтрашним рейсом.

Она кивнула и уткнулась лицом ему в плечо.

Далекий визг тормозов. На площадь влетает темно-синий джип.

— Это они. Тебе пора. — И маленький, нежный трепетной зеленью цветок расцвел в его глазах, цветок, видимый лишь ей одной. — Это же я... а значит, все будет хорошо...

«ул. Стахановцев»... Он сжег бумажку с адресом. Она не понадобилась.

Местная база компании «Сибконт» была совсем новым сооружением, построенным на месте старого завода металлоизделий. Оборудование частью демонтировали и продали другим, более успешным заводам, а частью просто порезали автогенном и сдали в металлолом.

В большинстве цехов снесли внутренние стены, срубили бетонные стяжки в одних, в других залили бетоном технологические ямы, выровняли пол, где надо — поставили внутренние стены, где надо — провели канализацию и отопление.

В результате получились отличные складские помещения, двухэтажные гаражи и автомастерские и даже какие-то лаборатории. А в бывшем заводоуправлении в перестроенных и отремонтированных помещениях комфортно разместился офис местного отделения компании.

И только самый большой цех, раньше стоявший посередине площади бывшего завода, построенный еще в сере-

дине прошлого века, пришлось снести. На его месте вырыли котлован и начали строить солидное офисно-складское здание из красного кирпича. Строители уже завершили нулевой цикл и начали возводить стены первого этажа.

Красные кирпичные стены на сером бетоне.

Территория базы по всему периметру была окружена высоким, добротным забором метров шесть высотой, на каждой из сторон периметра было возведено по паре бетонных башен.

И много — слишком много охраны.

Большие стальные ворота дополняли картину несокрушимой надежности. Иногда казалось, что из этих раздвижных ворот стоило выезжать не грузовикам с товарами, а тяжелым танкам.

Танки были бы здесь вполне уместны.

Освещенная площадка у ворот.

Серебристо-серая «десятка» с разбитым стеклом, в которой иногда кто-то конвульсивно шевелится и пытается выползти наружу.

Проходная базы.

Дверь из бронестекла и титанового сплава.

Кабина охраны, затянута в жесткий стальной каркас с вертикальными узкими окнами из бронестекла.

На посту сидят двое охранников. Здоровенные парни в синей щегольской униформе и темно-синих кепках с козырьками.

Но можно ли их назвать охраной?

Первый лежит лицом на пульте и грызет пластиковые кнопки. Металлические переключатели ему не пришлось по вкусу — он сломал об них один зуб.

— Ыыыыыы... — тянет другой, раскачиваясь в кресле и глядя пустыми глазами на палец, измазанный слюной.

Здесь растратил силу предпоследний боевикон Вартана.

Ярость огненного шторма била в черепную коробку.

Ослепительная волна, видимая ему одному, да еще, быть может, двум помощникам Ковалевского, выплескивалась из него, ища жертв. Сам он уже давно не представлял, кто он и что он. Его разум превратился в клубок огненных змей, которые жалили все вокруг себя раскаленными укусами юрко-оранжевого огня. Боль, которую он испытывал утром, не шла ни в какое сравнение с тем, что он чувствовал сейчас.

Они пытались забрать у меня мою женщину!

И еще десяток метров по коридору.

Вспыхивает и летит дубовая дверь с титановыми вставками.

Они хотели, как крысу, посадить в клетку моего ребенка!

И еще два пролета и тридцать метров до двери в лабораторию «Псим».

Выбегает навстречу один из охранников, вскидывает кургузый автомат. Послушное адскому пламени, что кипит в голове у Вартана, время останавливается и медленно начинает кружить вокруг него. Через столетия охранник роняет автомат, и тот отправляется в неспешный путь к полу. Сам сержант так же медленно падает, сжимая голову руками. Голову, в которой сейчас от противоречивых приказов кипит мозг. Еще немного, и он перестанет быть человеком, превратится в растение с бейджем «сержант Н.И. Комаров» на груди.

* * *

Последний боевикон Вартана, потеряв большую часть своей силы, беспомощно повис перед ним синеватым шаром. Время, как бы наверстывая упущенное, рванулось вперед стремительным потоком. Вартан отпустил связывавшую их нить, и шар, кривя призрачную пасть, поплыл через стену в сторону далекой столицы. Он тоже понимал, что такое прощание навсегда.

Серж принял наследство.

Сержант, сползший по стене, потерял сознание, упал лицом вниз и застыл в неестественной позе.

Ему повезло.

Ненадолго.

Сразу две термические гранаты отправились в дверь лаборатории. У Вартана хватило остатков разума, чтобы шагнуть в сторону от проема, из которого, пару секунд спустя, выплеснулся тугой факел пламени.

Он шел долгими коридорами из здания наружу.

И огонь следовал за ним.

Слепящий свет прожекторов. Темный асфальт, серый бетон и красные кирпичные стены на нем. Автоматные очереди.

Теперь его боялись до ужаса. Его пытались расстрелять издалека.

По тревоге подняли всю охранную сеть. Спешным порядком вызывали помощь с иных объектов компании. На базе, кроме давно забывших, что такое война, охранников, был и десяток профессионалов, прошедших третью кавказскую войну. Их вооружили всем, что было в запасниках оружейной комнаты базы. И автоматы, и шоковые гранаты, и даже незаконные пока для частных компаний гранатометы.

И много иного, много такого, что могло вызвать шок у местных органов правопорядка.

* * *

Любил ли он ее? Когда-то он точно знал ответ на это вопрос. Сейчас он забыл его.

Это стало лишним. Сейчас он должен стать ужасом для тех, кто вокруг него. Сейчас он должен стать диким зверем. И прожить им достаточно долго.

Он должен продержаться еще полчаса — этого было достаточно, чтобы самолет ушел в столицу, где была зона влияния другой корпорации. «СибконТ» не сможет уже перехватить самолет и побоится там действовать открыто. А значит, потеряет время. То драгоценное время, которое нужно Сержу, чтобы спрятать Ингу так, чтобы никто долго не смог ее найти.

Вартан надеялся, что не найдут никогда.

О, они были умны, они знали свое дело, им удалось найти его самое уязвимое место. И его любовь, и лучший результат его экспериментов. Как же его угораздило влюбиться в свое творение?

Она ему нравилась всем, каждым своим проявлением, каждой улыбкой, каждым движением, каждой своей мельчайшей черточкой. Она была идеальна.

В одном они ошиблись.

Он полюбил ее только сейчас.

Темные синие полосы... серые и черные ленты, обвивающиеся на мгновение вокруг него и вдруг срывающиеся потоком... уносящиеся вдаль... желтые, расплывчатые пятна — окна домов или фонари?... черное, глушащее все звуки и взгляды полотнище над головой... и тихое, нежное полыхание впереди...

Ласковое прикосновение знакомого образа.

Она в беспокойстве. Она его ищет, оглядывает по сторонам, пытается высмотреть знакомую фигуру. Она жадно шарит взором вокруг, пока идет к самолету. Какой-то парень поддерживает ее под руку. Второй идет позади и несет небольшую сумку. Вартан чувствует, что где-то впереди, уже в самом самолете, сидит третий. Внимание всех троих направлено на Ингу. Один из них откровенно боится. Страх его виден серой пеленой, закрывающей его лицо. Двое других более спокойны. Один, видимо, что-то принял для спокойствия, замедлил свою реакцию. Но — спокоен. Лица всех троих смазаны — они ему почти незнакомы.

Только ее лицо он видел, только ее изумрудные глаза, чувствовал только запах ее волос и нежность будущих прикосновений.

Дотронулся до нее и смотрел, как расслабилось ее лицо и вспыхнули радостью глаза. Рядом с ней трепетал маленький огонек новой жизни. Слепец! Как он мог не видеть этого раньше?

От его нежного прикосновения по ее образу пошла текучая волна изменений. Она менялась, как меняется узор неба и облаков под порывами ветра, и оставалась цельной, как целен лишь образ великолепной драгоценности. Она всегда представлялась ему изумрудом, нежнейшим живым изумрудом.

За мгновение до того, как лейтенант охраны прикладом автомата ударил его в висок, он шепнул нежно... а вот и я... и все будет хорошо...

Удар в голову бросил его наземь.

Он ободрал левую щеку о влажный бетон и уткнулся лицом в место, где бетон сходиллся с красным кирпичом.

«Красный, — вспомнил он свой сон. — На красном не будет видна кровь...»

Прямо перед его глазами висел клочок паутины, трепетавший на осеннем ветру, но все никак не решавшийся оторваться от привычного кирпича и полететь вдаль, туда, куда летят по осени паучки, павшие листья и души смертных.

Пахло сырым кирпичом и чем-то затхлым.

Ему всегда казалось, что именно так должна пахнуть смерть.

Раскаленные свинцовые спицы в серебристых рубашках вошли в его спину.

В последние свои мгновенья он был счастлив. Счастлив, как никогда в жизни. Она успела улететь! Боль от пуль, рвавших его тело, была для него сродни чувству, испытываемому юным любовником, когда тот, наконец, обладает давно желанным телом любимой девушки.

Он ждал каждый из этих яростных кусочков металла. Он жаждал их и радовался каждой новой волне острой боли, что приходила с ними.

Темная чаша небес медленно падала на него...

Сергей Чекмаев

НЕТЕРПЕЛИВЫЕ

Слащавые дикторы убеждают вас с экранов, что Это случится завтра... Неправда! На самом деле Саркофаг откроется сегодня, в пять. А на восемь вечера уже назначен первый прием для элиты, для высших людей страны. Техники сейчас спешно перестраивают старый институтский конференц-зал.

Да-а... Давненько не доводилось нашему «ящику» принимать таких почетных гостей. В давно ушедшие времена развитого социализма спецплощадку-1339 то и дело навещали партийные шишки. А с приходом светлого капиталистического завтра «ящик» поменял название, стал Институтом Экспериментального Органического Синтеза, зато заметно потерял в финансировании. Страну больше не интересовали новые штаммы смертельных вирусов и идеальные боевые единицы.

Так бы и перебивался наш ЭКОС заказами на пищевые добавки, да генетически стимулирующие корма, но... Три года назад главным пришел Иммануил Арсенович Папанов. Кто-то из молодой поросли сразу же окрестил его «папой» Иммануилом — так и прилипло.

И разом все изменилось.

Вон он стоит — на второй контрольной площадке. Матерый человечище! Он не любит давать интервью, не терпит телекамер. Поэтому его мало кто знает в лицо, хотя и следовало бы. Еще бы! Как ни как, звезда первой величины в биосинтетике, хорошо, если не сверхновая. Невысокий,

седоватый, в зубах — неизменная трубка, цепкий, уверенный взгляд, лицо голливудского киноактера — ни единой морщинки. Злые языки болтают, что женщины пачками валяются к его ногам. Не знаю. У нас он себе ничего такого не позволяет, хотя молодые аспирантки действительно бегают за ним толпами. А на мужчин он производит впечатление надежности. Сильный человек. На такого не страшно опереться — с первого взгляда ясно: при его поддержке горы можно свернуть.

Когда «папа» Иммануил начал пробивать наш проект, поначалу его даже не слушали. Куда там! Противники клеймили Папанова со всех страниц и экранов. Заочно. Сам он на ТВ не появлялся.

И что в итоге? Кто оказался прав?

Вот она, гордость ЭКОСа, — десятиметровой высоты бокс девятой лаборатории. В центре прямо из пола поднимается изящный горб Саркофага, весь в паутине энергопроводов и контрольных датчиков. Сверху, по периметру бокса тянется антресоль, там сейчас застыли ребята из запасных смен, техники, аспиранты — все причастные, кому не досталось места за пультами контроля. Едва слышно пыхтит система поддержки жизнедеятельности.

Над Саркофагом нависает площадка, оттуда то и дело раздаются короткие команды. Смерть как хочется быть сейчас там! Ведь именно они первыми увидят Его лицо. На верхней крышке Саркофага есть маленькое смотровое окошко, не знаю уж зачем, все равно, пока не сойдет хладAGENT, ничего внутри разглядеть не удастся. Но вот когда он сойдет...

— Контроль питания?

Это мне. Сухой голос Ахметьева напоминает о прямых обязанностях.

— Подача в норме. Утечек нет. Резерв в норме.

Да, это моя работа — а что тут такого? Я слежу за энергией: нет, понятно, что все сто раз продублировано, да и резервная наготове, но мало ли что... Конечно, лучше бы стоять сейчас на второй контрольной, проверять по мониторам: сердечная активность, легочная активность, состоя-

ние тканей... Но для этого надо быть лучшим, первым из первых, или хотя бы Ахметьевым, любимым учеником «папы» Иммануила.

Ничего. Я не ропшу. Все же я буду здесь, когда Это случится. Немногие могут похвастать тем же. И, может быть, — кто скажет наперед! — меня первым коснется Великая Благодать.

— Внимание! Всем минутная готовность! — гулко разнесся под сводами бокса знакомый бас.

Нет, все-таки «папа» — железобетонный человек! Хоть бы чуть-чуть дрогнул голос, хоть капельку волнения услышать бы в нем! Куда там. У меня вон руки трясутся, сердце скоро из груди выпрыгнет, а ему хоть бы что!

Я нервно потер ладони, провел тыльной стороной по взмокнутому лбу.

Сказать по-честному, почти каждую ночь в последние несколько месяцев я просыпаюсь в холодном поту. Почему Он молчит? Почему не даст нам знака?

Мы же здесь все такие самонадеянные! Замахнулись на то, что не должно быть подвластно человеку... Церковь сначала яростно сопротивлялась, грозилась предать Проект анафеме, но потом... оглянулись вокруг и... согласились. Негласно, правда. Посланцы Синода два часа провели с «папой» за закрытыми дверями, с тех пор стало поспокойнее. А Он все молчит.

Может, и правда — пора?

— Счет — ноль! Запуск!

Я вздрогнул. Тоненько завывли насосы, откачивая из Саркофага хладагент, пахнуло холодом, струйки испаряющегося аргона забили вверх красивыми опадающими фонтанами.

Боже мой, еще немного, и Он придет.

Странно, но мы здесь не употребляем всяких модных в прессе наименований. Вроде «Второго Пришествия» или «Снисхождения». Да и Его называем по-другому. Вы, наверняка, наслушались всей этой болтовни, сыты по горло? Эти балаболки с ТВ, кого хочешь, достанут. «Мессия», «Богочеловек», «Спаситель», «От начала сущий»... Нахва-

тались верхов. Небось, даже Библию удосужились пролистать.

Мы зовем Его иначе. Все же где-то в глубине себя мы, наверное, еще не готовы соревноваться с Господом. Ведь тот, что приходил в прошлый раз, был Его Сыном.

Этого сотворили мы, люди. Значит, Он — Сын Человеческий.

И не спрашивайте — как сотворили? Я не знаю, я — простой инженер. Говорят, «папа» Иммануил перерыл все канонические тексты, жизнеописания, апокрифы, программисты месяцами воссоздавали портрет Его личности, а генетическая группа прошла заново все двенадцать колен рода Давидова. Честно скажу, я не слишком религиозен, мне этого не понять. Просто я знаю, что во-он там, в Саркофаге, лежит Тот, кто принесет в мир Любовь. Или, как говорят наши теоретики, — Благодать.

Аргон сошел, затихли и насосы. На зализанных боках Саркофага переливаются в свете рефлекторов тысячи маленьких капелек.

— Внимание! Вторая стадия! Активация!

Отсюда, конечно, ничего не разглядеть, но я знаю, что сейчас по Его телу пробегают сотни электростимулирующих импульсов. Невидимые иголки разминают мускулы, пробуждаются к жизни нервные окончания, начинают размягчаться ткани.

Скоро. Скоро Он восстанет.

Как это — зачем? Вы что — считаете этот мир лучшим из возможных? Не спорьте, не поверю. Просто посмотрите вокруг — убийства, войны, голод, смерть... Не проходит и дня, чтобы не гремели взрывы, не грохотали выстрелы, выплескивая на нас насилие и боль. Люди забыли о всепрощении, о любви к ближнему, о спасении, наконец. Они озабочены лишь тем, чтобы по головам друг друга залезть как можно выше, урвать кусок пожирнее и затаиться в собственной норке, урча от удовольствия.

Так же было и в прошлый раз. Тогда в римской Иудее мера человеческих грехов переполнила чашу Его терпения, и он послал на Землю своего Сына, научить людей любить и прощать.

Настало время сделать то же самое. Поначалу многие сомневались: «если Он не хочет, чтобы Сын Его пришел во второй раз, значит, это время еще не наступило. Просто Он считает, что мы можем управиться и сами», говорили они. Может, они были и правы. Но люди устали. Устали ждать, когда Сын Божий придет снова. Надо было дать им надежду — и «папа» Иммануил смог. Он сказал Большим парням там, наверху: «да, мы сможем это сделать!», ему поверили и, несмотря на катастрофическую нехватку денег, проекту все же дали старт.

И мы действительно смогли. Наверное, это безнравственно, может быть даже самое настоящее богохульство, не знаю, не хочу спорить. Просто люди снова, в который уже раз, решили не полагаться на Него, а сделать все самостоятельно. Это ведь наша, человеческая пословица — «на Бога надейся, а сам не плошай».

— Третья стадия! Пробуждение!

Я буркнул в микрофон: «Подача в норме», а сам, не отрывая глаз, смотрел на Саркофаг. Вот сейчас...

Неслышно, почти на ультразвуке, завывли сервомоторы, крышка Саркофага медленно поползла в сторону. Все замерли. В полной тишине суматошные удары моего сердца казались мне громовыми раскатами.

И Он пришел.

Каким-то удивительно совершенным, плавным движением Сын Человеческий привстал на локтях и огляделся.

По лаборатории пронесся единый вздох. Он был совершенен. Нет-нет, не подумайте, что он был смазливо красив или наоборот — мужественен. В те немногие секунды, когда я имел счастье лицезреть Его лицо, я даже поразился его обыденности. Простое, незапоминающееся... обычное. Но потом Он ПОСМОТРЕЛ на меня.

Никогда в жизни я не испытывал ничего подобного! Его лицо, его глаза словно озарились изнутри неведомым светом, и частичка этого света коснулась меня. На мгновение я даже потерял сознание, столь сильное было ощущение счастья и неземного блаженства!

Я любил! Любил весь мир! Любил Его!

Я уже говорил, что не очень религиозен, но, клянусь, перед Ним любой упал бы на колени. Краем глаза я отметил вокруг слитное движение — и на антресоли, и на контрольной площадке, на аппаратах, где на всякий случай ждали техники ремонтной бригады, люди склонялись перед Благодатью.

Сын Человеческий поднялся на ноги и медленно пошел вперед.

Тогда я впервые услышал Его Голос. Губы не шевелились, но я совершенно отчетливо услышал:

«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим. Возлюби ближнего твоего как самого себя»

Я не мог сдержать слез. Счастье переполняло меня, счастье и Великая Любовь, больше всего на свете я хотел служить Ему. Судя по счастливым рыданиям, доносившимся до меня, я был не одинок. Кажется, я что-то шептал, не помню что, многие делали то же самое.

Он прошел мимо, обогнул кожух синтезатора и замер на мгновение перед огромными броневыми дверями лаборатории. «Папа» Иммануил распорядился закрыть их перед самым Пробуждением, как он сказал, — «на всякий случай».

Он сделал неуловимое движение рукой, и створки под протестующий звон гидравлических приводов поползли в стороны.

Только когда он вышел из бокса, я пришел в себя и поднялся на ноги, смущенно отряхивая колени. Занятие, кстати, бессмысленное, потому что чистота в лабораториях Проекта поддерживалась прямо-таки стерильная. Наверное, мне просто не хотелось встречаться взглядом ни с кем из коллег.

— Что вы стоите все? За ним!!

Окрик «папы» окончательно вернул меня к реальности. Я опрометью бросился к дверям, за мной следом грохотала ботинками по пластику внушительная толпа. Мы выскочили из лаборатории в коридор. Там никого не было.

На секунду я замешкался, сзади кто-то ощутимо толкнул меня в плечо:

— К выходу!

Мы нагнали Его лишь в холле. Большой и просторный, с резными дверями — наследием старых времен — он был почти пуст. Почти, если не считать двух фигур. Одна, высокая, одетая в нестерпимое для глаз сияние, склонилась над другой, стоящей на коленях.

Это был Он. Сын Человеческий поднял руку и положил ее на лоб своему визави. Второй вздрогнул всем телом, выронил из ослабевших рук какую-то палку и...

Теперь я узнал его. Это был даун Алеша — уборщик. Я частенько встречал его раньше в переходах и вестибюлях института с неизменной шваброй, но как-то не обращал внимания. Сначала я пытался здороваться с ним, сталкиваясь каждый раз с бессмысленным взглядом и неразборчивым мычанием, постепенно перестал. Потом мне рассказали: Алешу взяли на работу из жалости, еще в конце девяностых, с тех пор он и трудился в ЭКОСе, здесь же и жил, в каморке у бойлерной.

Алеша что-то бормотал Ему, пытался целовать руки, но Сын Человеческий мягко отстранил уборщика, толкнул наружную дверь и вышел на улицу. Алеша пытался ползти за ним, но тут услышал наши шаги. Он обернулся.

Невыразимое блаженство застыло на его лице. Алеша бросился к нам, обнял первого попавшегося — биофизиолога Макеева и, счастливо улыбаясь, промямлил:

— ...ля ...юю ...ея...

Макеев опешил, удивленно переспросил:

— Что-что?

— Он любит тебя, — произнес подоспевший «папа» Иммануил. — Он теперь всех любит. Всех нас. Вот, значит, как она действует — Благодать. Вы были правы, Юрий...

Да-да, я тоже сейчас припомнил: Лакушев, теолог, утверждал, что Благодать — это не просто Счастье, это — способность возлюбить всех, абсолютное Добро и Всепрощение. Они тогда жарко спорили с «папой», и вот теперь, похоже, оба получили ответ.

— ...я ...лю... лю... я...

Алеша любил всех нас, он смотрел вокруг влюбленными глазами и неустанно повторял одно и то же.

Мы выскочили на улицу. Легкий ветерок лениво гнал по дорожкам институтского парка ярко-оранжевый ворох осенних листьев. Хмурое пасмурное небо, казалось, цепляло нависшими тучами за острые пики парковой ограды.

Сын Человеческий уже пересек заставленный отцветшими клумбами внешний двор и под счастливыми взглядами охранников потянул на себя боковую калитку. Сквозь редкие прутья решетки было хорошо видно, как поначалу испуганно отшатнулась от Него игравшая у ограды девочка.

Ребята не хотели играть с ней, им не нравился ее правый башмак со странными железными вставками. В жару и в холод, в любую погоду, Мариша выходила на улицу в одной и той же обуви — высоких рыже-коричневых ботинках. Потом, когда узнали про ее ногу, они стали дразнить ее, обзывали одноногим Сильвером, и гнали прочь. Поначалу она плакала, уходила домой и давала себе самой честное-пречестное слово никогда больше не выходить на улицу. Но солнце так ярко и весело светило за окном, так звала к себе зеленая трава и деревья, что Мариша каждый раз не выдерживала, и все начиналось по-новой. В конце концов, она привыкла к одиночеству, к тому, что у нее никогда не будет друзей. Она не злилась на ребят, но теперь старалась держаться в стороне. Хуже всего было возвращаться потом домой, мимо беседки, где они собирались. Мальчишки никогда не упускали шанс подразнить или напугать ее. Они смеялись, когда видели, как она бежит. Нога не давала Марише бежать быстро и плавно, как все дети, она лишь неуклюже ковыляла, стараясь быстрее миновать опасный участок.

Наконец, она нашла выход. Мариша выходила из дома вместе с бабушкой, когда та шла на работу — большому стеклянному дому за высокой оградой. Там, около маленькой калитки, она нашла Свое Место, площадку для игр, где можно было навоображать себе настоящих, верных друзей и играть с ними. А потом бабушка возвращалась и забирала Маришу с собой. Идти домой теперь было не страшно — при бабушке ребята не осмеливались ее дразнить.

В тот день она играла со своим любимцем — плюшевым жирафом, — как вдруг калитка открылась, и прямо перед ней появился незнакомый человек. Раньше отсюда никто никогда не выходил, кроме бабушки, и сначала Мариша испугалась...

— Я знаю эту девочку, — сказал Ахметьев на бегу. — Это внучка нашей гардеробщицы, Клавдии Викторовны. Она часто здесь играет, бабушка ждет.

— Что у нее с ногой?

Глазастый. А я и не разглядел так сразу-то — бедная девочка заметно прихрамывала, из-под истрепанной штанины торчал ортопедический ботинок.

— Совсем маленькой ее сбило грузовиком. Кости срослись плохо... Надо делать операцию, но семья бедная, денег нет.

За моей спиной сочувственно вздохнули.

— Смотрите! Он подошел к ней! — воскликнул «папа».

Действительно, Сын Человеческий, так же как и Алеше, возложил девочке на лоб свою руку.

Нет, она не упала перед ним на колени, и не стала целовать руки. Она просто счастливо, чисто по-детски обняла его за талию, а потом — я глазам своим не поверил! — нагнулась, стащила проклятый ботинок и зашвырнула его в кусты. И закружилась в каком-то одной ей понятном танце. Он кивнул, растрепал ей на прощанье белесые волосенки и спокойно, не оглядываясь, пошел вверх по улице.

Босоногая девочка танцевала, наверное, в первый раз в своей жизни. Кто-то благоговейно выдохнул:

— Чудо...

— Да, коллеги, — голос «папы» Иммануила был сух, но в нем звучали явные нотки торжества, — это было Его первое чудо. Алеша и эта девочка...

— Марина, — подсказал Ахметьев.

Мы как раз миновали ее. На детском личике цвела поразительная улыбка, такая, что хотелось самому скалиться

до ушей, а Марина, закрыв глаза, кружилась и кружилась в бесконечном танце, что-то тихо напевая себе под нос.

— ...Алеша и Марина любят Его и всех нас. Их вера, их всепрощение и любовь питает Его силы. Теперь Он способен творить чудеса. Пока еще мелкие — исцеления, просветления и так далее. Но дайте срок...

Сын Человеческий шествовал по улице, в некотором отдалении мы шли за ним, не осмеливаясь приблизиться, хоть как-то попытаться остановить его.

Из неприметной подворотни прямо на Него выскочил длинноволосый паренек в яркой куртке, на шее у него болтался плеер, к ушам тянулись черные ниточки проводков, в такт музыке меломан раскачивался на ходу.

Сегодня — чудесный, невероятный день. Сегодня в школе он пригласил Ингу на танцпол, и она согласилась! Вау! От избытка чувств Корень чуть не закрутил пару рэперских кульбитов. Ну, ничего, сегодня он покажет Инге на что способен, не зря же его ник Root красуется на третьем месте в рейтинг-листе рэперов района. Вообще-то его звали Олегом или Аликом, но он предпочитал кличку Корень — от фамилии, Корнеев.

Самая неприступная и красивая девчонка в классе обратила на него внимание! Вау! Супер! Он штурмовал эту крепость четыре месяца, но она того стоила. Парни поначалу смеялись, но сегодня Корень успел заметить, как завистливо цокнул языком Штанга. А Скип, лучший друган, украдкой показал большой палец — так держать, мол!

Красота!

Ой, извини, парень, не заметил. Блин, да что с твоим лицом...

Рука Сына Человеческого привычным жестом легла на лоб меломана, еще до того, как тот успел что-то почувствовать.

— Третий! — восторженно сказал Макеев.

— Ну вот, Благодать снизошла на поколение пепси, — беззлобно усмехнулся «папа». — Неужели и он способен на любовь и всепрощение?

— Почему нет?..

И, правда, почему нет?

Парень стоял на коленях, плакал от счастья и смотрел Ему вслед. Мы подошли ближе, но он не заметил нас, он тер покрасневшие от слез глаза и повторял:

— Я люблю! Я люблю!

Следующим стал немолодой уже мужчина с седеющими висками. Аскетичный, строгий костюм, волевое лицо — человек, многое повидавший и знающий цену добру и злу, скорее всего учитель или воспитатель. Только вот глаза из-под черных в роговой оправе очков смотрят на удивление мечтательно...

Вячеслав Семенович никак не мог забыть этого момента. Да, конечно, он ругался с ними, он ставил двойки нерадивым, выгонял из класса, даже пару раз грозился сводить к директору, но вдруг... Утром он даже и не вспомнил, какой сегодня день. Да и, по чести, сказать, Вячеслав Семенович, уже давно перестал считать эту первую субботу октября за праздник. Это только первоклашки, еще не умеющие ненавидеть своих учителей, тащат в школу здоровенные букеты, а ему нечего и надеяться. Математику не любит никто.

Первый урок был у девятого «А», его девятого «А» — с начала прошлого года ему пришлось согласиться стать у них классным руководителем. Меж ними бывало всякое, однажды парни вымазали стул клеем, а-а... да что вспоминать!

Он все простил им. Разом. В тот момент, когда Аллочка Синицына, первая красавица (и стерва) класса неожиданно встретила его в дверях с огромным букетом роз. А все остальные «шалопайи», отмороженные, по-нынешней классификации, — все до единого, никто не опоздал, не «заболел», — встали и молча ждали пока он сядет. Раньше они никогда не делали ничего подобного.

Вячеслав Семенович проворчал: «Не думайте, что это спасет вас от контрольной!», изо всех сил стараясь сглотнуть подкравшийся к горлу предательский комок.

Он брел из школы домой привычным, сотни раз хоженным маршрутом и рассеяно улыбался. Наверное, теперь, когда никого нет рядом, можно себе признаться, что он любит их всех, этих хулиганов, непосед и двоечников. И ничего, старый хрыч, ты с этим не сделаешь!

Правда, прохожий? Ты, наверное, читаешь мои мысли, если умеешь так заговорщицки улыбаться...

Учитель обхватил руками Его ладонь, поднес к своим губам, потом что-то спросил, я не расслышал. Сын Человеческий кивнул, приглашающе указал рукой рядом с собой. Пожилой мазнул по нашей группе счастливым, светящимся от внутренней силы взглядом, и пошел рядом с Ним. Теперь вверх по улице они шли вдвоем.

— Что же, — «папа» Иммануил задумчиво потер лоб. — Похоже, Он нашел первого Ученика, а?

Лакушев криво усмехнулся, поправил:

— Апостола...

— Вроде того, Юрий, вроде того. Надеюсь, мы все знаем, сколько их будет? Ладно, прибавим шагу, они вот-вот свернут за угол!

У дальнего конца ограды притулилась маленькая тележка продавца «хот-догов». Мы часто бегали к нему — в запарке эксперимента как-то не получается поесть вовремя, а желудок склонен напоминать о себе в самый неподходящий момент.

Место здесь было не слишком бойкое, два-три раза в день примчатся эти яйцеголовые белохалатники из института с ворохом мятых купюр, да пацанва, возвращаясь из школы, прихватит пару сосисок. Вот и вся прибыль. Дерьмовое местечко! Рогозин сплюнул бы, если б в пересохшем горле — полдня без единого глотка пива! — осталась хоть

капля слюны. То ли дело — у рынка! Да, тогда он торговал прилично, Наташка, мерзавка, была довольна, да и этой верхивостке малолетней перепало. Если б не те бритые уроды, стоял бы и сейчас! А так... Радуйся, что целым ушел. Скоты! Да знали б они... Впрочем, плевать им, мил-друг Рогозин, на все твои подвиги, на Сирию и Афган, на осколок под третьим ребром, на кровавый кашель по ночам. Ты для них — просто источник бабок. Пошерстили тебя — и радуйся, что живым остался!

Надо бы, конечно, собрать ребят, да только — кто отзовется? Все разбежались по своим хаткам, у всех свои дела, свои проблемы. Будут бормотать всякие отмазки, уставившись глазами в пол. Хрен с ними, сам справишься.

Наташке еще вздумалось взбрыкнуть позавчера. Ухожу, мол, нечего мне тут лучшие годы жизни на неудачника гробить. Так и сказала, скотина, словно не он выкупал ее у сутенера. Или, может, другой кто таскался с ней, обколотой шлюхой, по всем наркодиспансерам? Ничего, сегодня он ее поучит! Так поучит, что полгода сидеть не сможет, шалава!

А это что за парочка? Странные какие-то...

Сын Человеческий коснулся лба продавца. Я начал постепенно привыкать к виду мгновенно и навсегда возлюбивших людей, даже хотел было отвернуться, но Он вдруг отдернул руку, словно обжегшись. Что-то вспыхнуло на мгновение нестерпимо ярким, синеватым пламенем, и вот у тележки их осталось лишь двое — Он и Его ученик. Продавец, испепеленный прямо на наших глазах, превратился в горсть серого пепла, медленно оседающего на асфальт.

Мы все застыли, как пораженные громом, словно та, неведомая молния ударила в кого-то из нас.

Что случилось?

Папанов раздвинул передних, осторожным шагом подошел к тележке, опустил на колено. Когда он коснулся рукой пепельной кучки, признаться, меня передернуло.

— Холодный, — чуть дрожащим голосом констатировал «папа», его тоже проняло: какая бы ни была выдерж-

ка, невозможно спокойно смотреть, как на твоих глазах человек, только что живой, думающий, превращается в кучу пепла.

— Что скажете, Юрий?

Теолог пожал плечами, руки его нервно теребили застегжку на лабораторном халате.

— Не знаю. Может, этот слишком много грешил?

— Не согласен с Вами. Тот пожилой, в очках, похожий на учителя, тоже, наверняка, не праведник. Да и паренек с плеером... Не-ет, Юрий, здесь что-то другое...

Дробный перестук подкованных ботинок прервал их разговор. К нашей группе бежали охранники Института — три здоровенных мордворота с сержантом во главе.

— Что... здесь... случилось? — не успев отдышаться, набросился он на нас. — Я видел вспышку. Это был взрыв? Отвечайте!

— Погодите, сержант! — «Папа» поднялся с колен, охранники тут же вытянулись во фронт, академика они явно уважали. — Погодите. Мы сами еще ничего не понимаем.

Две новые вспышки резанули по глазам, и все, как по команде, выскочили за угол. Сын Человеческий стоял у светофора, на переходе, ученик преданно смотрел Ему в глаза, а рядом оседали еще два пепельных облачка. Чуть поодаль испуганно пятился задом мрачноватого вида детина в спецовке дорожного рабочего.

Сын Человеческий быстрым шагом подошел к нему и, игнорируя неуклюжую попытку защититься, возложил ладонь на лоб.

Я мотнул головой, старясь прогнать наваждение и успокоить ослепленные близкой вспышкой глаза.

— Сержант! У вас есть оружие? — быстро спросил «папа».

— Да, — ошеломленно пробормотал тот, не в состоянии оторвать взгляда от трех пепельных кучек. — Да, есть. Штатное. По расписанию. Как положено.

— Усыпляющее? Парализующее? Резиновые пули?

— Парализующее. Три-пи-эм...

— Стреляйте!

— Что? — сержант уставился на Папанова. — К-куда?

Я чуть было не повторил его вопрос. За спиной тоже загомонили. «Папа» что-то понял, раньше всех нас. Только что?

И потом — стрелять в Него? Кто же на такое способен?

— Стреляйте, я приказываю! Ну! На поражение!

Я говорил — он производит впечатление. «Папе» невозможно отказать, даже когда он просит. А уж если начинает приказывать, да еще так безапелляционно...

Охранники нехотя достали оружие, подняли стволы на уровень глаз. Мне показалось, или тот, что в центре, действительно сделал все быстрее других?

— Огонь! Ну! — надрывался «папа».

Холодная вспышка разверзлась прямо передо мной. На какое-то время я ослеп, перед глазами прыгали цветные пятна. Слитный многоголосый вздох... Что там происходит?

— Чтоб я сдох!

Среднего охранника больше не было, легкий вечерний бриз играл его пеплом, закручивая в воздухе странные узоры.

Но оставшиеся уже успели нажать на курки. Я все видел собственными глазами, но так и не смог поверить. У правого охранника короткое скошенное дуло пистолета со звучным хлопком раскрылось, словно цветок, рукоять оружия раскалилась и покраснела, он выронил бесполезную уже железку на асфальт. Другой с безмерным удивлением смотрел на капсулу парализатора. Она выкатилась из дула, словно шарик в детском бильярде, упала, звонко подпрыгнула несколько раз и покатила прочь.

Сержант с проклятиями раз за разом жал на курок, но внутри пистолета лишь что-то щелкало. Осечка. Осечка. Осечка.

Несожиданно Сын Человеческий простер к нам руку. У меня екнуло сердце и, думаю, не у меня одного. Голос, тот же Голос, что и в лаборатории, произнес:

«Не искушайте, Помощники».

«Папа» снова скомандовал:

— Сержант! Стреляйте!

Охранники испуганно уставились на него, потом на то, что еще совсем недавно было их товарищем. Второй охранник и сержант отбросили пистолеты в сторону брезгливым жестом, словно это была какая-то непристойность.

— Я больше ни в кого не буду стрелять... — тихо сказал сержант, четко, по-военному отдал «папе» Иммануилу честь и, развернувшись, медленно побрел обратно к Институту. Оставшийся охранник, подумав с минуту, кивнул нам всем, и смело пошел прямо к Нему.

Еще через несколько секунд и он сгинул в бешеной вспышке.

Больше никто не осмелился пойти за Ним, каждый из нас слышал эти слова: «Не ищите...»

Сын Человеческий ступил на переход.

Откуда здесь, на этой глухой улице, взялась вдруг машина? Не знаю. Мы только и успели услышать нарастающий рев мотора, а из-за поворота уже вынеслась черная лакированная иномарка. Отсверкивая хромом и полировкой, она летела точно на Него. Я невольно хотел зажмуриться, но заставил себя держать глаза открытыми.

Может быть, лучше мне было не видеть. Примерно в полуметре от Него, когда столкновение казалось уже неизбежным, ревущая клаксоном машина вдруг натолкнулась на невидимую стену. Нет, она не собралась в гармошку, как обычно бывает при лобовом столкновении, она просто моментально остановилась. Колеса продолжали вертеться с бешеной скоростью, но машина замерла на месте. Уползло вниз тонированное стекло, удивленный водитель высунулся посмотреть вниз. Он, наверное, подумал, что застрял.

Сын Человеческий взмахнул рукой и синеватая вспышка, изрядно приглушенная темными стеклами, полыхнула в салоне. Водитель исчез, лишь стекала по лакированному борту привычная пепельная струйка. Едва Он перешел дорогу, как машина рванулась с места, словно кто-то отпустил, наконец, державший ее трос. Промчавшись через всю улицу, она перелетела через бордюрный камень тротуара и

исчезла за углом дома. Через мгновение оттуда донесся грохот и отчаянный металлический лязг.

— Он стал настолько силен, что может не только творить чудеса, но и дарить Благодать на расстоянии... — проворкотал «папа».

А Он уходил.

На углу улицы Сын Человеческий обернулся и, словно на прощанье, долго смотрел на нас. Не знаю, как другим, но мне показалось, что Он заглянул в самые отдаленные уголки моей души. Его глаза... тот странный неземной свет, что поразил меня в первый раз, казалось, стократ усилился в них.

Внезапно я снова услышал Голос:

«Царство мира соделалось Царствием Господа нашего...»

Он ушел, а мы еще долго стояли, не в силах пошевелиться. Там, впереди, на фоне быстро темнеющего осеннего неба, как далекие грозовые зарницы, то и дело высверкивали холодные сиреневые вспышки.

По пустынной улице ветер игриво нес невесомые частички пепла. Вместе с ними в безумном хороводе все кружилась и кружилась босоногая девочка.

«Папа» Иммануил устало опустился на бордюрный камень, уронил голову на руки.

— Вот, значит, как... Тем, кто способен возлюбить всех, Он дарит Благодать, а тем, кто нет... Такие Ему не нужны. Практично, Юрий вы не находите?

Лакушев молча кивнул. Теологу сейчас, похоже, было не до разговоров.

— Может, надо куда-то сообщить? — молодой голос дрожал от пережитого волнения. Не знаю, кто это. Наверное, из группы обслуживания.

— И что? — «Папа» поднял голову. — Как прикажете его остановить? Танками? Бомбардировкой с воздуха? Поймите, Он с каждым мгновением становится все сильнее... С каждым таким вот, — академик ткнул рукой в девочку, потом в стоящего на коленях меломана, — Его сила

растет. Каждую секунду они питают Его своей верой и любовью. Что вы сможете противопоставить этому? И кто пойдет с Ним воевать? Вы же видели, как Это действует!

Он почти кричал.

— Но почему так? Эти вспышки, пепел... Тот, первый, он же...

Папанов переглянулся с Ахметьевым, проговорил:

— Настоящий Спаситель был Сыном Божьим. А этого сделали мы, люди. Он — Сын Человеческий. Он и ведет себя по-человечески. Мы с вами слишком нетерпеливы и слишком непримиримы. Мы не умеем ждать результатов своих трудов, нам нужна победа — и немедленно! И прощать тех, кто не может быть с нами, мы тоже не умеем. Он — плоть от плоти нашей, а значит, тоже не хочет ждать и тоже не умеет прощать. Слышали, Он сказал про Царство Господа? Оно нужно Ему СЕЙЧАС! И Он дает Благодать всем страждущим. Тех, кто не может возлюбить всех и вся, кто в грядущем Царстве Господа окажется неприкаянным изгоем, он испепеляет, дабы они не осквернили своими мыслями Великую Любовь и Добро! Понятно теперь?

— Что же теперь будет? — спросил чей-то сдавленный голос.

Ахметьев мрачно процитировал:

— ...доколе не положим печати на челах рабов Бога нашего. И я слышал число запечатленных: запечатленных было сто сорок четыре тысячи...

— Откуда это?

— «Апокалипсис». Откровение Иоанна Богослова, — ответил за помощника «папа» Иммануил. — Вы хотите знать, что будет? Еще до конца сегодняшнего дня Благодать снизойдет на весь город. Завтра непросветленных не останется и в области. На третий день Это охватит полстраны. К пятому дню Сын Человеческий перехватит все каналы связи, все спутники, все ретрансляторы, и Благодать распространится по всему миру.

Он замолчал.

— А дальше?.. — выдавил из себя все тот же голос.

Иммануил Арсенович оглянулся, и все пораженно вздрогнули: академик разом постарел, глаза запали, привычно подтянутое молоджавое лицо изрезали морщины.

— Утром седьмого дня по опустевшим городам Земли будут бродить лишь сто сорок четыре тысячи вселюбящих, абсолютно праведных существ. Им не о чем будет говорить друг с другом, и на мир опустится тишина. Лишь бескрайнее море серого пепла будет тихо шуршать под ногами запечатленных.

Юрий Бурносов

ROSES

— И что вы намерены нам показать? — спросил Троуп.

— Кое-что... — Стордаль постучал кончиком карандаша по выступающим вперед зубам и повторил с идиотским видом: — Кое-что...

Классический тип Сумасшедшего Ученого из комиксов. Лацканы белого халата запачканы майонезом и соусом «Табаско», и еще Троуп был на сто процентов уверен, что Стордаль не застегнул ширинку, но под халатом этого, благодарение Господу, не было видно.

Уордер, человек из НАСА, стоял с выжидающим видом, словно знал нечто такое, чего не знали остальные, и оно вот-вот должно случиться, а зануда Монкур орудовал пилкой, приводя в порядок ноготь большого пальца, и без того пристойный с виду. Глупее остальных выглядели прибывшие вместе с Троупом Ашер-Смит и Колфелт. Еще бы: «кое-что»...

— Я не хотел бы вас торопить, но мы прилетели из Ситла и... — начал было Троуп, но тут ученый оживился и расплылся в улыбке.

— Извините, — сказал он, — я задумался. Конечно же. Пойдемте, я вам покажу.

Конечный пункт долгих переходов по решетчатым мостикам и трубообразным коридорам, освещенным люминесцентными панелями, не обрадовал. Обычный тесный зальчик, приборы, экраны, полумягкие кресла на колесиках.

В углу возился техник с паяльником в руках, который при виде высокой делегации тут же скрылся.

— Собственно, вот, — сказал Стордаль, указывая на самый большой экран.

— О неразумности отправки в космос разнополых экипажей говорилось очень давно, — менторским тоном заявил Монкур. — Еще русские это поняли.

— Хотя они первыми запустили женщину в космос, а потом и разнополые экипажи, — сказал Ашер-Смит.

Они сидели в большой комнате для отдыха. Трупп был на различных базах, так что привык ко всякому. Да и сетовать не на что — отличный кофе, свежие журналы, кондиционер. Колфелт дремал, развалившись в плетеном кресле, а Уордер где-то шастал. Уордер, похоже, знал много больше, нежели остальные, но делиться этими знаниями не желал или не имел соответствующего приказа.

— Поэтому у русских и есть основания так заявлять, — парировал Монкур. — Вы обратили внимание, что они запускали в космос женщин исключительно с пропагандистскими целями?

— Русские все делают с пропагандистскими целями, — заметил Колфелт, не открывая глаз.

— Уже нет, — отмахнулся Монкур. — Так вот, мы этого не понимали довольно долго. Как результат — несколько не слишком приглядных историй, о которых вы не прочтете в популярной литературе об исследованиях околоземного пространства. И ладно бы проблема заключалась только в сексуальных потребностях — это как раз можно решить...

— Напичкать всех таблетками, отбивающими всякую охоту? — сонно спросил Колфелт. — А нужны ли нам такие астронавты?

— Не нужны, полковник, совершенно с вами согласен. Тем не менее это проблема решаемая. А вот проблемы психологического плана... Астронавт-мужчина видит в астронавте-женщине объект защиты. Астронавт-мужчина готов

пожертвовать ради астронавта-женщины многим, в том числе тем, чем он никогда не пожертвовал бы ради астронавта-мужчины. Помните аварию на «Аламо»? К чему нам была эта живая журналистка, Ванда Джексон? А ведь Кaleb Моррис погиб, уступив ей этот чертов скафандр, хотя нам был нужен живым именно Кaleb Моррис, со всеми его задумками и открытиями в его умной, но, к сожалению, теперь уже безвозвратно мертвой голове! А взамен мы получили огромную статью в «Космополитен» о самопожертвовании и облитые слезами и соплями груды цветочных гирлянд на мысе Канавсрал. Этот кретин снял с себя скафандр и отдал ей! А разве один мужик отдал бы свой скафандр другому?

— Черта с два, — сказал Колфелт.

— Если они не геи, — добавил Троуп.

— Вот и не спрашивайте, зачем нам нужна программа «Розы».

— Я не думаю, что налогоплательщики сильно обрадуются тому, что вы потратите энное количество миллиардов долларов лишь затем, чтобы доказать, что в космосе вредно играть в «спрячь морковку» и рыцарские штучки, — хмыкнув, сказал Ашер-Смит.

— А они и не узнают.

Уордер появился в комнате неслышно и даже немного напугал Троупа своей неожиданной репликой.

— В конце концов, это обычный полет, — продолжал Уордер, садясь. — Ассигнования специально не увеличивались, мы чисты. Никто из астронавтов на станции — ни Клеменс, ни Нид, ни Сковелл — не знает об эксперименте. Они просто работают и не подозревают, что мы за ними... шпионим, что ли. К тому же, помимо «Роз», там крутится еще одна весьма интересная программа, о которой я вам, к сожалению, пока сказать не могу.

— И на том спасибо, — Ашер-Смит выглядел рассерженным. — Как я понимаю, ваш протеже, этот Стордаль, собирается устроить им небольшое ЧП?

— Вроде того, — лучезарно улыбнулся Уордер.

— Учебное, надеюсь?

— Вроде того, — снова улыбнулся Уордер.

— За каким же чертом вы нас сюда позвали, если говорите исключительно намеками? — вспыхнул Ашер-Смит.

— Наблюдать, генерал. Всего лишь наблюдать, — сказал Монкур.

«20.20. Сковелл и Нид уединились, если так можно сказать, имея в виду тесное пространство станции. Похоже, Сковелл влюблен».

Стордаль оторвался от журнала и спросил:

— Генерал, как вы думаете, Сковелл любит Нид?

— По крайней мере, он делает ей намеки, — сказал Ашер-Смит.

— А вы, Троуп?

— Бог его знает, — чистосердечно ответил полковник. — Я бы сказал, он ее кадрит.

— За неимением других, — пробормотал Колфелт.

— А по-моему, он влюблен. Он читает ей стихи, — сказал Стордаль, улыбаясь. — Очень плохие стихи, явно собственного сочинения.

«Аламо» болтался сейчас несколькими десятками тысяч километров выше. Троуп глядел в звездное небо, раскинувшееся над пустыней подобием рваного пончо, и тянул через соломинку густой сладкий коктейль. В конце концов, поездка оказалась даже приятной.

— Отдыхаете, полковник?

На террасе появился Стордаль. На сей раз ученый где-то оставил свой грязно-белый халат, сменив его на костюм удушливо-черного цвета.

— Присаживайтесь, мистер Стордаль, — радушно предложил Троуп, благо шезлонгов вокруг стояло предостаточно.

— Благодарю.

— Коктейль? Пиво?

— Я возьму пиво, — согласился Стордаль и выудил из ящика со льдом банку «Корз». Открывая ее, он облился пе-

ной и принялся облизывать пальцы, и Троуп поспешил перевести взгляд обратно в черно-звездную бесконечность.

— Я вас понимаю, — сказал, хлюпая пивом, психолог. — Ничего интересного, сплошная рутина. Однако вы не замечаете нюансов.

— Например?

— Например, вчера Сковелл уступил Нид свою порцию ванильного крема, потому что оставалось всего две. Себе он взял клубничный.

— И что?

— Да то, что Сковелл терпеть не может клубнику во всех проявлениях. Даже на картинках, наверное.

— Вы предлагаете мне вписать это в отчет?

— Достаточно того, что я вписал это в журнал наблюдений. И таких мелочей за день набирается десятка полтора-два.

— И какие вы делаете выводы?

— Пока можно говорить о том, что Сковелл явно влюблен в Нид. Хотя для эксперимента хватило бы простой симпатии. А вот Клеменс нейтрален. Я полагаю, он даже не одобряет некоторых послаблений, которые Сковелл делает для Нид, но Сковелл — командир. Как вы понимаете, с кремом все получилось не случайно.

— Вы хитрец, мистер Стордаль.

— Благодарю, полковник. Надеюсь, что вскоре вам станет интереснее наблюдать за происходящим на станции.

— Обещанное ЧП?

— Что?

— Уордер обещал нам небольшую встряску.

— Вроде того, полковник. Вроде того.

«12.34. Сковелл и Клеменс работают в открытом пространстве, укрепляя внешние части минирадиотелескопа «Циклоп»».

— Они все еще там? — спросил Ашер-Смит.

— Да, — сказал Стордаль, откладывая журнал. — Уже заканчивают, сейчас вернутся на станцию.

Уордера, как обычно, не было — наверное, докладывал своим боссам в НАСА о том, как весело проводит время на базе. Трупп озабоченно потрогал щеку — скovyрнул прыщик, когда брился. Интересно, как они бреются там, в космосе? Тут же представилась специальная электробритва с каким-нибудь ухищрением типа пылесоса. Несмотря на свою причастность к космическим программам, до подобных мелочей Трупп не опускался, а зря. Хотя бы просто ради банального любопытства.

— В Хьюстоне небось радуются, — заметил Колфелт. — Пятьдесят лет человек летает в космос, а они до сих пор устраивают праздник по поводу каждой прикрученной снаружи железяки.

Появился техник по фамилии Биркин, деловито пронес пачку перфокарт. Команде Труппа приходилось видеть только его и Стордаля, хотя на базе, несомненно, работали и другие, но доступа в этот маленький центр они не имели. Секретность происходящего не соответствовала простоте эксперимента, и Трупп уже задумывался об этом. Вчера перед сном он поделился сомнениями с Колфелтом, и желчный полковник напомнил про обещанные ЧП и параллельную программу.

— Мало ли, что там у них на станции, — сказал он, взбивая подушку. — Пентагоновские парни все еще лелеют надежду подстрелить кого-нибудь на орбите. Лучше не лезьте, Гэвин. Между прочим, я для себя уже решил — распатроню этих умников с их «Розами». Космический водевиль, вы не находите? В роли злого дядюшки — Клеменс, в роли красавицы — Нид, и герой-воздыхатель тут как тут.

Проходивший обратно Биркин рассыпал свои перфокарты, и Трупп вернулся из воспоминаний в день сегодняшний. Он наклонился было, чтобы помочь технику, но тут Ашер-Смит воскликнул:

— Что это?!

Задрезжал зуммер, откуда-то возник Уордер, тут же кинувшийся к экрану. Перешагнув через ворох перфокарт, полковник Трупп налетел на торопившегося Стордаля.

— Обещанное ЧП! — сказал Колфелт.

— Разгерметизация, — сообщил Уордер. — Как на «Аламо».

— Метеорит?

— Какое там. На «Аламо», полковник, был обычный заводской брак.

— У них там дела плохи, — сумрачно сказал наблюдавший за событиями на экране Ашер-Смит.

В самом деле, на станции явно происходило что-то незапланированное. На лицах Сквелла и Клеменса читалась растерянность, они озабоченно щелкали тумблерами на пультах, а Нид сидела в своем кресле, бессильно опустив руки.

Собравшимся у экрана оставалось только смотреть — все проблемы решались сейчас в Хьюстоне. Ашер-Смит схватил психолога за плечо и развернул.

— Это ваша обещанная учебная тревога? — спросил он. — Говорите честно!

— Не совсем, — пробормотал Стордаль. Он хотел что-то добавить, но тут вмешался Уордер.

— Учебная тревога была назначена на шестнадцать ноль ноль, — сухо сказал он. — После этого — вне зависимости от результатов — астронавты должны были отправиться домой, на Землю.

— Хьюстон их вытащит.

Это сказал Монкур, но представитель НАСА покачал головой.

— Хьюстон тут не поможет. У них всего два скафандра.

— Какого черта? — взвился Ашер-Смит. — Почему?

— Мы планировали учебную тревогу, то самое ЧП. В одном из скафандров нарушена система жизнеобеспечения, притом так, что это легко заметно. Вероятность того, что за эти считанные часы случится реальная авария, ничтожно мала. Но...

Уордер замолчал.

Трупп оглянулся — техник сидел на полу среди своих перфокарт с открытым ртом и выпученными глазами. Психолог торчал поодаль. Судя по лицу Стордаля, сказанное было правдой.

— Вы хотите сказать, что только что убили одного из членов экипажа? — спросил Ашер-Смит, прищурившись.

— Все пока живы, генерал.

— Кто санкционировал ваши забавы со скафандром?

— Генерал Карриган. Вы довольны? Так давайте смотреть, что там дальше. Никто еще не умер и, возможно, не умрет.

Ашер-Смит проводил вернувшегося к экрану Уордера взглядом, но смолчал. Санкция Карригана свела на нет весь его пыл — с четырехзвездного героя-астронавта могла спросить разве что специальная комиссия из конгрессменов.

Тем временем ситуация на станции развивалась негативным образом. Уордер на пару минут исчез, потом появился снова и сообщил, что говорил с Хьюстоном, и разгерметизация куда серьезнее, чем казалось, и живучесть станции под угрозой. Стордаль стоял, бледный, как смерть.

— Я так не могу, — прошептал Монкур. — Мы смотрим на них, как на шоу.

— Она обнаружила повреждение, — сказал Колфелт, тыкая пальцем прямо в экран.

Нид.

Лицо женщины исказилось. К ней подплыл Клеменс, что-то спросил, неслышное за писком зуммера и помехами, Нид, похоже, выругалась в ответ. Сковелл уже забрался в свой скафандр и с чем-то ожесточенно возился. Клеменс окрикнул его, Сковелл мотнул головой.

— Сковелл отдаст ей скафандр, — убежденно сказал Монкур.

— Не Клеменс же... — кивнул Уордер.

— Делайте ставки! Делайте ставки, господа! — выкрикнул Ашер-Смит и повернулся к Уордеру. — Вам не приходило в голову переговорить с Тедом Тернером по поводу телевизионной трансляции?

— Вы много себе... — начал Уордер, но тут Троуп неожиданно для себя коротким ударом снизу в челюсть послал его лежать в угол комнаты. Ашер-Смит вцепился в полковника, ему помогли Колфелт и Монкур.

— Вы ответите, Троуп! — визжал Уордер, суча ногами в попытке встать. Он выплюнул на белый линолеум окровавленный зуб, скривился и повторил: — Вы будете отвечать!

— Успокойся, Гэвин, — шипел Колфелт, повисший на спине полковника. — Успокойся! С этой крысой мы разберемся позже.

— Это мой скафандр! Мой!

Сковелл бил себя рукой в грудь, где на табличке красовалось его имя.

— Он ей не подойдет!

— Берите мой, — предложил Клеменс.

Биолог посмотрела на него глазами, полными слез.

— А как же вы?

— Я попробую продержаться так. Дыхательный аппарат вроде бы цел, и если мне повезет...

— Я не могу... — прошептала Нид.

— Можете, Сибил. Можете.

Уордер выглядел плачевно.

— Вы сами виноваты, — сказал Ашер-Смит. — О таких вещах нужно предупреждать.

Представитель НАСА ничего не ответил.

— Мы преследовали иные цели, джентльмены, — сказал генерал Карриган. — Программа «Розы» была второстепенной, нас куда больше занимал проект «Часовщик». К тому же то, что вы ничего не заметили, уже по сути своей положительная оценка.

— Значит, Нид ничем не рисковала? — спросил Троуп.

— Рисковала, конечно же. Но в значительно меньшей степени, нежели человек. Андроиды не бессмертны, но... они ведь всего лишь андроиды.

— Что будет с остальными?

— Сковелла придется списать. Он чересчур труслив, а нам не нужны такие люди. Что же до Клеменса, то с ним

все в порядке. Вопрос о смешанных экипажах с повестки дня снят окончательно, ибо нам и без пресловутого ЧП хватило того, что накопал доктор Стордаль. Однако если вы напишете собственные отчеты, буду вам весьма благодарен.

— Мы свободны, генерал? — спросил Колфелт.

— Разумеется.

Троуп глядел в звездное небо, раскинувшееся над пустыней подобием рваного пончо, и тянул через соломинку густой сладкий коктейль. В конце концов, поездка и в самом деле оказалась приятной. Никакого чувства вины перед Уордером полковник не испытывал.

— Мистер Троуп? — окликнули его.

Стордаль приветливо оскалил свои жуткие зубы.

— Вертолет будет через десять минут, и я хотел сказать вам...

— Что такое?

— Я, наверное, не имею права, но вы так... Вы... В общем, вы вели себя правильно.

Полковник искоса посмотрел на ученого — в белом халате, с торчащими зубами и растрепанной шевелюрой, тот выглядел в мягком свете ламп, словно герой классической драмы, гость с того света, тень отца Гамлета.

— Спасибо, доктор.

— Но вы не знаете... Я тоже не знал, с самого начала не знал...

— То, что Сибил Нид — андроид? Карриган сказал нам.

— Да, Нид — андроид... Я не знал этого и узнал лишь сегодня. Но генерал не сказал вам другого. Во-первых, Клеменс погиб.

— Как? Но Карриган...

— Карриган соврал. Клеменс погиб. Но главное даже не в этом. Мы серьезно рассматривали вариант «Сковелл — Нид», на что готов Сковелл ради своей любви или даже простого увлечения. А Клеменс... Насчет Клеменса мы ничего не думали.

— Это был такой черствый человек?

— Мы нашли дневники Клеменса, — продолжал Стор-
даль, не слыша полковника. — Он, оказывается, любил
Нид. В самом деле любил, еще с предполетной подго-
товки...

— Печально, — сказал Троуп. — В самом деле, это пе-
чально, доктор.

— Дело даже не в этом, полковник.

— А в чем же?

— Да в том, дорогой мой Троуп, что помимо программ
«Розы» и «Часовщик» на станции шел проект «Дедал».
Проще говоря, Клеменс тоже был андроидом.

Стакан, не разбившись, мягко покотился по бетонному
покрытию крыши.

Дмитрий Браславский

ЧАРОДЕЙКА НА ВЫДАНИЕ

Дверь в столовую с грохотом распахнулась.

— Аршан! — Едва не оставив добрую половину платья на дверной ручке, Селина вихрем ворвалась в старинную залу, напоминавшую своими низкими полукруглыми сводами монастырскую трапезную.

— Доченька... — укоризненно покачала головой Луиза.

— Да будет тебе! — поднявшись из-за стола, Аршан айн Гратц бережно прижал к себе повисшую на шее племянницу.

Вернее, не совсем племянницу. Отец овдовел, когда Аршану не было и пяти лет. Прошло несколько месяцев, и отец женился вновь. Вместе с Весй в их жизни появился не только игрушечный уютный замок неподалеку от Тайлена, но и ее дочь от первого брака — малышка Луиза.

Селина нередко напоминала Аршану юную Луизу — как не слишком искусная копия напоминает дивный портрет кисти прославленного Пирьере. Унаследовав длинные роскошные темно-русые волосы, несколько кругловатый овал лица и привычку задумчиво поднимать глаза к потолку, Селина, казалось, делала все, чтобы ее нельзя было перепутать с благородной Луизой айн Дарран, чье появление на балах при дворе Его Светлости герцога Тайленского едва ли могло остаться незамеченным.

Луиза напрасно тратила средства, мечтая привить Селине любовь к танцам и верховой езде. Последний мэтр продержался долго, почти три недели, пока Селина, насту-

пив на подол платья, не впечатала партнера в пол, умудрившись сломать незадачливому учителю ногу. Месяца два он провалился в гостевых покоях, оглашая их стенаниями, которые сделали бы честь породистому фамильному привидению, и поторопился исчезнуть, едва обрел возможность ходить.

Лошадей же Селина любила и могла часами пропадать на конюшне, вполголоса беседа с каждой из них и подкармливая припасенным сахаром, который вечно таскала в карманах. Но стоило делу дойти до прогулки верхом, девушка ударялась в слезы: взгромоздиться на шею коню казалось ей столь же противоестественным, как и отправиться подышать свежим воздухом верхом на мамочке.

Вместо этого Селина увлекалась чародейством. И ладно бы она просиживала днями и ночами над пыльными неподъемными фолиантами — с этим Луиза, скрепя сердце, еще могла бы смириться. Читать и писать — умение в хозяйстве не лишнее, а тяжелый кропотливый труд с годами мог бы и поднадоесть. Но, как назло, девушке все давалось легко.

В тринадцать лет, не проведя ни единого дня в школе магов, Селина шутя прошла Слияние — такого успеха в Тайлене не помнили и старожилы. А чтобы Луиза не рискнула препятствовать дочери, Аршан вовремя шепнул ей, что потенциальный чародей куда опаснее, чем состоявшийся — того и гляди... Но тут Луиза попросила избавить ее от лишних подробностей, и заботливый дядюшка не стал уточнять, что до Слияния маг представлял опасность в основном для себя самого. А вот после...

Жизнь в замке превратилась в кошмар. Ссылаясь на мигрень, Луиза все реже выходила из своих покоев, строя в одиночестве отчаянные письма сводному брату. Она плохо представляла себе его дела — впрочем, *хорошо* их знали едва ли десятка три людей, а из оставшихся в живых и того меньше. Однако Луиза искренне полагала, что кто кашу заварил — тому ее и расхлебывать. К тому же, как человек, имевший отношение к одному из самых могущественных жреческих Орденов, Аршан обладал обширными связями и не менее обширным жизненным опытом.

Время шло, Луиза беспрекословно выполняла все инструкции, которые приносила голубиная почта, но терпение ее было на исходе. И после очередного послания — уже третьего за последний месяц — Аршан понял, что избежать визита в замок ему не удастся.

Нельзя сказать, чтобы мысль об этом была ему неприятна — несмотря на довольно прохладное отношение к сестре, Аршан любил Селину как собственную дочь. Однако где найти время на неспешное путешествие в окрестности Тайлена, когда, едва разберешься с заговорами мессарийцев, как тебя перебрасывают на подавление мятежа Сигурда в Трумарите, а там, не успеешь толком прийти в себя, пора уже отправляться в Вар-Рахиб под видом полномочного посла не существующего в природе вольного города Зайяла.

За всеми этими хлопотами, собственной семьей Аршан айн Гратц так и не обзавелся. Невысокий, толстенький, лысоватый, с широкой жесткой бородой, которая по утрам напоминала ему накладные бороды кочующих комедиантов, Аршан не сомневался, что ежели какая девица и захочет выйти за него замуж, так только польстившись на возможность влиться в ряды спесивого староимперского дворянства и с выгодой пристроить своих многочисленных родственников. К каждой новой девушке, появлявшейся на его горизонте, он относился с профессиональной подозрительностью, еще больше укреплявшейся, когда очередная несостоявшаяся госпожа айн Гратц отправлялась восвояси, так ничего и не добившись. «Истинная любовь, — нередко говаривал он, — не боится преград и не исчезает при первых заморозках»...

— Девочка моя! — Отстранив племянницу, Аршан бегло оглядел ее с ног до головы и, надо сказать, увиденное его не порадовало.

Заставить Селину сшить новое платье не смогла бы и сама преблагая Ашшарат, спустись она на землю. Когда очередной наряд оказывался безнадежно прожжен кислотой, девушка открывала доставшийся ей от прабабки сундук и находила там что-нибудь, отдаленно подходившее ей по

росту и размеру. Вот и сегодня на ней красовалось бархатное фиолетовое одеяние, безнадежно вышедшее из моды еще при последнем императоре. Или даже предпоследнем.

— Как же здорово, что ты выбрался! Давно у нас?

— Считай, только приехал. Ну, пойдем, покажешь мне свою коллекцию. Наслышан, наслышан, как же...

— Маменька наябедничала? — Селина, не стесняясь, скорчила Луизе гримаску и показала ей маленький, мармеладно-розовый язычок, свидетельствующий о безупречном здоровье.

Схватив Аршана за руку, она потащила дядюшку к выходу. С трудом разминувшись с оказавшимся на пути креслом, айн Гратц попытался было сопротивляться, но быстро смирился: силушке его племянницы мог бы позавидовать испытанный боец, с отличием закончивший школу мечников в Иратаке.

На третьем этаже Селина свернула с лестницы и, едва не обратив в крошево старинную напольную вазу, стремительно втощила Аршана в свои покои.

— Идиоты! — Она подвела дядю к стеклянной витрине на гнутых бронзовых лапах. — Как взбесились! И угрозило же меня родиться женщиной!

— Неужели ни один-таки не понравился? — усмехнулся в бороду Аршан. — Луиза, помнится, рассказывала, у тебя отбоя нет от поклонников.

Несколько слов, в сердцах брошенных в ответ хрупкой девушкой, заставили Аршана мысленно признать, что она явно превзошла родного отца в искусстве нелицеприятно выражать свои мысли — а ведь, помнится, вся прислуга сбегалась послушать их с Луизой скандалы, и мужская ее часть только восхищенно прицокивала языком, когда покойный господин айн Дарран заходил на очередной круг.

— Селина! — попытался он одернуть племянницу.

— Что Селина? — рявкнула девушка и тут же смущенно потупилась. — Прости.

— Ничего-ничего, — великодушно махнул рукой Аршан, с любопытством разглядывая выложенные под стеклом вещи. — Ну-с, приступим. Вот этот берет...

— Украшал плешь благородного господина Кэрра айн Руш, — представила берет Селина. — Индюка-коротышки из Альдомира. В карманах мышь в кулак свищет, на штанах заплата в три ладони, а туда же, щеки надувать!

— Это ему ты посадила в карман белую мышку? — припомнил Аршан письма Луизы.

— Знал бы ты, как он подпрыгнул, когда она и в самом деле засвистела! — звонко расхохоталась Селина. — А вот тут, смотри, — девушка показала на испачканное в чернилах воронье перо, — все, что осталось от моего, с позволения сказать, коллеги. Шукан, подающий надежды чародей. Надежды-то он, может, и подавал, а вот руку даме... И еще, — Селина понизила голос, — у него была жуткая грязь под ногтями. Ненавижу!

— И в кого же ты его превратила? — со вздохом поинтересовался Аршан.

— Его — ни в кого! — ухмыльнулась Селина. — Наглый такой был, все в парк по вечерам звал. Ну, я и согласилась. Не зря, думаю, хвалится, что любую магию влет распознает.

— Распознал? — насторожился Аршан.

— Ну, как тебе сказать... И часа не прошло — целоваться полез. Каков, а? Обнял, облобызал. А дальше, как в сказках: смотрит, у него в объятиях ослик наш. Да ты его наверняка помнишь — на нем Пьер хворост в замок возит...

— Ну и сказки ты читаешь!

Посмотрев на довольную физиономию племянницы, Аршан вновь тяжело вздохнул. Коллекция трофеев и впрямь поражала разнообразием: пряжка с пояса бродячего охотника за драконами, золотая пуговица богатого торговца из Дебокассии, перчатки соседского сынка — редкостного лодыря и лоботряса, браслет широко известного в узких кругах тайленского шулера, оберег популярного среди местного дворянства проповедника... Да уж, Луизе не откажешь в изобретательности!

Когда очередной претендент на руку и сердце прибывал в замок (обычно, «совершенно случайно», «ехал мимо, вот и заглянул на огонек»), Луиза принималась хлопотать вокруг гостя, а Селина послушно выходила знакомиться и

моментально начинала строить планы, как бы сподручнее от него избавиться. Надо отдать ей должное: больше двух дней не прогостил никто. И все покидали замок совершенно добровольно! Племянница же стойчески махала гостью вслед платочком с угловой башни и возвращалась к придумыванию своих драгоценных заклятий.

Селина старалась не повторяться. Особенно Аршану запомнилась история про дебокацкого купца, чей камзол печально проворчал среди обеда: «Полнеем, старина, полнеем. Скоро ведь в двери пролезать не будем». Правда, и с проповедником недурственно получилось: проснувшись по утру после неумеренных возлияний, он увидел, что покоится на гигантской, размером с двор замка, кровати, а подле нее надвратной башней возвышаются стол и кресло. Его громкий вопль долго еще гулял по узким каменным лестницам, а бедная Селина до конца дня пластом пролежала в своих покоях: иллюзия отняла у нее столько сил, что девушка и пальцем шевельнуть не могла.

— Прямо одолели, супостаты, — жалобно ныла Селина. — То никого, а два года назад — как с цепи сорвались. Не успеваю одного выставить, второй лезет! Аршан, ну что во мне такого?!

Поймав брошенный на него быстрый хитрый взгляд, Аршан заверил девушку, что она прекрасней весеннего утра и умнее всех иерархов его Ордена вместе взятых. А также обаятельна, скромна, стройна и (здесь ему пришлось слегка покривить душой), несомненно, грациозна.

Они проболтали до позднего вечера, хохоча на весь замок и пригоршнями отправляя в рот засахаренные орешки. Забравшись с ногами на старинное кресло, Селина незаметно заснула. Укрыв ее пледом, Аршан поцеловал племянницу в лоб и тихонько выскользнул из комнаты: он знал, что Луиза будет ждать его, во сколько бы он ни освободился.

Я бы, конечно, не отпустила его до самого утра, но надо же и честь знать! Тем более что я просто подпрыгивала от нетерпения: интересно, что *теперь* маменька ему наговорит!

Да с чего вы взяли, что подслушивать нехорошо?! Очень даже хорошо: они же не о ценах на урожай собрались посплетничать!

Щепотка голубого порошка — и огонь в камине заметался, разбрызгивая голубоватые искры. Я осторожно отодвинулась подальше.

— ...Мои возможности, — донесся из камина раздраженный голос Аршана. — Я же, извини меня, не бог!

— А кто врал, что у него куча знакомых?! — Маменька, видно, тоже пребывала не в лучшем расположении духа.

— Луиза! — Аршан взял себя в руки. — В пятый раз тебе повторяю: я не смогу рекомендовать ее, до тех пор, пока синклит не убедится в ее способности полюбить. Хоть кого-нибудь! Хорошо, допустим иерарх Савернос — мой добрый друг, но никто ведь и не требует роковых страстей с попыткой наложить на себя руки! Пусть хотя бы замуж выйдет, а там я уже смогу подсуетиться и уверить остальных, что это сугубо по неземной любви!

Эх, спуститься бы сейчас, да и дать ему по голове стоящим в маминой гостиной тяжелым бронзовым подсвечником! Так вот, оказывается, откуда все эти толпы воздыхателей!

— Какая уж тут свадьба, — грустно бубнила маменька, — она же ничего, кроме своих заклятий, и видеть не хочет. Знаешь, чего мне стоило уговорить Замбуна спасти ей жизнь? Бедняга и сам-то едва умел плавать. А если ты думаешь...

Вспомнив Замбуна, я невольно хихикнула. Мозги с кулачок, сплошные мускулы. Грудь колесом, латы сияют, изо рта чесноком несет! А я-то, дура, еще удивлялась, что это он так мечтательно закатывает свои пороссячи глазки, уговаривая меня покататься при луне на лодке...

Огонь в камине взвыл, и я поторопилась кинуть еще щепотку.

— ...Хоть от меня отстань, а? — взмолился Аршан. Поставленный на столик бокал недовольно звякнул. — Стар уже за юбками-то бегать. И вообще — я счастлив, если хоть пару дней в году в собственном доме переночую. Да и тол-

ку от этих девиц... Волосы завьют, духами себя опрыскают — как начнешь чихать, не остановишься. А уж коли рот раскроют... Нет, не нашел — и искать не стану. Любовь, знаешь ли...

Знаю, знаю! Все я про тебя знаю, а скоро буду знать еще больше. Любишь брюнеток, я перекрашу волосы, любишь пирожки... Ладно, уговорил, научусь у Марты их печь. И завтра же закажу в городе все одиннадцать томов «Наставлений» Саверноса.

Подожди немного, я же еще только учусь. Подожди, ладно?

Юркнув в постель, я раскрыла дневник. «Сегодня приехал Аршан. — Буквы проступали на бумаге, повинуюсь движениям пальца. Вот еще, чернилами пачкаться. — Славно поболтали. Уверял, что я обаятельна, скромна, стройна и, — я подчеркнула это тремя чертами, — грациозна».

И, покусав палец, многозначительно дописала:
«Обещал остаться на три дня!»

Виталий Романов

ЧЕРНАЯ ВОДА

Первые лучи солнца скользнули по кронам деревьев, пробежали по ветвям, вспыхивая искрами в каплях утренней росы. Зазвучали голоса птиц. Лес просыпался, тянулся навстречу солнцу. Завозился еж среди листьев, сердито фыркая и раскапывая какие-то лакомства. Бельчонок спустился с ели на землю, прислушался. Впереди, на голой, черной земле лежала шишка. Зверек немного помедлил, потом быстро пересек открытый участок, приближаясь к ней, подхватил. Замер, снова прислушиваясь.

Звук, который испугал бельчонка, нарастал. Он доносился все отчетливее, стремительно приближался. Упала на землю шишка, а бельчонок огромными скачками уже несясь обратно, в сторону леса, пытаясь как можно быстрее покинуть голое место. Далекий гул превратился в рокот бующей воды. Через миг после того, как зверек оказался на ветках дерева, внизу, прямо под ним, покатился бурлящий поток. Пенные водовороты выбрасывали на поверхность старые ветки, листья, мусор. Поток двигался по кромке леса, выныривая откуда-то из-за поворота дороги и устремляясь вдаль.

Притихли лесные обитатели. Смолкли птицы. Еж-непоседа пропал из виду. То ли не смог увернуться от быстрого потока, то ли ушел в глубину леса, подальше от стихии.

Неожиданно раздался громкий рев, заставивший лес вздрогнуть еще раз. Шум могучих двигателей заглушил все звуки, даже плеск беснующейся воды стал казаться несерь-

езным, смешным рядом с этой мощью. Из-за поворота дороги выныривали самосвалы, они везли тонны песка и щебня.

Вот уже огромные камни падают в стремительный поток, перегораживая его. Вода упирается в тяжелые валуны, бессильно разбивается на ручейки, расходится многочисленными языками по сторонам, стремясь найти обходные пути. Но самосвалы знают о коварстве воды. Машины тянутся в сторону реки нескончаемой цепью, они образуют большое полукольцо, сгружают песок, и вот уже на пути бурлящего потока возникает плотина. Все! Вода остановлена. Лес спасен...

Главный инженер откладывает детский совок в сторону, вытирает пот со лба. Улыбается довольно. Пусть умирающий лес существует только в его воображении, точно так же, как могучие «БЕЛАЗы» и «КРАЗы», но плотина, настоящая плотина, из песка и камня — реальна. Она раскинулась широким полумесяцем, перегородив ручеек, что вытекает из разбитой трубы...

Вода все прибывает. Река хитра. Она ищет обходные пути, стремится обойти плотину с фланга. Главный инженер, вовремя заметивший опасность, быстро направляет самосвалы на опасный участок. Угроза прорыва ликвидирована. Ручеек по-прежнему течет, но упирается в запруду, теперь перед ней огромное водохранилище. «Надо построить водоотток, — думает мальчик. — Чтобы сбрасывать излишки воды с плотины. А потом — электростанцию».

Летнее утро. Солнце лениво ползет вверх. Впереди, до обеда, еще много времени. Как хорошо, что не надо торопиться. Мальчуган представляет себе огромный город у моря. Воображение рисует ему корабли, плывущие к другому берегу. Туда, где будет построен завод. Малыш счастливо улыбается и принимается за работу.

Но главный инженер еще не знает, что вода не только хитра. Она опасна. Тонкий ручеек подмывает плотину в самой середине. Высокая стена неожиданно проседает, на глазах у замершего мальчугана заваливается вперед, прямо в водохранилище. Громкий плеск, волны кругами расходятся по сторонам, накатываются на берег.

Вода коварна. Упавшая стена уже не может сдерживать поток, долго копивший силы для решающего удара. И даже самосвалы, по команде инженера сбрасывающие камни в кипящую пену, не способны остановить трагедию. Вода вымывает стены вокруг пролома, теперь это уже не маленький ручеек, это огромный бурный поток. Он угрожающе рокочет, сдвигая валуны, что лежали в основании плотины. Вода уносит песок, с каждой секундой все больше и больше перечеркивая надежды на то, что плотину удастся восстановить. Поток, чувствуя свою победу, беснуется на просторе, ревет, катится вперед. Мутные языки воды рвутся во все стороны, подхватывают ветки, прутья, бумажки. Поток докатывается до леса. Сносит вековые деревья, выворачивая их с корнем...

На берегу, у разрушенной плотины — мальчик. Игрушечный совок неподалеку. И уже не режут двигатели могучих «БЕЛАЗов». Все погибло...

Малыш не плакал. Он сидел на горячем песке, крепко сжав пальцы, и смотрел, как рушится его мир. «Мужчины не плачут...», — повторял он себе. «Мужчины не плачут».

— Осторожно, двери закрываются, — пробормотал над ухом приятный женский голос, и пассажир вздрогнул. Видение исчезло. Человек вспомнил, где находится. Вспомнил, зачем он здесь. Пассажир вскочил с мягкого кресла, сделал движение в сторону выхода, но двери уже закрылись. Состав с мягким шипением тронулся с места, набирая ход. Длинный перрон остался за спиной, и прошлое, привычный мир — все исчезло за окном. Мелькнул последний луч солнца. Поезд нырнул в темный туннель.

— Следующая станция: «Три дня до конца света», — мягко добавил голос. Наступила тишина. За окнами вагона царил тьма. Даже стены тоннеля не были видны. Пассажир прижался к окну, стараясь разглядеть хоть что-нибудь, но там была абсолютная темнота. Человек вздохнул, вытирая пот со лба.

«Какого черта? — мелькнула предательская мысль. — Какого черта... я сюда...»

Поезд продолжал движение по тоннелю. Сколько лет он возил пассажиров туда, за край? Человек не знал ответа на вопрос.

«Да теперь поздно его задавать». Он вернулся в кресло, сел, погружаясь в воспоминания... Поезд едва ощутимо вздрогнул на стыке...

...Длинный серпантин горной дороги. Почему именно так надо прокладывать дороги в горах?! Поворот за поворотом, все по краю пропасти, лишь маленькие столбики отмечают тонкую грань, разделяющую два мира: суетливый, земной, и тот, где уже никуда не надо торопиться.

А ведь он так спешил! Ему нужно было срочно попасть в город. Из-за тумана не летали самолеты, оставался только многокилометровый серпантин, соединявший две точки... Человек с детства не любил гор... Стены из векового камня казались ему живыми, враждебными... Горы жили в другом мире, и люди со своей суетой были тут лишними. Он ощущал каждой клеточкой спины: «Мы — чужие». Именно поэтому всегда был настороже здесь. Может, это его и спасло? Ведь не случайно он сел на заднее сиденье, прямо за спину водителю. Хотя предпочитал переднее кресло, там удобнее видеть дорогу, чувствовать скорость, пропускать через себя стремительный бег асфальтовой ленты, что закручивается под колеса... Но в тот раз он сидел позади.

И когда земля вздрогнула от сильного толчка — не удивился. Он был готов к этому. Ему не надо было отстегивать ремень... Быстро дернул непослушную ручку, всем телом навалился на дверцу, выпал наружу... Удар получился сильным, его протащило по асфальту, но боли он не почувствовал.

Говорят, в такие минуты время останавливается. «А ведь не вдали», — подумал он тогда, лежа на обочине. У него была вечность, чтобы рассмотреть все детали. Время стало упругим, тягучим. Водитель внутри кабины пытался отстегнуть крепления ремня. Колеса автомобиля уже соскальзывали вниз, в страшную пропасть. Бетонный столбик на обочине рассыпался на куски. «Как прозрачна грань, что

отделяет этот мир от ...», — проскочила глупая мысль, совсем не к месту. Передние колеса автомобиля висели над бездной, машина двигалась ТУДА, медленно, миллиметр за миллиметром. Колеса вращались...

«По-мо-гиии!!!» Звуки не проходили сквозь ватную упругость времени. Но просьбу можно прочесть по губам. По глазам. И рука — навстречу ему, оттуда, из мира за гранью, тянулась рука. Растопыренные пальцы...

«Но, Боже, как трудно заставить себя встать и сделать шаг навстречу», — он приподнялся, холодная струйка пота скользнула по спине, лишая воли. Он запомнил висящие над пропастью шины, мелькание титановых дисков — колеса все еще вращались. Запомнил медленно скользящий по камням кузов. А прямо около автомобиля, рядом с разбитым на куски столбом ограждения — трещинки на асфальте, у самого края. Из них выглядывала зеленая трава.

— По-мо-гиии! — крик ворвался в уши. Время ожило. Рванулось ему навстречу, вместе с мольбой о помощи, тугим потоком ударило в грудь. Человек упал обратно на асфальт. Машина соскользнула в пропасть. Еще миг он видел перед собой безумные, полные надежды и отчаяния глаза... А потом остался только крик.

Крик не однажды приходил к нему во сне. Так было много лет, но со временем все позабылось. Память заботливо стирает старые воспоминания: не до конца, конечно, лишь притупляя их, закапывая в грудь новых, более свежих. Кажущихся более важными. Прошли годы, и крик почти не возвращался к нему. Только сегодня, в поезде, из которого нет возврата, крик пришел снова...

— Станция «Три дня до конца света», — мягко прозвучал голос в динамике. Поезд вынырнул из тоннеля на открытое пространство, свет, непривычный красный свет заливал платформу. Бил в окна. Пассажир очнулся. Снова вспомнил, где он сейчас и что делает.

Ему захотелось выглянуть наружу. Было очень страшно. Красный огонь слепил глаза, и казалось, что вагон наполняется кровью. Человек опустил веки, зажмурил-

ся. Схватился за поручень, закусив губу. «Не убежать... не закричать...»

— Осторожно, двери закрываются... Следующая станция...

Поезд снова нырнул в бесконечный тоннель.

...Яркий майский день ворвался в память грохотом трамвая, медленно ползущего через Неву. Радостными криками детворы — первые катера уже бегали по реке, и мальчишки привычно бросали вниз всякую мелочь из карманов, стараясь угодить в крышу судна. Взрывы на «стрелке»... Он повернул голову, чтобы посмотреть. Петарды... Город провожал весну. Гулял и веселился. Мечтал о жарком лете.

Стояла отличная погода. «Еще немного — и можно будет забыть про куртку, до осени», — улыбаясь, подумал он. Молодые девчонки уже всюю щеголяли в коротких юбках, бесстрашно игнорируя холодный ветер... «Дурочки, — с удовольствием разглядывая стройные ноги, думал он. — По весне в Питере дует холодный ветер с моря...» И все же было приятно смотреть на них, ловить на себе взгляды, улыбаться в ответ.

Питер ждал белых ночей. Жил в предчувствии любви, что неизбежно приходит к любому, кто однажды болел этим городом и бродил ночами вдоль Невы...

И тут оживленный гомон стих: его перерезал отчаянный крик. Сердце сжалось в комок — словно ледяная лапа ухватила его, лишая возможности дышать... Безумный крик оборвался почти сразу, превратившись в шумный плеск. И тогда, даже не видя, что произошло — он угадал. С моста в реку упал человек. Девушка. Через мгновение он разглядел ее голову далеко внизу, длинные волосы растеклись по поверхности. Девушка неумело била руками по воде, одежда тянула ее ко дну. «Она долго не продержится, даже если уже сменила зимнюю обувь на легкие полусапожки. Да и вода еще не летняя».

Ему вспомнились протянутая с той стороны рука и безумные глаза: «По-мо-гиии!» Медленно качающиеся травинки, пробившиеся сквозь трещины на асфальте. Вра-

щающиеся диски колес... «По-мо-ги!!!» — кричал голос через пропасть лет.

Холодный пот мгновенно покрыл все тело. «Я же почти не умею плавать...» Пальцы, вмиг ставшие непослушными, рванули застёжки куртки. «В одежде я точно не выгребу...» Сердце гулко и страшно бухало в груди, когда он скинул куртку на мостовую. «Не вдохнуть воздух... Черт! Теперь кроссовки...» Он наклонился, отдирая липучки. Дорогие «тапки» полетели на тротуар. Он не помнил, как перекинул ноги через перила моста, за грань, отделявшую его привычный мир от бездны. «Второй раз я не вынесу этого... Лучше прыгнуть... на три»

«Раз... Два...» Он не успел сказать «три». Что-то коротко просвистело в воздухе, раздался еще один всплеск. Гибкое тело с шипением вошло в воду, оставляя на поверхности цепочку пузырей. Через миг пловец вынырнул... Покрутил головой, сориентировался, быстро поплыл в сторону еще державшейся на поверхности девушки.

«Вот и славно, — подумал он, перелезая обратно за перила и пытаясь унять предательскую дрожь в руках. — Вот и хорошо, что не я...»

Вагон ощутимо подпрыгнул на стыке, и человек очнулся. Он поднялся с кресла, подошел к темному стеклу. «Ведь я не струсил тогда, — сказал пассажир себе, пытаясь найти отражение в черном зеркале. — Я бы прыгнул».

— Не прыгнул, — шепнул голос за спиной.

Человек вздрогнул, как он удара.

— Прыгнул бы!

— Нет!

— Да пошел ты! — пассажир разозлился. — А ты сам бы...

Он обернулся. Позади никого не было. Там и не могло никого быть. Поезда не возят за грань сразу нескольких пассажиров. Здесь всегда VIP-класс... Он тяжело опустился на сиденье и закрыл лицо ладонями.

— Станция «Два дня до конца света», — двери зашипели, открываясь... Холодная синева залила нутро вагона.

Пассажир отчаянно помотал головой. «Нет-нет. Мне... дальше», — беззвучно прошептал он.

Тук-тук. Тук-тук. И кажется, будто это обычный поезд. Словно вагон метро... Господи, сколько лет он не ездил в метро?! Все осталось далеко-далеко в прошлом, до того, как пошли «в гору» дела и он пересел на свою машину... Все забылось... Метро. Будто обычный вагон, помнишь? Поздний состав, пустой, и ты в нем один-единственный пассажир. Так было где-то там, за гранью памяти, когда ты провожал...

Человек закусил губу, чтобы не закричать.

— Уходи, — сказала девушка-весна. — Все прошло.

Он усмехнулся тогда. Весело посмотрел ей в глаза, по-прежнему веря, что все можно исправить. Она много раз говорила похожие слова. Он привык — понимал, что ей трудно. У девушки-весны было так много — свой дом, машина, деньги. Он баловал ее как ребенка, покупая дорогие подарки. Иногда возил с собой, рассказывая о тех странах, куда они обязательно поедут вместе. Потом, позже. Девушка-весна слушала его, смеялась, жадно прикикая к нему. А дальше... Дальше все начиналось сначала. Он уходил с головой в работу. Поздно появлялся дома. Иногда не хватало сил, чтобы съесть приготовленный ею ужин. Он целовал ее в щеку, доползал до постели, устало падал. Чтобы с утра начать все заново. Он не обманывал — просто работал.

И только потом, когда уже стало поздно, понял — это тоже измена. Он изменял ей с работой. Ему казались важными срочные дела. Ему казалось, что девушка-весна будет ждать его. Всегда.

Но однажды «Уходи!» прозвучало в последний раз. Он еще не верил тогда. Девушка-весна шла по осенней дороге, деревья бросали на нее желтые листья. И он навсегда запомнил ее такой — с желтым, увядающим листом клена на плече. А потом ветер взметнул ее волосы, разбросал по сторонам, лист плавно опустился на землю. Он стоял, глупо улыбаясь, глядя вслед. Он еще не знал, что не сможет вернуть ее.

Потом были другие — другие женщины, другие ночи — но никто не заменил ему ту, что ушла однажды осенью...

«Тик-так, тик-так», — вспомнилось ему. Это было дома, в пустой холодной квартире. Он ломал дорогую мебель. Разбил вазы, которыми украшал спальню. Он метался из комнаты в комнату раненым зверем. Выл, как волк. А потом засыпал на постели, на ее подушке, вдыхая аромат духов... Засыпал, чтобы ночью, привычно вскочить, думая: «Как она там? Не надо ли укрыть одеялом? Все ли в порядке?» И его вытянутая ладонь находила пустоту...

«Тик-так, тик-так». Почему он оставил старинные ходики, доставшиеся еще от бабушки? Ведь когда пошел «в гору», он выбросил из дома кучу ненужного хлама. Безжалостно избавился от старых вещей. А ходики оставил. Видимо, для того, чтобы слушать «тик-так» в пустой холодной квартире... Теперь, когда рухнула его крепость, которую строил много лет...

«Тик-так». Он вспоминал малыша, плачущего у разрушенной плотины. Снова видел могучий поток, вырвавшийся на простор: веселый и шумный бег воды. Он вспомнил горе от поражения, первого в жизни настоящего поражения...

«Тик-так, тик-так», — чуть слышно стучали ходики. Мужчины не плачут, мужчины огорчаются...

— Станция «Один день до конца света», — вкрадчиво прошептал голос... Серый день за окнами. Серый пепел прошлого...

Пассажир не вышел в открывшиеся двери...

— Следующая станция «Конец света».

Человек не слышал голоса...

Сколько лет прошло, прежде чем она вернулась? Два года? Или три? А может четыре? Он не помнил точно. Все стерлось из памяти — важные дела, победы, сумасшедшая карьера. Тогда, после ее ухода, он потерял смысл. У него были деньги, чтобы жить. Без той, что ушла однажды осенью, ему не нужны были дорогие рестораны. Наскучили шумные компании. Потускнели и стали нелепыми прежние успехи. Бизнес умирал на глазах... Ему было безразлично. Были деньги на еду. А остальное мало его заботило.

«Тик-так», — считали ходики. Месяц за месяцем, год за годом. Время тянулось медленно и страшно. Прошлая любовь жила внутри, не хотела умирать. Но день, когда девушка-осень снова пришла к нему, все же настал.

Он не сразу узнал... Похудевшая, вытянувшаяся, с черными кругами под глазами. И во взгляде было что-то другое: чужое, незнакомое.

«Ты ведь любил...» Он не сразу понял, чего она хочет. «По-мо-гии!» — шептали губы. «По-мо-ги!» — просили глаза. А он никак не мог понять и поверить.

— Ведь это мог быть твой сын...

«Мог бы, но не стал», — хотелось кричать ему. «Не стал, не стал, не стал!» И он готов был снова выть от горя... Только теперь смысл ее просьбы стал понятен ему.

«Это мог быть мой сын... Но не мой...»

— А где... тот... — с трудом разлепив губы, спросил он. Ему было очень больно объяснять, о ком речь. Но девушка-осень поняла его.

— Мы одни... Сыну нужна операция. Срочная... Иначе он умрет... Помогите...

И в ее глазах не было боли. Не было счастья. Была только рабская покорность, готовность выполнить любое желание, любую прихоть, лишь бы только простил, хоть ненадолго.

«Чтобы... сыну... денег... чужому...»

«Мог бы. Но не стал!» — кричал голос внутри. И он упал бы на пол, бился бы головой о стену, но ничего нельзя вернуть обратно.

Он должен был сказать ей, что империя давно развалилась. Что уже нет того человека, который несколько лет назад готов был возить ее в любые страны. Тогда весь мир лежал у ее ног. Но бизнес рухнул, как карточный домик. И ему ни за что не набрать такую огромную сумму, которая требуется на операцию. Он промолчал.

«Ты ведь любил?»

Ее глаза молили: «Помогите!» Его кричали в ответ: «Мог бы! Но не стал!» Она отвела взгляд.

— Деньги... будут... завтра... — с трудом прохрипел он, отворачиваясь.

Он не хотел видеть, как девушка-весна будет унижаться.

— Встань с колен, — попросил он, мягко отталкивая ее. — Уходи. Завтра будут деньги...

Дверь за ней закрылась.

«Любил... ил... ил... ил...»

«Тик-так, тик-так».

«Он мог быть твоим сыном...»

«Мог бы, но не стал...»

«Мужчины не плачут».

«Уходиии!»

Он снял телефонную трубку, набрал номер, дождался ответа.

— Джанас, это я. Привет. Мне срочно нужны деньги. Да... Все сделаем сегодня. Да, квартира, машина... и мебель. Подпишу... Деньги нужны утром. Документы сегодня. Пока!

Трубка легла на рычаг...

До утра было много времени. Подписав документы о передаче прав, он перебирал старые коробки с бумагами. Что-то осталось от родителей, что-то казалось дорогим и важным ему самому. Не так уж и много. Он носил все это на кухню — письма, фотографии, смешные любовные записки, еще со школы — и сжигал над газовой горелкой. Серый пепел... Оставил только одно фото. Девушка-весна... Убрал цветную картинку во внутренний карман.

До утра было много времени. Как раз успел...

Видимо, все решил ее взгляд. Он молча протянул толстую пачку.

«Справишься?» — молча спросили глаза.

«Господи, Господи, я буду молиться за тебя», — кричал в ответ ее взгляд.

«Справишься?!» — требовательно спросил он.

«Да», — она закрыла глаза. — «Спасибо тебе».

«Прощай!»

Он уходил по дороге. Уходил в никуда, глубоко засунув руки в карманы. Умирающие листья падали ему вслед, желтым ковром закрывая приготовившуюся уснуть землю. Снова была осень.

Он шел и не видел перед собой дороги. А потом остановился: перед ним была Станция... Последней мелочи, которую он наскреб в карманах, как раз хватило, чтобы купить билет. Билет в одну сторону.

Поезд резко затормозил.

— Станция «Конец света», — сообщил динамик. Пассажиры очнулись от воспоминаний. Он встал с кресла...

— Поедешь дальше? — прошептал голос за спиной. Человеку показалось, что спрашивающий улыбнулся.

— Да пошел ты! — внятно ответил он, засовывая руки в карманы. — Куда уж дальше...

Он шагнул вперед, переступая грань. Светлый вагон остался за спиной. Кругом была чернота. Человек повернулся лицом к поезду, его губы сжались, на лбу проступили складки. Состав еще немного постоял у перрона, потом двери с мягким шипением закрылись. Поезд тихо отошел от станции, набирая ход. Бывший пассажир смотрел ему вслед. Мелькнули красные огоньки последнего вагона. Потом затих шум.

Человек остался один.

— Наверное, — сказал он вслух, — тот, кто придумал эту ветку, был не дурак. Он знал, что главный суд — тот, что внутри. До конца света или после, какая разница? От этого не уйдешь...

Он зябко передернул плечами, медленно обернулся. Глаза постепенно привыкали к темноте. Перрон был коротким и узким. Здесь никогда не проходили толпы, как на демонстрации. Или в том же метро.

«И все же, здесь прошло не так уж мало людей, до меня», — подумал человек. Он наклонился, рука скользнула по стертым бетонным плитам.

Человек выпрямился, шагнул к краю платформы. Перед ним, прямо от самых ног и до горизонта, колыхалось черное зеркало. Наполненная до краев чаша. И в этой воде не отражались звезды — совершенно незнакомые звезды, сиявшие над головой.

— Ну, здравствуй! — тихо шепнули губы.

Виталий Обедин

МОТИВ

2-й день месяца Травостой, год 2043 от Конфликта Гильдий

Груженные телеги втягивались в створы ворот одна за другой и медленно тянулись сквозь плотную людскую толпу, заполонившую улицы: женщины, старики, дети... Встречать скорбный груз вышли все. Раненные в иссеченных, растерзанных доспехах лежали на телегах вперемешку с мертвыми. Мертвых было больше, и горький плач — даже не плач, скорбный женский вой — ввинчивался в воздух, подобно спирали, витки которой ширились все больше и больше, и вскоре уже охватили весь город.

Двое мужчин, мрачно наблюдавших за происходящим с парапета высокой сторожевой башни, переглянулись. На лице более молодого, облаченного в накидку из волчьей шкуры, отразилось отчаяние.

— Так много... сколько же их там осталось?

— Меньше половины. — Старший опустил взгляд и хмуро затеребил причудливый амулет, висевший на шее. — Мы оба знали, что у них не было шансов.

— Спустимся вниз?

— Нет. Воеводу Брэнибора и других командиров... тех, кто еще жив, доставят к Палатам Совета. Идем туда.

— Ты... ты тоже не можешь этого выносить?

— Чего «этого»?

— Взглядов. — Мужчина в волчьей шкуре, отодвинулся от парапета, словно испугавшись, что его услышат. —

Взглядов людей, бичующих любого Кудесника, который появился на улицах. Их глаз, полных отчаяния, растерянности и страха. То, что мы переживаем сейчас, похоже на падение богов! Годами мы были опорой и защитой Руанны, мудрыми и могучими пастырями, и вдруг оказались бессильны перед своей паствой... не можем защитить и не можем спасти их... Мы — лживые боги.

— Мы не боги, Волчий Дух. И никогда не были богами. Не забывай это, иначе разделишь судьбу Сумрака.

... Воевода Брэнибор умирал. Огромный, как медведь, и такой же неодолимо сильный, он уступал смерти, как достойной сопернице в бою — медленно, нехотя признавая чужое превосходство. Даже в последние мгновения жизни, Брэнибор сохранял ясность мышления и усилием воли не позволял себе впасть в забытие, хотя последнее могло бы избавить его от мучительной боли, терзавшей внутренности. Вражеское копьё с иззубренным наконечником разворотило воеводе живот — любой другой на его месте давно был бы мертв... любой другой, но не Брэнибор, человек-легенда, величайший воин Севера.

Он сразу узнал приближающихся людей и даже попытался поднять руку, чтобы поприветствовать Кудесников.

— Где Травник? — отрывисто выкрикнул Волчий Дух, бросаясь к телеге, на которой покоилось тело Брэнибора. — Травник!!

— Я здесь, брат. — Сутулая фигура, облаченная в длинный серый клобук, тенью выскользнула откуда-то со стороны часовни, куда послушники вносили тяжелораненых, и замерла, скрючившись, словно вопросительный знак.

— Помоги ему! — раздраженно рявкнул Волчий Дух. — Ты что, не видишь, он умирает! Оставь всех других и помоги ему.

— Полноте, молодой Кудесник. — Брэнибор слабо улыбнулся, и его огромная ладонь накрыла пальцы Волчьего Духа, вцепившиеся в обод телеги. — Мне уже не помочь. И незачем помогать. Остаться в живых после того, как столько славных мужей пало на поле битвы? Не-ет... это — хорошая смерть.

— Видишь? А там есть другие, которые хотят жить и которым еще можно помочь. — Травник покачал головой и исчез в часовне.

— Брэнибор. — Спутник Волчьего Духа приблизился к телеге и положил руку на плечо воеводы.

— Тучегон...

На лице умирающего отразилось умиротворение. Он сделал это! Он выдержал ровно столько, сколько требовалось, чтобы дождаться этой встречи и сказать последнее, ради чего еще продолжал цепляться за жизнь.

— Ты был не прав, Тучегон, — горячо произнес Брэнибор. — Мы могли победить! Боги, мы могли победить!

На большее сил воеводы не хватило. А сказать нужно было еще так много! Картины грандиозного сражения до сих пор витали перед меркнувшим взором великого воина.

Это была прекрасная битва! Доспехи воинов Руанны сверкали на солнце, как серебро, и они сражались, подобно героям легенд.

Первый натиск Орды оказался страшен, но они разбились о стену червлених щитов, откатились назад, и Паледонские Братья, закованные в сталь с головы до ног, тут же ринулись в атаку! Могучим ударом они вклинились в левый фланг Орды, рассекли его до задних рядов, потом сделали разворот и вонзились в центр, рубя и топча всех на своем пути. А в это время дружинники Брэнибора перестроились, плотнее сомкнули строй и, ошестинившись копьями, начали наступать. Они шли, и земля чавкала под ногами, напоенная кровью. Шли, и поле за ними было черно от тел. За десятилетия, проведенные под защитой Кудесников, руанницы не разучились держать оружие в руках!

О, нет! Дружинники Руанны и их союзники дали грандиозное сражение... Оставалось совсем немного для того, чтобы опрокинуть Орду окончательно, обратить ее в бегство, но тут...

Брэнибор впервые не уловил момент, когда в битве наступает перелом.

Роковой момент.

Момент, с которого все идет вспять.

Сразу несколько копий поразили юного князя Калика, и Паледонские Братья смешали строй. Прекратив атаку, они сгрудились вокруг тела вождя, пытаясь отбить его у Орды. А затем правый фланг, где мужественно бились наемники Ирии, впервые не пожелавшие взять плату за свои клинки, вдруг прекратил наступление, наткнувшись на упорное сопротивление противника.

А потом были Змеиные Всадники...

Даже сейчас Брэнибору казалось, что он все еще чувствует эту жуткую мускусную вонь и ужас, который сеяли в сердцах воинов черные длинные тела Змей, буквально разметавшие ряды руаннийцев. Левый фланг продолжал держаться, но им же стало от этого хуже. Основные силы союзного войска были оттеснены, и они оказались в окружении. Люди Брэнибора видели, как Змеиные Всадники кружили вокруг бойцов воеводы Лотора, стягивая кольцо все туже и туже. Отвратительные существа изгибались огромными петлями и буквально выдергивали воинов прямо из сомкнутых рядов, а то и таранили их своими тяжелыми, похожими на наконечник копья головами, разнося в щепы самые крепкие щиты. Они все погибли... все... все до единого.

И это было начало конца.

И все же...

Нет, Тучегон. Это не было самоубийством. Мы могли победить... да, могли... могли...

Воевода не произнес этого вслух. Тучегон, мудрый и старый Кудесник, прочитал все в угасающем взоре. И потупил глаза.

— Он мертв?

— Мертв. Это был великий человек. Свое последнее сражение он все-таки выиграл. — Голос старшего Кудесника зазвучал надтреснуто. — Он доказал, что даже мудрейший из Кудесников, непогрешимый Тучегон, глава Совета, может ошибаться: люди, наделенные таким духом, могли победить. И заслуживали победы.

— Но ты не сказал ему о том, что они сражались лишь с частью Орды. Что воснные вожди Турлок и Хваг еще не соединились со Змеиным Лордом.

— Нет...

Тучегон задумался и, склонив голову, долго смотрел на обмякшее тело Брэнибора.

Волчий Дух терпеливо ждал подле. Вокруг суетились люди, внося в часовню Травника все новых и новых раненных. Несколько оруженосцев, приблизившись, с почтением забрали тело воеводы.

Наконец старший Кудесник встряхнулся и, обернувшись к Волчьему Духу, отрывисто приказал:

— Нам нужно собрать Совет! Сейчас же. Я принял решение.

Тем же днем, позже

— Итак, братья, я принял решение. — Тучегон медленно обвел взглядом лица пяти явившихся по его зову Кудесников. — Но прежде, чем я его оглашу, нам необходимо присутствие всех членов Совета. Где Дубоворот?

— Сегодня он покинул город, — опустив голову, ответил Волчий Дух. — Отправился к остаткам наших войск, что отступили в ущелье Дэннора. Сказал, что будет сражаться вместе с ними.

— Но Череп Масакара, который несет с собой Орда, нейтрализует силу любого Кудесника. На что он рассчитывает? — произнося этот вопрос, Тучегон уже знал ответ.

— На достойную смерть. Дубоворот будет сражаться как обычный смертный. Это последнее, что он может сделать для своего народа. По правде говоря, я серьезно думал о том, чтобы отправиться весте с ним. И отправлюсь следом, если ты не предложишь ничего путного.

— Скажи о своем решении, брат, — прогудел тучный и низкорослый Кудесник, сидя в кресле, напоминавший туго набитый мешок. — Не время соблюдать традиции и ритуалы.

— Я намерен освободить Сумрака, — твердо произнес Тучегон.

На какое-то время повисло молчание. Кудесники медленно переваривали сказанное главой Совета, не в силах поверить в услышанное.

— Но это... это неразумно! — первым ожил Волчий Дух. — Сумрак никогда не будет сражаться на нашей стороне! Он... он... да он вообще не будет сражаться! Просто полюбуется бойней и исчезнет!

— Младший брат прав, Тучегон, — поднялась на ноги Ночной Шепот, единственная женщина-Кудесник, входящая в Совет. — Сумрак равнодушен ко всем, кроме себя. Какая ему разница, кто и за что воюет? Сумрака интересует только одно — он сам и его желания. И потом, не думаю, что после семидесяти лет плена он хотя бы на короткий миг задумается о том, чтобы помочь своим тюремщикам!

— Дело даже не в этом, сестра! — вставил низкорослый Кудесник, прозванный Мастером Троп. — Освободив Сумрака, мы выпустим в мир человека, считающего себя богом и потому способного преступить любые нормы и законы, по которым живут смертные...

— Один равнодушный убийца и насильник, пусть даже наделенный могучими силами, все же лучше, чем Орда таких же. Сумрак никогда не убивал из желания убить. Погибли лишь те, кто вставал у него на пути. Он не уничтожал целые города и народы...

— ... кроме одного единственного случая, — едко вставил Мастер Троп.

— В сравнении со Змеиным Лордом, он — меньшее зло, — продолжал гнуть свое Тучегон. — И потом, наш пленник — единственный обладатель магических сил, на которого не подействует Череп Масакара. Он единственный, кто может встать на пути Орды. И потому наша задача — заставить Сумрака это сделать!

— Но как? — Ночной Шепот всплеснула руками. — Как заставить его защищать то, что ему безразлично?! Как помешать ему, получив свободу, тут же не исчезнуть? Если мы освободим Сумрака, то уже не сможем вернуть в узилище. Более того, он может перебить всех нас в отместку за то, что мы держали его связанным так долго!

— Когда Череп Масакара приблизится к городу, наши чары будут развеяны, и Сумрак, так или иначе, вырвется на волю ... Мы сами должны дать ему свободу. И вместе с

ней — мотив! Мотив, достаточный для того, чтобы драться на нашей стороне!

— Прости, но я не понимаю тебя, брат. — Длинный и нескладный Кудесник недоуменно пожал плечами.

Он одним своим видом полностью оправдывал имя — Книжник.

— Что мы можем посулить Сумраку в обмен на его защиту? Не думаю, что мы обладаем чем-то, что могло бы его заинтересовать. В свое время Кудесники лишили многие Гильдии и многих Одиночек ценных вещей и артефактов, чтобы сделать их менее могущественными и более управляемыми, но у Сумрака никогда не было чего-то, что стоило бы отнять...

— Думайте братья, думайте! — настойчиво произнес Тучегон. — Как по-вашему, почему воевода Брэнибор и его люди вышли сражаться с Ордой, зная, что победить невозможно? Почему десятки и сотни здоровых, полных сил людей взяли мечи в руки и устремились навстречу смерти? Почему те из них, кто выжил в кровавой мясорубке при Паледоне, не ищут спасения в бегстве, но собираются в ущелье Дэннор, готовясь принять последний бой и разделить участь товарищей? Почему туда же поехал Дубоворот и вслед за ним собирается Волчий Дух? Ответ так прост...

— Мы все защищаем то, что нам дорого, — медленно произнес Волчий Дух. — Вот только Сумрак — эгоист до мозга костей. Причем, его безразличие ему даже нравится. Он выставляет его напоказ, просто упивается своим нейтралитетом, особенно когда видит, что мог бы вмешаться и все изменить...

— Ты не слушаешь, — задумчиво сказала Ночной Шепот. — Тучегон хочет сказать совсем иное.

Старший Кудесник одобрительно кивнул. Шепот всегда понимала его лучше остальных. Книжник внимательно посмотрел сначала на него, потом на Шепот и слабо улыбнулся. Он тоже понял.

— И что?

— Мы должны сделать так, чтобы что-то здесь, в Руанне, стало Сумраку дорого. Настолько дорого, чтобы он был

готов защищать это от Змеиного Лорда и его Орды. Защищать, наплевав на свой любимый нейтралитет.

— Кхм! Это звучит настолько глупо, что даже... интересно. — Последний, дотоле молчавший Кудесник рассмеялся коротким каркающим смехом. — Значит, вы предлагаете вместо того, чтобы планировать оборону Руанны или искать способ уничтожить Череп Масакара, сосредоточить свои усилия на том, чтобы отыскать в самом эгоистичном создании нашего мира нечто, хоть отдаленно похожее на душу? И, отыскав, побудить его думать не только о себе, но и о других? Я всегда знал, что ты, брат, выбираешь для решения проблемы самые экстравагантные пути.

— Потихе, Ворон! — вступилась за старшего Кудесника Ночной Шепот. — Если у тебя есть более зрелые предложения, можешь их высказать.

— К сожалению, нет. — Чернобородый Кудесник развел руками. — Идеи более бредовой, чем эта, у меня нет.

— Что защищают люди, когда беда подходит к их дверям? — негромко спросил Тучегон.

— Образ жизни, дом, отечество, семью, родных, близких, жен, детей... — забормотал Волчий Дух. — Но Сумрак никогда ни к чему не был привязан. Человек без родины, без дома, без семьи, без близких... Все, что у него было, он променял на одиночество. У него нет слабых мест. Сумрака даже смерть не страшит, потому что через три дня после нее он возродится в теле любого темноволосого ребенка, зачатого между ночью и днем.

— Любовь, младший брат. Ты забыл самое главное. — Ночной Шепот смотрела на старшего Кудесника и улыбалась. — Люди всегда защищают своих любимых. Яростнее всего, отчаяннее всего, безжалостнее всего, может быть потому, что у любви больше всего врагов. Из-за нее так часто убивают... И, что очень важно, в отличие от дома и семьи, которых мы не сможем создать для нашего пленника, любовь может вспыхнуть где угодно и когда угодно. Ты ведь именно это придумал для Сумрака, Тучегон? Испытание на способность любить?

— Да, сестра. За то короткое время, что у нас еще есть, нам предстоит решить архисложную задачу! Заставить полюбить человека, который никогда не любил.

— Это бред! — Мастер Троп даже подпрыгнул в кресле. — Любовь — это подарок судьбы. Величайшее и кристально чистое чувство. А вы... вы предлагаете создать его искусственно! И создать для такого монстра, как Сумрак! О чем ты вообще думаешь, Тучегон?!

Тучегон усмехнулся. Столь пламенной реакции от маленького толстяка он не ожидал. От кого угодно, но только не от Мастера Троп, единственная любовь которого плескалась в пивном бочонке! Торжествующее выражение лица старшего Кудесника красноречиво говорило о том, что он уже все продумал.

— Я полагаю, что для решения проблемы нам нужен профессионал, — спокойно произнес Тучегон, нимало не смущаясь под испытующими взглядами братьев. — Мастер в умении любить и влюблять. Гений... Блудница!

4-й день месяца Травостой, год 2043 от Конфликта Гильдий

Порыв ветра налетел с севера и жадно рванул полы темно-серого плаща, лежавшего на плечах высокого смуглого мужчины. Он стоял на краю длинной террасы, тянувшейся от высокой смотровой башни далеко в сторону, аж до самой скальной гряды, под которой гнездились предместья Руанны.

Лежащий под ногами смуглолицего город — величайшее творение человеческих рук — вольно раскинулся почти на всю долину Янарет, вздымая к небу шпили дворцов и башен. Храмы богов сияли золотом и серебром. Бесчисленные памятники и изваяния, гигантские в сравнении с крошечными фигурками людей, казались ожившими титанами, вернувшимися в мир смертных из седой древности. Это было прекрасное и волнующее зрелище... но не для того, кто поднимается сюда каждый день на протяжении вот уже семидесяти лет.

Смуглолицый мужчина небрежным движением одернул плащ. За сотни часов, проведенных здесь, высоко над богатейшим и прекраснейшим городом мира, его пытливый взгляд распутал все хаотичные переплетения улиц, разгадал все тонкости мозаики зданий, рассортировал и оценил все множество архитектурных стилей. Руанна была прекрасна, но она давно постыла ему.

И, собственно говоря, вот уже лет триста ему не нравились большие людные города!

Он плюнул вниз и вдруг с места, почти не сгибая колен, взлетел на парапет, ограждавший края террасы. На какое-то мгновение показалось, что сейчас он оттолкнется от мягкого, рыхлого от постоянной эрозии камня и полетит вниз, но этого не случилось. Неведомая сила подхватила смуглолицего как раз на краю парапета, на короткий миг задержала в воздухе и тут же мягко, но настойчиво оттолкнула назад. Каменная крошка зашуршала под подошвой сапог, когда человек в плаще, сделав акробатический кульбит, приземлился на ноги.

Смуглолицый беззвучно рассмеялся. За семьдесят лет эти прыжки в бездну были единственным развлечением, которое еще не наскучило. Он очень почетный пленник! Ему даже умереть по собственному желанию не позволено!

Лицо человека в плаще чем-то неуловимо напоминало клинок восточной сабли — тонкое, изящное и волевое. Темно-синие глаза казались гранеными кусочками весеннего льда. В них не было блеска, огня, искры. Они пугали — холодные и глубокие, как у змея. Во всем облике этого человека сквозило что-то странное, непонятное. Когда он двигался, движения выглядели настолько плавными, что просто сглаживались, сливались, будто двигался не человек, но призрак. И тени, чувствуя его близость, начинали себя странно вести. Они буквально густели вокруг него, наливались чернильным мраком, так, словно одно присутствие смуглолицего отпугивало свет.

Последнее, впрочем, не удивительно.

Его не зря звали Сумрак...

12-й день месяца Травостой, год 2043 от Конфликта Гильдий

— Ты не отдашь мне ЕГО? — голос женщины дрожал от волнения.

— Нет. — Тучегон глубоко вздохнул, пытаясь совладать с собой.

Отказ давался нелегко.

Очень трудно отказать, когда все твое естество требует откликнуться на любые просьбы и уговоры этой золотоволосой бестии, лишь бы заполучить ее в свои объятия. Она так прекрасна и так доступна. Ее ласки — цена достаточная даже для того, чтобы выпустить в мир Зверя...

Тучегон медленно закрыл и открыл глаза, усилием воли очищая сознание от непристойных образов. Его дух всегда был сильнее плоти. Не пришлось даже прибегать к магии.

— Я не могу его отдать тебе. Уговор был иной. Ты должна была влюбить Сумрака в себя, а не просто соблазнить его на пару ночей.

— Я сделала все, что могла! Я сделала даже больше, чем могла, клянусь! Моих усилий хватило бы на то, чтобы ввергнуть в войну несколько государств сразу. Но в этом человеке нет места любви!

Было странно слышать от нее что-то подобное.

Отказать ей? Устоять перед ее чарами?! Не полюбить ее?!

Немыслимо!

От женщины исходила аура чувственности и доступности. Для любого мужчины противоестественно было бы не возжелать ее. Нет, она не была обворожительно прекрасна. Ее лицо не сияло редкой, точеной красотой. Она не отличалась поразительным совершенством фигуры. Но именно из-за нее, из-за женщин, хотя бы отдаленно похожих на нее, мужчины бились на дуэлях, начинали войны, совали головы в петли, завоевывали троны и покоряли народы. В ней одной сосредоточилась квинтэссенция всех прелестниц мира, каких только можно было желать.

И лишь опытный взгляд Тучегона, Кудесника из числа сильнейших, подмечал, как внешность его собеседницы неуловимо, недоступно для глаза и понимания, менялась,

реагируя на тайные сокрытые желания мужчины, смотрящего на нее.

Именно в этом крылся подлинный секрет неотразимости: нельзя отказаться от той, кто воплощает все то, что ты хотел бы получить! Нельзя отказаться от Мечты.

Одно слово — Блудница.

Королева Искушения!

И сейчас она буквально валялась в ногах у Кудесника, умоляя сжалиться над ней.

— Верни мне Зверя, и я сделаю все, что ты пожелаешь!

— То, чего я желал, оказалось тебе не под силу. Сделка отменяется!

— Ты уверен, Тучегон? Ты не знаешь, от чего отказываешься!

— Я могу иммунизировать твои чары, Блудница, поэтому даже не старайся...

— Тогда будь ты проклят! Будьте прокляты вы все, Кудесники! — Блудница в ярости выгнула спину, точно огромная дикая кошка.

Даже сейчас она подсознательно использовала магию своего тела, ауру своей сексуальности, чтобы завлечь Тучегона в сети плотских желаний и подчинить своей воли. Но Кудесник был слишком опытен и знал, с кем имеет дело, чтобы потерять голову. К тому же, без Зверя сила этого суккуба не была полной.

— Вы пытаетесь весь мир причесать под свою гребенку! Контролировать всех и вся! Навязать свои правила прочим Гильдиям и Одиночкам! Если вы видите, что кто-то становится сильным, вы воруете у него силу, крадете артефакты и раритеты, отбираете его любимых, берете в заложники детей. Вы — подлые ублюдки, присваивающие себе право кроить мир по собственным меркам! Но вы не боги! Я искренне надеюсь, что Сумрак сумеет выбраться из своей темницы, и тогда вам придется держать перед ним ответ!

— Закончила? — подпустив в голос презрения, спросил Тучегон. — Тогда отправляйся к Мастеру Троп, он откроет тебе портал обратно в Церею. И не пытайся его соблазнить, он... не любит женщин.

Блудница сломалась.

— Боги, что я несу! Прости, прости мне эти проклятья и оскорбления! — Она вновь упала к ногам Кудесника и стала покрывать поцелуями его ступни. — Прости, великий Тучегон! Я неразумна! Я глупа! Я женщина, я всего лишь женщина! Верни мне Зверя! Верни мне ребенка, Кудесник! Верни, и клянусь всем, чем пожелаешь, я никогда не попадусь на дороге ни тебе, ни одному из твоих братьев!

Его желание окончательно пропало. Теперь у Кудесника осталась лишь жалость, смутная и нежная жалость к этой несчастной. Но и эту жалость он не мог проявить.

— Не унижайся. — Он осторожно взял ее за руку и поднял с пола. — Пойми, я просто не могу этого сделать. Вдвоем с Ним вы слишком могущественны, а это — недопустимо. Мы должны хранить Равновесие Сил.

13-й день месяца Травостой, год 2043 от Конфликта Гильдий

Тучегон мрачно оглядел присутствующих Кудесников. С момента последней встречи Совет уменьшился еще на одного человека. Книжник, так и не высказавший своего отношения к Испытанию Любовью, отказался прийти в Палаты. Отправленный за ним гонец лишь недоуменно развел руками. Что касается остальных Кудесников, то Мастер Троп и Ворон были явно настроены против него, считая возню с Сумраком пустой затеей. Это явственно читалось на лицах обоих. У уголков губ Мастера залегли язвительные складки, Ворон же казался очень подавленным и отрешенным.

«Ему все равно, какое решение будет принято» — подумал Тучегон.

Он знал причину состояния своего брата.

Дело не только в провале Блудницы, не сумевшей влюбить в себя Сумрака. Три ночи назад Ворон попытался с помощью своих агентов — Клана Чернокрылых, искуснейших разведчиков и следопытов, уничтожить Череп Ма-сакара, пробравшись прямо в лагерь Орды. Теперь расчлененными останками Чернокрылых с помощью катапульта

забрасывали защитников Заставы Биорина — последнего рубежа обороны Руанны. Далее врагам останется только переправиться через реку, и они осадят город.

— Ты нашел тело Дубороворота, Волчий Дух? — Старшему Кудеснику пришлось сделать над собой усилие, чтобы начать говорить. Да и то он не смог начать с самого главного.

— Нет, Тучегон. — Волчий Дух опустил голову.

Он тоже выглядел не лучшим образом — изможденный, исхудавший, с огромными черными пятнами под глазами. Даже в волчьей ипостаси пробежать столько миль от города и до ущелья было более чем нелегким испытанием. Пользоваться же порталами из-за близости Черепа Масакара не представлялось возможным.

— Тела всех, кто погиб в ущелье Дэннора... они оставили их лежать на поле боя. — Молодой Кудесник говорил медлсно, запинаясь, с трудом подбирая слова, но постепенно речь его обретала быстроту и связность. — Ночами на кормежку выползали эти подлые трупоеды — гули. Многие изуродованы так, что невозможно опознать. Я не мог найти нашего брата. Но они славно сражались! Я видел передовую линию, там, где наши воины приняли бой. Тела были навалены горами! Сначала я подумал, что защитники ущелья возвели земляные валы, дабы легче было встретить натиск Орды, но потом понял, что все это — трупы. Они сражались подобно витязям из легенд, повергая врагов десятками и поднимаясь на их телах, чтобы встретить лицом к лицу все новых и новых врагов. Ели бы Брэнибор видел, как сражаются обученные им мужи, он умер бы счастливейшим человеком!

— Увы, это ничего не меняет. — Ворон тяжело pokrутил головой. — Орду не остановить. Против нее бессильны мужество, сталь, чары. Застава Биорина задержит их от силы на два-три дня. Но это ничего не дает. К началу следующего месяца они уже будут под стенами Руанны. Нам надо готовиться к осаде и не тратьте времени на... лирику.

— Я нагоню тучи и вызову дожди, — задумчиво произнес Тучегон. — Река выйдет из берегов, пойму сильно

заболотит. На то, чтобы переправить многотысячную армию, у Змеиноного Лорда уйдет несколько недель. У нас еще есть время...

— Время на что? — вскинулся Ворон. — На что? Мы даже не сумели открыть достаточно мощный портал, чтобы эвакуировать население города... по крайней мере тех, кто хочет бежать.

— Время на то, чтобы продолжить Испытание Сумрака! — твердо ответил старший Кудесник.

Волчий Дух недоуменно уставился на главу Совета. Ворон лишь махнул рукой и, запахнувшись в плащ, скрылся в кресле, всем своим видом показывая, что на его поддержку в этой затее рассчитывать не приходится. Мастер Троп упорно молчал. Только Ночной Шепот подошла к Тучегону и, взяв его за руку, тихо спросила:

— Что мы можем еще придумать? Мы призвали на помощь самую искусную жрицу любви, но она потерпела крах. Сердце Мрака — это не просто лед. Лед можно растопить. И не камень — камень может треснуть от жара. Это просто пустота. Холодная и безжизненная.

— Я думал об этом. Я никогда не считал себя великим обольстителем, грандиозным любовником и знатоком женщин, и все же я взял на себя смелость искать способ оживить пустоту в Сумраке. Пусть на время, пусть в результате мы получим даже не любовь, а влюбленность — короткую вспышку... нам хватит и этого!

— И что ты придумал?

— В первый раз мы дали Сумраку само воплощение женщины. Чувственность и доступность, облаченную в прекраснейшую оболочку. Как ты сказала — искусную жрицу любви, в совершенстве владеющую всеми тонкостями своего ремесла. И это было неправильно. Сумрак поступил с ней так, как всегда поступал с людьми — использовал и отбросил. Теперь нам нужно сделать все иначе!

— Как?

— Поступить от обратного! Первым полюбит не Сумрак. Это слишком сложно. — Тучегон медленно улыбнулся. — Сначала полюбят его!

— Что ты мелешь! — Ворон раздраженно стукнул ребром ладони по резному подлокотнику. — Послушай себя, брат! Что ты говоришь?!

— Мы дадим ему невинность! Настоящую невинность. Деву — прекрасную и целомудренную, хрупкую и нежную. Способную полюбить его — и только его. Он станет у нее первым и останется единственным. Такого у Сумрака никогда еще не было.

— И не будет! Никто не способен полюбить эту самодовольную статую!

— Постой, Ворон. — Тихого вмешательства Ночного Шепота, как всегда, оказалось достаточно, чтобы разрядить накаляющуюся обстановку. — Эмоции не дают тебе понять замысла Тучегона. Сумрака никогда не любили, потому что он никогда не позволял себя любить. Он всегда брал, не спрашивая, по праву сильного. Но сейчас Сумрак — в плену. Теперь он может получить что-то только по взаимности. Мы совершили ошибку в первый раз, попытавшись заменить любовь для Сумрака ловкой имитацией. Даже таланта Блудницы не хватило, чтобы безупречно сыграть свою роль. Сумраку нужна настоящая любовь. Та, которую он впервые завоюет сам. Причем не просто любовь, но любовь искренняя, нежная, первая. Эта любовь тронет его. Она обовьет его, как виноградная лоза обвивает подпорку. И подчинит себе.

Тучегон благодарно улыбнулся. Слова Ночного Шепота были эхом его мыслей. Да, она всегда понимала его лучше, чем кто бы то ни было. Иногда даже лучше, чем он сам.

— И из чего мы сотворим такую любовь? — Мастер Троп, наконец, подал голос, и голос этот был полон сарказма. — Где мы возьмем девушку — воплощенную невинность — чтобы бросить ее на растер... соблазнение Сумраку? Как мы заставим ее полюбить его?

— Последнее — не проблема. Сумраку несложно будет соблазнить неопытную девушку. — Губы Ночного Шепота изобразили улыбку умудренной годами женщины. — Он привлекателен той дьявольской, порочной красотой, что всегда отличала ловеласов и сердцеедов. А мрачное про-

шлое окутает его ореолом прекрасной таинственности. Проблема только в том, чтобы найти именно то непорочное, прекрасное и нежное дитя. Девушку, перед которой преклонит копыта единорог... Просто девица нам не нужна. Сумрак растлит ее и даже не вспомнит через день имени. Тут и говорить нечего о том, что она не западет ему в душу...

— У него есть душа? — фыркнул Ворон. — Ха!

— ... и мне кажется, Тучегон знает, где искать такой редкий образчик, — не слушая, закончила свою речь Ночной Шепот.

— Да, знаю, — медленно проговорил Тучегон. — Мне посчастливилось в этой жизни встретить такое дитя. Мне очень горько приносить ее в жертву нашему замыслу, но иного пути нет. И хуже всего то, что мне придется сказать сейчас.

Он какое-то время помолчал, собираясь с духом.

— Волчий Дух, прости меня... я знаю, ты уже давно обратил взгляд на Глену, внучку Брэнибора, но... тебе придется отступить. Во имя всей Руанны.

Глаза молодого Кудесника остекленели. На секунду в зале Совета повисла мертвая тишина, а потом раздался громкий треск. Волчий Дух непонимающим взглядом посмотрел на обломки резных подлокотников в своих руках, а затем вдруг швырнул их в лицо Тучегону и стремительно вышел вон. Его шаги, обычно беззвучные и скользящие, бичевали пустоту Палат, точно удары кнута.

— Я полагаю, Совет окончен, — удивительно ровным голосом произнес старший Кудесник и отер кровь с губ.

23-й день месяца Травостой, год 2043 от Конфликта Гильдий

Волчий Дух пинком распахнул дверь башни, выскочил на террасу и почти сразу увидел высокую, закутанную в плащ фигуру Сумрака, замершую возле парапета.

Лицо молодого Кудесника исказила гримаса ярости. Сжав кулаки, он двинулся к изгою, нарочито замедляя шаги, позволяя ярости разгореться в груди нестерпимо жарко,

так, чтобы кровь закипела в венах. Пальцы сводило от нестерпимого зуда, волчьи когти так и просились наружу, во рту стоял ощутимый привкус крови, и челюсти ломило в предвкушении трансформации, но Кудесник усилием воли сдерживал себя. То, что произойдет сейчас, должно сделать в человеческом облике.

Сумрак слышал его шаги за спиной, но поворачиваться не торопился. Придерживая руками трепещущие полы плаща, он стоял и смотрел вдаль, за город, туда, где пенились воды реки, разбухшей от непрерывных дождей, идущих уже вторую неделю. Не иначе, как Тучегон постарался. Впрочем, это едва ли задержит Орду Змеинового Лорда надолго. Скоро Череп Масакара окажется под стенами Руанны, и тогда... Сумрак усмехнулся и, подняв руку, стер с лица капли дождя. Ждать осталось недолго. Две недели — это не семьдесят лет.

— Обернись! — прорычал Волчий Дух.

Несмотря на отчаянные усилия обуздать звериную сущность, клыки упорно ползли из десен, и глотка огрубела, превратившись в луженый горн, каким сложно издавать членораздельные звуки, но зато так здорово получается слать ночному небу отчаянную волчью песнь.

Сумрак послушно обернулся и картинно поднял бровь.

— Чем обязан? На этот раз они решили послать... юношу?

— Ублюдок... — Волчий Дух хотел сказать что-то еще, но задохнулся от ярости.

Ему пришлось сделать над собой чудовищное усилие, чтобы справиться и остановить трансформацию.

— Сволочь... ты... т-ты... из-за тебя... Она бросилась на нож! Ты слышишь?! Ты убил ее, бездушный ублюдок! Ты просто убил ее!

— Вот как? А на что вы рассчитывали, подсовывая мне невинную девицу? Что я буду рассказывать ей мрачные истории из своего прошлого и счастливо млеть от того, какое впечатление это производит на романтическую глупышку? Идиоты... Боже, кто вообще придумал этот идиотский замысел — навязать мне любовь? Ночной Шепот? Эта романтическая старушка, тихо сохнущая по заумному Тучегону?

Волчий Дух пошатнулся. Он уже почти не владел собой, превращение начинало выворачивать ключицы. Его жутко тянуло встать на четыре конечности и прыгнуть — сверху вниз к горлу ухмыляющегося убийцы. Он уже чувствовал мягкую плоть, легко распарываемую острыми, как бритва клыками, солонь и тепло чужой крови на губах.

Но нет! Он должен сделать это человеком! В отличие от Сумрака, он не животное, хоть и способен носить звериную шкуру!

— Ты не слышишь меня... Глена умерла. Это ясное, чистое дитя ушло из жизни. И виной всему — ты. Ты убил ее. Попользовался и отшвырнул! Оборвал ей крылья, точно бабочке... Ты как глыба льда! Холод, исходящий от тебя губит все живое...

— Может быть. Но это вы пытаетесь играть в богов. Вы пытаетесь создать любовь!

— Я любил ее... и пожертвовал ей. Но жертва того не стоила!

Кулак Волчьего Духа с молниеносной быстротой метнулся вперед. Сумрак был способен двигаться много быстрее любого смертного, однако соперничать с волчьим проворством молодого Кудесника не сумел. Кулак врезался в смуглое лицо, рассадив скулу до кости. Слегка отросшие когти вонзились в ладонь Волчьего Духа так сильно, что брызнула кровь, и он радостно ощерился, с восторгом принимая эту боль, хоть частично заглушающую боль душевную.

Взмахнув руками, чтобы удержать равновесие, Сумрак вдруг сделал шаг вперед, присел, и Волчий Дух покатился по камням, сбитый ловкой подсечкой. В ту же секунду раскаленная спица пронзила Сумрака от основания черепа до самых пяток. Спазматический хрип вырвался из горла, пена заклокотала на губах, а мышцы, скрученные судорогой в каменные клубки, нелепо вывернули конечности, точно у куклы отброшенной шаловливым ребенком.

На секунду он позволил забыть себе, что является пленником...

С непостижимой ловкостью Волчий Дух оттолкнулся от земли и, не вставая с четверенек, закружил вокруг тря-

сущегося в пароксизмах боли Сумрака, примериваясь, как ловчее сбить его с ног, чтобы сразу добраться до горла.

— Давай, парень... — прохрипел Сумрак. — Освободи меня!

Волчий Дух прыгнул, оттолкнувшись всеми четырьмя конечностями. Как животное.

24-й день месяца Травостой, год 2043 от Конфликта Гильдий

Теперь их было только четверо. Тучегон, Ночной Шепот, Ворон и Мастер Трав.

— Что теперь? Была Блудница, была Дева... теперь мы отправим ему целый гарем? — В голосе Ворона клокотала желчь. — Или пора уже пробовать с мальчиками? Какие еще гениальные идеи посетят твою голову, Тучегон? Чем ты занимался, когда надо было готовиться к обороне Руанны?! И что теперь? Как Дубоворот, возьмешь меч и пойдешь на стены, чтобы сражаться с Ордой?.. Мы упустили время... упустили!

Тучегон подавленно молчал. Да и что он мог возразить?

С начала Испытания Любовью Совет сократился почти вдвое. Не было Книжника, запершегося в величайшей библиотеке мира — Анналах Руанны — в поисках никому не ведомых мудростей. При обороне ущелья Дэннора погиб добродушный и огромный, как утес, Дубоворот. Волчий Дух на следующий день после неудачной попытки перегрызть Сумраку горло покинул город. Обезумевший от горя Кудесник возглавил отряд всадников, вознамерившихся сделать все возможное, чтобы не дать Орде переправиться через реку. Их было около трех сотен — молодых безусых парней, многие из которых впервые опоясались мечами. И вся Руанна знала, что обратно не вернется никто...

— Сегодня утром к нам прибыл эmissар Гильдии Чародеев. Они готовы открыть порталы в свой город любому из нас, а также всем домочадцам и послушникам, которых мы захотим взять с собой, — ни к кому не обращаясь, в воздух произнес Мастер Трав.

— И что ты ответил? — также в воздух спросила Ночной Шепот.

— Понятно, что... поблагодарил, — пожал плечами толстый Кудесник.

— И все?

— И все.

— Сколько у нас осталось времени?

— Если миссия Волчьего Духа увенчается успехом, и их не перебьют в первой же стычке — две недели. — Ворон поскреб бороду, прокашлялся и продолжил. — Это максимум. Потом начнется осада. Не думаю, что мы долго продержимся: стены Руанны слишком слабы. Город слишком быстро рос в последнее время... Но, конечно, оставшиеся две недели мы можем с толком использовать для того, чтобы еще пару раз удовлетворить похоть Сумрака! У Тучегона наверняка появились новые идеи.

Тучегон молчал.

— А еще днем сегодня прислали посла Ворожей, — снова в никуда уронил Мастер Трав. — Они могут прислать лучших лекарей для того, чтобы предотвратить чуму, если Орда начнет забрасывать нас трупами зараженных животных. Но как только воины Змеинного Лорда ворвутся в город, Ворожей откроют портал и заберут своих людей.

— И что ты ответил?

— Поблагодарил... сказал, что «милости просим».

— Почему ты молчишь, Тучегон?! — не выдержал Ворон. — Скажи хоть что-нибудь! Ты же глава Совета! Ты же главный в этом городе! Говори!

— Мне нечего сказать, брат. Я дважды ошибся. Я всего лишь человек...

— Это все? Это все, что ты можешь сказать?!

— Еще были... — завел свою песню Мастер, но Ворон ошпарил его таким взглядом, что Кудесник счел за лучшее заткнуться.

Даже Ночной Шепот молчала, не смея вступить за Тучегона. Ей тоже было нечего сказать.

— Уйми свой гнев, брат! — голос Книжника прозвучал так неожиданно, что все четверо членов Совета вздрогнули.

Длинный и тщедушный Кудесник, победно шаркая ногами, шел от дверей Залы к своему креслу. В руках он держал несколько свернутых в трубку рукописей, под мышкой торчала толстая книга в кожаном переплете с бронзовыми накладками. За многие годы, проведенные в Анналах Руанны, бронза успела покрыться зеленоватым налетом.

— Тучегон был прав изначально. Любовь — единственный мотив, который мы можем дать Сумраку, дабы заставить его выступить на нашей стороне. Но мы неправильно начали. Нельзя создавать любовь искусственно... это просто противоестественно. Мы ошиблись в самом начале, когда только собрались устроить Сумраку Испытание на способность любить. Ошиблись, потому что он УЖЕ прошел это испытание!

— Что? — Ворон удивленно поднял брови, а Мастер Троп даже прыгнул со своего кресла.

— О чем ты говоришь?

— Пока вы пытались насильно заставить Сумрака любить, я изучал его историю. Если уж мы играли в демидургов любви, нужен был научный подход. Кто близок Сумраку? Кому, каким женщинам он оказывал предпочтение? Что он ценил в них?.. Мне повезло гораздо больше. Я нашел Настоящую Любовь Сумрака!

— Его отражение в зеркале? — едко спросил Мастер Троп.

— Его любовь зовут Илюна.

Книжник бухнул огромный том прямо на пол, рукописи последовали следом, с шорохом раскатываясь в разные стороны.

— Проблема в том, что она мертва уже более трехсот лет. Ее убили, и убили за тем, чтобы причинить ему боль. Именно тогда случилась та самая жуткая трагедия: Сумрак уничтожил город Сильвану, после чего был проклят и объявлен вне закона всеми Гильдиями. Никто не мог объяснить вспышку столь невиданной жестокости, но теперь я все понимаю. Сумрак не только отомстил убийцам, которых не смог найти, не только устроил грандиозное погреб-

бение любимой, но и расправился со всеми свидетелями своей любви — своей единственной слабости...

— Этот... он мог кого-то любить? — Ворон покачал головой. — Я не могу в это поверить. Прости, Книжник, просто не могу.

— Мог. Сумрак мнит себя полубогом, но он всего лишь человек. И даже более того, слишком человек. Он просто *однолюб!*

— И что... что ты предлагаешь?

— Вернуть ему любовь!

*С 25-го дня месяца Травостой по 9-й день месяца Дождей,
год 2043 от Конфликта Гильдий*

— Четыре гробницы оказались пусты. Это просто ложные следы, уводящие грабителей могил в сторону. Механические ловушки, магические... Сумрак знал, что делал, когда хоронил свою любимую. Мы перебросили Искателей к пятому предполагаемому захоронению — в Курганах Эллира. Они должны найти ее!

— Следует поторопиться, брат... времени осталось очень мало!

— Три партии Искателей погибло, пытаюсь проникнуть в Курган Эллира. Мы на верном пути, Тучегон!

— Ты отправил дары Клану? Дары и наши соболезнования?

— Они не желают принимать даров. Более того, оскорбляются. Дело чести Искателя рисковать жизнью в поиске!

— Тогда засвидетельствуй им наше почтение. Богато засвидетельствуй!

— Это все очень глупо. Ты собираешься шантажировать Сумрака урной с прахом? Ты смешон, брат!

— Я думаю, тебе стоит просто не мешать нам, Ворон. Тем более, что кто-то должен руководить подготовкой к

осаде Руанны... на тот случай если мы действительно будем смешны.

— Сегодня привезли Волчьего Духа... Тучегон?

— Да.

— Ты ведь знал, что он не вернется живым...

— Знал.

— Эта девочка и он... ведь это мы убили их. Ты и я.

— Твоей вины здесь нет, Шепот. Жертвы приносил я.

— Жертвы? Ты говоришь — жертвы? И ты сможешь с этим жить?

— Сейчас — да. Потом — не знаю.

— Они нашли ее! Нашли! Тучегон, мы смогли! У нас получилось!

— Да-да, я знаю, мне уже сказали. Но времени почти не осталось... Орда заканчивает переправу. Надо торопиться!

— Что они хотят взамен?

— Щит Тьмы.

— Это невозможно! Отдав им Щит Тьмы, мы потеряем возможность контролировать Гильдию Некромантов. Более того, войска нежити станут неуязвимы для солнечного света. Какая армия устоит против полчищ мертвецов? Уж лучше Орда. Они, по крайней мере, живые. Я против!

— Мы установим жесткий контроль за пограничными территориями. Усилим наблюдение за городом Умертвий. Удесатерим награды за головы контрабандистов, поставляющих мертвые тела Гильдии. У них просто не будет сырья, чтобы создать настоящую армию. Игра стоит свеч!

— Это она?

— Она.

— Она что-нибудь помнит?

— Память будет возвращаться к ней. Не сразу, но она все вспомнит.

— Никогда не думал, что она... такая...

— Чего ты ждешь, Тучегон! Орда скоро будет под стенами Руанны! Почему ты не ведешь ее к Сумраку?!

— Поверь мне, я знаю, что делаю.

— А если теперь, по прошествии трех веков, она ему безразлична? Если ему проще будет любить образ, а не живую женщину? Что тогда? Ты думал об этом?

— Думал. Тогда пойдем к Ворону. Думаю, у него найдется пара кольчуг и лишние мечи.

— Они на марше! На расстоянии двух дней перехода, чего ты ждешь, брат?!

— Терпение, Мастер Трав. Терпение! Иметь на руках любимую женщину Сумрака — не значит управлять им. Им никто и не сможет управлять. Мы просто должны дать ему мотив.

— Тучегон, когда ты последний раз спал?

— Что? О чем ты?

— Ты не спишь уже четвертые сутки. Так нельзя.

— Скоро все закончится. Все закончится, поверь мне...

— Что тебя гложет?

— О чем ты, Шепот?

— Ты знаешь, о чем я. Что ты задумал? Чего мы не знаем? Как ты намерен поступить с Илюной?

— Я отдам ее Сумраку. Но не просто так. Я дам ему мотив, вполне достаточный для того, чтобы сражаться с Ордой.

10-й день месяца Дождей, год 2043 от Конфликта Гильдий

Она была великолепной альбиносской. Ее волосы были похожими на белый шелк, кожа на белый атлас; ее ногти, ее губы, ее глаза были коралловыми. При этом она не была изумительно красивой. Ледяная статуя просто не может быть по-настоящему красивой, а она казалась именно статуей, безукоризненным, искусно выточенным из глыбы льда произведением искусства. Разве можно такую любить? Все равно, что любить картину или скульптуру!

И тем не менее, такова была любовь Сумрака.

Сумрак не сразу увидел ее и Тучегона, поглощенный созерцанием армии, медленно надвигающейся на Руанну. Весь горизонт затопила жирная черная полоса, постепенно увеличивающаяся в размерах. Их были великие тысячи, этих варваров, ведомых Змеиным Лордом. И где-то там, среди этих бесчисленных тысяч, затянутых в металл и кожу, затерялся крохотный череп. Всего лишь сухая, выбеленная временем кость, наделенная, однако грандиозной силой, неуклонно разрушающей чары Кудесников.

Скоро он будет свободен! Свободен!

И он не уйдет сразу, нет! Он останется, чтобы увидеть, как Орда Змеиного Лорда разнесет этот проклятый город по кирпичику, сравниет его с землей. За семьдесят лет ненависть к великолепной Руанне выкристаллизовалась в душе Сумрака в нечто, едва ли не физически осязаемое...

— Сумрак. — Негромкий окрик заставил его оторваться от кровожадного предвкушения.

— У тебя новая тантрическая заморочка, Тучегон?

Сумрак обернулся, и насмешка застряла у него в горле. Потрясенный, он даже отступил на шаг, запнулся за парапет и обязательно упал бы с террасы, если бы неведомые силы, все еще оберегающие пленника, не подтолкнули услужливо в спину.

... Прошло триста лет, но он узнал. Он не мог не узнать...

— Ты заигрался, Тучегон, — тихо прошептал Сумрак. — Ты даже не знаешь, насколько ты заигрался!

Боль и жуткая ненависть переполнили все его существо.

Сумрак яростно закричал, до костного хруста стискивая кулаки, и тени вдруг метнулись к нему со всех углов и закоулков, обняли плечи длиннополым темным плащом, ожили, закутились вокруг бешеными смерчами.

Он возвращал себе силы!

Колдовские пути немедленно начали действовать, Сумрак почувствовал, как они сжимаются вокруг него, силясь раздавить ребра, скрючить хребет, поставить на колени... но Череп Масакара был уже слишком близко, и власти Кудесников приходил конец.

— Ты подсовывал мне величайшую шлюху мира. Ладно. Ты дал мне невинную деву, не перенесшую предательства, и записал ее жизнь на мой счет. Ладно. Теперь ты пришел с иллюзией той, кого я!.. НЕ ЛАДНО. За это я накажу тебя, Кудесник! Поверь, я думал отложить это до более позднего времени, чтобы сполна насладится расплатой, но теперь я не могу терпеть. Я накажу тебя здесь и сейчас!

Сумрак снова крикнул, и невидимые пути лопнули, не в силах противиться мощи Повелителя Теней. Он взметнул кулаки вверх, и тени скользнув по вытянутым рукам, устремились ввысь, распускаясь в небе громадным черным цветком, извиваясь в воздухе, душа тяжелые, набрякшие от дождей тучи, разгоняя их в стороны.

— Давай, Тучегон! Давай свои молнии! Поиграем!

— Она живая, Сумрак.

Тучегон подтолкнул Илюну к вырвавшемуся на свободу пленнику и развел руки в стороны, демонстрируя, что не намерен сражаться.

— Су-мрак, — неуверенно произнесла женщина, пытаясь разглядеть окутанного тенями любимого сквозь паутину белоснежных волос, упорно забрасываемых на лицо ветром.

Тени прынули вперед, нежно охватили белоснежную статую, приподняли над террасой и поднесли к Сумраку. Медленно, очень медленно, боясь поверить и еще больше боясь, что все окажется неправдой, он протянул руку и дотронулся до ее щеки, почувствовал тепло, пульсацию венки под атласной кожей. Его затрясло.

— Ты... Илюна... я не мог... не мог сам!.. поверь мне, я не был в силах!.. я не мог воскресить тебя... мне не дано... я могу только разрушать... я не мог...

Он говорил, лепетал, шептал глупости и не мог остановиться. Сейчас, через триста лет надо было сказать что-то важное, что-то очень-очень важное, что-то...

— Я любил тебя! Я всегда любил только тебя! Триста лет я думал о тебе, и никто, никто мне не был нужен. Я был один до тебя и остался один после. Если тебя нет рядом со мной — нет места никому иному!

— Я тоже... я не понимаю, что происходит, но знаю, что мы были в разлуке долго... больше, чем могут позволить себе смертные...

— Мы вернули ее тебе. Настала очередь в ответной любезности! Останови Орду!

Голос Тучегона ворвался в их лепет, заставив сделать страшное — оторваться друг от друга. Лицо Сумрака исказила ярость, а затем вдруг черты его разгладились. Он рассмеялся, прижимая к себе ничего не понимающую Илюну.

— О чем ты говоришь, старик?! Я прощаю вам семьдесят лет плена! По правде говоря, я вообще не умею благодарить, так что даже это — много. Череп уже совсем близко, и тебе лучше идти на стены. Ты еще крепок и сможешь сбросить с них пару-другую врагов!

Тучегон улыбнулся.

— Ты не понимаешь, Сумрак. Боюсь, когда придет понимание — будет поздно.

— Ты угрожаешь мне?

Сумрак упивался своими обретениями — свободой, вернувшимися силами, любимой женщиной. Он то начинал ее целовать — быстро, жадно, яростно; то отрывался, чтобы взвихрить вокруг себя языки теней, оживить и заставить плясать тьму, стремительно набегающую на небо, точно тучи саранчи на пшеничное поле.

— Мы, Кудесники, забирали лишь часть, чтобы поддержать Равновесие. Змеиный Лорд забирает все. Теперь тебе тоже есть, что терять. Сразись с ним! Даже если ты сейчас сбежишь и найдешь место, где укрыться от него, он найдет тебя. И к этому времени его сила будет неограниченной. Даже ты не сможешь ей противостоять. Сразись с ним сейчас!

Сумрак не слушал.

Ожившие тени вились вокруг Тучегона, хлестали его, подобно гигантским мокрым полотнищам. Кудесник едва держался на ногах. Все тело его покрылось синяками, но он не замечал этого, молил всех известных ему богов только об одном — чтобы Сумрак не попытался покинуть Руанну сейчас. Надо было подождать здесь — именно здесь — совсем немного, совсем чуть-чуть.

— Ваши силы тают, как мед на солнце, — ликовал Сумрак. — Я мог бы опрокинуть сейчас всех Кудесников Руанны, даже напади вы одновременно. Посмотри на этот мир, Илюна! Я завяжу его в узел и швырну к твоим ногам!

Сумрак кружил с ней в танце, похожий на демона, вырвавшегося из адских глубин, и тени кружили вместе с ним, напоминая не то полы огромного плаща, не то скорбные черные крылья.

Время шло.

Наконец, Тучегон устало опустил плечи. Пришло время объявить момент истины.

— Угроза исходит не от нас, Сумрак. Ты просто кое-что забыл...

— О, нет, — потрясенно прошептал Повелитель Теней. — Нет... только не это! Нет...

Он действительно кое-что забыл.

И понимание, как и предупреждал Кудесник, пришло слишком поздно. Губительно поздно.

Змеиный Лорд и правда отбирал все...

Сумрак вдруг стал бледнее Илюны.

— Нет!

— Что происходит, любимый? Я... что происходит?.. Что... что со мной?! Помоги мне! Помоги же мне! Спаси меня! Спаси...

— НЕЕЕТ!!!

Прекрасная ледяная статуя, она таяла в его руках, и ветер — безжалостный, холодный, танцующий с тенями ветер — уносил ее частицы прочь.

Частицы праха.

Всего каких-то нескольких мгновений хватило, чтобы ее вновь не стало. В своих объятиях Сумрак сжимал лишь истлевший остов.

Череп Масакара оказался слишком близко. Он разрушил чары, вернувшие единственную любовь Сумрака к жизни спустя три сотни лет.

Не пожелав остановить Орду, вопреки призывам Тучегона, Сумрак сам обрек свою любовь на небытие, и он не мог не понять этого. Простая и ужасающая истина оглу-

шающим пульсом колотилась в висках: Илюна умерла во второй раз, и снова из-за него... как и триста лет до этого.

Баюкая в руках рассыпающийся от времени скелет, Сумрак опустил на колени, потрясенный, сломленный, похожий на невероятно древнего старца, принявшего близость смерти, как должное.

А ветер продолжал бесноваться, сдирать с остова Илюны остатки истлевшей плоти и жонглировать ими, перекидываясь с трепещущими в воздухе тенями.

Тот же день, позже

Так продолжалось долго. Очень долго.

Уже весь горизонт успела занять огромная черная полоса: Орда накатывалась на Руанну. На крепостных стенах города начали разводиться костры, чтобы растопить смолу и олово. Звучали глухие голоса боевых рогов, призывающие к оружию. Тут и там блестели серебром наконечники копий, конические верхушки шлемов, стальные окружья наплечников. Люди внизу бегали и суетились, и город походил на муравейник, в который упала головня.

Потом Сумрак встал. Его помертвевший взгляд нашел Тучегона и ударил, словно заржавленной пикой. В нем уже не было ненависти, страдания, горя. На Кудесника смотрели стеклянные, словно две темно-синие бусины, глаза.

За ними не оставалось ни души, ни жизни.

— Ты все знал, Кудесник.

— Я предупреждал тебя. Я говорил, что тебе теперь есть, что терять.

— Ты знал, что она умрет.

— А ты мог спасти ее.

— Мог. Ты играешь жизнями людей, также как я... Ты тоже считаешь себя богом?

— Нет. Потому что, в отличие от тебя, я не собираюсь жить с этим. Ты ведь вернешься... потом?

— Да, я вернусь за тобой. Сначала я уничтожу тех, кто виновен в смерти Илюны, а затем — того, кто принес ее в

жертву. Может быть этого будет достаточно. Или нет? Посмотрим... Если недостаточно, я уничтожу и этот город, потому что ей снова нужен могильник. Не уверен, что ты добился своего, Кудесник. До встречи?

— Я буду ждать тебя здесь.

Тени распахнулись за спиной Сумрака двумя огромными черными крыльями. Он шагнул с парапета в пустоту, и они, уверенно подхватив его, понесли на восток, туда, где ширилась, затопляя горизонт, черная река, управляемая Змеиным Лордом.

Глядя вслед улетающему Сумраку, похожему на ангела тьмы, Тучегон подумал, что очень скоро там воцарится настоящий ад. Он ничуть не удивился, когда за спиной раздался хриплый, похожий на воронье карканье кашель.

— Брат?

— Да, Ворон.

— Я хотел бы составить тебе компанию. Нехорошо ждать *такого* в одиночестве. Ты не против?

— Это твоя жизнь.

— Угу. А сколько той жизни осталось? Прежде, чем начнется свистопляска, скажи мне только одно... зачем требовалось все это представление? Почему именно так?

— Я должен был дать ему мотив для того, чтобы сражаться за нас. Мотив, может быть, даже более весомый, чем любовь.

— И какой же?

— Самый простой, брат. Мечь. Даже боги — мстительны. Мы же — всего лишь люди.

СОДЕРЖАНИЕ

Игры в классиков. <i>Предисловие</i>	5
Леонид Каганов. Любовь Джонни Кима	8
Дж. Локхард. Муравейник	23
Алла Филиппова. Недотыкомка	69
Максим Дубровин. Пятьдесят на пятьдесят	78
Иван Тропов. Псы любви	89
Юрий Нестеров. Сталинградское Рождество	105
Аделаида Фортель. Зулумбийское величество	117
Кирилл Бенедиктов. Объявление	140
Наталья Ипатова. Бледный свет сквозь толщу вод	181
Николай Калининченко, Дмитрий Хомак. Воры в банке ...	196
Макс Олин. Грифон из золота и снега	215
Сергей Лукьяненко. Мы не рабы	228
Олег Козырев. Холм	243
Алексей Пехов. Шепот моря	254
Владлен Подымов. Темная чаша небес	271
Сергей Чекмаев. Нетерпеливые	301
Юрий Бурносов. Roses	320
Дмитрий Браславский. Чародейка на выданье	331
Виталий Романов. Черная вода	339
Виталий Обедин. Мотив	351

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- ТК «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25
- ТК «Твой Дом», 23-й км Каширского шоссе
- ТК «Метромаркет», м. «Сокол», 3 этаж
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38а, тел. (0732) 13-02-44
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (8-86-32) 35-99-00
- г. Новороссийск, сквер Чайковского
- г. Орел, Московское ш., д. 17, тел. (08622) 4-48-67
- г. Тула, пр-т. Ленина, д. 18

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

ПСЫ ЛЮБВИ

Сборник

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: С.В. Шумилин
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор Е.А. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28

Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ЗАО НПП «Ермак»
115201, г. Москва, 2-й Котляковский проезд, д. 1, стр. 32

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32
от 27.08.02. РБ, 220013, Минск, ул. Кульман,
д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Открытое акционерное общество
«Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.

ISBN 5-17-006924-3

Новые имена.

Вечная тема.

20 фантастических рассказов о любви: любви-испытании, любви-экзамене, любви-постижении. Это стоит прочесть.

Сергей Лукьяненко

Конкурсы фантастических рассказов в отечественном Интернете проводятся каждый год, причем «звезды» жанра и новички, участвующие в них анонимно, пишут произведения на заданную тему под псевдонимами и впоследствии сами оценивают работы своих соперников.

«Псы любви» — книга, в которую вошли лучшие рассказы осеннего конкурса 2002 года.

Автор темы — Ник Перумов.

Звезды и талантливая молодежь — будущее нашей фантастики!

ТЕМА
ПСЫ ЛЮБВИ

НИК
ПЕРУМОВ

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й